

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В 2017 ГОДУ**

Минск
Академия МВД
2017

УДК 343
ББК 6/8
С23

Сборник статей победителей конкурса научных работ, выполненных обучающимися Академии МВД Республики Беларусь в 2017 году / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2017. – 311, [1] с.

ISBN 978-985-576-083-3.

Включает статьи лауреатов конкурса научных работ обучающихся Академии МВД Республики Беларусь и авторов работ первой, второй и третьей категории.

Предназначен для курсантов, слушателей, студентов и магистрантов учреждений образования Министерства внутренних дел и Министерства образования Республики Беларусь.

**УДК 343
ББК 6/8**

ISBN 978-985-576-083-3 © УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2017

Я.Т. Бильдис, выпускник уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук

Н.В. Кийко

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ УСЛОВИЙ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В 1823 г. в системе мест лишения свободы Российской империи появляются военно-арестантские роты, служившие местом заключения для военнослужащих, совершивших преступления. Затем вследствие обострения классовой борьбы, роста крестьянских волнений, подъема общественно-политического движения среди интеллигенции военно-арестантские роты были превращены в места лишения свободы, предназначенные для гражданского населения. Более того, они стали занимать основное место в системе общеуголовных тюрем. Неслучайно в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. среди видов наказания, предусматривавших лишение свободы, на первое место поставлено заключение в арестантские роты [1, с. 15].

К 1880 г. в отдельных пенитенциарных учреждениях переполнение заключенными достигало пятикратного уровня. В европейской части России и Сибири функционировало до 1917 г. 13 каторжных тюрем. Из каторжных тюрем печальной славой пользовались Шлиссельбургская, Александровская, Владимирская, Орловская [1, с. 159].

Порядок организации питания арестованных и размер денежных средств на это определялись уездными земскими собраниями или комитетом Общества попечительного о тюрьмах. Арестованные имели право питаться из общего котла или получать деньги на питание из кормовых. Следует отметить, что расходы на содержание арестных домов правительство переложило на счет земских средств.

Наряду с переполнением тюрем существовали и проблемы состояния их зданий и помещений, условий содержания заключенных. В информационных справках и отчетах губернских комитетов Общества попечительного о тюрьмах по результатам инспектирования они являлись злободневными, требующими незамедлительного решения. Грязь, духота, отсутствие медицинского осмотра приводили к распространению болезней среди вновь прибывших арестантов. Вместе с тем Департамент медицинский МВД в циркуляре от 21 июля 1821 г. предписывал предпринять меры к предохранению казны от излишних издержек при

требовании медикаментов для лечения больных арестантов. Указывалось и на злоупотребление самими врачами и слабый контроль со стороны врачебных управ. Так, с 1890 по 1899 г. в тюремных больницах содержалось 7 500 человек, из которых умерли 143.

Следует остановиться и на такой важной стороне тюремной жизни, как медицинское обеспечение осужденных. В ряде документов того времени говорится, что арестанты часто болели, а настоящей медицинской помощи им не оказывалось. Например, с 1848 по 1859 г. в тюрьмах губернии умерли 242 человека, или каждый 77-й, содержащийся в них.

С момента помещения в камеру для арестанта начиналась тюремная жизнь: он обязан был подчиняться правилам внутреннего распорядка и соблюдать режим; в праздничные и воскресные дни допускалось свидание заключенных с близкими родственниками и иными лицами; посетители не имели права что-либо им передавать; посещать находящихся в больнице родственникам и знакомым разрешалось один раз в неделю. К умершим родственники допускались на отпевание и погребение. Однако данные правила распространялись не на всех заключенных.

Заключенным разрешалось носить собственную одежду, белье и обувь, а также иметь собственные постельные принадлежности. Не имевшие одежды, белья, обуви и постельных принадлежностей обеспечивались таковыми казенного образца.

Арестантам один раз в неделю разрешались свидания с родственниками, а в случае необходимости и с другими лицами, но только в присутствии чинов тюремной администрации или надзора. Свидания предоставлялись в конторе тюрьмы или же комнате для свиданий, но не через решетку. Время и продолжительность свидания определялись начальником места заключения, в исключительных случаях он имел право предоставлять свидание и более одного раза в неделю, лишь с его разрешения они могли вести переписку [3, с. 83].

Заключенным разрешались ежедневные прогулки, но только под наблюдением тюремных надзирателей и на время, определяемое начальником места заключения, в специально отведенном для этого месте в тюремном дворе отдельно от прочих арестантов. Во время прогулок запрещались всякие игры. Они обязаны были соблюдать тишину, им запрещалось петь и играть на музыкальных инструментах. С разрешения начальника места заключения они могли играть в шашки и шахматы при условии отсутствия денежного интереса [3, с. 83].

Некоторые меры по реформированию тюремной системы Российской империи предпринимались в 1817–1819 гг. Александром I. Их результатом стало учреждение в 1819 г. по образу и подобию Лондонского библейского общества Российского общества попечительного о тюрьмах.

Перед обществом была поставлена задача нравственного исправления преступников. Достижение этой цели обеспечивалось закрепленными в его уставе средствами: ближайшим и постоянным надзором над заключенными, размещением их по роду преступлений, наставлением их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, занятием их приличными упражнениями, заключением провинившихся или буйствующих в уединенное место.

Первыми шагами общества были разработка правил для арестантов, наем священников для духовно-нравственных бесед, раздача книг духовного содержания, обеспечение работами, устройство лазарета и школы грамотности, оплата из средств общества еженедельных банных услуг, снабжение заключенных бельем, одеждой, обувью и др. [3, с. 43].

Члены комитетов Общества попечительного о тюрьмах посещали места заключения, знакомились с условиями содержания арестантов, привлекали к работе с ними церковнослужителей, создавали библиотеки религиозного содержания, обустроивали в тюрьмах церкви и больницы, изыскивали средства на ремонт тюремных зданий и закупку одежды и продуктов питания для арестантов.

Действия тюремных священников вызвали необходимость их правовой регламентации. 26 мая 1831 г. по представлению министра внутренних дел Комитет министров утвердил общую для всех тюрем Инструкцию смотрителю губернского тюремного замка, которая на долгое время определила правила тюремного распорядка. Глава 10 этой инструкции подробно регламентировала правовое положение церкви, порядок совершения церковных служб, треб и таинств, взаимодействие тюремной администрации и священнослужителей. Принятый Закон от 15 июня 1887 г. «Об изменении штатов тюремного управления» отнес состоящих при местах заключения священников, дьяконов, псаломщиков к аппарату управления местами лишения свободы. По должностному окладу священник приравнивался к смотрителю (начальнику) тюрьмы [3, с. 46].

Следует отметить, что хотя появление на просторах Российской империи Общества попечительного о тюрьмах и положило начало новой эпохе в деле организации исполнения уголовного наказания, однако этих организационных преобразований было явно недостаточно. И в будущем еще предстояло проделать достаточно серьезную работу в этом направлении.

1. Гернет, Н.М. История русской тюрьмы : док.-публицист. очерк / Н.М. Гернет. – М. : Междунар. отношения, 1961. – Т. 2. – 315 с.

2. Полиция и тюремные учреждения дореволюционной России : пособие для слушателей Высш. шк. МООП РСФСР / Р.С. Мулукаев ; Высш. шк. МООП РСФСР. – М. : Науч.-исслед. и ред.-издат. отдел, 1964. – 25 с.

3. Шарков, А.В. Уголовно-исполнительная система Республики Беларусь: история и современность : [монография] / А.В. Шарков ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2010. – 323 с.

УДК 343.985

П.А. Божко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,

доцент *А.Н. Толочко*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАБОТЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Оперативно-розыскная деятельность (ОРД) – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности от преступных посягательств, обеспечения безопасности общества и государства [1, с. 4].

Под принципами ОРД понимаются руководящие идеи, основополагающие начала выработанные оперативно-розыскной практикой, которые закреплены в нормах законодательства и иных актах, регулирующих общественные отношения в области ОРД. Эти идеи отражают политические, экономические и социальные закономерности развития современного общества, а равно нравственные и правовые представления граждан относительно сущности, цели, задач и процедур осуществления ОРД [2, с. 15].

По своей сути принципы ОРД носят императивный, властно-повелительный характер и содержат обязательные предписания, исполнение которых обеспечивается всеми оперативно-розыскными средствами.

Подразделения по борьбе с экономическими преступлениями (подразделения БЭП) в виду своей специфики проводят те или иные оперативно-розыскные мероприятия чаще, чем остальные. Обращаясь к аспектам реализации принципов ОРД в деятельности данных подразделе-

лений, следует в первую очередь остановиться на реализации ключевого общеправового принципа законности. Наглядно рассмотреть это вопрос можно на разграничении оперативных экспериментов и провокаций.

Определение допустимых пределов (и с правовой, и с моральной точки зрения) проведения оперативных комбинаций и оперативных экспериментов для того, чтобы они не переросли в провокации, и сегодня остается острой проблемой.

По общему правилу, побуждение, вызываемое оперативно-розыскным мероприятием, в любом случае не должно провоцировать кого-либо на преступные действия или нарушать законные права и интересы граждан. Но сила воздействия и его направленность в зависимости от характера решаемых задач могут быть различными. Например, если с помощью комбинации необходимо побудить конкретное лицо к отказу от осуществления преступного замысла или приостановлению подготовительных действий, то чем глубже, сильнее воздействие, тем оно более эффективно, результативно по своим последствиям. Но такие воздействия целесообразно проводить лишь в отношении лиц, замышляющих совершить преступление впервые под влиянием сложившейся неблагоприятной ситуации, когда есть убежденность, что с помощью нашего воздействия они твердо встанут на путь честной жизни.

Иное дело, когда приходится сталкиваться с субъектом продолжаемых или дящихся преступлений, с теми, у кого антиобщественные взгляды, убеждения и преступные намерения достаточно устойчивы. В этих случаях требуется в максимально короткие сроки не только собрать фактические данные, позволяющие привлечь подозреваемых к ответственности за содеянное, но и не допустить возможности нанесения ущерба. Успешно такие задачи решаются тогда, когда за поведением подозреваемых лиц установлен эффективный контроль, когда известны их намерения и способы действий.

Поскольку наиболее часто оперативные эксперименты проводятся сотрудниками подразделений БЭП в отношении лиц, вымогающих взятки либо участвующих в коммерческом подкупе, законодатель ввел жесткие правовые ограничения на проведение такого рода ОРМ, с тем, чтобы оно не трансформировалось в провокацию. В уголовном законодательстве Республики Беларусь (ст. 396 УК) предусмотрена ответственность за инсценировку получения взятки, незаконного вознаграждения или коммерческого подкупа, под которой понимается «передача должностному лицу, работнику государственного органа либо иной государственной организации, не являющемуся должностным лицом, или работнику индивидуального предпринимателя либо юридического лица денег, ценных бумаг, иного имущества либо оказания услуг имущественного

характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа» [3, с. 224].

Общественная опасность провокации взятки или коммерческого подкупа заключается в том, что такими действиями не только подрывается репутация должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческих или иных организациях, но и искусственно создается повод к возбуждению уголовного дела и его производству, тем самым отвлекаются силы и средства органов предварительного расследования от процессуальной деятельности по делам, по которым действительно совершено преступление. Этим и объясняется, что данное противоправное деяние отнесено к преступлениям против правосудия.

Рассматриваемое преступление является оконченным с момента попытки вручения должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции, лично или через посредника денег, ценных бумаг, иного имущества, а также с момента начала непосредственного оказания такому лицу услуг имущественного характера.

С субъективной стороны это преступление совершается с прямым умыслом, при этом виновный осознает, что должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой либо иной организации, не знает о том, что ему будут передаваться деньги, иное имущество или оказываться услуги имущественного характера, и не давало на то согласия, однако, несмотря на это, предпринимает попытку передать их лично или через посредника. Целью действий виновного является искусственное создание видимости наличия доказательств того, что данное лицо было намерено незаконно получить деньги, ценные бумаги, иное имущество, воспользоваться услугами имущественного характера за совершение в связи с занимаемым им служебным положением действий (или бездействия) в интересах дающего эти ценности или оказывающего услуги.

Исходя из смысла УК Республики Беларусь запрет на провокацию взятки или коммерческого подкупа адресован прежде всего субъектам ОРД. Иными словами, допуская проведение оперативного эксперимента в оперативно-розыском законодательстве, государство вводит в уголовное законодательство жесткие ограничения для недопущения прерывания этого оперативно-розыского мероприятия в провокацию.

Вместе с тем в теории уголовного права отмечено, что от провокации взятки и коммерческого подкупа следует отличать случаи, когда должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, требует денежные средства, иные ценности и они передаются ему в целях его изобличения и задержания с поличным. Такие случаи не могут рассматриваться как провокация взятки либо коммерческого подкупа, поскольку, во-первых, передаче денег

или иных ценностей предшествует требование об этом от указанных лиц и, во-вторых, передача вознаграждения производится с предварительным уведомлением об этом сотрудников соответствующих правоохранительных органов.

От провокации взятки следует отличать попытки раскрытия факта взятничества. Допуская возможность совершения взятничества, мы тем самым не создаем искусственно условий, способствующих предложению или получению взятки, не провоцируем эти действия, а создаем предпосылки для обнаружения уже имевших место фактов вымогательства взятки. Иными словами, такие действия не отражаются на решимости подозреваемых совершить преступление вообще. Создается лишь модель реальной ситуации, что позволяет взять под контроль ее развитие, получить изобличающие доказательства, задержать разрабатываемого с поличным [4, с. 178].

Действия участников оперативно-розыскного мероприятия по активизации поведения объекта мероприятия (например, обсуждение вопроса о передаче предмета взятки в более удобное время для проведения оперативно-розыскного мероприятия), направление его поведения к совершению действий, облегчающих его разоблачение (например, ориентирование преступника на объект, который заранее подготовлен для задержания с поличным, и обеспечение при этом безопасного проведения мероприятия) не образуют провокации преступления и соучастия в нем.

При проведении рассматриваемого оперативно-розыскного мероприятия недопустимо создание таких условий, при которых объект мероприятия лишен возможности избирательности поведения. Представляется недопустимым и побуждение к преступным действиям или вовлечение другого лица в совершение преступления с целью его дальнейшего разоблачения, если у такого лица отсутствовал умысел на совершение преступления. Инициатива на совершение преступления должна исходить только от объекта оперативно-розыскного мероприятия, а не от оперативных сотрудников или конфиденентов.

Совершение объектом оперативно-розыскного мероприятия деяния, содержащего признаки конкретного состава преступления, не является основанием для его освобождения от уголовной ответственности. Правомерные действия участников оперативно-розыскного мероприятия, хотя формально они могут содержать признаки состава преступления (например, дача взятки), не являются преступлением. В частности, не является провокацией взятки или коммерческого подкупа проведение предусмотренного законом оперативно-розыскного мероприятия в связи с проверкой заявления о вымогательстве взятки или имущественного вознаграждения при коммерческом подкупе.

Кроме того, УК Республики Беларусь предусмотрена уголовная ответственность за привлечение в качестве обвиняемого заведомо невиновного лица, фальсификацию доказательств, провокацию взятки или коммерческого подкупа (ст. 393, 395 и 396 УК Республики Беларусь).

Разграничение действий, направленных на выявление, пресечение или предупреждение преступлений с помощью методов ОРД, в том числе оперативного эксперимента, и действий преступного характера, направленных на искусственное создание доказательств совершения преступления, связано с установлением и исследованием фактических обстоятельств дела, определением законности и обоснованности решений о проведении оперативно-розыскного мероприятия [5, с. 392].

Деятельность подразделений БЭП невозможно представить без проведения оперативными сотрудниками такого оперативно-розыскного мероприятия, как наведение справок. По определенным линиям своей работы оперативники не могут обойтись без сведений, составляющих банковскую, коммерческую и иную охраняемую законом тайну. Наведение справок о таких сведениях проводится по письменному запросу органа, осуществляющего ОРД, с санкции прокурора или его заместителя, если иное не установлено ст. 35–37 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и иными законодательными актами. На этом примере в необходимости получения оперативным сотрудником санкции прокурора и просматривается принцип законности, так как в соответствии со ст. 4 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» прокуратура обеспечивает законность и осуществляет надзор за исполнением законодательства при осуществлении ОРД. Следовательно, уполномоченный прокурор (или его заместитель) принимает решение о предоставлении санкции и таким образом определяет обоснованность проведения данного оперативно-розыскного мероприятия. Без санкции прокурора оперативный сотрудник не имеет права проводить определенный ряд оперативно-розыскных мероприятий (например, наведение справок о сведениях, составляющих Банковскую, коммерческую и иную охраняемую законом тайну, контроль в сетях электросвязи, слуховой контроль, вышеуказанный оперативный эксперимент).

В отдельных случаях проведение оперативно-розыскных мероприятий может осуществляться без санкции прокурора (например, в отношении отдельных категорий граждан, в случаях, не терпящих отлагательства, по заявлению гражданина, при сборе сведений и применении мер по обеспечению безопасности).

Экономические преступления по своей природе относятся к латентным, т. е. скрытым, поэтому сотрудники подразделений БЭП как никто другой обязаны следовать принципу наступательности в своей деятельно-

сти, а именно задействовать весь арсенал своих средств и возможностей для своевременного выявления, предупреждения и пресечения экономических преступлений. Чем активнее будет работа оперативного сотрудника БЭП, тем раньше будет выявлен факт совершения преступного деяния, а значит, и предотвращено причинение большего материального ущерба.

Реализация морально-этических принципов, в частности принципа гуманизма, прослеживается в недопущении незаконного распространения сведений, полученных в ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия (наведение справок, слуховой контроль, контроль в сетях электросвязи и др.), об обстоятельствах личной жизни граждан, ставящие под угрозу их жизнь или здоровье, необоснованно причиняющие им физические или нравственные страдания.

1. Об оперативно-розыскной деятельности : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 / М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2016. – 60 с.

2. Основы оперативно-розыскной деятельности ОВД : учебник / под ред. Ю.А. Агафонова, Ю.Ф. Кваши. – М., 2009.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : с изм. и доп., внес. Законом Респ. Беларусь от 30 июня 2014 г. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2014. – 304 с.

4. Курс советского уголовного права. Особенная часть : в 2 т. – М., 1959. – Т. 2. – С. 177–178.

5. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горянова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2010. – 837 с.

УДК 347.775

А.М. Бокшиц, выпускница магистратуры факультета заочного обучения

Научный руководитель – кандидат юридических наук, профессор Д.А. *Колбасин*

СУБЪЕКТИВНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РАЗГЛАШЕНИЕ И ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ

Определяя лицо, имеющее право устанавливать в отношении определенных сведений режим коммерческой тайны, Закон Республики Беларусь «О коммерческой тайне» от 5 января 2013 г. № 16-З (далее – Закон № 16) называет в качестве такового лицо, правомерно обладающее

данными сведениями. Законодатель не дает определения того, что есть правомерное обладание сведениями, а называет случаи, в которых обладание сведениями является неправомерным: получение их в результате незаконного ознакомления со сведениями, составляющими коммерческую тайну других лиц, а также не добросовестное получение таких сведений от третьих лиц [1, с. 9].

За неправомерное обладание сведениями, составляющими коммерческую тайну, а также за разглашение и посягательство на них лицо, допустившее это, привлекается к ответственности.

Ответственность за правонарушения, связанные с несоблюдением режима коммерческой тайны, носит комплексный характер. Эти правонарушения влекут административную, уголовную, дисциплинарную, материальную и гражданско-правовую ответственность [2, с. 24–25].

Применение административной и уголовной ответственности за одни и те же нарушения режима коммерческой тайны одновременно запрещается. Дисциплинарная, материальная и гражданско-правовая ответственность могут сочетаться друг с другом, а также с административной и уголовной ответственностью.

Дисциплинарная ответственность устанавливается за совершение дисциплинарного проступка, т. е. противоправного, виновного неисполнения или ненадлежащего исполнения работником своих трудовых обязанностей. В целях обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну, ст. 16 Закона «О коммерческой тайне» конкретизирует эти обязанности. Законные основания для принятия нанимателем указанных мер дисциплинарного взыскания появляются при условии соблюдения им самим обязанностей, предусмотренных ст. 15 данного закона [3].

Наряду с дисциплинарной ответственностью ст. 400 Трудового кодекса (ТК) Республики Беларусь предусматривает материальную ответственность работника за виновное причинение ущерба нанимателю при исполнении им трудовых обязанностей. Как один из видов юридической ответственности материальная ответственность выражается в возмещении работником нанимателю материального ущерба, причиненного им при исполнении своих трудовых обязанностей, по основаниям, в размере и порядке, предусмотренных законодательством [4]. В качестве основания для такой ответственности выступает совокупность условий, установленных в ст. 400 ТК.

Разглашение коммерческой тайны – административное правонарушение, совершаемое с прямым умыслом: лицо, его совершающее, сознает противоправность своих деяний ввиду известного ему особого статуса

коммерческой тайны, в том числе вследствие данного им обязательства о неразглашении коммерческой тайны, и желает их совершить. Мотивы разглашения коммерческой тайны не имеют значения для оценки содеянного как административного правонарушения, предусмотренного ст. 22.13 Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) Республики Беларусь, однако в силу ч. 2 ст. 7.1 КоАП они учитываются при наложении административного взыскания. Разглашение коммерческой тайны влечет наложение штрафа в размере от 4 до 20 базовых величин [5].

Непосредственный объект разглашения коммерческой или иной охраняемой законом тайны – информационная безопасность субъекта экономической деятельности как состояние защищенности от внешних и внутренних угроз сведений, составляющих его коммерческую тайну.

Субъект разглашения коммерческой тайны – лица, имеющие доступ к коммерческой тайне, которым она известна в связи с их профессиональной или служебной деятельностью. Например, следователю, аудитору коммерческая тайна может быть известна в силу профессиональной деятельности, а лицу, состоящему в трудовых отношениях с владельцем коммерческой тайны или лицом, получившим к ней доступ (контрагент и др.), – в силу служебной.

Разглашение коммерческой тайны влечет административную ответственность по ст. 22.13 КоАП, если в содеянном отсутствует состав одноименного преступления, предусмотренного ст. 255 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь.

Подавляющее большинство признаков указанных административного правонарушения и преступления совпадают. Отличие между ними только в признаках, характеризующих последствия разглашения коммерческой тайны и его субъективную сторону.

Если разглашение коммерческой тайны не повлекло причинения ущерба владельцу или причинило ущерб в размере, не превышающем 250 базовых величин (исходя из размера базовой величины на день причинения ущерба), содеянное является административным правонарушением.

Если размер ущерба превысил 250 базовых величин (крупный ущерб), виновное лицо подлежит уголовной ответственности по ст. 255 УК. В этом случае необходимо установить причинную связь между разглашением коммерческой тайны и причиненным крупным ущербом.

Особенность субъективной стороны рассматриваемого преступления в отличие от административного правонарушения заключается в том, что оно может быть совершено как с прямым, так и косвенным умыслом.

При наличии корыстной или иной личной заинтересованности разглашение коммерческой тайны влечет повышенную уголовную ответственность по ч. 2 ст. 255 УК [6].

Умышленное разглашение коммерческой тайны, совершенное должностным лицом, которому она известна в связи с его служебной деятельностью, и повлекшее причинение крупного ущерба владельцу такой тайны, в силу предписаний ч. 2 ст. 42 и ч.1 примечаний к гл. 35 «Преступления против интересов службы» УК не подлежит дополнительной квалификации по статьям данной главы.

Собирание сведений, составляющих коммерческую тайну, – совершение любых действий по их получению с применением незаконных способов, т. е. в нарушение порядка, установленного законодательством. Использование легальных способов собирания указанных сведений не может влечь уголовную ответственность по ст. 254 УК [6].

Количество лиц, осужденных судами Республики Беларусь за преступные деяния с коммерческой тайной (по ст. 255 УК) с 2000 по 2015 г., составило 15 человек [7].

Гражданско-правовая ответственность за правонарушения, связанные с несоблюдением режима коммерческой тайны, наступает как в случае наличия гражданско-правовых отношений между владельцем коммерческой тайны и иными лицами, оформленных соответствующими соглашениями (договорами), так и при отсутствии этих соглашений (договоров).

Гражданско-правовая ответственность за правонарушения, связанные с несоблюдением режима коммерческой тайны, различается в зависимости от того, имело ли лицо, совершившее эти нарушения, доступ к ней, и если да, то на каких основаниях, обязано ли было лицо соблюдать правила обращения с коммерческой тайной в силу ограничений, установленных законом, или обязательств, принятых лицом в рамках гражданско-правовых отношений [8].

Работник несет также гражданско-правовую ответственность, а именно материальную ответственность в виде возмещения реального ущерба нанимателю. Ущерб может быть причинен ненадлежащим выполнением трудовых обязанностей, которые, в свою очередь, связаны с коммерческой тайной предприятия.

В Законе «О коммерческой тайне» отсутствуют специальные меры гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств, связанных с охраной коммерческой тайны. Согласно ст. 19 лица, которые незаконно ознакомились и (или) использовали сведения, составляющие коммерческую тайну, а также ее разгласили, обязаны, во-первых, прекратить указанные действия, а во-вторых, возместить причиненные владельцу коммерческой тайны убытки, включая упущенную выгоду. Это не что иное, как конкретизация названных в ст. 11 Гражданского кодекса

Республики Беларусь способов защиты гражданских прав применительно к нарушению прав владельца коммерческой тайны [9, с. 17].

Государственные органы и иные лица, в ходе своей деятельности имеющие доступ к коммерческой тайне, в соответствии с законодательством несут перед владельцем коммерческой тайны ответственность за ее разглашение, а также за незаконное использование сведений, составляющих коммерческую тайну, лицами, которым они стали известны в связи с выполнением трудовых (служебных) обязанностей [8].

Одним из необходимых атрибутов режима коммерческой тайны является обязательство о ее неразглашении, даваемое работником при поступлении на работу, в ходе выполнения своих трудовых обязанностей или при увольнении, также принимаемое на себя контрагентом при заключении различных гражданско-правовых договоров. Обязательство о неразглашении коммерческой тайны является видом гражданско-правового договора.

В ходе анализа обязательства о неразглашении коммерческой тайны можно сделать вывод, что это договор односторонний, так как сам документ на первый взгляд не содержит упоминания об обязанностях субъекта хозяйствования. Однако праву лица, подписывающего обязательство о неразглашении сведений, составляющих коммерческую тайну, корреспондирует как минимум обязанность субъекта хозяйствования предоставить данные сведения. Здесь же предполагается обязанность субъекта хозяйствования по созданию административно-правового режима, необходимого для признания информации коммерческой тайной, что свидетельствует о двустороннем характере договора. Помимо этого возможно существование таких факультативных обязанностей субъекта хозяйствования, как предоставление дополнительных льгот работнику, допущенному к коммерческой тайне, осуществление дополнительных выплат другим лицам, принявшим на себя обязательства о ее неразглашении. Обязанности субъекта хозяйствования могут отражаться как в самом обязательстве о неразглашении коммерческой тайны, так и в отдельном документе.

Часто в процессе защиты сведений, составляющих коммерческую тайну, акцент делается на охрану и интересов субъектов хозяйствования. В то же время лица, допускаемые к коммерческой тайне, должны претерпевать определенные ограничения своих интересов. Ужесточение режима охраны коммерческой тайны неминуемо ведет к ухудшению положения данных лиц вплоть до нарушения их прав. Вместе с тем некоторые исследователи проблемы коммерческой тайны в целях эффективной охраны данных сведений на неограниченном расширении кру-

га обязанностей работника, допущенного к сведениям, составляющим коммерческую тайну, не принимают во внимание должного ущемления интересов работников [10, с. 47].

Таким образом, важным в деле определения оснований и условий всех указанных выше видов ответственности за противоправные деяния является установление того, какие сведения относятся к коммерческой тайне и могут ли признаваться правонарушениями деяния, связанные со сведениями, которые лицо желает сохранить в тайне. Проанализировав различные виды ответственности за несоблюдение режима коммерческой тайны, можно сделать вывод о недостаточно эффективном механизме защиты именно в рамках гражданского права, так как крайне проблематичным является определение ущерба, также возникает ряд проблем по привлечению к материальной ответственности работника, разгласившего коммерческую тайну.

1. Лосев, С.С. Защита коммерческой тайны: к чему пришло законодательство на данный момент / С.С. Лосев // Юрид. мир. – 2013. – № 2. – С. 8–15.

2. Лукашов, А.И. Ответственность за правонарушения, связанные коммерческой тайной / А.И. Лукашов // Пром.-торг. право. – 2013. – № 5. – С. 24–27.

3. О коммерческой тайне [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2013 г., № 16-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Трудовой кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 26 июля 1999 г., № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 8 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : 21 апр. 2003 г., № 194-3 : принят Палатой представителей 17 дек. 2002 г. : одобр. Советом Респ. 2 апр. 2003 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Официальный сайт МВД Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/>. – Дата доступа: 01.10.2016.

8. Лукашов, А.И. Ответственность за правонарушения, связанные с несоблюдением режима коммерческой тайной [Электронный ресурс] / А.И. Лукашов // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

9. Лосев, С.С. Договорные отношения, связанные с коммерческой тайной. Гражданско-правовая ответственность / С.С. Лосев // Пром.-торг. право. – 2013. – № 5. – С. 15–18.

10. Макаров, О.С. Гражданско-правовая природа обязательства о неразглашении коммерческой тайны / О.С. Макаров // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для органов внутренних дел Республики Беларусь : сб. материалов науч.-практ. конф., Минск, 30 янв. 2004 г. / Акад. МВД ; под ред. И.И. Басецкого. – Минск, 2004. – С. 47–48.

УДК 338.2

Е.Д. Вислобов, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *О.С. Буйкевич*

ОСНОВНЫЕ ВИДЫ И ФОРМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализ юридической литературы и нормативных актов позволяет выделить несколько видов взаимодействия правоохранительных органов.

В зависимости от состава субъектов, взаимодействующих между собой, и цели выделяют межведомственное, функциональное и международное взаимодействие правоохранительных органов; в зависимости от продолжительности – постоянное и разовое взаимодействие правоохранительных органов Республики Беларусь.

Межведомственное взаимодействие правоохранительных органов представляет собой комплекс совместных или согласованных по целям действий двух и более государственных органов, направленных на решение общих задач по обеспечению экономической безопасности государства.

В качестве форм межведомственного взаимодействия правоохранительных органов, в том числе с иными органами государственной исполнительной власти, наиболее действенными и эффективными считаем следующие: обмен информацией, представляющей интерес для субъектов взаимодействия (например, бесплатное предоставление информации, которая содержится в архивах, базах данных, учетах, реестрах, регистрах и др.); взаимное консультирование по вопросам, касающимся общих интересов; предоставление помощи по правовым, организационным, методическим вопросам одной из сторон на основании мотивированных запросов другой в соответствии с законодательством

или по личной инициативе; разработка и реализация согласованных совместных мероприятий, в том числе совместных аналитических исследований, а также участие специалистов в проведении проверок; организация совместного контроля; подготовка и проведение совместных совещаний, семинаров, круглых столов по вопросам совершенствования взаимодействия и координации деятельности; подготовка совместных материалов для средств массовой информации; мониторинг современного состояния национальной экономики (в разрезе отраслей), факторов и условий, определяющих состояние экономической безопасности государства; прогнозирование развития экономического потенциала государства в сторону его улучшения или ухудшения с учетом последних мировых и региональных тенденций.

Нормативно-правовое регулирование организации тех или иных форм комплексного межведомственного взаимодействия всех правоохранительных органов в области обеспечения экономической безопасности государства, где бы была определена специфика участия каждого органа в данном направлении деятельности, сегодня в Республике Беларусь отсутствует. Это подтверждает необходимость разработки и принятия специального нормативного правового акта именно по вопросам взаимодействия правоохранительных и государственных органов по обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь.

Взаимодействие может осуществляться в таких организационно-тактических формах, как проведение совместной информационно-аналитической работы; совместное планирование мероприятий по решению актуальных задач, проблем, разрешению складывающейся неблагоприятной ситуации; подготовка и участие в совместных совещаниях, конференциях, заседаниях по интересующим вопросам; проведение совместных исследований проблем борьбы с преступностью или по ее отдельным направлениям; совместные выезды в служебные командировки на места для решения стоящих задач и оказания практической помощи; непосредственное участие в проведении конкретных мероприятий, связанных с предупреждением, раскрытием, расследованием преступлений, розыском скрывшихся преступников и лиц, пропавших без вести, и др.

Одной из наиболее распространенных форм взаимодействия является проведение координационных совещаний, в том числе республиканского уровня, по вопросам борьбы с преступностью и коррупцией, иными девиантными явлениями.

Важную роль в этом играет проведение коллегий правоохранительных органов с участием Генеральной прокуратуры Республики Беларусь.

Функциональное взаимодействие правоохранительных органов представляет собой комплекс совместных или согласованных по времени, месту и целям действий двух и более правоохранительных органов, направленных на решение определенных задач в рамках производства процессуальных действий, оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Успех расследования и раскрытия преступлений во многом зависит от совместных, согласованных усилий следователей и органов дознания. Возникновение процессуальных отношений между следователем и органом дознания возможно по любому делу при условии, что по нему производится предварительное следствие. Необходимость согласованной деятельности следователей и органов дознания иногда возникает до возбуждения уголовного дела, т. е. в случаях, не терпящих отлагательства (например, осмотр места происшествия может производиться до возбуждения уголовного дела, поэтому «подключать» органы дознания при производстве предварительного следствия по каждому уголовному делу нет необходимости).

Взаимодействие следователя с оперативно-розыскным аппаратом может носить разовый (эпизодический) характер. Как правило, такое взаимодействие осуществляется в связи с исполнением поручений следователя по отдельным обстоятельствам (эпизодам) расследуемого преступления. Взаимодействие может быть этапным, организованным для исполнения письменного поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, исполнении постановлений о задержании лица, приводе, производстве иных процессуальных действий и т. д.

Пределы, в которых следователь вправе давать органам дознания указания о содействии ему при производстве расследования, определяются задачами расследования. Взаимодействие следователя с оперативно-розыскными подразделениями строится на основе УПК Республики Беларусь в форме процессуальных правовых отношений.

В ходе проведения предварительного следствия по уголовным делам немаловажное значение имеет и координация деятельности следователя и органа дознания, т. е. их рабочее взаимодействие. Координация действий – это согласованная по времени, месту и конкретным действиям работа различных правоохранительных органов (их структурных подразделений и отдельных должностных лиц) по выполнению задач борьбы с преступностью.

Международное взаимодействие правоохранительных органов представляет собой совместные действия правоохранительных органов двух и более государств в сфере их взаимных интересов для согласованной

деятельности и координации своих действий, разрешению общих проблем и принятию взаимоприемлемых решений.

Международное сотрудничество правоохранительных органов Республики Беларусь с правоохранительными органами других государств по вопросам обеспечения экономической безопасности осуществляется на основе многосторонних (двусторонних), межгосударственных, межправительственных (межведомственных) нормативных правовых актов (соглашения, меморандумы, протоколы), а также на условиях взаимности с учетом международных принципов сотрудничества и существующей практики.

Правоохранительные органы Республики Беларусь не имеют права передавать организациям иностранных государств и международным организациям информацию, которая может нанести ущерб безопасности и национальным интересам Республики Беларусь.

В сфере международного взаимодействия между правоохранительными органами используется две процессуальные формы: поручение (просьба) об оказании правовой помощи направляется по возбужденному уголовному делу в соответствии с положениями соответствующих статей конвенций о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, межгосударственных договоров о правовой помощи, заключенных Республикой Беларусь с зарубежными государствами; запрос (просьба) об оказании содействия направляется до возбуждения уголовного дела по оперативным делам, по которым требуется проводить оперативно-розыскные мероприятия, обмениваться оперативной информацией, а также по материалам проверок. Порядок оформления и направления запросов регулируется международными и межведомственными соглашениями.

Основными целями проводимых по запросу мероприятий являются: проведение встречных проверок по вопросам финансово-хозяйственных взаимоотношений между интересующими субъектами; подтверждение факта регистрации юридических лиц и ведения ими финансово-хозяйственной деятельности; установление местонахождения физических лиц и получение от них объяснений по интересующим вопросам; подтверждение фактов пересечения таможенных границ Республики Беларусь в соответствии с международными договорами (контрактами), а также получения товара адресатом; предоставление сведений о наличии компрометирующей информации в отношении иностранных предприятий, являющихся контрагентами по сделкам с белорусскими субъектами хозяйствования.

Важнейшим шагом на пути укрепления межгосударственного взаимодействия правоохранительных органов стало решение Совета глав

государств СНГ от 19 января 1996 г. об образовании качественно нового консультативного органа – Совета министров внутренних дел государств – участников СНГ.

Развитие тесных торгово-экономических отношений между государствами требует поиска путей более эффективного взаимодействия правоохранительных органов в сфере защиты экономики от преступных посягательств. Именно поэтому возникает необходимость в дальнейшем совершенствовании сотрудничества правоохранительных органов в сфере обеспечения экономической безопасности как на центральном, так и региональном уровне.

В современных условиях основным направлением такого сотрудничества в первую очередь является противодействие преступлениям, связанным с внешнеэкономической деятельностью и хищением бюджетных средств.

Следующее приоритетное направление – пресечение незаконного перемещения товаров через государственную границу, т. е. борьба с контрабандой; проведение общих оперативно-розыскных мероприятий по борьбе с криминальным отмыванием средств, полученных преступным путем; противодействие преступности в сфере интеллектуальной собственности и компьютерных технологий; борьба с изготовлением и распространением контрафактной продукции и фальшивомонетничеством. Эти направления сотрудничества нашли свое отражение в протоколах совместных действий по результатам встреч руководителей служб борьбы с экономической преступностью Российской Федерации, Украины и Республики Беларусь.

Подводя итог проведенного в данной статье исследования, отметим, что система взаимодействия правоохранительных органов должна быть открытой и способной адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды.

Правоохранительные органы при единой, по существу, цели своей деятельности имеют разные задачи и специфические полномочия, используют различные методы работы в соответствии с законодательством. Объективная потребность их взаимодействия, таким образом, обуславливается, с одной стороны, общностью задач предупреждения и пресечения экономических правонарушений, с другой стороны – различиями в их функциональном и структурном положении.

Необходимость существования взаимодействия характеризуется тем, что одна из сторон взаимодействия обладает познаниями, которыми другая сторона не обладает, и имеет возможности, которых другая сторона не имеет. Совместные усилия в такой ситуации позволяют наиболее эффективно использовать возможности всех взаимодействующих субъектов.

Анализ юридической литературы и нормативных актов позволил выделить нам несколько видов взаимодействия правоохранительных органов.

Так, в зависимости от состава субъектов, взаимодействующих между собой, и цели такого взаимодействия, выделяют межведомственное, функциональное и международное взаимодействие правоохранительных органов, от продолжительности – постоянное и разовое взаимодействие правоохранительных органов Республики Беларусь.

УДК 343.34

Д.О. Воинов, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

АНАЛИЗ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 328 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В юридической науке под составом преступления понимают совокупность элементов и признаков, которые характеризуют деяние как преступное.

Несмотря на то что статьи Особенной части УК Республики Беларусь порой существенно различаются в своих формулировках, можно выделить типичные, общие признаки, присущие каждому преступлению независимо от содержания диспозиции статьи и фактических обстоятельств, свойственных конкретному преступлению. Такая формализованная модель преступления позволяет исследовать любое деяние на основании одинакового подхода, сделать вывод о преступности или не преступности деяния. Единая схема исследования различных преступлений позволяет их сравнивать, группировать преступления по сходным признакам и разделять между собой внешне похожие преступления.

Роль состава преступления чрезвычайно важна для обеспечения режима законности в уголовном судопроизводстве. Невозможно привлечь лицо к уголовной ответственности при отсутствии в его действиях признаков состава преступления. Уголовная ответственность не может наступить из-за «преступного состояния личности», которое якобы указывает на склонность лица к совершению преступлений или на опасность его свободного существования в обществе в связи с социальным происхождением, национальной принадлежностью, предыдущей судимостью и т. д. Наличие вреда от определенного деяния также само по себе не

влечет уголовной ответственности, каким бы значительным не был этот вред. Анализ признаков состава преступления позволяет, разграничивая преступления, обвинять преступника именно в том нарушении, которое он совершил. Одновременно такой анализ исключает привлечение к ответственности невиновных.

Все признаки состава преступления делятся на две группы – объективные и субъективные. Первые характеризуют объект преступного посягательства и внешнюю сторону деяния, а вторые раскрывают характеристики лица, совершившего деяние, и его побуждения (внутреннюю сторону деяния).

Проанализируем объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 328 УК Республики Беларусь.

Непосредственным объектом такого преступления являются общественные отношения в сфере установленного порядка оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов.

В качестве предмета преступления выделяют четыре группы веществ: наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги [1, с. 102–104].

Наркотические средства – это химические вещества или содержащие их препараты, вызывающие ступор, кому, нечувствительность к боли, включенные в Республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь (далее – Перечень), а в контексте международного контроля – любые средства, указанные в Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г.

Психотропные вещества – это химические вещества, воздействующие на разум или умственные процессы человека, включенные в Перечень; в контексте международного контроля – любые вещества природного или синтетического происхождения, а также любые природные материалы, указанные в списках Конвенции о психотропных веществах 1971 г. [2, с. 5].

Прекурсоры – это включенные в республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров вещества, вещества, используемые при изготовлении, производстве и переработке наркотических средств и психотропных веществ в качестве: химического вещества, которое в процессе изготовления полностью или частично соединяется с молекулой наркотического средства или психотропного вещества (основные химические вещества); реагента или катализатора; растворителя [1, с. 104].

Аналоги наркотических средств, психотропных веществ – химические вещества, структурные формулы которых образованы заменой в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах одного или нескольких атомов водорода на заместители атомов водорода, включенные в перечень заместителей атомов водорода в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах, установленный Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь. В свою очередь, заместители атомов водорода в вышеуказанных аналогах – это одновалентные или двухвалентные атомы или группы атомов, включенные в перечень заместителей атомов водорода в структурных формулах наркотических средств, психотропных веществ или базовых структурах, установленный Государственным комитетом судебных экспертиз Республики Беларусь.

Вышеуказанное понятие аналогов наркотических средств и психотропных веществ является новеллой для белорусского уголовного права. Необходимость его введения обусловлена в первую очередь появлением большого числа веществ, получаемых путем синтеза или выделения из природного сырья, которые сохраняют или приобретают опасные наркотические свойства своих контролируемых «родственников». Однако при этом они не являются их солями, изомерами или эфирами и, следовательно, не могут быть автоматически отнесены к числу контролируемых объектов. Таким образом, пока не осуществлена процедура включения нового опасного вещества в списки республиканского перечня, оно остается «безнадзорным» со всеми нежелательными последствиями.

Подобные вещества в просторечии именуется «дизайнерскими наркотиками». Они известны законодательству большинства стран как аналоги наркотических средств и психотропных веществ [1, с. 102].

Наркотические средства и психотропные вещества обладают двумя признаками. Суть медицинского (биологического, фармакологического) признака заключается в фармакологических свойствах данных веществ, механизме, эффекте их воздействия на человеческий организм. С медицинской точки зрения наркотическими признаются одурманивающие средства. Однако таким воздействием обладают не только наркотические средства и психотропные вещества, но и этиловый спирт, никотин и т. д. Поэтому следует обратиться к юридическому признаку. С юридической точки зрения наркотическими средствами и психотропными веществами считаются вещества, которые признаны в качестве таковых официальными органами и взяты ими под контроль [1, с. 104].

Поскольку преступления, связанные с оборотом наркотиков, имеют международный характер, то понятие и перечень наркотических

средств определяются прежде всего в документах международного права. Республика Беларусь подписала и ратифицировала Единую конвенцию о наркотических средствах 1961 г. с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 г. о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах, Конвенцию о психотропных веществах 1971 г., Конвенцию о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г.

Однако государственный суверенитет предполагает, что международные обязательства выполняются путем принятия нормы национального законодательства. На территории Беларуси право признания того или иного вещества наркотическим или психотропным предоставлено Министерству здравоохранения, которое постановлением от 11 февраля 2015 г. № 19 утвердило республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь.

Указанный перечень содержит пять списков:

список 1 особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, не используемых в медицинских целях (например, наркотические средства – героин, гашиш, марихуана, опий и др., психотропные вещества – амфетамин и др.);

список 2 особо опасных наркотических средств и психотропных веществ, разрешенных к контролируемому обороту (например, наркотические средства – кодеин, кокаин, метадон, морфин и др., психотропные вещества – амобарбитал, фенциклдидил и др.);

список 3 опасных психотропных веществ (например, барбитал, тазепам, эфедрин и др.);

список 4 прекурсоров наркотических средств и психотропных веществ, в который помимо веществ с экзотическими названиями (например, пиперональ, бензилметилкетон) включены общераспространенные (ацетон, перманганат калия, серная и соляная кислоты, толуол, этиловый эфир);

список 5 опасных наркотических средств.

Объективную сторону преступления образует совершение любого из следующих действий: изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка, пересылка. Причем любое из них должно обладать признаком незаконности.

Незаконным признается любой оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, если виды деятельности, предметом которых являются указанные вещества, осуществляются в нарушение законодательства.

Под незаконным изготовлением наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо аналогов следует понимать действия, направленные на получение из наркотикосодержащих растений, лекарственных, химических и иных веществ одного или нескольких готовых к использованию и потреблению наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо аналогов из числа включенных в республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Республике Беларусь.

Незаконной переработкой наркотических средств, психотропных веществ либо аналогов являются умышленные действия, направленные на рафинирование (очистку от посторонних примесей) твердой или жидкой смеси, содержащей одно или несколько наркотических средств, психотропных веществ либо аналогов, а также на повышение концентрации наркотического средства, психотропного вещества или аналога.

Следует учитывать, что объективные свойства некоторых наркотических средств делают невозможным их изготовление в том смысле, который вкладывается в это понятие. Например, согласно списку 5 республиканского перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров все части любого сорта мака (целые, измельченные, высушенные, невысушенные, за исключением зрелых семян), содержащие наркотически активные алкалоиды опия, относятся к категории наркотических средств – маковой соломе. Следовательно, измельчение частей мака не изменяет его правового статуса.

Таким образом, вменение незаконного изготовления или незаконной переработки возможно в том случае, если установлено, что изготовленное средство или вещество включено в республиканский перечень, является готовым к использованию и потреблению, в нем содержится наркотическое средство или психотропное вещество в определенной концентрации после очистки его от посторонних примесей либо после совершения действий, направленных на повышение в нем концентрации наркотического средства или психотропного вещества.

Изготовление и переработку наркотических средств следует отграничивать от приготовления, т. е. приведения их в состояние, удобное для потребления (внутривенно, подкожно, перорально), поскольку при этом образуется другое наркотическое средство и не происходит его очистка и. повышение в нем концентрации наркотика.

Незаконное изготовление и незаконную переработку наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо аналогов надлежит квалифицировать как оконченное преступление уже с начала совершения действий по изготовлению либо переработке.

Под приобретением следует понимать любые действия, в результате которых лицо стало фактическим обладателем наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо аналогов. Таковыми могут быть признаны покупка, получение в обмен на другие товары и вещи, займы и в дар, в качестве оплаты за услугу, присвоение найденного, сбор дикорастущих растений конопли, мака или их частей, а также остатков неохраняемых посевов наркотикосодержащих растений после завершения их уборки, образует объективную сторону приобретения лишь хищение, квалифицируемое по ст. 327 УК.

Приобретение считается оконченным, когда соответствующие среда вещества, их прекурсоры или аналоги поступили во владение виновного лица.

Под незаконным хранением следует понимать любые действия, связанные с фактическим нахождением таких средств и веществ во владении виновного (при себе, в помещении, в тайнике или других местах). При этом ни длительность, ни место хранения наркотиков (при себе, в помещении, в тайниках) на квалификацию не влияют.

Так, приобретение и хранение наркотических средств или психотропных веществ по назначению врача не образует состава данного преступления. Медицинское потребление наркотиков возможно при назначении подобных средств в качестве обезболивающих во время операции и в послеоперационный период, при некоторых заболеваниях, а также в качестве сильных снотворных, нейролептиков, антидепрессантов. Во всех остальных случаях эти действия считают незаконными.

Перевозкой наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо аналогов являются умышленные действия по их перемещению из одного места в другое, в том числе и пределах одного и того же населенного пункта, совершенные с использованием любого вида транспортных средств и в нарушение порядка, установленного Законом Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах».

Под пересылкой названных средств, веществ либо прекурсоров следует понимать отправление их из одного пункта в другой почтой, багажом, нарочным, с использованием транспортных средств или иным способом, когда фактическое перемещение их в пространстве осуществляется без участия отправителя.

Перевозка юридически закончена в момент начала транспортировки груза, а пересылка – с момента сдачи предметов отправления на почту или в багаж либо принятия их нарочным.

По конструкции объективной стороны состав преступления формальный. Для привлечения к ответственности не имеет значения, при-

надлежали ли наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры либо аналоги виновному или другому лицу.

С субъективной стороны деяние характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла.

В ч. 1 данной статьи особо подчеркивается такая особенность субъективной стороны, как отсутствие цели сбыта предмета преступления, в то время как в ч. 2–5 данная цель присутствует.

Субъект преступления общий. Ответственность по ч. 1 ст. 328 УК наступает с 16 лет, по ч. 2–5 указанной статьи – с 14 лет.

1. Наркотики: криминалистическое пособие / сост. Д.Л. Харевич. – Минск : Промкомплекс, 2012. – 135 с.

2. Харевич, Д.Л. Противодействие сбыту наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов : пособие / Д.Л. Харевич. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2015. – 52 с.

УДК 347.78

С.В. Войтюль, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
профессор *Д.А. Колбасин*

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ОБЪЕКТОВ АВТОРСКОГО ПРАВА И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Объекты авторского права и смежных прав в современном обществе становятся главным материальным ресурсом, основным фактором конкуренции и достижения материального достатка. В свою очередь, интернет, выступающий базисом информационного общества и прогресса, является всеобъемлющей, видоизменяющейся, мобильной информационной средой. Ввиду изложенного представляется, что защита авторских и смежных прав в сети Интернет является одним из важнейших юридических вопросов в постиндустриальном мире. При этом защита исключительных прав является ключевой составляющей регулирования отношений в сети Интернет. Использование интернета имеет важное значение и для гражданского оборота, и для правообладателей. Субъекты гражданских правоотношений получают уникальную возможность продвигать свои товары и услуги по всему миру, используя при этом минимум ресурсов, информировать возможных потребителей, налаживать устойчивые связи с контрагентами. При помощи сети Интернет возможна выгодная реализация некоторой продукции, в первую очередь объектов авторского права и смежных прав.

Необходимое условие защиты авторских и смежных прав в сети Интернет – это создание нормативной правовой базы, согласующейся с правовой системой и стандартами мирового сообщества. Республика Беларусь является участницей Всемирной конвенции об авторском праве (1952 г.), Международной конвенции об охране прав исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (1961 г.), Конвенции об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм (1971 г.), Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений (Парижский акт от 24 июля 1971 г., измененный 28 сентября 1979 г.), Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву (1996 г.), Договора Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам (1996 г.) [1].

В системе национального законодательства основным специальным нормативным правовым актом, регламентирующим общественные отношения, возникающие в связи с созданием, использованием и защитой объектов авторского права и смежных прав, является Закон Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» от 17 мая 2011 г. № 262-З (далее – Закон об авторском праве и смежных правах).

В соответствии с п. 5 ст. 6 Закона об авторском праве и смежных правах объектами авторского права являются:

- литературные произведения (книги, брошюры, статьи и др.);
- драматические и музыкально-драматические произведения, произведения хореографии и пантомимы и другие сценарные произведения;
- музыкальные произведения с текстом и без текста;
- аудиовизуальные произведения (кино-, теле-, видеофильмы, диафильмы и др.);
- произведения изобразительного искусства (скульптура, живопись, графика, литография и др.);
- произведения прикладного искусства и дизайна;
- произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства;
- фотографические произведения, в том числе произведения, полученные способами, аналогичными фотографии;
- карты, планы, эскизы, иллюстрации и пластические произведения, относящиеся к географии, картографии и другим наукам;
- компьютерные программы;
- произведения науки (монографии, статьи, отчеты, научные лекции и доклады, диссертации, конструкторская документация и др.);
- иные произведения.

К объектам авторского права также относятся производные и составные произведения.

В соответствии с п. 1 ст. 22 Закона об авторском праве и смежных правах объектами смежных прав являются исполнения, фонограммы, передачи организаций эфирного или кабельного вещания.

При этом следует учитывать, что наиболее часто используемыми объектами интеллектуальной собственности в сети Интернет являются оригинальные тексты, графика, компьютерные программы, аудио- и видеофайлы.

Решение проблемы нарушения авторских и смежных прав на перечисленные объекты в сети Интернет беспокоит сегодня все мировое общество. О необходимости создания такого правового режима, который позволит защищать наиболее значимые позиции авторского и смежных прав в интернете, неоднократно говорилось руководством большинства государств и представителями правоохранительных ведомств.

Как отмечает А.В. Паламарчук, «информационное интернет-пространство экстерриториально, а неоднородность законодательства различных стран и отсутствие единых правовых норм создают дополнительные трудности для пресечения незаконного контента и установления виновных лиц. Этим пользуются нарушители, размещая свои ресурсы в странах со слабо развитым законодательством. Даже если нарушающий исключительные права сайт закрывается в соответствии с нормами национального законодательства, он практически сразу „возрождается“ в сегментах сети Интернет других стран» [2, с. 16–17].

Одна из важнейших характерных особенностей сети Интернет – ее глобальный характер, не ограниченный территорией какого-либо одного государственного образования. В интернете можно свободно обмениваться информацией с жителями различных государств, обнаружить произведения науки, литературы и искусства, а также фонограммы, исполнения, рассчитанные на широкую аудиторию. Указанные возможности создают существенные проблемы защиты объектов авторского права и смежных прав в сети Интернет. Ввиду отсутствия в классической юридической науке данных проблем требуется разработка качественно новых способов для их решения [3, с. 159–160].

Одна из важнейших задач в данном направлении – это противодействие распространению контрафактной продукции в сети Интернет. В соответствии с п. 1 ст. 57 Закона об авторском праве и смежных правах контрафактными являются экземпляры произведения, записанного исполнения, фонограммы, передачи организации эфирного или кабельного вещания, воспроизведение, распространение или иное использование которых влечет нарушение авторского права или смежных прав.

Следует отметить, что распространение в интернете контрафактной продукции представляет угрозу не только для правообладателей, но и для пользователей. Так, чем выше уровень использования нелегального программного обеспечения для персональных компьютеров по стране, тем больше в этой стране регистрируется случаев обнаружения на персональных компьютерах вредоносных программ. Например, уровень использования нелегального программного обеспечения в США составлял 18 %, а интенсивность заражения в среднем составляла 13 % за квартал. В Индонезии уровень использования нелегального программного обеспечения составлял 84 %, в то время как интенсивность заражения вредоносными программами в среднем составляла 44 % за квартал. В Бразилии, имеющей уровень использования нелегального программного обеспечения 50 %, интенсивность заражения за квартал составила 31 %. Статистический анализ подтверждает, что эти две переменные имеют сильную положительную корреляцию, т. е. они увеличиваются и уменьшаются в прямой зависимости друг от друга [4].

Как отмечает А.И. Романенко, особенности интернет-среды обуславливают постановку перед правообладателем, обнаружившим нарушение своих прав в сети Интернет, ряда задач, которые не могут быть в полном объеме решены ввиду несовершенства действующего законодательства в данной сфере. Основными проблемами в данном случае являются:

- определение субъекта, который несет ответственность за совершенное нарушение при наличии вины, известности ему факта правонарушения либо по иным условиям;

- своевременное обнаружение конкретного лица и его установочных данных для предъявления соответствующих требований;

- обеспечение достоверных и достаточных доказательств факта совершения правонарушения в наиболее сжатые сроки;

- подтверждение факта принадлежности прав правообладателю, что особенно актуально в случае применения неюрисдикционной формы защиты;

- определение подведомственности и подсудности конкретного спора;

- формулировка требований в соответствии с законодательством страны, по праву которой будет рассмотрен спор [5, с. 41].

Таким образом, существующие способы защиты прав участников гражданских правоотношений не могут быть должным образом реализованы в сети Интернет ввиду характерных особенностей электронной среды. В таком случае необходимо принятие дополнительных мер правового и организационного характера по повышению эффективности гражданско-правовой защиты правообладателей.

Так, по мнению М.Ю. Осипова, информация о владельцах информационного ресурса должна быть размещена в сети Интернет. При этом гражданско-правовой спор необходимо разрешать по праву страны – владельца информационного ресурса. Данная модель предполагает, что в случае возникновения спора он будет решаться по праву той страны, гражданство или место учреждения которой имеет лицо, разместившее информацию в сети Интернет. Данная мера, считает ученый, позволит предотвратить многочисленные нарушения прав и свобод граждан и юридических лиц, связанных с распространением информации в сети Интернет [6, с. 15].

Ряд мер по совершенствованию правовой регламентации в данном направлении предлагает А.О. Бекмансуров: определить применительно к сети Интернет принципы осуществления и защиты авторских прав, границы законного размещения и легального использования информации; ввести в действие институт открытых лицензий; установить специальный срок охраны объектов авторских прав – 20 лет; закрепить за интернет-провайдерами статус агентов по надзору за соблюдением интеллектуальных прав в сети Интернет; ввести коэффициент, определяющий возможность расчета причиненного ущерба; определить формы вины для разграничения ответственности участников гражданских правоотношений в сети Интернет и др. [7, с. 37–38].

Следует отметить, что определенные шаги в данном направлении уже сделаны. Так, Национальным центром интеллектуальной собственности Республики Беларусь (далее – НЦИС) осуществляется регистрация компьютерных программ в порядке оказания услуг заинтересованным лицам по их обращению на основе представляемых ими сведений (материалов, подтверждающих создание компьютерной программы и принадлежность исключительного права на такую компьютерную программу конкретному лицу). При этом осуществляемая со стороны НЦИС регистрация не является основанием или условием возникновения и осуществления авторского права на компьютерную программу. Регистрация производится исключительно в порядке оказания услуги заинтересованному лицу (автору или иному правообладателю) по его инициативе для целей предоставления ему независимого подтверждения факта его собственного заявления о создании компьютерной программы и принадлежности исключительного права на данный объект. НЦИС заключен договор о сотрудничестве со специализированной организацией – ООО «Интеллектуальные медиатехнологии», на которую возложены функции по практической реализации действий, связанных с осуществлением регистрации компьютерных программ.

В результате проведения процедуры регистрации компьютерной программы:

заявитель получает свидетельство НЦИС о регистрации компьютерной программы;

данные о компьютерной программе вносятся в реестр НЦИС и размещаются на сайте НЦИС;

материалы компьютерной программы депонируются в НЦИС и могут впоследствии быть использованы для подтверждения от имени НЦИС необходимых заявителю обстоятельств [8].

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о том, что успешный опыт регистрации компьютерных программ может быть апробирован и на других объектах интеллектуальной собственности, не подлежащих обязательной государственной регистрации. На наш взгляд, регистрация отдельных видов произведений и объектов смежных прав посредством внесения их в реестр НЦИС, депонирование представленных материалов с последующим размещением информации о правообладателе на сайте НЦИС позволит обеспечить их дополнительную защиту. В настоящее время для того, чтобы авторство было признано за определенным лицом, данному лицу необходимо заявить о себе как о создателе произведения. Применение подобного подхода сопряжено с массой нарушений авторских прав в сети Интернет: недобросовестное и неправомерное использование произведений, присвоение себе авторства лицами, которые не имеют отношения к их созданию, плагиат. Расширение перечня объектов авторского права и смежных прав, подлежащих добровольной регистрации в НЦИС, позволит, по нашему мнению, существенно снизить количество данных нарушений.

1. Многосторонние договоры Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный центр интеллектуальной собственности. – Режим доступа: http://www.belgopatent.org.by/index.php?option=com_content&view=article&id=865&Itemid=54. – Дата доступа: 15.06.2017.

2. Паламарчук, А.В. Защита исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности в сети Интернет / А.В. Паламарчук // Законность. – 2010. – № 7. – С. 16–18.

3. Махмудов, Р.Ш. Об отдельных проблемах защиты авторских прав в интернет-пространстве / Р.Ш. Махмудов // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. – 2012. – № 1. – С. 159–167.

4. Нелицензионное программное обеспечение и риски для кибербезопасности [Электронный ресурс] // Microsoft. – Режим доступа: <https://www.microsoft.com/ru-ru/antipiracy/investigation.aspx>. – Дата доступа: 15.06.2017.

5. Романенко, А.И. Поиск решения проблем защиты авторского права в сети Интернет: глобальное лицензирование как альтернатива / А.И. Романенко // Право.by. – 2016. – № 1. – С. 39–44.

6. Осипов, М.Ю. Определенность как условие использования и защиты авторских прав в сети Интернет / М.Ю. Осипов // Право интеллектуал. собственности. – 2012. – № 1. – С. 13–16.

7. Бекмансуров, А.О. Защита авторских прав в сети Интернет / А.О. Бекмансуров // Право интеллектуал. собственности. – 2014. – № 4. – С. 34–39.

8. Компьютерные программы [Электронный ресурс] // Национальный центр интеллектуальной собственности. – Режим доступа: http://www.belgospatent.org.by/index.php?option=com_content&view=article&id=186&Itemid=74. – Дата доступа: 15.06.2017.

УДК 343.7

С.А. Воловик, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Г. Сачек*

МЕСТО И ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ДОГОВОРА ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Вопросы обеспечения экономической безопасности приобрели новый аспект в связи с активным включением Республики Беларусь в систему мирового хозяйства. В современных условиях среди комплекса актуальных социальных проблем особое значение приобрела проблема экономической безопасности. Для ее решения требуются соответствующие силы, средства и ресурсы, специальные структуры, управленческие кадры и специалисты-профессионалы, научное, организационное, правовое и иное обеспечение, единая выверенная и взвешенная политика экономической безопасности. С одной стороны, участие Беларуси в международной экономической деятельности несет в себе явные выгоды (инвестиции и кредиты, доступ к новым технологиям, развитие кооперационных связей и т. п.). С другой стороны, белорусская экономика начинает все сильнее ощущать воздействие мировой финансово-экономической конъюнктуры, которое может существенно отразиться на экономике страны, поэтому в настоящее время необходимо направить все усилия на обеспечение экономической безопасности.

Одним из первых на территории постсоветского пространства определение экономической безопасности дал Л.И. Абалкин. По его мнению,

«под безопасностью в экономической сфере можно понимать такой режим функционирования сообщества, который обеспечивает неуязвимость и независимость реализации ее хозяйственных интересов по отношению к возможным угрозам и негативным последствиям» [1, с. 4]. Несколько иное определение экономической безопасности дали А.И. Архипов, А.Е. Городецкий, Б.И. Михайлов: «экономическая безопасность – это состояние национальной экономики, обеспечивающее удовлетворение жизненно важных потребностей страны в материальных благах независимо от возникновения в мировой экономической системе или внутри страны форс-мажорных обстоятельств социально-политического, экономического или экологического характера» [2, с. 38].

Как уже указывалось ранее, термин «экономическая безопасность» на современном этапе определяется институциональной составляющей. В качестве главенствующих факторов экономической безопасности необходимо выделить способность экономических институтов создавать такие условия, которые способствовали бы эффективному развитию конкурентной национальной экономики, т. е. такое состояние экономики, когда она позволяет защищать жизненно важные интересы страны. В этой связи необходимо рассмотреть место органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности.

Анализ национального законодательства Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Республики Армения позволяет сделать вывод о том, что деятельность органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности государств является одним из важнейших направлений для каждой из исследуемых стран.

С целью определения роли органов внутренних дел в обеспечении экономической безопасности целесообразно рассмотреть их правовое закрепление.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь относит органы внутренних дел к субъектам обеспечения национальной безопасности, которые осуществляют согласованную деятельность по достижению цели и решению задач обеспечения национальной безопасности в соответствии с их правовым статусом, определяемым законодательством.

Органы внутренних дел Республики Беларусь – государственные правоохранительные органы, осуществляющие охрану общественного порядка, борьбу с преступностью и обеспечивающие общественную безопасность в соответствии с задачами, возложенными на них Законом Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» и иными законодательными актами Республики Беларусь.

Концепция национальной безопасности Республики Беларусь возлагает на МВД функции по обеспечению национальной безопасности. С этой целью в системе МВД создано специальное подразделение (БЭП), основным направлением работы которого является обеспечение экономической безопасности [3, с. 48]. Особое значение деятельность рассматриваемого подразделения приобрела в середине 90-х гг. прошлого века, когда значительное внимание стало отводиться проблемам коррупции, хищениям, совершаемым должностными лицами, а также связанными с ними отрицательными тенденциями в конкретных отраслях, на предприятиях и в государственных учреждениях [4]. Постепенно усилия подразделения БЭП были перенаправлены на выявление так называемых социально значимых, резонансных преступлений, а также преступлений, причиняющих значительный материальный ущерб (тяжких и особо тяжелых), особенно в финансово-кредитной сфере, топливно-энергетическом и агропромышленном комплексах, сфере предпринимательства, обращении подакцизных товаров и иностранной валюты.

Функции правоохранительных органов нашей республики и государств – участников ЕЭП во многом идентичны. С целью консолидации усилий и повышения уровня защиты от экономических угроз была утверждена Стратегия национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Она объединяет силы федеральных органов государственной власти, а также других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации (далее – органы государственной власти), органов местного самоуправления, институтов гражданского общества с целью создания благоприятных внутренних и внешних условий для осуществления национальных интересов и стратегических национальных приоритетов Российской Федерации.

В Республике Беларусь Концепция, являясь базисом для объединения усилий личности, общества, а также государства с целью реализации национальных интересов, призвана регулировать единство подходов к формированию государственной политики, обеспечению национальной безопасности, а также методологическую основу совершенствования государственных актов законодательства в разных сферах национальной безопасности, разработки документов стратегического планирования.

Сохраняя преемственность в отношении ранее принятых основополагающих документов в сфере национальной безопасности, данная Концепция вытекает из основных тенденций развивающейся Республики Беларусь, ее места и роли в современном мире.

Как указывалось ранее, во всех странах – участницах ЕЭП приняты и функционируют нормативные правовые акты, через призму которых целесообразно рассматривать экономическую безопасность. Данные документы определяют национальные и стратегические приоритеты, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной и экономической безопасности, обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. В Республике Армения действует Стратегия национальной безопасности Республики Армения, в Республике Казахстан – сходный по своему строению и основным положениям Закон «О национальной безопасности Республики Казахстан». Указанный Закон относит Министерство внутренних дел Республики Казахстан к системе основных государственных органов, обеспечивающих экономическую безопасность. Силы обеспечения национальной безопасности и иные государственные органы взаимодействуют между собой, реализуют совместные меры по защите национальных интересов Республики Казахстан и информируют друг друга по вопросам, относящимся к их компетенции.

По аналогичному принципу построено законодательство в сфере обеспечения экономической безопасности в Республике Армения. Стратегия национальной безопасности Армении закрепляет основы политики национальной безопасности, накладывает особые задачи на соответствующие государственные структуры в целях защиты национальных интересов государства и в данном контексте делает необходимым их взаимосвязанную деятельность. Она определяет постоянно изменяющуюся обстановку безопасности в стране, национальные интересы Республики Армения и основные направления политики безопасности.

Необходимо отметить, что на данном этапе развития Беларуси сформированы необходимые условия для того, чтобы предотвращать либо нейтрализовывать различные угрозы национальной безопасности. Любая система – объективное единство закономерно связанных друг с другом предметов, явлений, а также знаний о природе и обществе [5], система национальной безопасности – это механизм, который функционирует и обеспечивает решение стоящих перед ним задач [6, с. 320].

Угрозы безопасности Республики Беларусь носят комплексный характер. Одни источники способны порождать спектр угроз, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности, другие могут одновременно

менно воздействовать на положение национальной безопасности в нескольких направлениях. Формами угроз на стадии их зачатия являются риски и вызовы национальной безопасности.

Обеспечение национальной безопасности представляет собой деятельность государственных органов, усилия которых направлены на обеспечение национальной безопасности по защите личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, реализации национальных интересов, созданию необходимых условий для устойчивого развития Республики Беларусь.

Задачей обеспечения национальной безопасности выступает достижение и поддержание должного уровня защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, который будет гарантировать устойчивое развитие Республики Беларусь и реализацию ее национальных интересов.

Для решения поставленных задач обеспечения национальной безопасности в соответствии с Конституцией, законами Республики Беларусь, нормативными правовыми актами Президента, консолидируются силы обеспечения национальной безопасности, в состав которых входят: органы государственной безопасности, Вооруженные Силы, Служба безопасности Президента Республики Беларусь, органы пограничной службы, Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь, внутренние войска Министерства внутренних дел, другие войска и воинские формирования Республики Беларусь, органы внутренних дел, Следственный комитет, Государственный комитет судебных экспертиз, органы финансовых расследований, таможенные органы, орган финансового мониторинга, органы и подразделения по чрезвычайным ситуациям, подразделения (службы) иных государственных органов, обеспечивающие безопасное ведение работ в энергетике, промышленности, на транспорте, а также безопасность связи и информации, охрану окружающей среды, и др.

Реализация данной Концепции осуществляется под руководством Президента Республики Беларусь благодаря объединению усилий и ресурсов государства, институтов гражданского общества и граждан по защите и реализации национальных интересов Республики Беларусь.

За ходом реализацией Концепции следит Государственный секретариат Совета Безопасности Республики Беларусь, Государственный секретарь ежегодно готовит доклад Президенту Республики Беларусь о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

При анализе системы органов, обеспечивающих экономическую безопасность, особое внимание необходимо обратить на РФ. В России

в обеспечении экономической безопасности принимает участие вся система органов внутренних дел, начиная от центрального аппарата МВД России, главных управлений МВД России по федеральным округам, министерств внутренних дел республик, главных управлений, управлений внутренних дел краев, областей, городов федерального значения и заканчивая образовательными и научно-исследовательскими учреждениями [7, с. 5]. Если учесть, что структура и распределение функциональных обязанностей в ходе изменения структуры МВД РФ также претерпевала изменения, то главным подразделением, деятельность которого направлена на организацию противодействия угрозам экономической безопасности страны, всегда оставался Департамент экономической безопасности МВД России [8, с. 304–311]. Находясь на одном уровне с подразделениями криминальной полиции, которые по своим функциям связаны с Департаментом экономической безопасности МВД России, в обеспечении экономической безопасности страны одним из главных подразделений выступает полиция общественной безопасности [7, с. 5]. Она не только выявляет и пресекает преступления в сфере экономики, но и обеспечивает профилактическую деятельность, которая непосредственно влияет на целостность самой среды, куда входит нормальное воспроизводство социальных и экономических отношений.

Значительный объем работы по предупреждению и борьбе с экономическими преступлениями в РФ выполняют подразделения БЭП. Их функции неоднократно изменялись и уточнялись. В данный момент это централизованная система подразделений органов внутренних дел, взаимодействующих с другими ведомствами и службами органов внутренних дел с целью осуществления на основе разведывательно-поисковой деятельности выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, совершаемых членами организованных преступных сообществ, в том числе в сфере экономики, а также ведения борьбы с коррупцией [8, с. 304–311].

Кроме ранее указанных подразделений в обеспечении экономической безопасности участвуют подразделения полиции общественной безопасности, противодействующей пусть и менее значительным, но не менее значимым угрозам в сфере обеспечения правопорядка и борьбы с экономическими правонарушениями.

При обеспечении экономической безопасности серьезную роль играет учет особенностей экономико-правовой организации финансового контроля, данная функция частично возложена на органы внутренних дел.

Экономико-правовая организация финансового контроля имеет специфические черты. Государства постепенно отходят от тоталитарности государственного финансового контроля и создают правовую основу

для его организации. Например, в Республике Казахстан подразделения МВД отслеживают движение денежных ресурсов, которые так или иначе связаны с формированием государственных ресурсов, а также следят за полнотой и своевременностью их поступления и целевым использованием. Кроме того, сотрудники полиции наделены правом осуществлять ревизии и проверки как в государственном секторе, так и в сфере частного и корпоративного бизнеса, если таковые предопределены общенациональными экономическими интересами. Сегодня органы внутренних дел уделяют серьезное внимание вопросам совершенствования системы финансового контроля.

В то же время в некоторых государствах сохранились традиционные подходы. Так, в соответствии с законодательством Республики Армения подразделения правоохранительных органов относятся к органам противодействия экономической преступности, которые согласно законодательству проводят свою деятельность в данной сфере [9, с. 359].

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

органы внутренних дел являются одним из ключевых элементов системы обеспечения экономической безопасности любого государства. На современном этапе в компетенцию правоохранительных органов входит противодействие всему комплексу криминогенных угроз экономической безопасности;

органы внутренних дел всех государств наделены сходными полномочиями в сфере обеспечения экономической безопасности, имеющие отличия носят объективный характер и вызваны различиями в государственном устройстве и географическом местоположении.

1. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // *Вопр. экономики.* – 1994. – № 12. – С. 3–21.

2. Архипов, А. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения / А. Архипов, А. Городецкий, Б. Михайлов // *Вопр. экономики.* – 1994. – № 12. – С. 38–42.

3. Русецкая, Э.А. Экономическая безопасность страны: теоретико-методологические аспекты / Э.А. Русецкая // *Нац. интересы: приоритеты и безопасность.* – 2006. – № 3. – С. 47–50.

4. Мясникович, М.В. Проблемы экономической безопасности : учеб. пособие / М.В. Мясникович. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2001. – 143 с.

5. Кардашова, И.Б. Обеспечение национальной безопасности МВД России : монография / И.Б. Кардашова. – М. : ВНИИ МВД России, 2007.

6. Министерство внутренних дел Республики Беларусь / Криминальная милиция / Главное управление по борьбе с экономическими преступлениями

ми / История [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=8981>. – Дата доступа: 20.06.2017.

7. Моделирование систем : учеб. пособие / И.А. Ибрагимов [и др.]. – Баку : Азинефтехим, 1988.

8. Яковец, Е.Н. Основы информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности : учеб. пособие / Е.Н. Яковец. – М. : МосУ МВД России : Щит-М, 2009.

9. Агаев, И.А. Современные методы противодействия экономической преступности и обеспечения экономической безопасности органами внутренних дел / И.А. Агаев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – С. 359–362.

УДК 947.6(09)

Р.В. Герасименко, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат исторических наук,
доцент *С.Ф. Лапанович*

ДИНАСТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ВКЛ В КОНЦЕ XIV ст. И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТРАНЫ

Углубленное изучение проблематики эволюции Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (далее – ВКЛ) является актуальным и по сегодняшний день. На рубежах XIII и XIV вв. ВКЛ занимало одну из ведущих позиций на восточноевропейской арене. Чтобы успешно исследовать историю белорусского и соседних народов, необходимо уяснить причины и влияние конфликтов, а также междоусобных войн за власть на территории ВКЛ и понять, почему они произошли и что этому поспособствовало. Исторические преобразования в ВКЛ оказали определенное влияние на современное геополитическое устройство. Процесс становления и развития ВКЛ повлиял на будущее близлежащих территорий и государств в этот период ввиду масштабности и значимости этого государственного образования. На сегодняшний день, к сожалению, в изучении истории ВКЛ доминируют польские и литовские исследования. Необходимо, чтобы и белорусы активно изучали свою историю разных периодов. Ведь ВКЛ – это многонациональное государственное образование, и право на наследие и историю этого уникального государства имеют в том числе белорусы. Изучение формирования и развития ВКЛ в данный период времени даст обоснованное понимание становления современного мира и цены тех ошибок, которые были допущены из-за принятия спорных решений.

Внутреннее политическое равновесие, создавшееся в ВКЛ при Ольгерде, сразу нарушилось после его смерти. Уже тот факт, что великокняжеский престол перешел к Ягайло – старшему сыну Ольгерда от его второй жены Юлианы, не мог не вызвать недовольства у кого-нибудь из других двенадцати его сыновей. Кроме того, нельзя забывать и о брате Ольгерда – Кейстуте, который стал самым старшим в роду Гедиминовичей и имел наибольшее право занять великокняжеский престол после смерти своего старшего брата. Все это в скором времени и привело к печальным результатам [1, с. 70]. Именно с этого момента внутривнутриполитический конфликт в ВКЛ обострился как никогда раньше.

Отметим, что Ягайло не был такой заурядной личностью, каким его характеризуют некоторые исследователи. Наоборот, он обладал качествами, нужными для государственного деятеля. Надо думать, что такие качества видел в нем и великий князь Ольгерд [1, с. 71].

Политические условия толкали ВКЛ к союзу с Золотой Ордой. Наиболее важным моментом выступает противостояние Москвы с ВКЛ, а также с еще одним претендентом на престол – Андреем Полоцким. В итоге Андрей встал под знамена московского князя, а Ягайло заключил военный союз с Золотой Ордой.

Кульминацией стали события 1380 г., когда войско ВКЛ остановилось за двадцать верст от Куликова поля и на русско-монгольскую битву не пошло. Не стоит гадать, как повернулась бы наша история, ударь Ягайло в спину москвичам. Сделать этого он не мог, так как его воины-русины не пожелали идти против единоверцев, хорошо помня, как громили ордынцев на Синих Водах [2, с. 168].

Фактически Ягайло ждал результата от столкновения московского и татарского войска друг с другом. Есть множество источников, которые показывают нам великого князя Ягайло, будущего короля Польши, только с отрицательной стороны. Междоусобная борьба в ВКЛ происходила не только по вине внешних врагов, но и благодаря тем князьям-претендентам, которые мечтали преумножить свою власть и достичь абсолютного могущества в государстве. Возможно, одним из самых ярких зачинщиков этого внутривнутриполитического кровопролития и являлся князь Кейстут.

Пока великим князем был Ольгерд, Кейстут мирился со своим подчиненным положением. Однако после смерти Ольгерда и установления власти Ягайло Кейстут решил использовать борьбу племянника с полочанами для возвышения положения Жемойти через возвышение своей власти. Но частые приезды Кейстута в Вильно, где он стремился давать великому князю разные советы в управлении государством, сразу насторожили

Ягайло. Понятно, что Ягайло не мог поступиться интересами большей части государства и поэтому стал сопротивляться Кейстуту [1, с. 76].

Тем самым внутривосточная борьба Ягайло и Кейстута была более масштабной, нежели межличностный конфликт. Эту борьбу спровоцировал ряд причин, которых стоило ожидать, тем более что борьба за власть являлась основополагающей не только во времена Ягайло, но и во времена всей истории человечества до сегодняшнего времени. Кейстут собрал свои полки и пришел в Вильно. Здесь он обнаружил бумаги, которые доказывали сговор Ягайло с крестоносцами [3, с. 51; 2, с. 77]. Кейстут сообщил обо всем своему сыну Витовту. Витовт решил встретиться с Ягайло. Накануне переговоров Ягайло поклялся Витовту и Кейстуту, что никогда не выступит против них, а всегда и во всем будет у Кейстута «под рукой». И Кейстут «отпустил Ягайло с матерью и с братьями со всем его скарбом» [1, с. 52].

Однако Ягайло быстро забыл свою клятву Кейстуту и, заключив союз с немцами, пошел к реке Вилии. Кейстут с Витовтом выступили против него. Все же обе стороны решили пойти на перемирие и дать друг другу присягу. Ягайло вновь обманул. Когда Кейстут и Витовт прибыли к нему, он предложил им поехать в Вильно и там заключить договор о мире. Но после приезда в Вильно, Кейстут и Витовт были схвачены по приказу Ягайло, отправлены в Крево и посажены в башню. На пятую ночь Кейстут был задушен [3, с. 53; 1, с. 79].

В этой истории летопись представляет Ягайло в черных красках, а Кейстута – в светлых. Однако несмотря на старание обвинить во всем Ягайло, хроника не могла спрятать тот факт, что именно Кейстут начал борьбу с Ягайло, а не наоборот. Именно с Кейстута началось возвышение жемойтской части государства. Однако ее стремление выйти на первое место закончилось жестоким поражением, которое определило трагичный финал жизни Кейстута [1, с. 81].

Такая же трагическая судьба была уготована и Витовту. Он был заключен в Крево, но ему удалось обмануть стражей и выйти из замка, после чего князь бежал к крестоносцам в Пруссию. В Пруссии ему стал помогать великий магистр ордена Конрад. Вскоре великий магистр отправил князю Ягайло послание, в котором обвинил его в присвоении части Жемойти. И снова, как видим, жемойтский вопрос выступил в новом конфликте как основной [1, с. 81].

Нестабильное положение в государстве вынудило Ягайло искать надежную опору как внутри государства, так и за его пределами. Первые способы найти мощного союзника в лице князя московского не принесла

Ягайло успеха. Проект договора между соседними княжествами предусматривал крещение языческой части населения ВКЛ в православную веру. Это, вероятно, было неприемлемо для литовской знати [4, с. 79].

Союз ВКЛ с Польшей под властью одного монарха внес коренные изменения в государственном обустройстве двух государств и повлиял на развитие экономических, политических и культурных связей народов Беларуси, Литвы и Польши. Вся история этих народов на протяжении 400 лет находилась под властью этого союза, начало которому было положено в 1385 г. в замке Крево [5, с. 76].

Подписанная в Креве уния была окончательно заключена в феврале 1386 г. С юридической точки зрения Кревская уния фактически означала инкорпорацию ВКЛ в состав Польской Короны. Однако на практике реализовать принятое решение было невозможно, и держава Гедиминовичей продолжала существовать как отдельный политический организм. Благодаря тем гражданским силам, которые были недовольны унией, инкорпорация стала только кратковременным эпизодом в нашей истории [6, с. 81; 7, с. 424].

После заключения между ВКЛ и Польшей Кревской унии на территории ВКЛ правовое положение православной церкви значительно ухудшилось. Несмотря на то, что большая часть привилеев не затрагивала православную церковь, ее положение зависело от статуса ее членов, в том числе шляхты, часть которой начала переходить в католичество. Православной шляхте приходилось систематически бороться за сохранение своих прав [8, с. 24].

В 1387 г. в качестве основной религии ВКЛ был заявлен католицизм. Ягайло под именем Владислава, короля польского и великого князя литовского, стремился усилить положение латинской церкви [9, с. 280].

Таким образом, попытка достигнуть одновременно целей укрепления государственного союза и принудительного насаждения католицизма приобрела негативные последствия. Среди них было массовое окатоличивание и религиозное разграничение населения. Привилеи Ягайло 1387 г. были дискриминационные в отношении к православной знати и всего православного населения. Это вызывало резкое неудовлетворение политикой верховной власти ВКЛ, что не способствовало межгосударственному взаимопониманию и привело к кризису существования государства [10, с. 108].

Чтобы понять, почему Ягайло и его советники выбрали союз именно с Польшей, необходимо ответить на вопрос, были ли альтернативы такого союза? Принятие католичества было мерой, которая резко раз-

рушила тенденцию эволюционного развития Литвы, имевшую место в XIII–XIV вв. Имеется в виду постепенное обрусение балтской правящей элиты через православное крещение и браки с княгинями из русских династий [11, с. 89].

После Кривской унии русины оказались под властью католиков. Это не могло не вызывать негативной реакции с их стороны. Даже много позднее, в 1415–1420 гг., митрополит киевский Григорий Цамблак написал два антилатинских произведения [12, с. 96]. Воспользовавшись недовольством большей части населения, Витовт, который укрепился в своих силах за счет московского князя Василия Дмитриевича, стал правителем ВКЛ. Ягайло признал Витовта великим князем литовским, а тот, в свою очередь, признал Ягайло верховным сюзереном Литвы.

Таким образом, середина XIII – конец XIV в. были ознаменованы важными политическими событиями в истории ВКЛ. В 1385 г. была заключена Кривская уния с Польшей, положившая, как оказалось, начало медленному, поступательному расширению влияния Польши на государственно-политическую и культурно-религиозную жизнь княжества. Она же способствовала усилению внутривполитической борьбы между Ольгердовичами и сыном Кейстута Витовтом, что сопровождалось человеческими потерями и материальными разрушениями [13, с. 152].

На наш взгляд, уния в большей степени отрицательно повлияла на ВКЛ, так как содействовала польской экспансии на земли ВКЛ [14, с. 32].

Причиной кризиса государства был внутренний конфликт. Подписав унию, Польша создала конфликт, так как внутри общего государства пробегали границы верований и культур. Меняя на привилегии веру и язык, ополячивалось большинство шляхты [15, с. 45].

Внутренние конфликты в развивающемся государстве стали причинами подписания унии в Криве. Кривская уния натолкнула ВКЛ на противостояние с Москвой, притом, что орден крестоносцев еще продолжал существовать как «неизлечимая болезнь». Столкновение с Московским княжеством происходило по причине того, что ВКЛ после унии поддерживала католицизм, а Москва была православной.

Осмыслив события, значительно изменившие ход истории, можно предположить, какой была бы наша история, если бы ряд мероприятий, которые происходили в кризисный момент для ВКЛ (кровопролитная борьба за власть между братьями – наследниками великокняжеского престола, заключение Кривской унии и др.), возможно было избежать. Но, к сожалению, история не терпит ошибок, и нам приходится извлекать запоздалые уроки с целью не допустить повторения негативных со-

бытий тех лет. Поэтому, исходя из развития ВКЛ, можно судить о том, что гражданский мир важен для любого государства, даже для самого могущественного и стабильного, так как противоречия внутри страны способствуют ее постепенному краху, что и произошло ВКЛ в силу религиозных противоречий.

1. Беларускія летапісы і хронікі : пер. са старажытнарус., старабеларус. і пол. / уклад. У. Арлова ; прадм. В. Чамярыцкага. – Мінск : Беларус. кнігазбор, 1997. – 432 с.

2. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь. Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мінск : Бацькаўшчына : Бесядзь, 1994. – 91 с.

3. Орлов, В.А. Тайны Полоцкой истории / В.А.Орлов. – Минск : Попурри, 2012. – 608 с.

4. Гісторыя Беларусі / А.Л. Абецэдарская [і інш.] ; пад рэд. А.Г. Каханоўскага. – Мінск : Экаперспектыва, 1997. – 496 с.

5. Доўнар, Т.І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі : падручнік / Т.І. Доўнар. – Мінск : Адукацыя і выхаванне, 2014. – 416 с.

6. Ермаловіч, М. Беларуская дзяржава Вялікае княства Літоўскае / М. Ермаловіч. – Мінск : Беллітфонд, 2000. – 448 с.

7. Вялікае княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 3 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Т. 3. Дадатак. А–Я. – Мінск : Беларус. энцыкл., 2010. – 696 с.

8. Праблемы сацыяльна-эканамічнага, палітычнага і прававога развіцця грамадства ў кантэксце агульнаеўрапейскіх і сусветных інтэграцыйных працэсаў : матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. маладых навукоўцаў і студэнтаў (Мінск, 14 мая 2004 г.) / пад рэд. С.Ф. Сокала, А.У. Руцкага. – Мінск : БІП-С, 2004. – 324 с.

9. Шукан, М.Г. Рэгуляванне абласнымі граматамі прававога становішча Праваслаўнай Царквы ў Вялікім княстве Літоўскім / М.Г. Шукан // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – Мінск, 2006. – № 2. – 128 с.

10. Бардах, Ю. Штуды з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага / пер. М. Раманоўскай і А. Істомінай ; прадм. Г. Сагановіча. – Мінск, 2002. – 459 с.

11. Ліцкевіч, А. Крэва: саюз і разрыў цывілізацый / А. Ліцкевіч // Беларус. думка. – 2008. – № 4. – С. 87–91.

12. Чигринов, П.Г. История Беларуси : монография / П.Г. Чигринов ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2006. – 839 с.

13. Мікульскі, Ю.М. Князь Вітаўт вачыма нашых продкаў: стаўленне рускага насельніцтва ВКЛ да літоўскага гаспадара / Ю.М. Мікульскі // Беларус. думка. – 2012. – № 5. – С. 94–98.

14. Басюк, І.А. Крэўская унія 1385 года: захад палітыка-прававога аналізу / І.А. Басюк // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. Сер. 4, Правазнаўства. – 2011. – № 2. – С. 31–34.

15. Алексейчик, Я.Я. Похищение Ядвиги / Я.Я. Алексейчик // Беларус. думка. – 2014. – № 8. – С. 42–47.

Д.Н. Глухов, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

**ИСХОДНЫЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫЕ СИТУАЦИИ
ПРИ ИЗГОТОВЛЕНИИ, ХРАНЕНИИ, СБЫТЕ
ПОДДЕЛЬНЫХ ДЕНЕГ ИЛИ ЦЕННЫХ БУМАГ.
ВЫДВИЖЕНИЕ ВЕРСИЙ И ОСОБЕННОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ
НАЧАЛЬНОГО ЭТАПА РАССЛЕДОВАНИЯ**

В ходе проведения оперативно-розыскных и иных мероприятий, а также в случае получения заявления, сообщения граждан или должностных лиц организаций об обнаружении поддельных денежных знаков или ценных бумаг на начальном этапе расследования фальшивомонетничества часто возникают оперативно-розыскные ситуации, которые принято называть исходными.

1. Денежные знаки или ценные бумаги, вызывающие сомнение в подлинности, обнаружены в обращении (наиболее распространена ситуация) [1, с. 77]. Такая ситуация имеет две разновидности: фальшивки выявлены сотрудниками кредитных и иных учреждений, производящих расчеты с населением по вкладам, за товары и услуги и при последующих операциях с деньгами; обнаружены гражданами после получения зарплаты, платы за услуги, сдачи при покупке товаров и т. п. Сведения о сбытчиках поддельных денег отсутствуют.

2. Подделки выявлены при попытке их сбыта лицом, которое скрылось с места сбыта. Имеется некоторая информация о личности сбытчика [1, с. 77].

3. Лицо задержано при попытке сбыта подделок [1, с. 77].

4. Факт фальшивомонетничества выявлен оперативным путем [1, с. 78].

5. Когда о фактах фальшивомонетничества становится известно из сообщений Интерпола в случаях задержания граждан Беларуси за рубежом за изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, либо выявлений фальшивок и обоснованного предположения о том, что их изготовление осуществлялось в Беларуси [1, с. 78].

Исходя из содержания типичной ситуации 1, как правило, выдвигаются версии о возможных местах сбыта поддельных денег, если они обнаружены в банках, других кредитных и иных учреждениях; о способе изготовления поддельных денег; об оборудовании, приспособлениях и материалах, используемых при изготовлении поддельных денег, о ме-

стах возможного их применения, о личных качествах и профессиональных навыках изготовителей и сбытчиков поддельных денег; о возможном круге лиц, среди которых необходимо искать подозреваемых и др. [1, с. 78]. В таких случаях при поступлении заявления или сообщения в органы внутренних дел об обнаружении денежного знака, подлинность которого вызывает сомнение, на место происшествия незамедлительно направляется следственно-оперативная группа, в состав которой обязательно включаются следователь, сотрудники подразделения БЭП и экспертно-криминалистических служб.

Особенностью содержания ситуации 2 является то, что оперативным сотрудникам и следователю известны места попыток сбыта и некоторая информация о внешних признаках личности сбытчика [1, с. 78]. В этих случаях кроме выдвижения версий, присущих первой ситуации, строятся версии о личности сбытчика; его профессии, о местах его нахождения и о возможных сообщниках.

В ситуации 3, когда сбытчик поддельных денег задержан на месте сбыта, дополнительно к версиям, характерным для первой ситуации, выдвигаются версии: о возможном неумышленном сбыте (когда сбытчик не знал, что сбывает поддельные деньги); о других местах сбыта; о личности других возможных сбытчиков; о личности изготовителя поддельных денег (когда фальшивомонетничество совершается в одиночку, изготовителем и сбытчиком может быть одно и то же лицо); о круге возможных лиц, которым известно о занятии задержанным изготовлением или сбытом поддельных денег [1, с. 79].

Для ситуации 4, когда факт фальшивомонетничества выявлен оперативным путем в процессе проверки сотрудниками БЭП заявлений граждан или сообщений должностных лиц, содержащих основания подозревать конкретное лицо либо группу лиц, занимающихся подготовкой к изготовлению или изготовлением или сбытом поддельных денег, характерно построение оперативно-розыскных версий, присущих ранее рассмотренным ситуациям, с учетом особенностей и полноты, ранее проверенных оперативным путем версий [1, с. 80]. К моменту возбуждения уголовного дела оперативным сотрудникам и следователю известны подозреваемые, способы и места изготовления и сбыта поддельных денег, источник их происхождения и другие обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании уголовного дела. Полученная оперативным путем информация значительно облегчает выдвижение оперативно-розыскных версий и планирование расследования в целом.

В ситуации 5, когда о фактах фальшивомонетничества становится известно из сообщений Интерпола о задержании за рубежом подозре-

ваемых в изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг граждан Беларуси, выдвигаются версии о личности задержанных, об их принадлежности к организованной группе преступников, об их связях на территории России, о круге лиц, которым известно о занятии задержанными фальшивомонетничеством [1, с. 81].

В случаях выявления поддельных денежных знаков за рубежом и обоснованного предположения о том, что их изготовление осуществлялось в России, выдвигаются версии о возможном изготовлении подделок в уже известных правоохрнительным органам местах, известными фальшивомонетчиками или иными лицами и др. [2, с. 269].

Проверка версий по пятой ситуации осуществляется в основном путем производства комплекса оперативно-розыскных мероприятий для получения информации, содержащей достаточные данные, указывающие на признаки фальшивомонетничества. Полученная оперативным путем информация, как и в четвертой ситуации, облегчает планирование расследования.

Исходя из содержания типичных оперативно-розыскных ситуаций осуществляется планирование начального этапа расследования путем построения общих и частных версий, определения круга обстоятельств, подлежащих установлению, и перечня средств и методов проверки версий.

Планирование расследования осуществляется в тесном взаимодействии следователя с сотрудниками органов дознания: сотрудников подразделений БЭП и соответствующих специалистов.

Результатом планирования является согласованный план, где предусмотрено оптимальное сочетание оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, сроки их проведения и исполнителей.

Применительно к содержанию первой ситуации, когда поддельные денежные знаки выявлены сотрудниками кредитных, торговых либо иных учреждений, а сведений о личности сбытчика не имеется, неотложными следственными действиями будут являться: допрос лица, выявившего денежные знаки, вызывающие сомнение в их подлинности; осмотр выявленных денежных знаков; назначение криминалистических и других судебных экспертиз.

При допросе лица, обнаружившего поддельную купюру, важно выяснить обстоятельства ее получения и обнаружения, приметы сбытчика, установить, на какую сумму и какие товары при этом приобретались, был покупатель один или с кем-либо, не отвлекал ли кто-нибудь внимания продавца или кассира. Если фальшивка была обнаружена при сбытчике, не делал ли он попытки вернуть купюру, вырвать ее силой. Эту информацию с места происшествия следователь передает дежурно-

му органа внутренних дел для организации дальнейших мероприятий по розыску и задержанию фальшивомонетчика по «горячим следам» [2, с. 270]. В качестве свидетелей допрашиваются очевидцы произошедшего и другие граждане. С их помощью составляется словесный портрет лица, сбывшего поддельные деньги. Свидетелям и потерпевшим предъявляются фотоальбомы со снимками фальшивомонетчиков, мошенников, наркоманов. В случае обнаружения на банкнотах следов пальцев рук, могущих быть оставленными преступником, назначается дактилоскопическая экспертиза, а затем технико-криминалистическая либо комплексная экспертиза выявленных денежных знаков.

Основными задачами оперативно-розыскной деятельности на начальном этапе расследования являются: установление возможных мест сбыта поддельных денег (для первой ситуации); установление и розыск сбытчиков; установление общего источника происхождения поддельных денег; установление предприятий и организаций, имеющих копировально-множительную технику и материалы, необходимые для изготовления поддельных денег, и др.

Каждая из названных задач конкретизируется и решается путем проведения оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 18 Закона об оперативно-розыскной деятельности ОВД. Например, установление и розыск фальшивомонетчиков следует проводить среди лиц, ведущих сомнительный образ жизни, ранее судимых за фальшивомонетничество, обладающих специальными познаниями и навыками в области полиграфии, фотографии, цинкографии, граверного дела, копировально-множительной и компьютерной техники; имеющих доступ к оборудованию и материалам, необходимым для изготовления поддельных денег, и т. д.

Сомнительный денежный знак осматривается сотрудником экспертно-криминалистического подразделения в присутствии лица или представителя организации, обнаруживших его. В качестве специалистов могут быть приглашены также работники банков, валютных отделов магазинов, обменных пунктов валюты и т. д. Изучая вместе со специалистом обнаруженные фальшивые деньги, следователь устанавливает признаки подделки и выдвигает розыскные версии [3, с. 44].

На основании данных, полученных при первоначальном осмотре денежного знака, а также его экспертном исследовании, при допросах свидетелей оперативный сотрудник выдвигает версии о фальшивомонетчике и обстоятельствах совершенного им преступления. Например, вывод эксперта об изготовлении поддельной купюры с помощью множительной техники позволяет высказать следующие предположения о:

месте их изготовления и сбыта, числе изготовленных фальшивок, составе преступной группы (вероятно, есть специалист по множительно-копировальной технике, способный ее обслуживать и ремонтировать), месте нахождения множительной техники, наличии автотранспорта у преступников, где и каким способом осуществляется сбыт фальшивых денег и ценных бумаг и др.

Важным средством установления личности фальшивомонетчиков и общего источника происхождения поддельных денег является их своевременная проверка по соответствующим учетам, ведущимся в экспертно-криминалистических подразделениях и ГУБЭП МВД Республики Беларусь.

В третьей ситуации, когда поддельные деньги выявлены при попытке их сбыта лицом, задержанным на месте происшествия, неотложными следственными действиями являются: задержание сбытчика; его личный обыск, освидетельствование и допрос; осмотр места сбыта; допрос лиц, выявивших поддельные деньги и задержавших подозреваемых; осмотр выявленных поддельных денег; обыск по месту жительства и работы задержанного; назначение судебных экспертиз; осмотр мест изготовления и хранения поддельных денег; осмотр оборудования и материалов, используемых для изготовления поддельных денег, получение образцов для сравнительного исследования, назначение последующих судебных экспертиз [3, с. 46]. Последующие оперативно-розыскные мероприятия позволят нам получить информацию о: сведениях о личности задержанного сбытчика, определить местонахождение и личности изготовителей поддельных денег, определить круг лиц осведомленных об изготовлении или сбыте поддельных денег и решить другие задачи.

В четвертой ситуации, когда оперативным путем выявлены участники преступления, места изготовления, хранения и сбыта поддельных денег, применяемое оборудование, материалы и другие обстоятельства, расследование начинается с задержания подозреваемых с поличным в момент изготовления или сбыта поддельных денег либо с обыска по месту их жительства и работы.

Оперативно-розыскные мероприятия в этой ситуации направлены на установление: связей подозреваемых с художниками, полиграфистами, граверами, фотографами; а также с лицами, ранее судимыми за фальшивомонетничество и иностранными гражданами; лиц, не связанных с полиграфическим производством, но проявляющих к нему повышенный интерес; лиц, имеющих доступ к материалам, годным для изготовления печатных форм, бумаги, используемой для печатания бумажных денег, к оборудованию и инструментам, необходимым для изготовления

фальшивых денежных знаков; фактов поездок подозреваемых в другие регионы и выявления там в это время поддельных денег [3, с. 48].

В пятой ситуации после проверки сообщений Интерпола и получения оперативной информации, содержащей достаточные данные, указывающие на признаки фальшивомонетничества, расследование начинается либо с задержания и личного обыска сообщников задержанного за рубежом фальшивомонетчика и последующего обыска по месту их жительства и работы, либо с обыска и последующего осмотра установленных мест изготовления и хранения поддельных денег (выявленных за рубежом), оборудования, приспособлений и материалов, используемых при изготовлении подделок.

Следует заметить, что своевременно и правильно организованное проведение оперативно-розыскных мероприятий, например, контроль в сетях электросвязи, в отношении подозреваемого также даст необходимые сведения для наиболее быстрого расследования. Умелое использование таких сведений при допросе способствует формированию у допрашиваемого убежденности в безусловной осведомленности органов расследования обо всех фактах его криминальной деятельности. Это, в свою очередь, способствует установлению необходимого психологического контакта с подозреваемым и облегчает процесс расследования по делу.

Расследование уголовных дел по фальшивомонетничеству независимо от сложившейся оперативно-розыскной ситуации осуществляется в тесном контакте сотрудников БЭП с сотрудниками экспертно-криминалистических подразделений, следователем, сотрудниками уголовного розыска, участковыми инспекторами милиции.

Для профилактики фальшивомонетничества, раскрытия и расследования этого вида преступлений постоянно осуществляется работа с лицами, ранее судимыми за изготовление, хранение, сбыт фальшивок, а с теми, кто когда-либо задерживался с поддельными денежными знаками, но был признан «добросовестным сбытчиком», и уголовное дело в отношении него было прекращено.

Таким образом, содержание типичных оперативно-розыскных ситуаций имеет определяющее значение для выдвижения версий и планирования расследования. В каждом конкретном случае в план расследования, с получением новой информации, вносятся необходимые изменения и дополнения.

1. Фирсов, Е.П. Расследование изготовления или сбыта поддельных денег или ценных бумаг, кредитных либо расчетных карт и иных платежных документов : монография / Е.П. Фирсов ; под науч. ред. М.И. Комиссарова. – М. : Юрилитинформ, 2004. – 160 с.

2. Гаврилов, С.Ю. Противодействие незаконному изготовлению и сбыту поддельных денег и ценных бумаг: проблемные аспекты / С.Ю. Гаврилов // Бизнес в законе. – 2007. – № 4. – С. 268–270.

3. Климова, Е.И. Методика расследования фальшивомонетничества / Е.И. Климова. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1999. – 126 с.

УДК 351.74(09)

И.Т. Голуб, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,

доцент *О.С. Буйкевич*

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ (ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мошенничество как преступное деяние занимает особое место среди преступлений против собственности, приобретая все больший удельный вес в их структуре. Поражая все сферы общественной жизни, преступление данного вида сохраняет высокий уровень латентности, несет существенный имущественный ущерб. Способы совершения мошенничества имеют выраженный интеллектуальный характер, при этом его совершающие лица хорошо адаптируются к изменяющимся социально-экономическим условиям.

Вместе с тем практика рассмотрения правоохранительными органами обращений (заявлений, сообщений) по фактам противоправных действий, связанных с хозяйственными спорами субъектов, свидетельствует о достаточно тонкой грани отдельных из них с уголовно-наказуемыми деяниями, в первую очередь связанных с мошенничеством.

В белорусском законодательстве отсутствует легальное определение мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. На нормативном уровне закреплена только общая норма в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК), определяющая в диспозиции ст. 209 следующее понятие рассматриваемой диспозиции: завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием (мошенничество). Российская Федерация пошла по пути специализации ответственности за мошенничество, и 29 ноября 2012 г. был принят Федеральный Закон № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», дополнив Уголовный кодекс Российской Федерации 6-ю статьями, одна из которых (ст. 159.4) закрепляет ответственность за мошенничество в предпринимательской деятельности.

Так, согласно ст. 159.4 УК Российской Федерации мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, наказывается штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов, либо ограничением свободы на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до одного года, либо лишением свободы на тот же срок.

Исходя из приведенных выше определений, можно сделать вывод, что мошенничество в предпринимательской деятельности – это завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

Проблемные вопросы ответственности в исследуемой сфере непосредственно связаны с разграничением уголовно наказуемого деяния и гражданского правонарушения за обман (мошенничество) в предпринимательской деятельности, в том числе за нарушение договорных обязательств.

За нарушение договорных обязательств контрагентом предусмотрена в соответствии с законодательством Республики Беларусь уголовно-правовая и гражданско-правовая ответственность.

Вообще проблема разграничения уголовно наказуемого деяния и гражданского правонарушения возникла с конца XVIII в., т. е. с периода зарождения правовой науки. Результаты первого научного исследования, посвященного этому вопросу, были изданы в Санкт-Петербурге в 1813 г. (работа И. Наумова «О разделении преступлений против права гражданского и против права уголовного»). Несмотря на научные разработки и двухсотлетний исторический опыт, правоприменительная практика по-прежнему испытывает серьезные затруднения при выборе вида правонарушения: «преступление» или «гражданско-правовое правонарушение» и соответственно вида юридической ответственности. Это обусловлено значительной новизной составов преступлений и разнородности действий субъектов хозяйствования, что, в свою очередь, порождает проблему выбора того или иного вида юридической ответственности со стороны государственных органов [1, с. 1–2].

Для последовательного решения обозначенной задачи прежде всего следует разобраться с основаниями выделения в системе юридической ответственности уголовной и гражданско-правовой ответственности.

С учетом вышеизложенного для разграничения двух видов юридической ответственности – уголовной и гражданско-правовой – следует изначально разобраться с юридической категорией юридической от-

ветственности в целом, так как этот вид социальной ответственности определяет сущность и содержание двух указанных понятий.

В теории права на понятие юридической ответственности нет единой точки зрения, и различными авторами оно определяется по-разному. В нашем случае обратимся к понятию юридической ответственности известного белорусского ученого-теоретика А.Ф. Вишневого. По его мнению, юридическая ответственность – это субъективная обязанность правонарушителя претерпеть предусмотренные законодательством неблагоприятные, карающие его последствия совершенного им противоправного виновного деяния [2, с. 45–46].

Так, ученые называют целый ряд признаков юридической ответственности.

1. Субъективная, т. е. личная обязанность конкретного правонарушителя отвечать за содеянное. Определяется в рамках правовых норм. Делится на статутную (юридическую ответственность в объективном смысле) и субъективную.

2. Наличие правонарушения как юридического факта, обуславливающего превращение статутной ответственности в субъективную ответственность. Без совершения правонарушения субъективная ответственность не возникает, а без его доказанности, причем в отношении всех элементов состава правонарушения, она не может быть реализована.

3. Особая субъективная обязанность, заключающаяся в необходимости претерпеть карающие правонарушителя правовые санкции. При этом санкции могут сводиться к любым мерам правового принуждения: и уголовно-правовым, и гражданско-правовым.

4. Наличие доказанности вины правонарушителя, что обусловлено мерами юридической ответственности в отличии от мер защиты, профилактики, предупреждения и пресечения.

5. Предполагаемое при всех обстоятельствах государственное и общественное осуждение правонарушителей за посягательства на защищаемые правом общественные отношения [3, с. 66–67].

К каждой отрасли права в целом юридическая ответственность не может применяться, так как наряду с общими признаками данной ответственности присущи и отраслевые признаки, т. е. имеют место особенности отраслевой ответственности, в частности гражданско-правовой и уголовно-правовой.

В юридической науке вопрос о понятии гражданско-правовой ответственности многие годы остается спорным. Не обращаясь к комплексному исследованию понятия гражданско-правовой ответственности, в рамках настоящего исследования в отношении понятия и характерных признаков гражданско-правовой ответственности ограничимся опреде-

лением О.С. Иоффе, считая его наиболее оптимально отражающим суть изучаемого понятия. Так, ученый утверждал, что гражданско-правовая ответственность есть санкция за правонарушение, вызывающая для правонарушителя отрицательные последствия в виде ограничения субъективных гражданских прав либо возложения новых гражданско-правовых обязанностей [4, с. 88–89].

В свою очередь, обратившись к определению В.П. Грибанова, можно выделить некоторые специфические признаки гражданско-правовой ответственности, позволяющие отграничить ее от других видов юридической ответственности, в частности от уголовно-правовой, тем самым подчеркнув ее гражданско-правовой характер.

1. Имущественный характер. Применение гражданско-правовой ответственности всегда связано с возмещением убытков, взысканием причиненного ущерба, уплатой неустоек (штрафов, пеней). Даже в случаях, когда лицу был причинен моральный вред, компенсация правонарушителем будет носить имущественный характер.

2. Ответственность одного участника отношений пред другим, ответственность правонарушителя перед потерпевшим.

3. Соответствие размера ответственности размеру причиненного вреда или убытков [5, с. 63–64].

Понятие уголовной ответственности было закреплено впервые в УК Республики Беларусь 1999 г. фактически. Согласно ч. 1 ст. 44 данного Кодекса уголовная ответственность выражается в осуждении от имени государства по приговору суда лица, совершившего преступление, и применении на основе осуждения наказания или иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом. Вместе с тем следует отметить, что в той же ч. 1 ст. 44 УК идет речь только о реализации уголовной ответственности, но не о ее сущности как таковой. Иначе за рамками правовой оценки уголовной ответственности оказалось бы состояние лица, совершившего преступление, до момента вынесения в отношении его обвинительного приговора, т. е. до момента отрицательной оценки судом его поведения. На этом основании следует согласиться с общепринятой теоретической концепцией, согласно которой уголовная ответственность рассматривается как обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть соответствующие ограничения и лишения.

Изложенное позволяет выделить характерные черты уголовно-правовой ответственности, они состоят в том, что уголовная ответственность:

1. Ретроспективная ответственность лица, являющаяся следствием совершения им преступления.

2. Связь уголовной ответственности с отрицательной оценкой от имени государства общественно опасного деяния и лица, его совершив-

шего, выраженная в осуждении лица от имени государства и отраженная в обвинительном приговоре суда.

3. Сочетание осуждения со стороны государства и применения на его основе мер уголовно-правового воздействия.

4. Претерпевание лицом, совершившим преступление, определенных лишений или ограничений, установленных уголовным законом.

5. Возникновение для осужденного лица правового состояния судимости и пребывание в этом состоянии в течении определенного времени [6, с. 56–57].

Итак, гражданско-правовая ответственность и уголовная ответственность имеют как сходства, так и различия. Сходство заключается в том, что указанные понятия основываются на юридической ответственности в целом, как на общеправовой категории и имеют определенные одинаковые признаки. Различия обусловлены отраслевым критерием. Основаниями применения уголовной ответственности является преступление, гражданско-правовой – соответствующее правонарушение. По степени общественной опасности законодатель разграничивает деяния в различные отрасли законодательства, тем самым определяя степень их общественной опасности, так как преступления, ответственность за которые предусмотрена УК, являются более опасными, чем гражданско-правовые правонарушения. По субъекту преступления отличаются от гражданско-правового правонарушения тем, что гражданско-правовую ответственность может понести как физическое лицо, так и юридическое, уголовную – только физическое лицо.

Так, общими критериями разграничения преступления и гражданско-правового проступка выступают: общественная опасность поведения субъекта, наличие вреда, причиненного вследствие общественно опасного поведения субъекта, причинно-следственная связь между общественно опасным поведением и вредом, причиненным вследствие этого общественно опасного поведения, вина, субъект.

Нарушение договорных обязательств может выражаться в форме неисполнения или ненадлежащего исполнения условий договора. Неисполнение обязательства имеет место, когда должник не приступил к исполнению обязательства. В соответствии со ст. 288 ГК Республики Беларусь в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: передать имущество, выполнить работу, выплатить деньги и т. п., либо воздержаться от определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Обязательства возникают из договора вследствие причинения вреда и из иных оснований, указанных в ГК Республики Беларусь.

В гражданском законодательстве отсутствует понятие «неисполнение обязательств», но раскрывается суть процедуры исполнения обязательств. Согласно ст. 290 ГК Республики Беларусь (ГК) обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями закона, иных правовых актов, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычаями делового оборота или иными обычно предъявляемыми требованиями.

Таким образом, преднамеренное неисполнение договорных обязательств в уголовно-правовом смысле представляют собой действия (бездействие) сторон, противоречащие нормам, указанным в ГК по исполнению обязательств конкретного вида и исключающие возможность выполнения обязанностей, предусмотренных договором, частично или в полном объеме, совершенные с умыслом, возникшим как до начала исполнения договора, так и во время его исполнения.

1. Наумов, И.М. О разделении преступлений против права гражданского и против права уголовного / И.М. Наумов. – СПб., 1813. – 17 с.

2. Общая теория государства и права : курс лекций / А.Ф. Вишневский. – 6-е изд., уточн. и доп. – Минск : Тесей, 2012. – 370 с.

3. Общая теория государства и права : учебник / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский ; под ред. В.А. Кучинского. – Минск : Акад. МВД, 2013. – 479 с.

4. Иоффе, О.С. Обязательственное право / О.С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.

5. Брагинский, М.И. Договорное право: общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М. : Статут, 1997. – 682 с.

6. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.] ; под ред. В.А. Кашевского. – Минск : Акад. МВД, 2012. – 734 с.

УДК 351.74

Д.В. Грузинский, курсант факультета милиции
Научный руководитель – *Г.Г. Рыхлицкий*

ОСОБЕННОСТИ СЛУЖБЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ВИДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Государственная служба как одно из важных социально-правовых явлений имеет две стороны. С одной – затрагивает интересы каждого гражданина в государстве и по своей значимости может быть соразмерна с конституционно-правовым институтом гражданства, так как

обращена к взаимоотношениям государства и личности. С другой – выступает повседневным средством обеспечения жизнедеятельности государства, элементом, способным в значительной степени предопределять его эффективное функционирование.

Пониманию предназначения государственной службы посвящены многочисленные исследования белорусских и зарубежных ученых, где в самом общем смысле ее понимание сводится к деятельности государственных служащих – лиц, работающих в государственных органах, наделенных государственно-властными полномочиями для непосредственной реализации функций данных государственных органов (функций государства).

Говоря о данном виде службы, следует иметь представление о классификации государственных служащих, проблема которых не нова. В работах советских административистов наиболее распространенной была классификация на основе правового фактора – отсутствия или наличия у государственных служащих правомочий по изданию правовых актов. Соответственно государственные служащие делились на три группы: должностные лица, вспомогательный (обслуживающий, технический) персонал и представители власти [1, с. 43].

Социальная значимость государственной службы в Республике Беларусь определяет необходимость ее правового регулирования, которое берет свое начало с распада СССР, когда законодательство о государственной службе стало одним из наиболее значимых правовых средств, обеспечивающих функционирование самостоятельных механизмов суверенного государства. Отсутствие традиций правового регулирования рассматриваемого вида службы (в СССР не было закона о государственной службе) сыграло в некотором роде положительную роль. Республика Беларусь, как и другие бывшие союзные республики, после обретения независимости на основе изучения положительного международного опыта по-своему урегулировала указанные вопросы, изложив их в Законе Республики Беларусь от 23 ноября 1993 г. № 2581-ХІІ «Об основах службы в государственном аппарате». В дальнейшем законодательство о государственной службе постоянно изменялось: вносились изменения в действующее, принималось новое. При этом использовался опыт других государств в этом направлении, что существенно обогатило национальное законодательство.

Сегодня в Беларуси сформировано собственное законодательство о государственной службе (Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З «О государственной службе в Республике Беларусь»), которое также необходимо совершенствовать согласно требованиям времени.

Данной проблеме посвящено множество публикаций с различными позициями ученых-административистов, что еще раз доказывает актуальность рассматриваемого вопроса.

Если обратиться к законодательному определению государственной службы, то можно отметить его соответствие пониманию государственной службы в узком смысле как профессиональной деятельности лиц, занимающих государственные должности, осуществляемой в целях непосредственной реализации государственно-властных полномочий и (или) обеспечения выполнения функций государственных органов.

Однако законодательством Республики Беларусь о государственной службе ее система и виды четко не определены. Законодательство о государственной службе дает общее понятие государственной службы в Республике Беларусь, формулирует принципы, устанавливает порядок ее прохождения. Вместе с тем в самом Законе прямо указано, что его действие не распространяется на сотрудников органов внутренних дел и других сотрудников силовых ведомств.

Анализ правовых норм действующего Закона о государственной службе позволяет констатировать, что данным Законом регулируется только вид, относящийся к государственной гражданской службе.

Так, А.Н. Крамник, например, указывает на особенность содержания государственной гражданской служебной деятельности, которая определяется тем, что она осуществляется в системе гражданских государственных органов, не является милитаризованной и проявляется в виде законодательной, исполнительной и судебной деятельности, прокурорского надзора, т. е. отличается особым свойством функций и полномочий [2, с. 255–256].

Таким образом, действующий в Республике Беларусь Закон о государственной службе не определяет систему и виды государственной службы, связь государственной гражданской службы с другими видами государственной службы, регулирование которых осуществляется специальными нормативными правовыми актами.

Органы внутренних дел, являясь государственным органом, выполняют возложенные государством задачи по осуществлению борьбы с преступностью, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, то есть осуществляют правоохранительную функцию государства. Следовательно, службу в органах внутренних дел необходимо рассматривать в контексте сути государственной службы вообще или в целом. По этой причине обоснованно можно говорить о ней как о виде государственной службы. В то же время нельзя не отметить, что служба в органах внутренних дел имеет и свои специфические характеристики, вытекающие из задач и функций органов внутренних дел.

Действительно, если сравнить особенности прохождения государственной гражданской службы и службы в органах внутренних дел, можно увидеть существенные отличия, связанные с порядком приема на службу, особенностями назначения на должности и присвоения специальных званий, разными подходами к определению и сущности контракта о службе, наличием институтов зачисления сотрудника органов внутренних дел в распоряжение Министра внутренних дел или другого начальника, приостановления службы, прикомандирования и т. д.

Названные обстоятельства порождают ряд проблем, связанных с прохождением различных видов государственной службы, например, разный подход к исчислению стажа государственной службы и невозможность его взаимозачета при переходе с одного вида службы в другой. Так, при приеме бывшего сотрудника органа внутренних дел на государственную гражданскую службу в стаж государственной службы ему не будут зачтены периоды службы в строевых подразделениях (батальонах, полках) в связи с тем, что эти подразделения не относятся к аппарату государственного органа (органа внутренних дел).

Таким образом, на современном этапе государственная служба характеризуется достаточно развитой правовой регламентацией, однако ее место в правовой системе Республики Беларусь четко не определено.

Признаки государственной службы и службы в органах внутренних дел во многом схожи. Служба в ОВД также является видом профессиональной деятельности, только цель ее более конкретизирована под задачи и функции органов внутренних дел. В общем смысле целью данной деятельности, как и всей государственной службы, является непосредственная реализация государственно-властных полномочий и (или) обеспечение выполнения функций государственных органов.

Отличие службы в органах внутренних дел от государственной службы в соответствии с Законом о государственной службе заключается прежде всего в субъекте, осуществляющем функции этой службы.

Задачи, возложенные на органы внутренних дел, выполняет сотрудник органов внутренних дел. Исходя из ст. 31 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Закон об ОВД) и п. 5 Положения о прохождении службы сотрудником органов внутренних дел является гражданин Республики Беларусь, принятый на службу в органы внутренних дел, которому в установленном порядке присвоено специальное звание (Указ Президента Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 133 «О вопросах прохождения службы в органах внутренних дел Республики Беларусь»).

В то же время можно заметить, что понятие «сотрудник органов внутренних дел», функции которого состоят в выполнении задач, воз-

ложенных на органы внутренних дел, согласно законодательству о прохождении службы в органах внутренних дел шире определения государственного служащего в соответствии с Законом о государственной службе. Отсюда следует, что понятие службы в органах внутренних дел как вида государственной службы раскрывается через выполняемые сотрудниками органов внутренних дел функции и задачи без привязки к занимаемым сотрудниками должностям.

Таким образом, Положением о прохождении службы дается понятие службы в органах внутренних дел в широком смысле, как вида профессиональной деятельности, чья суть заключается в выполнении соответствующих задач сотрудниками ОВД.

Также следует отметить, что условия и характер работы сотрудников связаны с опасностью и риском, высокими физическими, эмоциональными и психическими перегрузками. И здесь государство, с одной стороны, предъявляет повышенные требования к людям, проходящим этот вид государственной службы, в плане состояния здоровья, физической подготовки, высоких моральных и деловых качества (тот, кто защищает закон, сам должен его соблюдать), а с другой – устанавливает для них дополнительные гарантии правовой и социальной защиты по сравнению с государственной гражданской службой.

Сравнивая различные точки зрения, наиболее точным можно назвать описание особенностей службы в органах внутренних дел как вида государственной службы А.П. Корневым [3, с. 127–128], который в качестве особого правового регулирования службы в органах внутренних дел выделяет принятие Присяги, присвоение сотрудникам специальных званий, возрастные ограничения состояния на службе в органах внутренних дел, право на ношение табельного огнестрельного оружия, наличие форменной одежды и знаков различия по специальным званиям, наделение сотрудников с целью выполнения служебных обязанностей специальными государственно-властными полномочиями, дополнительные запреты и ограничения, гарантии правовой и социальной защиты.

Также имеют место особенности, связанные и с периодом прохождения государственной службы. В соответствии с Законом о государственной службе периодом государственной службы будет являться время со дня назначения государственного служащего на государственную должность по день освобождения от должности, а службы в органах внутренних дел – со дня приема на службу в органы внутренних дел по день исключения из списков личного состава. Вышеуказанное обстоятельство при решении вопроса об определении периода государственной службы или службы в органах внутренних дел имеет особое значение.

Существует еще много отличительных особенностей службы в органах внутренних дел по сравнению с государственной гражданской службой: связанные с наличием специального звания, порядком и сроками проведения аттестации, предельным возрастом состояния на службе, видами и продолжительностью отпусков, основаниями и порядком увольнения со службы и т. д. Однако важна суть: служба в органах внутренних дел, являясь видом государственной службы, существенно отличается от государственной гражданской службы, обусловленной самой ее сущностью и различными подходами к ее пониманию. Вместе с тем она сходна со службой в Следственном комитете, Государственном комитете судебных экспертиз, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям и органах финансовых расследований.

Сегодня назрела необходимость в систематизации и совершенствовании законодательства о государственной службе. Образовался ряд новых государственных органов, в которых предусмотрены государственные должности. Действующий Закон о государственной службе не выполняет своей роли основного законодательного акта, определяющего общие основы, принципы и систему государственной службы в Республике Беларусь. Он регулирует только государственную гражданскую службу, при этом даже не в полной мере (государственная служба судей, прокурорских работников, работников таможенных органов регламентируется, в том числе и специальным законодательством).

Таким образом, целесообразным видится разработка нового закона, определяющего общие основы государственной службы, ее систему и виды. Отдельный закон должен быть посвящен государственной гражданской службе, а такие виды государственной службы как служба в органах внутренних дел, Следственном комитете, Государственном комитете судебных экспертиз, органах и подразделениях по чрезвычайным ситуациям и в органах финансовых расследований было бы логично объединить в единый вид государственной службы – службу в военизированных организациях. Работа над проектом соответствующего нормативного правового акта уже ведется.

Однако в науке спорным остается вопрос о соотношении различных отраслей права и определении их приоритета при регулировании отношений государственной службы, в первую очередь это касается трудового и административного права. Являясь комплексным правовым явлением, государственная служба в своей сфере комплексной правовой регламентации подразумевает общественные отношения. При этом приоритетная роль отводится смежным отраслям – административному и трудовому праву с учетом важной роли норм конституционного, финансового, налогового права и т. д.

Таким образом, решение указанных проблем видится в совершенствовании и систематизации законодательства о государственной службе в Республике Беларусь и в первую очередь – в принятии единого системного нормативного правового акта, определяющего общие основы государственной службы в Республике Беларусь, ее систему и виды, в выработке общего подхода к определению стажа государственной службы при переходе с одного ее вида на другой.

1. Вишняков, В.Г. О классификации служащих органов государственного управления / В.Г. Вишняков // Правоведение. – 1970. – № 3. – С. 43–50.

2. Крамник, А.Н. Административное право Республики Беларусь : в 2 ч. / А.Н. Крамник. – Минск : Тесей, 2008. – Ч. 1. – 672 с.

3. Корнев, А.П. Административное право России : учебник : в 3 ч. / А.П. Корнев. – М. : Щит-М, 1999. – Ч. 1. – 280 с.

УДК 347.94

Н.В. Данилов, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *М.А. Пашкев*

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К СУЩНОСТИ И ПОНЯТИЮ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Понятие гражданского иска в уголовном процессе определяют по-разному (М.А. Чельцов, В.Т. Нор, М.П. Шаламов, А.П. Ключниченко, В.Г. Даев, Э.Ф. Куцова, З.Х. Баймолдина, П.П. Гуреев, З.З. Зинатуллин и др.), что свидетельствует о его спорности.

Отсутствие единства во взглядах на определение понятия об основаниях и условиях исковой формы защиты, ее допустимости в уголовном судопроизводстве обусловлено не только большей значимостью иска как средства защиты субъективных гражданских прав для гражданского процесса, но и сложившимися стереотипами к этому институту как имеющему второстепенное значение в сфере уголовно-процессуальных отношений [1].

И тем не менее гражданский иск в уголовном процессе является комплексным правовым институтом, сочетающим в себе нормы различных отраслей права (уголовно-процессуального, гражданского, гражданско-уголовного, исполнительного производства).

С точки зрения соотношения материально правовой сферы и процесса гражданский иск имеет исключительно процессуальную природу. Материально-правовое требование истца к обвиняемому (ответчику), являясь имманентным элементом иска, гносеологической роли не играет, а важным здесь выступает обращение управомоченного лица в суд, содержащее указанное требование [2].

Вообще правовая природа гражданского иска в уголовном деле определяется сочетанием публичных и диспозитивных начал.

Принцип публичности (ст. 15 УПК) предусматривает право органов уголовного преследования применять для расследования и раскрытия преступлений только средства и методы, установленные законом прямо. Данный принцип исключает множественность вариантов поведения участников разбирательства в отличие от гражданского процесса, где истец вправе выбрать любой способ защиты нарушенного права, даже не предусмотренный законодательством, но и не противоречащий ему [3].

Принцип диспозитивности как важнейший принцип гражданского судопроизводства предоставляет сторонам большую самостоятельность в действиях по доказыванию определенных юридических фактов. Суд в таком процессе выступает только в роли арбитра и способствует защите и восстановлению нарушенных прав.

Говоря о диспозитивности в уголовном процессе, имеется в виду принцип, согласно которому участники, отстаивающие в деле свой личный или представляемый интерес, и иные лица имеют возможность распоряжаться предметом уголовного процесса или спорным материальным правом при производстве по гражданскому иску в уголовном деле. То есть диспозитивность материальных правоотношений является основанием диспозитивности в целом при производстве по гражданскому иску [4, с. 11–14].

Если процессуальные отношения, возникшие в связи с гражданским иском, не урегулированы Уголовно-процессуальным Кодексом от 16 июля 1999 г., то применяются нормы гражданского процессуального законодательства, если они не противоречат УПК (ч. 4 ст. 148 УПК).

И опять же среди исследователей нет единого мнения, только здесь – относительно разрешения проблемы соотношения публичности и диспозитивности в уголовном процессе. Одни ученые (А.И. Зорин, И.Г. Кожин) считают необходимым строго придерживаться положений УПК при разрешении гражданского иска, другие (И.С. Дикарев, И.В. Жеребятьев) полагают, что целесообразно распространить диспозитивность на уголовный процесс в той части, в которой не нарушается процессуальный порядок производства по уголовному делу [4, с. 15; 10, с. 45–47].

Ключевой особенностью гражданского иска в уголовном деле является материальный характер требований, составляющих предмет иска.

Возмещение вреда, причиненного преступлением, состоит в денежной компенсации имущественного, физического, морального вреда и в производстве иных выплат, предусмотренных законодательством.

В судебно-следственной практике реализуется неурегулированная уголовно-процессуальная законом форма возмещения вреда – добровольное возмещение вреда, являющаяся с уголовно-правовой точки зрения обстоятельством, смягчающим ответственность обвиняемого. Процедура добровольного возмещения вреда не подлежит урегулированию нормами уголовно-процессуального законодательства ввиду нецелесообразности, так как отсутствует необходимость включения в субъектный состав соответствующих отношений органа, ведущего уголовный процесс. Такие отношения достаточно полно урегулированы нормами гражданского законодательства. Добровольное возмещение вреда в ряде случаев органично вписывается в реституционные процессы. Так, обвиняемый (подозреваемый) может по своей инициативе передать следственным органам похищенное имущество, впоследствии возвращаемое его законным владельцам [2].

В уголовном процессе возможно заявление исков о возмещении морального, физического и имущественного вреда. Предмет гражданского иска не могут составлять требования о восстановлении положения, существовавшего до нарушения преступлением прав гражданского истца, требование о выплате алиментов и другие требования личного характера.

Характер и размер вреда, причиненного преступлением, – одно из обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Доказывание гражданского иска, предъявленного в ходе производства по уголовному делу, производится в порядке, установленном УПК. То есть процедура доказывания факта наличия вреда и его размера находится в компетенции органов уголовного преследования, а не у гражданского истца или его представителя.

Однако в научной литературе имеет место и иная точка зрения. Так, Е.А. Буланов полагает, что возложение бремени доказывания гражданского иска на истца, заявившего его в ходе судебного рассмотрения, соответствовало бы принципу состязательности и способствовало бы более скорому разрешению предъявленных требований [5]. Здесь можно поспорить, так как не учитываются особенности и принципы уголовного судопроизводства.

В связи с этим возникают противоречия в материальном и процессуальном содержании гражданского иска в уголовном деле. В гражданском

процессе действует презумпция виновности ответчика, и он должен доказывать свою невиновность. В уголовном процессе предполагается невиновность подозреваемого (обвиняемого), который не обязан доказывать свою невиновность. Данное противоречие устраняется наличием системы гарантий для обвиняемого, гражданского ответчика [6, с. 6].

Так, в уголовно-правовой практике современных государств с прецедентной системой права (США, Великобритания) гражданский иск как институт не применяется. Требование о возмещении вреда рассматривается в отдельном гражданском судопроизводстве, что обеспечивает соблюдение принципа процессуальных функций, защиту нарушенных прав и законных интересов граждан и юридических лиц [7, с. 5–7].

В отечественной теории уголовного процесса отсутствует единая точка зрения о целесообразности гражданского иска в уголовном деле, но анализ мнений ученых позволяет выделить две основные позиции.

Первая: гражданский иск в уголовном процессе неуместен. Так, В. Бозров считает, что нельзя механически «вживлять» правила и принципы гражданского судопроизводства в уголовный процесс, основные доводы сводят к тому, что отдельные принципы гражданского производства (диспозитивность) противоречит принципам уголовного процесса (публичность). К тому же в процессе реализации права на возмещение вреда, причиненного преступлением, невозможно применить целый ряд гражданско-правовых институтов: регрессные требования, возмещение упущенной выгоды, мировое соглашение (за исключением дел частного обвинения), презумпцию виновности должника [8, с. 29–30]. Тот же автор убедительно доказывает, что институт гражданского иска противоречит теории процессуальных функций. Согласно ограниченной теории нельзя возлагать на один и тот же орган различные процессуальные функции. В уголовном процессе возможность рассмотрения материальных требований по решению суда приводит к противоречию с принципом разделения функций защиты и обвинения.

Противники гражданского иска в уголовном процессе также указывают на многочисленные коллизии норм УПК и ГПК, регулирующих правовое положение участников процесса (неравные возможности обвиняемого и гражданского истца, отсутствие четкого порядка их выступления, неопределенность формы искового заявления в судебном заседании) [8, с. 30].

Вторая: гражданский иск в уголовном процессе – дополнительная гарантия прав потерпевшего, так как позволяет в полном объеме восстановить его имущественное положение (В. Сысоев и К. Крамцов). Кроме процессуальной экономии рассмотрение гражданского иска вме-

сте с уголовным делом обеспечивает наиболее быстрое восстановление нарушенных прав и избавляет участников процесса от необходимости дважды совершать одни и те же процессуальные действия [9, с. 67].

Те же В. Сысоев и К. Крамцов указывают и на воспитательную функцию гражданского иска, удовлетворение которого свидетельствует о том, что государство обеспечивает возмещение вреда, причиненного преступлением [9, с. 68].

По мнению И.Г. Кожина, например, разрешение в уголовном процессе гражданского иска помогает уточнить квалификацию преступления, правильно выбрать меру наказания, установить гражданско-правовые последствия преступления, принять меры к их устранению [10, с. 40].

Применительно к Беларуси, на наш взгляд, гражданский иск в уголовном процессе на данном этапе экономического и правового развития белорусского общества – необходимый элемент уголовного судопроизводства. Он позволяет реализовать право на судебную защиту, осуществить задачи и функции уголовного процесса и обеспечить гарантии возмещения вреда, причиненного преступлением. А противоречивость отдельных правовых норм в данном случае свидетельствует только о необходимости дальнейшего совершенствования порядка, способов и механизма разрешения гражданского иска в уголовном процессе.

То есть гражданский иск в уголовном процессе имеет как социальное, так и экономическое значение. Социальное определяется тем, что восстановление права, нарушенного преступлением, создает в обществе уверенность в достаточности правовой защиты. Экономически – совместное рассмотрение уголовного дела и гражданского иска способствует процессуальной экономии [11, с. 9].

Таким образом, гражданский иск в уголовном процессе – достаточно сложный институт права, заставляющий ученых высказывать различные мнения по поводу его понятия и вести споры о сути данного института, вследствие чего эти разногласия являются преградой для составления единого мнения и представления общей картины гражданского иска в уголовном процессе.

1. Имангазиева, Ж.У. Проблемы гражданского иска в уголовном процессе / Ж.У. Имангазиева. – Астана, 2008. – 25 с.

2. Емельянов, С.Л. Гражданский иск в уголовном процессе / С.Л. Емельянов. – Минск, 2004. – 20 с.

3. Самолин, В. Гражданский иск в уголовном процессе и принцип диспозитивности / В. Самолин // Юридический портал Lawmix [Электронный ресурс]. – 2009. – Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/comm/6682/>. – Дата доступа: 16.03.2017.

4. Дикарев, И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И.С. Дикарев ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград, 2004. – 28 с.

5. Буланов, Е.А. Правовое регулирование гражданского иска в уголовном процессе [Электронный ресурс] / Е.А. Буланов // ЭкспертКонсалтЦентр. – 2009. – Режим доступа: <http://www.consalt-m.ru/grisk.html>. – Дата доступа: 17.01.2017.

6. Зорин, А.И. Гражданский иск в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.И. Зорин ; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2005. – 30 с.

7. Калиновский, К.Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств / К.Б. Калиновский. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2000. – 48 с.

8. Бозров, В. Гражданский иск в уголовном процессе неуместен / В. Бозров // Рос. юстиция. – 2001. – № 5. – С. 29–30.

9. Сысоев, В. Так ли уж неуместен гражданский иск в уголовном процессе? / В. Сысоев, К. Храмцов // Российская юстиция. – 2001. – № 10. – С. 67–68.

10. Кожин, И.Г. Институт гражданского иска в уголовном процессе по новому УПК РФ / И.Г. Кожин // Право и безопасность. – 2003. – № 1–2. – С. 39–41.

11. Пыталев, Р.М. Гражданский иск в уголовном процессе / Р.М. Пыталев. – Минск : Амалфея, 2003. – 240 с.

УДК 343.98

А.Н. Демидович, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.А. Горвая

ОСОБЕННОСТИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВЕ

В научной литературе процесс расследования по уголовным делам принято делить на несколько этапов. И.Н. Кожевников определил понятие этапа расследования как структурную часть познавательного процесса при раскрытии преступлений, которой свойственны свои специфические задачи, определенное место в общей структуре этапов и особенности деятельности, направленной на раскрытие преступлений [1, с. 52].

Успешное расследование уголовных дел, связанных с изготовлением, хранением или сбытом поддельных денежных знаков, зависит от их своевременного и обоснованного возбуждения [2, с. 88], являясь при этом главным фактором, с чем невозможно не согласиться.

Уголовное дело о фальшивомонетничестве может быть возбуждено только при наличии указанных в Законе поводов и оснований, и отсут-

ствии обстоятельств, исключающих производство по делу. Перечень поводов для возбуждения уголовного дела являются исчерпывающим: заявления граждан; явка с повинной; сообщение должностных лиц государственных органов, иных организаций; сообщение о преступлении в средствах массовой информации; непосредственное обнаружение органом уголовного преследования сведений, указывающих на признаки преступления, а содержащиеся в таких сообщениях достаточные данные, указывающие на признаки фальшивомонетничества, являются основанием к возбуждению уголовного дела (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г.).

Так, результаты анкетирования, проведенного в Молодечненском районном отделе Следственного комитета Республики Беларусь показали, что чаще всего основными источниками получения первичной информации (90 %) правоохранительными органами о совершенных преступлениях, связанных с изготовлением, хранением или сбытом поддельных денежных знаков, являются:

1) сообщение должностных лиц банковских учреждений о факте получения поддельного денежного знака от граждан;

2) сообщение должностных лиц банковских учреждений о факте получения поддельного денежного знака при пересчете денежной наличности.

Такие и подобные источники информации являются наиболее частыми поводами к возбуждению уголовного дела по ст. 221 УК Республики Беларусь.

Подобный повод определяет складывающуюся на стадии возбуждения уголовного дела следственную ситуацию, которая характеризуется в данном случае обнаружением поддельной денежной купюры в объектах кредитно-банковской системы Республики Беларусь. Уполномоченные на то банковские работники осуществляют исследование вышеуказанных купюр на предмет их соответствия подлинным, затем на место происшествия незамедлительно вызывается следственно-оперативная группа для осуществления ряда необходимых мероприятий. Сюда входят: осмотр места происшествия с применением видео-, фотосъемки; осмотр и изъятие поддельной купюры, в случае необходимости принимаются меры к выявлению на денежном знаке следов пальцев рук возможного сбытчика и их изъятию с целью проведения дактилоскопической экспертизы (что исходя из анализа следственной практики осуществляется крайне редко). Следом собираются объяснения у лица, обнаружившего денежные знаки, вызвавшие сомнение в их подлинности; у лиц, оказавшихся в непосредственной близости от места обнаружения денежной купюры (банковские работники, сотрудники охраны и т. д.);

у лица, осуществлявшего передачу купюры банковскому работнику. Одновременно с производством названных процессуальных действий осуществляются оперативно-розыскные мероприятия, направленные на установление очевидцев произошедшего, сбор информации ориентирующего характера, в том числе о личности вероятного преступника; проводится проверка лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за совершение аналогичных преступлений, лиц, имеющих доступ к оборудованию и материалам, использованным при изготовлении выявленных фальсификатов, и обладающих соответствующими специальными знаниями и навыками. Также проверяются близлежащие торговые и иные учреждения с целью выявления других фактов сбыта подделок.

Вне зависимости от наличия мнения специалиста банковского учреждения сотрудники органа уголовного преследования, выехавшие на место происшествия (следователь, оперативные сотрудники ОВД), обязаны направить обнаруженную и изъятую купюру в отделы Государственного комитета судебных экспертиз с целью проведения ее экспертизы. Только после установления несоответствия купюры подлинным денежным знакам следователь при наличии повода и достаточных оснований возбуждает уголовное дело.

Объяснение работника банка, обнаружившего купюру, вызывающую сомнение в подлинности, должно содержать информацию о дате и времени обнаружения купюры, о лице, от кого она поступила (физическое лицо, либо при пересчете денежной наличности), о порядке вскрытия инкассаторской сумки и учете поступивших из различных предприятий, учреждений, организаций банкнот; о фактах установления признаков выявления фальшивых денежных знаков.

К материалам проверки приобщается копия сопроводительной ведомости инкассаторской сумки. У лиц, формировавших инкассаторские сумки, выясняется порядок их формирования, меры по защите от проникновения фальшивок, особенности учета валютных средств, от кого поступала поддельная банкнота, не исключена ли подмена подлинной купюры на фальшивую в процессе вскрытия инкассаторской сумки.

Эффективность раскрытия и расследования фактов фальшивомонетничества во многом обуславливается применением специальных знаний, тесным сотрудничеством лиц, осуществляющих проверку и в последующем расследование со специалистами, начиная с момента получения сообщения о преступлении. В качестве специалистов могут быть привлечены полиграфисты, программисты, электронщики, физики, химики, представители других специальностей, в том числе банковские работники, эксперты-криминалисты для выяснения обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Закон не дает определения понятию «специальные знания». Здесь обычно понимаются знания в науке, технике, ремесле, выходящие за рамки общеизвестных сведений, приобретенные при получении специального образования и в процессе практической деятельности по конкретной специальности.

Специальные знания при рассмотрении сообщения об изготовлении, хранении либо сбыте поддельных денег или ценных бумаг используются в основном в процессуальной форме. Так, в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 173 и ч. 2 ст. 226 УПК назначается криминалистическая экспертиза документов, в рамках которой осуществляется исследование выявленного денежного знака, чья подлинность вызывает сомнение. Постановление о назначении экспертизы выносится и представляется в территориальное подразделение ГКСЭ с выявленными денежными билетами, подлинность которых вызывает сомнение, для установления их подлинности или подделки на момент обнаружения. На технико-криминалистическую экспертизу денежных знаков или ценных бумаг выносятся прежде всего вопросы: изготовлен ли представленный образец предприятием, осуществляющим его производство; если нет, то каким способом и с применением каких материалов он выполнен. Анализ уголовных дел свидетельствует, что на практике часто экспертные исследования этим и ограничиваются, а экспертизы других видов назначаются только по 40 % уголовных дел данной категории. Технико-криминалистическое исследование сомнительных денежных знаков проводится в соответствующем отделе (управлении) Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь. Во всех случаях вопрос о подлинности исследуемых банкнот решается путем сравнения с подлинными образцами или соответствующими описаниями. При этом при использовании образцов необходимо достоверно знать информацию об их подлинности. Вместе с тем для каждой банкноты может быть определен набор элементов защиты, наличие которых с достаточно высокой надежностью позволит сделать вывод о ее подлинности.

После проведения проверки при наличии оснований для возбуждения уголовного дела, чаще всего именно данных, содержащихся в заключении эксперта, материалы проверки для принятия решения передаются в следственные подразделения или, если материалы проверки находятся в следственном подразделении, решение принимается следователем, у которого в производстве находится материал проверки.

Применение специальных знаний наблюдается и при привлечении судебных экспертиз к работе следственно-оперативной группы при осмотре места совершения фальшивомонетничества специалиста Государственно-

го комитета. Последний оказывает содействие следователю в обнаружении и фиксации следов изготовления, хранения либо сбыта поддельных денег, либо ценных бумаг, а также осмотра непосредственно купюры.

Использование специальных знаний в стадии возбуждения уголовного дела может быть осуществлено при привлечении следователем специалиста к производству осмотра жилища и иного законного владения граждан. В зависимости от способа изготовления выявленных поддельных денежных знаков или ценных бумаг организуется производство осмотра. Если при изготовлении поддельных денежных знаков использован полиграфический способ, то специалист оказывает помощь в отыскании технических средств и расходных материалов, характерных для производства фальшивок данным способом. Если в ходе совершения преступления использовались средства компьютерной техники, то поисковые действия специалиста должны быть направлены на обнаружение файлов, содержащих форму и структуру денежных знаков или ценных бумаг.

Следует отметить одну из особенностей, влияющих на квалификацию преступного деяния по рассматриваемой категории преступлений. Под изготовлением поддельных денег или ценных бумаг следует понимать любые действия по их получению в готовом для использования виде. Требуется, чтобы по основным реквизитам (форма, размер, цвет, защита и т. д.) подделка имела такую степень сходства с оригиналом, которая позволила бы отождествить их в обычных условиях реализации. Если же виновный достиг степени сходства подделки с оригиналом, достаточной для введения ее в оборот только при особых обстоятельствах, например, слепота или плохое зрение потерпевшего, ограниченная видимость, некомпетентность потерпевшего, и желал воспользоваться такой подделкой в расчете на грубый обман потерпевшего, то его действия подлежат квалификации как мошенничество (ст. 209 УК).

В ходе предварительной проверки по сообщению о факте фальшивомонетничества денежные знаки изымаются с соблюдением требований УПК. При этом должностным лицом составляется протокол осмотра места происшествия, в котором указываются наименование, номинал (достоинство), номер, серия; размер и состояние подложки, свойства бумаги (плотность, изношенность, загрязненность), повреждения, надписи, наличие клея, осыпание красящего вещества, наличие и особенности защитных свойств (водяные знаки, магнитная лента, ныряющая нить и др.). После осмотра денежные знаки упаковываются (по возможности) в бумажные конверты между листами чистой бумаги.

Сравнивая законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь, можно отметить, что в сопредельном государстве существует

проблема производства экспертиз и других следственных действий до момента возбуждения уголовного дела.

Использовать специальные знания по рассматриваемой категории дел необходимо уже на этапе обнаружения купюры, вызывающей сомнение в подлинности. Но в связи с особенностями действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации уже на этом этапе возникают сложности. Это в первую очередь связано с самой регламентацией процесса сбора доказательств, возможностью осуществления следственных действий и проведения экспертиз только после возбуждения уголовного дела. Такой порядок может приводить не только к нежелательной потере темпа и времени расследования, столь важных на первоначальном этапе, но и к необоснованному повышению нагрузки на экспертов, вынужденных неоднократно проводить исследования в отношении одних и тех же объектов, по тождественным вопросам [3, с. 9–11].

В этой связи хочется высказать мнение, что регламентация ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь гласит, что до возбуждения уголовного дела могут быть проведены экспертизы, имеющие значение для принятия решения, значительно улучшают правовое положение правоохранительных органов нашей республики и повышают эффективность их деятельности.

Все обнаруженные поддельные денежные знаки в обязательном порядке проверяются по базе АИС «Фальшивомонетничество», имеющейся в подразделениях БЭП УВД; запрашивается информация о фактах сбыта поддельных денежных знаков аналогичного достоинства, их сериях и номерах, причастных к их сбыту лицам.

Итак, особенности возбуждения уголовных дел рассматриваемой категории обусловлены источником получения информации о совершенном преступлении, возможностью участия специалистов в зависимости от способа изготовления купюры, а также своевременностью их участия в следственных действиях и производства технико-криминалистической экспертизы с целью установления подлинности или поддельности купюры.

1. Расследование преступлений в сфере экономики: руководство для следователей / И.С. Алексеева [и др.] ; под ред. И.Н. Кожевникова. – М. : Спарк, 2001. – 294 с.

2. Исмагилова, О.Р. Возбуждение уголовного дела и планирование расследования фальшивомонетничества / О.Р. Исмаилова // Вестн. ассоц. вузов туризма и сервиса. – 2010. – № 1. – С. 88–93.

3. Макогон, Л.В. Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 03.00.02 / Л.В. Макогон. – Екатеринбург ; М., 2005. – 26 с.

Д.А. Дроздов, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
И.А. Шаматувский

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОПЕРАТИВНОЕ ВНЕДРЕНИЕ»

Задача борьбы с преступностью была и остается актуальной везде и во все времена. Республика Беларусь здесь также не является исключением. В практике расследования и раскрытия преступлений успех часто связан только с применением оперативно-розыскной деятельности. Так, ст. 1 Закона от 15 июля 2015 г. № 307-З «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) определяет ОРД как деятельность, осуществляемую в соответствии с Законом об ОРД государственными органами с соблюдением конспирации, проведением оперативно-розыскных мероприятий гласно и негласно, направленную на защиту жизни, здоровья, прав, свобод и законных интересов граждан Республики Беларусь, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав и законных интересов организаций, собственности от преступных посягательств, обеспечение безопасности общества и государства. Так, ОРД, являясь разновидностью правоохранительной деятельности, обладает рядом определенных характеристик: имеет государственный статус; ограничена кругом специальных субъектов, выступающих от имени государства; осуществляется в порядке и пределах, установленных законом. Ее цели и задачи реализуются согласно определенному перечню специфических используемых средств и задействованных методов.

Особенность ОРД – ее разведывательно-поисковая направленность. Это обусловлено серией условий: тайный, замаскированный характер преступных действий; характерная деятельность преступников в условиях неочевидности и уничтожения следов преступных действий; необходимость своевременного получения сведений о лицах, подготавливающих и совершающих преступления, выяснения скрытых обстоятельств их совершения, скрытых признаков преступной деятельности, их субъектов и розыска скрывшихся лиц.

Сегодня содержание, формы и методы ОРД, в которой возникают специфические оперативно-розыскные правоотношения, изменились значительно. С одной стороны, активнее используются достижения научно-технического прогресса и различные оперативно-технические

средства. С другой – ОРД все более контролируется со стороны закона и соответственно государства. В силу объективных причин наметилась и развивается тенденция к развернутому применению результатов ОРД в доказывании по уголовным делам.

Более оптимальным, вместе с тем и ответственным по организации и подготовке успешного осуществления, чем другие оперативно-розыскные мероприятия (ОРМ), является оперативное внедрение (ст. 33 Закона об ОРД).

Оперативное внедрение – легендированный ввод сотрудника оперативного подразделения или лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, в криминогенную среду и объекты с целью разведывательного сбора информации.

Объектами оперативного внедрения выступают: организованное преступное формирование; лица, обоснованно подозреваемые в подготовке или в причастности к совершению преступлений; жилые массивы; участки местности с криминогенной или криминальной обстановкой; объекты экономики, пораженные преступностью, организации независимо от форм собственности.

Согласно абз. 2 ст. 33 Закона об ОРД внедрение возможно только с письменного согласия внедряемого лица. Руководителем ОВД утверждаются: постановление о проведении оперативного внедрения, план внедрения, специальное задание, легенда, иные документы.

Внедрение к задержанным и арестованным дополнительно оформляется документом, по форме и содержанию не отличающимся от уголовно-процессуального документа, на основании которого проводится задержание лица, подозреваемого в преступлении. В случае необходимости личность внедряемых полностью или частично зашифровывается.

Субъектами оперативного внедрения являются: штатные сотрудники оперативных подразделений органов, осуществляющих ОРД; лица, оказывающие конфиденциальное содействие органам, осуществляющим ОРД.

Такое ОРМ должно проводиться в случаях невозможного применения иных мер или когда очень трудно обеспечить решение задач по борьбе с наиболее опасными видами преступной деятельности (профессиональная, групповая, организованная преступность).

Оперативное внедрение – вершина ОРД. Интересы борьбы с организованной преступностью требуют упреждающих мероприятий оперативного характера для получения информации о преступных действиях и замыслах организованных групп. По этой причине для добычи сведений в ходе контактов с представителями криминальной среды так, чтобы они не знали, что в отношении них проводится ОРМ, применяется

метод проникновения в указанную среду конфиденентов и должностных лиц под легендой, в том числе с имитацией противоправной деятельности. В этом случае соответствующие лица и их сообщества могут подозревать, что являются потенциальными объектами ОРМ, однако не находят подтверждения своим предположениям, сомнениям относительно того, попали ли они в поле зрения ОРД или нет и продолжают свою противоправную деятельность, полагая, что о ней никому и прежде всего органам, осуществляющим ОРД, не известно.

Предпосылки для применения подобного способа добывания информации создают оперативно-розыскные законы большинства стран. Однако в той или иной стране законодатель по-разному отвечает на вопрос о том, разрешено ли оперативному работнику совершать, хотя бы и формально, противоправные деяния, обусловленные пребыванием его в криминогенной среде.

Тем не менее практика показывает, что без внедрения в преступную среду соответствующих источников информации разоблачить преступную группу часто невозможно. Именно в оперативном внедрении проявляется творчество руководителей и артистизм исполнителей, сочетающиеся и с немалым риском. Идущие на этот шаг рискуют жизнью, но это оправдывает себя только в следующих ситуациях:

отсутствие возможности получения доказательств о преступной деятельности в ходе процессуальных действий;

наличие дефицита времени. То есть когда процедура принятия решения о возбуждении уголовного дела, его регистрации, создание следственно-оперативной группы, распределения функций между ее членами и т. п. не позволяет предотвратить готовящееся преступление, или участники криминального формирования могут скрыться от правосудия.

Ключевую роль во внедрении играет личность внедряемого, его деловые и разведывательные качества, умение сыграть и «озвучить» разработанную легенду. При внедрении в преступную группу оперативного работника либо конфиденента необходимо соблюдать правило: внедряемый не должен быть известен в кругу проверяемых и их знакомых как лицо, имеющее отношение к ОВД. Он должен обладать находчивостью, выдержкой, инициативностью, энергичностью, мужественностью и здравым смыслом, обладать особым навыком (основным требованием) – умением искать информацию (чувствовать ее), а также уметь создавать условия для ее обнаружения.

С учетом действия субъектов ОРД в условиях повышенного профессионального риска их персональный отбор и подготовка ко внедрению

на соответствующие объекты подробно регламентируется закрытыми ведомственными нормативными актами.

Согласно абз. 3 ст. 19 Закона об ОРД рассматриваемое ОРМ проводится на основании постановления, где должна обосновываться необходимость оперативного внедрения, тактический замысел ОРМ, роль и задача внедряемого лица, его линия поведения, меры по обеспечению безопасности и конспирации, а также приводятся другие данные, обосновывающие правомерность и допустимость действий участника ОРМ.

Также следует отметить, что оперативное внедрение проводится по специальному заданию, которое утверждается должностным лицом органа, осуществляющего ОРД. Специальное задание объявляется под роспись гражданину, привлекаемому к участию в ОРМ, до начала его проведения. Требования к содержанию специального задания определяются актами законодательства об ОРД.

Согласно абз. 3 ст. 41 срок проведения оперативного внедрения составляет до 180 суток. В абз. 3 ст. 43 указано, что срок рассматриваемого ОРМ может быть продлен до 365 суток должностным лицом органа, осуществляющего ОРД. Продление срока проведения оперативного внедрения до 545 суток осуществляется Министром внутренних дел Республики Беларусь, Председателем Комитета Государственного пограничного комитета Республики Беларусь, Председателем Государственно таможенного комитета Республики Беларусь, начальником Службы безопасности Президента Республики Беларусь, Министром обороны Республики Беларусь, начальником Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, заместителем Председателя Комитета государственного контроля Республики Беларусь – директором Департамента финансовых расследований или лицами, исполняющими их обязанности, если иное не установлено ст. 42 Закона об ОРД.

Данные, полученные в результате проведения ОРМ, могут оформляться рапортом, сообщением конфиденнта, справкой и др. К итоговому документу могут прилагаться документы и предметы, аудио-, видеозаписи и другие технические носители информации.

Оперативное внедрение осуществляется, как правило, оперативными работниками, действующими под легендой, вместе с лицами, заподозренными в совершении преступления. Внедренные могут имитировать преступную деятельность, совершать малозначительные преступления, причиняя вред законным интересам других лиц при условии правомерного исполнения служебного долга. И все-таки здесь важным остается вопрос о допустимости совершения внедренным сотрудником правона-

рушения, т. е. об освобождении его от уголовной ответственности, если его деяния формально подпадают под признаки состава преступления. Закон не устанавливает конкретного перечня преступлений, совершение которых допустимо при выполнении специального задания. Так, ст. 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь «Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию» является своеобразной гарантией свободы для сотрудников оперативных подразделений. Однако ч. 2 ст. 38 УК Республики Беларусь запрещает внедренному сотруднику совершать любые тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с посягательствами на жизнь и здоровье человека. Совершение внедренным сотрудником таких преступлений влечет его ответственность на общих основаниях.

Также актуален вопрос жесткой самодисциплины сотрудника. Осознание того, что из всех членов преступной группы он один не привлекается к уголовной ответственности за свои противоправные действия, может иметь на него отрицательное влияние. С одной стороны, сотрудник ОВД, внедренный в преступную среду, является гарантированно лучшим, наиболее сведущим, знающим все уловки, хитросплетения, ходы и выходы. С другой – он может стать опасным преступникам, так как обладает перед другими преступниками неоспоримыми преимуществами: знает уголовную среду и милицкий аппарат; может использовать важные сведения, добытые как в ходе собственного расследования, так и известные ему из оперативных документов; знаком со всеми способами и возможностями сокрытия уголовно наказуемых деяний, уклонения от наблюдения и др. [1, с. 16].

При осуществлении внедрения оперативные сотрудники имеют право пользоваться документами, где зашифрована его принадлежность к правоохранительным органам, в том числе сведения о работе, об используемом транспортном средстве и т. п. При этом права лиц, внедряемых в состав преступных группировок, дополнительно защищены. Сведения о них составляют государственную тайну и могут подлежать опубликованию или преданы гласности только с их письменного согласия.

Для разоблачения деятельности организованных преступных групп и сообществ внедрение сотрудника может быть долговременным, длящимся несколько месяцев или лет. Кратковременное, в свою очередь, может длиться от нескольких часов до нескольких суток.

Также важно сказать и об основных направлениях использования результатов оперативного внедрения:

оперативно-розыскное. В его рамках результаты оперативного внедрения используются для проведения ОРМ по выявлению, предупрежде-

дению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения уголовного наказания и без вести пропавших;

ориентирующее. Результаты используются для подготовки и осуществления следственных и судебных действий;

уголовно-процессуальное. Результаты внедрения могут представляться в орган дознания, следователю, в производстве которых находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам, в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Так, руководитель органа, осуществляющего ОРД, принимая решение о передаче результатов оперативного внедрения, должен:

определить из массива имеющихся материалов документы и сведения, которые без ущерба требованиям обеспечения конспирации и безопасности внедренных штатных сотрудников и лиц, оказывающих им конфиденциальное содействие, а также организации и тактики осуществления ОРМ, могут быть переданы органу дознания, следователю, прокурору;

вынести постановление о рассекречивании данных результатов и направлении их для использования в уголовном процессе.

Таким образом, можно сделать вывод, что оперативное внедрение – сложное мероприятие, что обусловлено рядом факторов: внедряемое лицо должно отвечать определенным параметрам (обладать определенными личными качествами, специальной подготовкой), так или иначе оно подвергает себя риску – существует возможность расшифровки при любом неосторожном действии или при плохо продуманной легенде. Следовательно, огромное внимание должно уделяться подбору личности, разработке и подготовке легенды, инструктажу внедряемого лица, так как они являются определяющими на первоначальном этапе внедрения и при правильном их проведении смогут снизить степень риска. Огромную помощь при подборе соответствующего лица могут оказать информационные системы, существующие в МВД Республики Беларусь, содержащие персональную информацию о гражданине, круге его интересов и связях.

1. Преступность в СНГ: проблемы предупреждения и раскрытия преступлений : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Воронеж, 23 мая 2012 г.) / Воронеж. ин-т МВД России. – Воронеж, 2012. – 342 с.

Ю.П. Жихарев, выпускник магистратуры факультета
заочного обучения

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.В. Гиммельрейх

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В МЕХАНИЗМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФУНКЦИЙ ГОСУДАРСТВА

Функции государства представляют собой объективно необходимые, обязательные направления его деятельности по управлению делами общества, выражающие его сущность и социальное назначение, детерминированные целями, задачами государства и потребностями общественного развития.

Анализ научно-правовой и учебно-методической литературы свидетельствует о том, что различными учеными-правоведами выделяется от четырех [1, с. 241] до шести [2, с. 201] комплексных функций, которые в настоящее время должно осуществлять любое современное государство: политическая, экономическая, социальная, идеологическая, информационная, правоохранительная. Рассматривая функциональную деятельность государства, необходимо четко понимать, что функции государства сами по себе, автоматически не могут претворяться в жизнь. Для их практического осуществления необходим целый комплекс организационно-правовых средств.

Однако в теоретических исследованиях, затрагивающих проблематику функций государства, вопросы практической реализации функций государства часто либо опускаются вообще, либо рассматриваются очень поверхностно. Анализ правовой литературы еще раз показывает, что глубокое и продуманное рассмотрение вопросов, связанных с пониманием сущности и содержания функций государства, не дополняется столь же масштабным исследованием проблем их реализации. Работы, посвященные данному, весьма существенному вопросу, ограничены обычно анализом форм реализации и не затрагивают путей и конкретного механизма самого процесса.

Хотя категория «механизм реализации функций государства» (далее – МРФГ) и не является общепризнанной в юридической науке, в настоящее время она все чаще используется в теоретических исследованиях по вопросам функций государства. Вместе с тем, обращаясь к анализу специальной литературы, следует отметить, что единая научная

позиция и относительно самого понятия «механизм реализации функций государства» и его структуры отсутствует.

По мнению некоторых авторов, «механизм осуществления функций государства есть единство всей системы органов государства, управомоченных им общественных организаций, осуществляющих государственные функции, а также формы и методы их деятельности, единство динамической и статической сторон их реализации» [3, с. 68]. Так, одним из основных достоинств данного подхода видится выделение динамической и статической составляющих исследуемого механизма.

Е.В. Рябова, например, определяет механизм осуществления функций государства как взятые в единстве субъекты осуществления функций, их деятельность, осуществляемая на основе определенных принципов, а также формы, методы и средства их осуществления [4, с. 19].

Как представляется, в структурном отношении механизм реализации функций государства состоит из ряда основных элементов: управляющей системы (государство в лице его органов); правовых норм (своеобразный юридический механизм, с помощью которого обеспечивается содержательность воздействия в управлении обществом); управленческого процесса; методов и форм деятельности; правовых принципов, процедур, целевого предназначения.

В общем плане механизм реализации функций государства представляет собой согласованное воздействие субъектов государственного управления на обширные сферы общественных отношений. Характеризуя государство как управляющую по отношению к обществу систему (сложный субъект государственного управления), важно отметить следующее: государство как субъект управления реализует свои основные функции посредством функций органов государства, которые «...имеют более конкретный характер, решают задачи в рамках главных задач государства» [5, с. 87].

Ключевая роль в юридическом механизме отводится органам государства. В современном обществе наибольшую нагрузку по реализации функций государства несет исполнительная ветвь власти, объединив в себе наибольший объем властных полномочий, людских, материальных и технических ресурсов.

Органы внутренних дел (ОВД) как субъект осуществления функций государства обладают определенной спецификой. Выражается это в том, что ОВД по своей природе относятся к органам исполнительной власти, но и включены в систему так называемых «правоохранительных органов» с их обязанностью осуществления правоохранительной деятельности.

Итак, особое место органам внутренних дел в системе исполнительной власти обусловлено следующими обстоятельствами:

многообразием правоохранительных и иных функций, реализуемых органами и учреждениями министерства (в том числе правовая защита сотрудников);

наличием исключительных сфер правоохранительной деятельности, отнесенных к их ведению (безопасность дорожного движения и ряд иных);

наличием организационных структур на всех уровнях государственно-территориального устройства Республики Беларусь;

многочисленностью, высоким уровнем мобилизационной готовности личного состава;

существенным объемом полномочий сотрудников, в том числе исключительных, включая применение мер принуждения, физической силы и оружия;

особый порядок комплектования и прохождения службы;

наличие значительного количества вооружения, специальной и иной техники, средств связи и другого имущества;

традиционным восприятием МВД основной массой населения как главной правоохранительной силы государства [6, с. 39–40].

Анализ полномочий органов внутренних дел (только в Положении о МВД их перечень составляет 33 позиции) позволяет сделать вывод о сложности и многоаспектности их деятельности, которая носит ярко выраженный правоохранительный характер.

Определенный интерес вызывает рассмотрение роли органов внутренних дел в реализации политической функции государства. Следует заметить, что данный вопрос в юридической науке до настоящего времени остается пока недостаточно разработанным, что оправдано несколькими причинами: во-первых, как таковую политическую функцию государства выделяют далеко не все ученые; во-вторых, в подавляющем большинстве рассмотрение участия органов внутренних дел в реализации политической функции сводится к обеспечению общественного порядка при проведении выборов, референдумов, митингов, демонстраций, шествий и других политических акций [7, л. 169].

Содержание рассматриваемого направления деятельности органов внутренних дел находит выражение в следующих аспектах:

1. Обеспечение проведения массовых мероприятий общественно-политического, спортивно-массового и культурно-зрелищного характера (шествия, демонстрации, пикетирования и т. п.), которые характеризуются определенной организованностью, общностью мотивов и стереотипов поведения участников.

Выполнение данных обязанностей находит отражение в решении следующих задач: предупреждение и пресечение возможных преступлений и других правонарушений, обеспечение общественной безопасности в местах проведения таких мероприятий; создание условий для нормального осуществления данного мероприятия, охраны прав и законных интересов его участников; обеспечение строгого соблюдения участниками установленных правил поведения; обеспечение безопасности дорожного движения и пожарной безопасности; оказание содействия учреждениям и общественным организациям, участвующим в обеспечении правопорядка.

2. Участие в проведении выборов, что включает следующие обязанности:

оказание содействия избирательным комиссиям, комиссиям референдума в реализации их полномочий, в том числе предоставление избирательным комиссиям по их запросам сведений о наличии судимости у зарегистрированных кандидатов в депутаты или на выборные должности в органах государственной власти, органах местного самоуправления;

принятие мер по пресечению в ходе избирательной кампании, при подготовке и проведении референдума противоречащей закону предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума, информирование соответствующей избирательной комиссии или комиссии референдума о фактах выявленных нарушений и принятых в связи с этим мерах.

В юридической науке исследование социальной функции государства проводится путем преломления через призму взаимных прав и обязанностей государства и индивида; где также предполагается рассмотрение ряда явлений: «социальное государство», «социальная политика», «социальное правовое государство» и т. д. И здесь не только интересно, но и важно определить роль органов внутренних дел в реализации социальной функции государства.

Обозначенный вопрос можно рассматривать в нескольких аспектах. С одной стороны, органы внутренних дел являются государственным органом и участвуют в осуществлении различных функций государства, в том числе и социальной; с другой – все работники ОВД являются гражданами Беларуси и в этом смысле также вовлечены в сферу осуществления государством социальной функции.

По мнению профессора В.Н. Бутылина, основная часть полномочий милиции связана с охраной прежде всего личных (гражданских) прав и свобод граждан (право на жизнь, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, жилища и др.) и косвенно распространяется на систему политических и социально-экономических прав и свобод граждан [8, л. 357].

Действительно, так как органы внутренних дел являются одним из важнейших структурных элементов правоохранительной системы государства с деятельностью ярко выраженного правоохранительного характера, направленной в первую очередь на борьбу с преступностью, охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности. Участие органов внутренних дел в реализации данной функции государства связано с выполнением социального обслуживания и осуществлением контроля выполнения этой функции другими органами.

Ряд выполняемых органами внутренних дел функций направлен именно на социальное обслуживание населения. Более всего это проявляется в деятельности служб и подразделений милиции общественной безопасности, которые решают определенные социальные задачи: оказание в пределах своей компетенции правовой, медицинской и иной помощи гражданам, пострадавшим от правонарушений и несчастных случаев, лицам, находящимся в состоянии, опасном для их жизни и здоровья; проведение индивидуальной профилактической работы и осуществление контроля в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы и др.

В осуществлении социального обслуживания населения значима роль подразделений охраны, осуществляющих на основе договоров с физическими или юридическими лицами охрану имущества, различных форм собственности; инспектирующих подразделения ведомственной охраны и выдающих по итогам проверок обязательные к исполнению предписания по устранению недостатков, выявленных в технической укреплённости объектов.

Согласно действующему законодательству органы внутренних дел являются одним из субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: решают задачи по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних; выявляют и устраняют причины и условия, способствующие этому и т. п.

Таким образом, оправдано сказать, что роль органов внутренних дел в механизме реализации функций государства определяется исходя из социального назначения, компетенции, форм и методов их деятельности.

Так, представляется, что необходимость дальнейшего реформирования современной системы органов внутренних дел связана с изменениями в экономической, политической, социальной жизни и возрастающими требованиями общества к деятельности системы органов внутренних дел в условиях построения социального правового государства. Утверждение С.П. Булавина здесь еще раз подтверждает, что совершен-

ствование органов внутренних дел – профильная стратегическая задача, так как без комплексного решения проблем в правоохранительной сфере невозможно добиться успехов в работе по эффективной защите прав и свобод граждан от преступных посягательств [9].

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать соответствующие выводы.

1. Функциональная характеристика позволяет наиболее полно уяснить сущностную сторону государства, его роль и социальное назначение в обществе. Реализация функций государства является сложным, динамичным процессом, неразрывно связанным с государственным управлением, охватывающим субъекты осуществления функций государства и широкий спектр правовых и организационных средств.

2. Наделение ОВД широким кругом полномочий, наличие исключительных сфер правоохранительной деятельности, отнесенных к их ведению, возможность применения мер принуждения позволяет отметить важную роль данного субъекта государственного управления в механизме реализации функций государства. В реализации политической и социальной функций государства рассмотрение роли ОВД представляет интерес.

3. Для современного периода функционирования органов внутренних дел характерно преобразование их организационных и правовых основ в соответствии с новыми социально-экономическими и политическими условиями, в том числе постепенная оптимизация их функций.

4. В качестве дальнейшего шага в освобождении органов внутренних дел от несвойственных им задач и функций видится упразднение УВД по охране Минского метрополитена с передачей функции поддержания правопорядка сотрудниками службы безопасности КУП «Минский метрополитен».

1. Теория права и государства : учебник / В.С. Афанасьев [и др.] ; под общ. ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Право и закон, 2001. – 551 с.

2. Радько, Т.Н. Теория государства и права : учебник / Т.Н. Радько. – 2-е изд. – М. : Проспект, 2009. – 752 с.

3. Кузнецов, И.А. Охрана социалистического правопорядка, социалистической собственности, прав и свобод граждан как функция советского общенародного государства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.А. Кузнецов. – Саратов, 1986. – 204 л.

4. Рябова, Е.В. Функция обеспечения правопорядка в период формирования правового российского государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.В. Рябова ; Волгогр. акад. МВД России. – Волгоград, 2005. – 27 с.

5. Чиркин, В.Е. Контрольная власть : монография / В.Е. Чиркин. – М. : Юрист, 2008. – 213 с.

6. Аврутин, Ю.Е. Органы внутренних дел в государственном механизме Российской Федерации (государственно-правовые и социальные вопросы функционирования и перспектив развития) / Ю.Е. Аврутин, Н.И. Зубов. – СПб. : С.-Петербург. ун-т, 1998. – 198 с.

7. Бухтерева, М.А. Формы реализации функций государства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / М.А. Бухтерева ; Акад. упр. МВД России. – М., 2002. – 202 л.

8. Бутылин, В.Н. Милиция в государственном механизме охраны конституционных прав и свобод граждан : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / В.Н. Бутылин ; Акад. упр. МВД России. – М., 2001. – 459 л.

9. Булавиц, С.П. Историческое наследие П.А. Столыпина в контексте современного реформирования органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : [по состоянию на 29.11.2011 г.] / С.П. Булавиц // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

УДК 342.9

С.Н. Игнатович, выпускник магистратуры факультета
заочного обучения
Научный руководитель – кандидат юридических наук
С.С. Касьянчик

ЗАКОННОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ

Без законности как средства проведения закона в жизнь закон теряет всякий практический смысл. В современных условиях для практики организации государственного управления принципиально важное значение имеет решение проблемы обеспечения законности.

Вообще в термине «законность» заключено несколько смыслов (режим, метод, принцип). Однако в каждом из них в отношении к законности суть ее заключается в том, чтобы выраженные в правовых нормах (правилах поведения) запреты соблюдались, позитивные обязывания исполнялись, а дозволения использовались требуемым государством образом.

Наиболее ощутимое влияние на уровень и состояние законности в любом государстве оказывает деятельность органов государственного управления. При этом, если принимать во внимание, что правовая упорядоченность государственного управления служит важным условием и фактором его рациональности, действенности и эффективности, а важнейшим условием обеспечения режима законности в государстве выступает четкая организация основанной на беспрекословном исполнении законов деятельности системы правоохранительных органов, становится очевидным, что без обеспечения законности в государствен-

ном управлении правоохранительными органами нет и не может быть правового государства.

Вопросы обеспечения законности в государственном управлении в целом и государственном управлении правоохранительными органами в частности рассматривались в трудах многих ученых: И.И. Маха, И.В. Козелецкого, П.Е. Недбайло, М.С. Строговича, В.Н. Хропанюка и др. Вместе с тем в их работах законность освещалась как режим, метод и принцип организации всего государства вообще и его отдельных институтов в частности. Однако то обстоятельство, что в современных условиях законность сумела приобрести качественно новое состояние (правовое средство обеспечения эффективного функционирования государственного аппарата), в науке административного права отражения не нашло.

О целесообразности рассмотрения законности в таком аспекте можно говорить при философском осмыслении данной категории. С этой позиции в качестве конечной, стратегической цели государственного управления следует рассматривать цель функционирования самого государства. В свою очередь, целью существования государства как социального института является создание разнообразных социальных благ для всех членов общества с учетом возможностей каждого. На основании изложенного и с учетом «идеалистического» характера категории «цель» следует говорить о том, что, ведя речь о цели государственного управления, необходимо указывать, что в зависимости от того, насколько органы государственного управления близки к достижению идеального «положения дел» в государстве, удовлетворению потребностей населения, настолько эффективно реализуется система государственного управления в целом. Это умозаключение позволяет рассматривать установление законности в государстве (в целом) и государственном управлении (в частности) как средство обеспечения их эффективности.

Анализ практики законодательного регулирования деятельности правоохранительных органов позволяет говорить о том, что сложность дальнейшего совершенствования механизма обеспечения законности с позиции указанного аспекта прежде всего состоит в нерешенности некоторых проблем:

во-первых, до сих пор не выработан унифицированный подход к пониманию и определению термина «правоохранительные органы»;

во-вторых, в юридической литературе и законодательстве отсутствует определение понятия «законность в государственном управлении правоохранительными органами», а государственное управление правоохранительными органами не дифференцировано в зависимости от объекта государственно-правового воздействия;

в-третьих, в системе законодательных актов Республики Беларусь, закрепляющих режим законности в государственном управлении правоохранительными органами и устанавливающих механизм ее реализации, наблюдаются правовые пробелы и неопределенность, что требует системной работы по выработке предложений по их устранению.

В современных условиях без разрешения отмеченных проблемных аспектов с учетом современных тенденций совершенствования государственного аппарата и требований законодательства Республики Беларусь невозможно представить модель структурно-функциональной модернизации правоохранительной системы.

Анализ изложенных в юридической литературе определений понятия «правоохранительные органы» обращает внимание на то, что часто к таким наряду с государственными относятся также и негосударственные организации, что противоречит положениям заключенных Республикой Беларусь межгосударственных соглашений, согласно которым правоохранительными следует называть лишь государственные органы. Однако и нормативная формулировка определения этого понятия низводит его содержание фактически к любому государственному органу ввиду наличия соответствующих правоохранительных функций, которыми каждый такой орган наделяется. Указанные обстоятельства позволяют предложить следующую формулировку рассматриваемого понятия, для которой видится необходимость нормативного закрепления.

Правоохранительные органы – специализированные государственные органы, созданные для обеспечения законности и правопорядка в государстве, реализующие на профессиональной основе в рамках основной функциональной направленности правоохранительную функцию государства и наделенные в связи с этим возможностью применения соответствующих мер государственного принуждения.

Так, в литературе активно обсуждался вопрос о том, включать или не включать в понятие законности требование точного соблюдения не только законов, но и подзаконных актов. Здесь правой видится точка зрения авторов, связывающих соблюдение законов и необходимость соблюдения подзаконных актов, им соответствующих.

Нарушение подзаконного акта ослабляет обязательную силу закона, на котором он основан. По этой причине нами не разделяется точка зрения тех авторов, сводящих понятие законности к соблюдению законов, исключая из него соблюдение подзаконных актов. К тому же трудно спорить с мнением М.С. Строговича, согласно которому при определении законности нет необходимости специально оговаривать то обстоятельство, что «законность требует исполнения и соблюдения не только

законов, но и подзаконных актов, так как подзаконный акт, изданный на основе закона, в соответствии с законом и во исполнение закона, представляет собою способ, форму реализации закона». И напротив, «подзаконный акт, противоречащий закону, не основанный на законе, сам является незаконным и, разумеется, не может претендовать на то, чтобы его соблюдали и исполняли» [1, с. 11, 14].

Содержание законности в государственном управлении различимо не только с позиций формально-содержательного аспекта, но и с точки зрения субъектов ее реализации (соблюдения).

Так, большинство ученых понимают под законностью точное и неуклонное соблюдение юридических (правовых) норм всеми субъектами права. Позиция этой группы ученых позволяет относить к субъектам обеспечения законности как государственные органы и организации, так и граждан.

Вместе с тем в рамках рассматриваемого вопроса интересной представляется позиция Н.Г. Александрова, где понятие и содержание законности рассматривается дифференцированно.

В частности, говоря о понятии «законность», профессор Н.Г. Александров отмечал, что этот термин может быть применен в двух аспектах: широком и узком. В широком – как соблюдение всеми гражданами и организациями законов и подзаконных актов, то есть требуемый государству образ поведения населения. В узком – как принцип деятельности государственного аппарата по осуществлению своих властных функций в строгих рамках закона, связанных с обеспечением прав граждан и общественных организаций [2, с. 105].

Приведенная позиция для настоящего исследования видится наиболее приемлемой: во-первых, автор не ставит в один ряд соблюдение закона гражданами и должностными лицами (в широком аспекте) с соблюдением закона только должностными лицами (законность в узком смысле); во-вторых, понятие законности (в узком аспекте), распространяясь только на деятельность государственного аппарата, позволяет учитывать свойственные ей и характерные для нее признаки.

Для решения обозначенных в рамках исследования задач возникает необходимость рассматривать законность в узком смысле. Вывод в этом случае предполагает выделение наличия специального круга субъектов ее соблюдения как признака законности в государственном управлении. Следуя доктрине административного права и теории государственного управления, под таковыми следует понимать исполнительно-распорядительные органы государственной власти (органы государственного управления), а равно – государственных служа-

щих, выполняющих от их имени и по их поручению государственно-властные функции [3, с. 19; 4, с. 39].

Обоснованно согласиться и с позицией Г.А. Василевича, который в подобного рода определениях законности усматривает формальный подход, объясняя тем, что законность – это прежде всего связанность государства правом, совершенствование законов, указов, постановлений и других актов государственных органов с учетом требований справедливости, общепризнанных принципов и норм международного права [5].

С позиций избранного нами в качестве основного узкого подхода такая формулировка обозначенного понятия видится более успешной. Однако в распространенных определениях понятия законности необходимо обратить внимание также и на иной момент: из всех известных форм реализации правовых норм исследователи в определениях указанного понятия оперируют исполнением как формой их реализации. Но в юридической литературе общепризнанным является подход, определяющий четыре основные формы (способа) реализации административно-правовых норм: соблюдение, использование, исполнение и применение.

Так, с учетом представленных аспектов под законностью в государственном управлении правоохранительными органами следует понимать правовое средство, обеспечивающее исполнение, использование и соблюдение органами исполнительно-распорядительной ветви государственной власти, наделенными полномочиями по государственному управлению правоохранительными органами, требований законодательных и иных нормативных правовых актов, регламентирующих административно-правовой статус данных категорий субъектов государственного управления, позволяющее эффективно решать задачи государственного управления правоохранительными органами и гарантированное системой специально-юридических средств, в том числе связанных с наделением субъектов реализации государственной власти правом применения юридических норм.

Из приведенного определения и характеризующих указанное понятие признаков следует, что, осуществляя государственное управление правоохранительными органами, его субъекты воздействуют не только на внешнюю (правоохранительную) составляющую деятельности объектов управления (правоохранительные органы), но и внутреннюю (организующую) их деятельность. В связи с этим необходимо выделять два уровня (вида) государственного управления: внешнее государственное управление, осуществляемое органами исполнительной власти для реализации «внешних» (в том числе принуждающих) полномочий, и внутреннее (внутрисистемное) государственное управление, осущест-

вляемое исполнительно-распорядительными органами государственной власти для организации самой системы этих органов и обеспечения правовых режимов их деятельности. Следовательно структурно государственное управление в указанной сфере необходимо рассматривать в разрезе управления регулятивно-служебной и правоохранительной деятельностью государственных (правоохранительных) органов.

Экстраполяция приведенных научных положений на систему действующих в Республике Беларусь нормативных правовых актов позволяет говорить о том, что законность в государственном управлении правоохранительными органами следует рассматривать не только как точное и неуклонное соблюдение юридических (правовых) норм субъектами государственного управления правоохранительными органами, но и как соответствие таких норм (прежде всего нормативных предписаний правовых актов управления) принятым в государстве законодательным актам.

Анализ законодательства Республики Беларусь в части соблюдения данного аспекта обращает внимание на необходимость реализации следующих правовых и организационных мероприятий, осуществление которых призвано обеспечить соблюдение соответствующих правовых предписаний:

издание нормативного правового акта в форме Указа Президента Республики Беларусь «Вопросы координации деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь по борьбе с преступностью», который обеспечит системный подход к координации деятельности правоохранительных органов, закрепит легальную формулировку понятий «правоохранительные органы Республики Беларусь» и «государственные органы, содействующие правоохранительным органам», создаст необходимые условия и предпосылки для обеспечения законности в данной сфере;

передача структурных подразделений органов финансовых расследований, наделяемых правовым статусом правоохранительных государственных органов, от Комитета государственного контроля, обладающего правовым статусом контрольного (но не правоохранительного) государственного органа, Министерству внутренних дел и Следственному комитету Республики Беларусь. Принимая во внимание дублирование функций подразделениями Департамента финансовых расследований вышеназванных правоохранительных органов, реализация данного предложения позволит оптимизировать государственный аппарат, обеспечив реализацию требований Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы., утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466.

Таким образом, полагаем, что предложенные определения и конкретизирующие их содержание положения, а также предложения по совершенствованию действующих и изданию новых нормативных правовых актов должны послужить основой для развития национального законодательства в исследуемой сфере и формирования единого подхода к его реализации.

1. Строгович, М.С. Основные вопросы советской социалистической законности / М.С. Строгович, Е.М. Колош, П.Е. Недбайло. – М. : Наука, 1966. – 190 с.

2. Александров, Н.Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма / Н.Г. Александров. – М. : Юрид. лит, 1961. – 316 с.

3. Административное право : учеб. пособие : в 2 ч. / И.В. Козелецкий [и др.] ; под общ. ред. И.В. Козелецкого, А.И. Сухарковой. – Ч. 1: Административно-регулятивное право. – Минск : Акад. МВД, 2013.– 438 с.

4. Мах, И.И. Административное право : курс лекций / И.И. Мах. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Амалфея, 2012. – 640 с.

5. Василевич, Г.А. Научно-практический комментарий Конституции Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Г.А. Василевич // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 347.5

Н.С. Касперович, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
А.В. Григорьев

ЗАКОННОСТЬ И ПРАВОПОРЯДОК В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: СООТНОШЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ

Государство управляется с помощью различных методов и средств – экономических, политических, идеологических, организационных, правовых. Среди последних важнейшее место занимают законность и правопорядок, без которых невозможно обеспечить нормальную жизнедеятельность общества, его граждан. Посредством одной силы этого сделать еще никому не удавалось.

В правовой сфере трудно найти явления более взаимосвязанные, чем законность и правопорядок. Это привело к тому, что долгое время различие между ними не проводилось и они употреблялись как равнозначные понятия. Однако до сих пор понятия данных дефиниций четко не определены. Долгое время в содержание законности и правопорядка вкладывалось исполнение законов. Действительно, эти категории фор-

мируются на одних и тех же принципах, тесно взаимосвязаны с властью, у них единое государственно-волевое содержание и интересы. Они сочетаются с правами, свободами, обязанностями и ответственностью граждан, субъектов права, имеют формальную нормативную определенность. Но все это не отрицает, а предполагает наличие принципиальных отличий, выражающих их самостоятельность, специфику [1, с. 52].

Сходство и различие во взаимодействии важно проследить, ибо это имеет огромное практическое значение как для укрепления законности, так и упрочения правопорядка. При анализе и описании законности и правопорядка очень важно учитывать те социальные связи и отношения, в которых они исследуются. Взятые сами по себе, они абсолютно ничего не значат. Они имеют много общего, слишком высока степень их зависимости. Свойства этих категорий переходят из одного в другое качество анализируемых явлений. Кроме того, необходимо учитывать, что данная категория является парной. Так, например, упорядоченность, с одной стороны, есть результат осуществления права и законности, а с другой – их важнейшее свойство. Долгое время в содержание законности и правопорядка вкладывалось выполнение законов и в связи с этим различие между ними не проводилось [2, с. 34].

Рассматривая эти понятия, нельзя не обратить внимания на проблемы и основные пути укрепления законности и правопорядка. Законность и правопорядок – величайшие социальные ценности, основа нормальной жизни общества, его граждан, их укрепление – одна из главных задач, стоящих перед обществом, одно из основных направлений деятельности государства, его функция.

Эти дефиниции формируются на одних принципах, взаимосвязаны с государственной властью, у них единое государственно-волевое содержание и интересы. Они связаны с правами, свободами и обязанностями, ответственностью граждан, субъектов права, имеют формальную нормативную определенность и т. д. Но это не отрицает, а предполагает наличие принципиальных отличий, определяющих их качественную самостоятельность.

Во-первых, законность, правопорядок – различные по содержанию и характеру категории. Законность – качественная сторона правовой деятельности субъектов права и их поведения; свойство метода, принципа, режима; а правопорядок – состояние правовой жизни общества, упорядоченная система правовых отношений и их свойств.

Во-вторых, они выступают различными этапами реализации воли и интересов власти и народа. Законность – реализующееся право, правовое качество нормативных и правореализационных актов, процесса их

реализации. Правопорядок – претворенное в жизнь право, реализованные воля и интересы государственной власти и народа. Различен уровень развития правовой материи: начальный момент, движение и конечный результат.

В-третьих, они несут различную правовую функциональную нагрузку. Право, законы – юридическая основа правопорядка, законность – средство его установления, правопорядок – результат осуществления права и законности, упорядочивающий социальную жизнь. Право и законность – своеобразные инструменты, позволяющие решать поставленные задачи и достигать цели. Есть законность – есть и правопорядок. Нет законности – есть беззаконие, произвол, анархия. Поэтому прочность и совершенство правопорядка находятся в прямой зависимости от законности, от этого качества нормотворческого и правореализационного процесса [3, с. 11].

В-четвертых, различны их связи и зависимости. Если законность выступает как причина, то правопорядок – следствие. Если при анализе законности имеем дело прежде всего с количественными и качественными характеристиками, то при рассмотрении правопорядка – с состояниями и их качеством.

Если право, законы выступают как возможность регулирования общественных отношений, то законность – реальность их реализации, а правопорядок – осуществленность, действительность. Если законность выступает качеством нормотворческого и правореализационного процессов, то в правопорядке она выступает одним из существенных проявлений состояния.

Каждая из форм проявления законности имеет свои определенные последствия. Их нельзя включать в понятие законности, как нельзя смешивать причину и следствие. Требования законности в нормотворческом процессе обуславливают стройную и разветвленную систему демократического и справедливого законодательства, права. Требования законности в правореализационном процессе приводят к устойчивым правоотношениям, обеспечивают правовой порядок. Поэтому право, правоотношения, правопорядок есть результат осуществления законности в ее качественных параметрах. Эти характерные черты переходят на право, правоотношения, правопорядок. Поэтому речь идет не о любом законе, правоотношении, порядке, а об определенных их качественных характеристиках. Законность выступает своеобразным правовым средством в руках государственной власти и народа по установлению и поддержанию правопорядка. Это условие его функционирования, которое обуславливает все существенные характеристики правопорядка как свойства и

состояния общественной жизни. Данное свойство отчетливо проявляет себя в сопоставлении с его противоположностями, такими как преступность, правонарушения, злоупотребления, противозаконные нормативные и правоприменительные акты, произвол, беззаконие и т. п.

Законность обеспечивает (направлена на обеспечение) общеобязательность права, а правопорядок – результат такого обеспечения. Правопорядок, отмечает Н.Г. Александров, «являясь венцом, итоговым результатом действия права, как бы замыкает цепь основных общественно-политических явлений из области правовой надстройки (правозаконность – законность – правопорядок)» [4, с. 57].

В этом отношении было бы не совсем точным отождествлять законность с деятельностью людей, с их правомерными поступками, с их отношениями, развивающимися на основе и в рамках закона. При таком отождествлении смысловые оттенки понятий «законность», «правопорядок» выявить сложно.

Содержание правопорядка составляет упорядоченность общественных отношений, выражаемое в правомерном поведении их участников. Следовательно, когда участники регулируемых правовых отношений соотносят свое поведение с субъективными правами и юридическими обязанностями, тогда и складывается правопорядок [5, с. 54]. Как видно, законность непосредственно примыкает к закону, выражается в требованиях его соблюдения, правопорядок – к осуществлению субъективных прав, исполнению юридических обязанностей.

Изучение проблем законности и правопорядка исключительно важно, потому что все отраслевые юридические науки, исследующие различные аспекты права, правоприменительного процесса, так или иначе, обязательно выходят на эти проблемы, что порождает различные взгляды.

Государство управляется с помощью различных методов и средств – экономических, политических, идеологических, организационных, правовых. Среди последних важное место занимают законность и правопорядок, без которых невозможно обеспечить нормальную жизнедеятельность общества, его граждан [6]. Посредством одной силы этого сделать еще никому не удавалось.

Законы, их соблюдение – древнейший и наиболее цивилизованный способ управления людьми. Сегодня он общепринят во всех развитых демократических странах, в мировом сообществе. Ничего лучшего, более разумного человечество не придумало. Не будь законов, любое общество погрузилось бы во мрак невежества. Законов не было лишь на самых ранних, незрелых стадиях развития истории, когда господствовали простейшие формы общежития [7, с. 32].

В законе воплощен коллективный разум, поэтому он авторитарен, почитаемый и ставится превыше всего. Разумеется, законы обязана соблюдать и сама власть, создающая эти законы, считать себя связанной ими. В противном случае она не будет иметь морального права требовать этого от других и, следовательно, не сумеет обеспечить должного порядка в обществе. В подчинении власти собственным законам – суть правового государства.

Наличие должного правопорядка в стране позитивно сказывается на ее международном престиже. Необходимо применять меры, которые будут направлены на укрепление государственности и законности, наведение порядка в стране, повышение управляемости обществом [8, с. 6].

Для того чтобы в нашем обществе нормально существовали законность и правопорядок, нужно чтобы в деятельности государства осуществлялся принцип разделения властей, в общественной жизни реально воплощались справедливость, гуманизм, равенство всех перед законом, чтобы интересы субъектов права находились под надежной охраной государства. И, может быть, самое главное, чтобы государство отвечало перед своими гражданами за нарушение их законных интересов, а граждане, в свою очередь, несли бы ответственность перед государством за совершенные правонарушения. Эти факторы и образуют правовую основу реальной демократии, концентрируют в себе все положительные свойства правового регулирования общественных отношений, которые так необходимы нашему обществу сегодня.

1. Братусь, С.Н. Юридическая ответственность и законность / С.Н. Братусь. – М. : Юрид. лит., 1999. – 178 с.

2. Морозова, Л.А. Функция Российского государства на современном этапе / Л.А. Морозова // Государство и право. – 1993. – № 6. – С. 34–38.

3. Мариков, О.П. Правовые принципы в национальной правовой системе / О.П. Мариков // Право в соврем. белорус. о-ве. – 2008. – № 3. – С. 112–117.

4. Александров, Н.Г. Социалистические принципы советского права / Н.Г. Александров // Совет. государство и право. – 1957. – № 11. – С. 56–60.

5. Гришанин, П.Ф. Пути укрепления законности / П.Ф. Гришанин // Государство и право. – 2001. – № 1. – С. 54–56.

6. Сведения о преступлениях и потерпевших за 2016 год [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=314473>. – Дата доступа: 15.04.2017.

7. Сафонов, А.Ю. Основные элементы обеспечения законности в административной деятельности полиции / А.Ю. Сафонов // Соврем. право. – 2015. – № 11. – С. 31–33.

8. Ралько, О.В. Правовое государство: переход от абстрактных понятий к конкретным характеристикам / О.В. Ралько // Гос. власть и мест. самоуправление. – 2010. – № 5. – С. 3–8.

Е.А. Климович, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
И.А. Шаматувский

ИНДИВИДУАЛЬНАЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА, ОСУЩЕСТВЛЯЕМАЯ ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Возложенная на оперативные подразделения органов внутренних дел Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» задача по предупреждению, выявлению, пресечению преступлений, а также выявлению граждан, их подготавливающих, совершающих или совершивших, воплотившаяся в теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел в отдельную организационно-тактическую форму – оперативно-розыскную профилактику, реализуется на практике в следующих основных направлениях:

выявлении и анализе причин и условий, способствующих совершению преступлений;

воздействии на конкретные социальные группы (микросреду), в которых складываются конфликтные ситуации, отдельные виды и формы преступного поведения, предупреждении преступлений в определенных сферах общественной жизни;

установлении лиц, противоправные действия которых не содержат признаков состава преступления, но дают основания для принятия к ним профилактических мер.

Использование в профилактической работе оперативно-розыскных мероприятий выделяет оперативные аппараты среди других служб органов внутренних дел, учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, а также создает для них более широкие возможности, чтобы эффективно осуществлять предупредительные работы. Практика убедительно подтверждает, что во многих случаях оперативно-розыскная деятельность является, в сущности, единственным средством эффективного воздействия на криминогенные явления, процессы и конкретные доприступные противоправные действия, нейтрализация и предотвращение которых с помощью гласных мер административно-служебного, уголовно-процессуального либо воспитательно-профилактического характера невозможны. Каждый из оперативных аппаратов органов внутренних дел, исправительных учреждений действует в определенной сфере и выполняет конкретные мероприятия по профилактике ре-

цидивной преступности. В частности, оперативные аппараты учреждений и органов уголовно-исполнительной системы проводят комплекс оперативно-розыскных мероприятий по предупреждению преступлений со стороны осужденных. Поэтому в профилактической деятельности необходимо учитывать сферу приложения их усилий, объекты воздействия, наличие конкретных задач, особенности сил, средств и методов, имеющихся в распоряжении оперативных работников.

В то же время повышение уровня правосознания граждан, преодоление негативных последствий антисоциального поведения вполне доступны, например, и для религиозных организаций, которые обладают огромным потенциалом и примерами проектов по интеграции в общество людей, освобождающихся из мест лишения свободы, в партнерстве с Православной епархией в Республике Беларусь [1, с. 4].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» индивидуальная профилактика правонарушений – деятельность, осуществляемая субъектами профилактики правонарушений, уполномоченными в соответствии с указанным законом и другими законодательными актами Республики Беларусь, по оказанию корректирующего воздействия на граждан, склонных к противоправному поведению и (или) совершивших правонарушения, в целях недопущения совершения ими правонарушений [1].

Индивидуальная профилактика осуществляется персонализировано. Она направлена на выявление, устранение (блокирование, нейтрализацию) криминогенных факторов, непосредственно связанных с поведением, образом жизни, микросредой таких лиц.

Мерами индивидуальной профилактики правонарушений являются: профилактическая беседа; официальное предупреждение; профилактический учет; защитное предписание и иные меры, предусмотренные законодательными актами.

Меры индивидуальной профилактики правонарушений при совершении гражданами правонарушений применяются с одновременным привлечением их к ответственности, установленной законодательными актами Республики Беларусь.

Профилактическая беседа проводится с гражданином в случаях, когда им совершено правонарушение или когда его поведение в общественных местах, по месту жительства, работы, учебы либо образ жизни дают основание полагать о возможности совершения им правонарушения.

Профилактическая беседа проводится по месту жительства, работы или учебы гражданина, а также в общественном пункте охраны порядка, помещении органа внутренних дел, прокуратуры, государственной

безопасности, пограничной службы, таможенного органа, органа государственной охраны, финансовых расследований, органа, подразделения по чрезвычайным ситуациям и состоит в разъяснении гражданину общественной опасности противоправных деяний, правовых последствий, наступающих в результате совершения правонарушений, а также его убеждении в недопустимости их совершения.

Официальное предупреждение выносится в письменной форме и объявляется под расписку гражданину, состоящему на профилактическом учете, в случаях, когда им совершено правонарушение или когда имеются достаточные основания полагать о его намерении совершить правонарушение.

Для вынесения официального предупреждения гражданин может быть вызван органом внутренних дел, прокуратуры, государственной безопасности, пограничной службы, таможенным органом, органом финансовых расследований в общественный пункт, помещение соответствующего субъекта профилактики правонарушений. Вызов осуществляется в письменной форме (повесткой, извещением), о чем делается запись в материалах, послуживших для этого основанием.

При вынесении официального предупреждения должностное лицо субъекта профилактики правонарушений проводит профилактическую беседу с гражданином, явившимся по вызову.

Информирование о причинах и условиях противоправного поведения осуществляется органами внутренних дел, прокуратуры, государственной безопасности, пограничной службы, таможенными органами, органом государственной охраны, органами финансовых расследований, органами и подразделениями по чрезвычайным ситуациям путем направления письменной информации руководителю организации по месту жительства, работы или учебы граждан, склонных к противоправному поведению, с указанием совершенных ими правонарушений для устранения причин и условий противоправного поведения и принятия к ним мер общественного воздействия [1].

О принятых мерах в месячный срок в письменной форме сообщается субъекту профилактики правонарушений, направившему информацию.

Если руководитель организации не представил в установленный срок сообщения о принятых мерах либо принятые им меры не обеспечивают устранения причин и условий противоправного поведения, соответствующий субъект профилактики правонарушений в течение 10 дней по истечении установленного срока либо после получения сообщения выносит этому руководителю организации представление.

Относительно новая мера профилактики – защитное предписание устанавливающая гражданину, совершившему насилие в семье, ограничение на совершение определенных действий.

Существует два направления действия защитного предписания. Так, например, жертва семейного насилия по своей инициативе покидает собственное жилище, обращается в кризисную комнату, входящую в структуру территориальных центров социального обслуживания населения. В этом случае защитным предписанием гражданину запрещается: предпринимать попытки выяснять место пребывания пострадавших от его действий; посещать места нахождения и пребывания своих жертв; общаться с ними, в том числе по телефону и по интернету. Другая ситуация – когда жертва семейного насилия не имеет возможности покинуть помещение, в котором проживает, но при этом очевидно, что нуждается в защите. В таком случае защитное предписание (с письменного согласия совершеннолетнего пострадавшего) обязывает гражданина временно покинуть общее жилое помещение и налагает запрет распоряжаться общей совместной собственностью [2].

Таким образом, индивидуальная профилактика представляет собой конкретизацию общесоциальных и специальных мер в отношении отдельных лиц. Она последовательно направлена на устранение неблагоприятных воздействий на конкретную личность, могущих привести к формированию антиобщественной направленности и общественно опасному поведению; изменение социально неодобряемого поведения, ведущего к переходу на преступный путь, и корректировку его порождающих ориентации и черт личности (если ее искаженное формирование уже имело место); применение неотложных мер по профилактике непосредственно подготавливаемых преступлений, пресечению попыток их совершения.

Субъектами ранних мер индивидуальной профилактики являются семья, школа, трудовой коллектив, иные социальные институты. Что же касается правоохранительных органов, то они выступают в процессе индивидуального профилактического воздействия, как правило, на стадии не ранней, а непосредственной профилактики.

Следует выделить и методы индивидуального воздействия: убеждение, оказание помощи, принуждение.

Метод убеждения – это комплекс разъяснительных мероприятий, осуществляемых в целях изменения антиобщественной направленности личности и закрепления ее положительной социальной ориентации, убеждение применяется для преодоления или нейтрализации основных антиобщественных ориентаций, могущих привести к совершению преступлений [3, с. 20].

Основными формами реализации метода убеждения являются индивидуальные и коллективные беседы, обсуждение поведения лица, установление над ним индивидуального и коллективного шефства, стимулирование участия в общественно полезной деятельности.

В процессе реализации методов убеждения применяются разнообразные психологические и педагогические приемы воздействия на разум, чувства и волю правонарушителя. На практике положительно зарекомендовали себя беседы. В индивидуальной профилактике преступного поведения используются беседы трех видов: ознакомительная, предупредительная и воспитательная.

Ознакомительная беседа – ответственное мероприятие, от содержания и результатов которого во многом зависит ход дальнейшей воспитательной работы. Психологическая атмосфера такой беседы, ее тон должны отражать общую линию индивидуальной работы. Беседа должна сочетать доброжелательность, заинтересованность в судьбе человека с требовательностью к нему, его поведению. Чтобы эта беседа была эффективной и предметной, необходимо собрать как можно больше информации о лице, его поведении, окружении, связях.

Предупредительная беседа проводится либо при наличии фактов антиобщественного поведения лица, взятого на профилактический учет, либо без каких-либо внешних поводов в порядке повседневной работы. Предупредительная беседа наряду с главной ее целью – оказанием непосредственного воспитательного воздействия – преследует цель контроля за поведением подучетного. Она также используется для информационного обеспечения индивидуальной профилактики преступлений.

Воспитательная беседа по цели, основному содержанию, способам воздействия близка профилактической беседе. Пути воздействия на сознание, чувства и волю, используемые в ходе предупредительных и воспитательных бесед, во многом сходны. Однако воспитательные беседы проводятся, как правило, в неофициальной обстановке, чаще представителями общественности по месту жительства, учебы или работы лица, в отношении которого реализуется данная мера.

Наряду с беседой к числу основных организационно-тактических форм непосредственного воспитательного воздействия относится вовлечение лиц в социально полезные занятия трудового, общественного, спортивного, самодеятельного и иного характера.

Метод оказания помощи – один из самых эффективных в деятельности субъектов профилактики преступлений. Он касается трудового устройства, улучшения бытовых условий, поступления на учебу, орга-

низации досуга, установления социально полезных контактов, планирования денежных расходов, выбора жизненных целей и т. д.

Меры помощи реализуются также путем воздействия на социальную микросреду, в которую входит лицо, с которым ведется работа. Отрицательные источники могут быть во всех сферах микросреды: семье, школе, трудовом коллективе.

Метод принуждения является одним из основных в деятельности правоохранительных органов, прежде всего милиции. Основанный исключительно на законе, этот метод дает возможность своевременно предотвратить преступную деятельность лиц, находящихся под контролем, защитить граждан от их противоправных посягательств.

Метод принуждения реализуется путем применения различных по своей юридической природе, содержанию и направленности мер воздействия. Однако они должны регламентироваться правовыми нормами соответствующих отраслей права – гражданского, семейного, административного и т. д.

Следует помнить, что индивидуальная профилактика преступного поведения представляет собой сложнейший вид деятельности, поскольку она всегда связана с конкретным человеком, его особенностями. Наиболее ярко это проявляется в работе с несовершеннолетними.

Меры профилактики рецидива преступлений применяются к лицам, освобожденным из мест лишения свободы, осужденным условно и к мерам наказания, не связанным с лишением свободы. Они могут также осуществляться обезличено и быть направленными на недопущение новых преступлений со стороны неопределенного круга лиц, например, в случаях устранения криминогенных факторов, выявленных при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, по представлениям следователей, частным определениям судов [5, с. 18].

Комплекс мер непосредственной профилактики составляют мероприятия по целенаправленному воспитательному воздействию на лицо, поведение которого уже свидетельствует об опасности совершения преступления в будущем. Они направлены на устранение факторов, которые привели лицо к нарушению моральных и правовых норм.

1. Возврат в социум [Электронный ресурс] // Совет. Белоруссия. – 2014. – Режим доступа: <http://www.sb.by/obshchestvo/article/vozvrat-v-socium.html>. – Дата доступа: 24.05.2017.

2. Защитное предписание [Электронный ресурс]. – 2014. – Режим доступа: <http://news.tut.by/society/414215.html>. – Дата доступа: 15.05.2017.

3. Колченогова, О.П. Профилактика преступлений : курс лекций / О.П. Колченогова, Н.А. Легенченко. – Минск : Акад. МВД, 2014. – 106 с.

М.В. Ковальчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *К.Д. Сазон*

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЗАЩИТЫ БЕЖЕНЦЕВ И ЛИЦ, ИЩУЩИХ УБЕЖИЩЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ

В настоящее время сформирован механизм нормирования миграции, важным составным элементом которого выступает нормативная правовая система международного регулирования миграционных процессов. Среди основных направлений международного нормативного регулирования миграционных процессов можно выделить: максимальное упрощение перемещения граждан на геополитическом пространстве, особенно в пределах региональных структур (ЕС, СНГ); внедрение единых стандартов обращения с гражданами, въезжающими на территорию государств; создание иммиграционных правил по отношению к беженцам и лицам, ищущим убежища, формирование общей процедуры признания их статуса; принятие общих мер по борьбе с незаконной миграцией и ее предотвращению [1, с. 83].

С 2001 г. по предложению Комиссии ЕС осуществляются практические мероприятия по реализации «единой политики убежища», предполагающей создание единой системы предоставления убежища. В основу политики убежища ЕС были положены Конвенция ООН о статусе беженцев 1951 г. и Протокол, касающийся статуса беженцев 1967 г. В настоящее время в ЕС принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих данную сферу, в том числе основополагающие директивы: так называемые «директива по приему» [2], «квалификационная директива» [3], «процедурная директива» [4]. Кроме того, для создания единой системы убежища ЕС помимо указанных конвенций принят ряд документов.

Council Regulation (EC) N 343/2003 of 18 February 2003 или регламент «Дублин II». Данный регламент заменяет положения Дублинской конвенции 1990 г. европейским законодательством. Задача состоит в максимально быстром определении государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища, установлении разумных сроков для каждой фазы определения ответственного государства-члена и предотвращении злоупотреблений процедурами убежища в форме подачи нескольких заявлений.

В соответствии с Регламентом «Дублин II» государства-члены должны на основе объективных и иерархических критериев оценить, какое государство-член отвечает за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища, поданного на их территории. Система нацелена для предотвращения «шопинг убежища», одновременно обеспечивая, чтобы каждое дело о предоставлении убежища рассматривалось только одним государством-членом.

Критерии определения государства-члена, ответственного за рассмотрение ходатайства, применяются в том порядке, в котором они изложены в настоящем Регламенте, и с учетом ситуации, которая существовала на момент подачи ходатайства.

Регламентом установлены: 1) критерии, связанные с принципом единства семьи; 2) критерии, связанные с выдачей документов на жительство или виз; 3) критерии, связанные с незаконным въездом или пребыванием на территории государства-члена; 4) критерий, связанный с законным въездом на территорию государства-члена; 5) ходатайство в международной транзитной зоне аэропорта.

Кроме того, Регламентом предусмотрен «критерий по умолчанию»: если на основании перечисленных критериев невозможно определить государство-член, ответственное за рассмотрение ходатайства о предоставлении убежища, то ответственным за рассмотрение ходатайства является первое государство-член, где было подано ходатайство.

В Регламенте излагаются практические административные меры по взятию на себя ответственности за рассмотрение ходатайства заявителя и за его принятие (временные рамки направления запроса и ответа на него, а также для проведения передачи искателя убежища, необходимые проверки, уведомления о решениях и т. д.). Если государство-член не придерживается четких временных рамок, установленных Регламентом, считается, что оно косвенно приняло на себя ответственность за искателя убежища.

3 декабря 2008 г. Комиссия приняла предложение по изменениям Регламента «Дублин II» с целью усиления эффективности системы и обеспечения ситуации, в которой потребности заявителей в международной защите были бы всесторонне обеспечены в рамках процедуры определения ответственного государства. Кроме того, в соответствии с Политическим планом по вопросам убежища данное предложение имеет целью решить ситуации определенного давления на возможности государств-членов по принятию искателей убежища, а также ситуации, в которых искателям международной защиты не обеспечивается надлежащий уровень защиты.

Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011. Основной задачей данной Директивы является, с одной стороны, обеспечение того, что страны – члены ЕС применяют общие критерии для определения лиц, действительно нуждающихся в между-

народной защите, а с другой стороны – обеспечение доступности минимального уровня поддержки для таких лиц во всех странах – членах ЕС.

Директива не распространяется на тех граждан третьих стран или лиц без гражданства, которым разрешено оставаться на территории стран – членов ЕС не в связи с необходимостью в международной защите, а в соответствии с дискреционными решениями, которые принимаются по семейным обстоятельствам или по гуманитарным соображениям.

Что касается обращения с лицами, на которых распространяется данная Директива, то страны – члены ЕС связаны своими обязательствами в соответствии с международно-правовыми инструментами, сторонами которых они являются, в частности, с теми из них, которые запрещают дискриминацию [5].

Council Directive 2004/83/EC of 29 April 2004. Цель Директивы – установить условия для квалификации и статуса граждан стран, которые не являются членами ЕС, и лиц без гражданства как беженцев или лиц, иным образом нуждающихся в международной защите. Кроме того, в ней определена суть защиты, предоставляемой таким лицам. В Директиве определены минимальные стандарты предоставления статуса беженца или дополнительных форм защиты для граждан стран, не являющихся членами ЕС, и лиц без гражданства, а также суть предоставляемой защиты. Она будет применяться ко всем ходатайствам, поданным на границе или на территории государства-члена. Кроме того, государства-члены свободно смогут вводить или сохранять более благоприятные стандарты.

В Директиве также определено, что страны-члены предоставляют дополнительную защиту лицам, обратившимся за международной защитой, которые находятся за пределами страны происхождения и не могут вернуться в силу серьезных опасений, что им угрожает: пытки или бесчеловечное или иное унижительное отношение или наказание; смертная казнь; серьезная и индивидуальная угроза жизни или личности гражданского лица в результате жестокости, возникающей на почве международного или немеждународного вооруженного конфликта.

Дополнительная защита может быть отозвана, если вышеупомянутые обстоятельства в стране происхождения перестали существовать или изменились до такой степени, что защита более не требуется [6].

Council Directive 2005/85/EC of 1 December 2005. Директива применяется ко всем ходатайствам о предоставлении убежища, поданным на территории государства-члена, включая границу, а также в транзитной зоне.

Государства-члены обязаны применять Директиву к процедурам рассмотрения ходатайств на основе Женевской конвенции, но могут решить применять ее и к процедурам рассмотрения ходатайств о предоставлении любого вида международной защиты.

Директива также должна применяться к процедурам, в которых ходатайства о предоставлении убежища рассматриваются как ходатайства согласно Женевской конвенции и как ходатайства о предоставлении других видов международной защиты, предусмотренных Директивой 2004/83/ЕС [7].

Кроме вышеперечисленных резолюций огромное значение имеет Лиссабонский договор 2007 г. [8], предусматривающий принятие дальнейших мер по формированию общей иммиграционной политики и политики предоставления убежища. Их результатами должно было стать, с одной стороны, обеспечение эффективного управления миграционными потоками, справедливое обращение с гражданами третьих стран, законно проживающими в государствах-членах, а также предотвращение нелегальной иммиграции, торговли людьми и, с другой стороны, завершение формирования общей европейской системы предоставления убежища (ст. 78–79 Лиссабонского договора) [9].

Но уже в декабре 2011 г. была опубликована новая Директива [10] о минимальных стандартах для квалификации беженцев. Новая Директива направлена на улучшение качества принятия решений и обеспечение справедливого отношения к людям, спасающимся от преследования, войны и репрессий. Она уточняет основания для предоставления международной защиты и дает более точные определения, тем самым улучшая эффективность процесса предоставления убежища [11].

В 2015 г. вступил в действие договор между ЕС и Турцией о депортации беженцев из Греции в Малую Азию. В соглашении, подписанном странами – членами Евросоюза и Турцией в Брюсселе 18 марта 2015 г., ставится цель разрушить «модель контрабандного бизнеса» по переправе мигрантов, предлагая последним «альтернативный путь с наименьшим риском». В данном документе указано, что: 1) все нелегальные мигранты, прибывающие морем из Турции на греческие острова, будут возвращены в Турцию; 2) Турция в свою очередь берет на себя задачу по закрытию морской переправы или сухопутных путей для нелегальной миграции; 3) процедура ослабления визового режима для граждан Турции будет «ускорена» и вступит в силу не позже июня 2016 г.; 4) ЕС постарается побыстрее выплатить Турции ранее обещанные 3 млрд евро и организует дополнительное финансирование на такую же сумму. Второй транш должен быть получен Анкарой в 2018 г. [12].

Однако, несмотря на все вышеперечисленные директивы, конвенции, резолюции, договоры, в настоящее время в Европе не обеспечивается полная защита права на поиск и получение убежища. Снижение в ряде стран количества подаваемых заявлений на предоставление убежища, политика государств в этой сфере по-прежнему является ограничительной. Обеспокоенность в связи с нелегальной миграцией и угрозами со

стороны международных террористических организаций препятствует конструктивному обсуждению вопросов предоставления убежища и защиты беженцев и приводит к нарушениям прав человека [13, с. 12].

Миграционная политика стран должна включать меры, эффективно контролирующие приток мигрантов и их социально-экономическую адаптацию и интеграцию. Нужно быть готовыми реально помочь беженцам и перемещенным лицам, а также тем общинам, на которые оказывает влияние присутствие этих лиц. Проблема беженцев может быть решена, если за ее решение добросовестно возьмутся конкретные общества и регионы и будет на это сильная политическая воля [14].

1. Иванов, Е.В. Вынужденная миграция в международных правовых документах / Е.В. Иванов // Власть. – 2010. – № 3.

2. Директива Совета Европейского союза 2003/9/ЕС от 27.01.2003, определяющая минимальные стандарты предоставления убежища [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/1033/175/>. – Дата доступа: 17.06.2017.

3. Директива Совета Европейского союза 2004/83/ЕС от 29.04.2004 о минимальных стандартах для квалификации и статуса граждан третьих стран или лиц без гражданства в качестве беженцев или лиц, нуждающихся в иной форме международной защиты, и содержания предоставляемой защиты [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». – Режим доступа: <http://www.evolutio.info/content/view/1036/187/>. – Дата доступа: 17.06.2017.

4. Директива Совета Европейского союза 2005/85/ЕС от 01.12.2005 о минимальных стандартах для процедуры предоставления и лишения статуса беженца в государствах-членах [Электронный ресурс] // Международное общественное объединение по научно-исследовательским и информационно-образовательным программам «Развитие». – Режим доступа: <http://evolutio.info/content/view/1035/175/>. – Дата доступа: 17.06.2017.

5. Европейский союз [Электронный ресурс] // УВКБ ООН. – Режим доступа: http://unhcr.org.ua/img/uploads/QD_4_pe00050.en11rus.pdf. – Дата доступа: 11.05.2017.

6. Условия, регламентирующие право на статус беженца или на международную защиту [Электронный ресурс] // Европейский союз. – Режим доступа: <http://eapmigrationpanel.org/ru/materials/usloviya-reglamentiruyushchie-pravo-na-status-bezhenca-ili-na-mezhdunarodnuyu-zashchitu>. – Дата доступа: 11.05.2017.

7. Минимальные стандарты для процедур предоставления и отмены статуса беженца [Электронный ресурс] // Европейский союз. – Режим доступа: <http://eapmigrationpanel.org/ru/materials/minimalnye-standarty-dlya-procedur-predostavlenniya-i-otmeny-statusa-bezhenca>. – Дата доступа: 11.05.2017.

8. Лиссабонский договор, изменяющий Договор о Европейском союзе и Договор об учреждении Европейского Сообщества (Лиссабон, 13 дек. 2007 г.) [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon>. – Дата доступа: 11.05.2017.

9. Права человека в Европе: работа продолжается. Позиция комиссара Совета Европы по правам человека Томаса Хаммарберга [Электронный ресурс] // Право Европейского союза. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/lisbon>. – Дата доступа: 17.05.2016.

10. Directive 2011/95/EU of the European Parliament and of the council of 13 December 2011 on standards for the qualification of third-country nationals or stateless persons as beneficiaries of international protection, for a uniform status for refugees or for persons eligible for subsidiary protection, and for the content of the protection granted(recast) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://eu.vlex.com/vid/country-nationals-stateless-beneficiaries-339685822>. – Date of access: 12.05.2017.

11. Гончарова, Ю. Реализация права на убежище в Европейском союзе / Ю. Гончарова // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Право». – 2015. – № 3. – С. 191–199.

12. ЕС – Турция. Соглашение по беженцам подписано. Что дальше? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2016/03/24/eu-turkey-refugee-deal-what-s-next>. – Дата доступа: 06.06.2017.

13. Потемкина, О.Ю. Иммиграционная политика Европейского союза: итоги и новые вызовы / О.Ю. Потемкина // Миграционные проблемы и пути их решения : сб. ст. / Ин-т Европы Рос. акад. наук ; сост.: Н.Б. Кондратьева, О.Ю. Потемкина. – М., 2015. – С. 11–15.

14. Проблемы беженцев, вынужденных переселенцев и нелегальных мигрантов в государствах – членах ЕС – политические аспекты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pabsec.org/depo/documents/reports-and-recommendations/ru-rep-pwz4t8c03h.pdf>. – Дата доступа: 06.06.2017.

УДК 343.72

М.В. Ковальчук, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук

А.В. Ковальчук

СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПРИЧИНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА БЕЗ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ (ст. 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь)

Статья 216 Уголовного кодекса (УК) Республики Беларусь устанавливает уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба без признаков хищения. Обратимся к анализу субъективных признаков данного преступления.

По общему правилу субъектом преступления может быть только физическое, вменяемое лицо, достигшее определенного возраста привлечения к уголовной ответственности.

Законодательная обусловленность возраста привлечения к уголовной ответственности объясняется нераспространенностью исследуемого преступления среди лиц, не достигших 16-летнего возраста, а также специфическими особенностями субъекта причинения имущественного ущерба без признаков хищения.

Так, лица, совершающие причинение имущественного ущерба в формах незаконного использования имущества или иных объектов гражданских прав либо незаконно обращающие в свою собственность или собственность третьих лиц имущество, которое не поступило, но должно было поступить потерпевшему, как правило, состоят в гражданско-правовых либо трудовых отношениях с потерпевшим. По общему правилу лица, осуществляющие трудовые функции, не могут быть моложе 16 лет. В некоторых случаях функции по контролю за имуществом и его использованию могут быть поручены лишь лицам, достигшим 18-летнего возраста, например: водителям автомобильного, водного и иного транспорта и др. В связи с изложенным не распространено совершение данного преступления лицами, исполняющими трудовые функции моложе 16 лет.

Для выяснения, насколько опасно лицо, причиняющее имущественный ущерб, каковы причины и механизмы его преступного поведения, большое значение имеют не только рассмотренные нами юридические признаки субъекта преступления, но и характеристика его личности.

Согласно проведенного нами анализа уголовных дел, возбужденных в отношении лиц, совершивших причинение имущественного ущерба без признаков хищения (изучены материалы 97 уголовных дел, находившихся в производстве правоохранительных органов и судов на территории Минска и Минской области за 2002–2015 гг.), имущественный ущерб причинялся в большинстве случаев (свыше 60 %) лицами мужского пола. Тем не менее имеют место факты совершения анализируемого преступления женщинами. Большее количество совершенных деяний мужчинами обусловлено фактом преобладания мужчин в различных отраслях как государственного, так и частного сектора и, как следствие, их занятостью работой, исполнением управленческих функций в сфере малого и среднего бизнеса. В данной сфере, как правило, происходит незаконное использование имущества либо иных объектов гражданских прав, а также уклонение от передачи (уплаты) должного. Женщины в силу различных обстоятельств часто прерывают свой труд в связи с выходом замуж, рождением детей, опекой и заботой о родителях и др., поэтому процент совершения ими данного преступления значительно ниже.

Следует обратить внимание и на совершение преступлений указанного вида иностранными гражданами.

Возрастная группа лиц, совершивших причинение имущественного ущерба без признаков хищения, обрисовывается следующим образом. Для личности, совершившей преступное деяние по ст. 216 УК, характерен возраст 30–49 лет. Данный возраст предполагает устоявшееся семейное положение, наличие детей, обязанность обеспечения семьи, которая возлагается как на мужчин, так и на женщин. В связи с этим побудительные мотивы лиц различны и в большинстве обусловлены, как правило, освобождением семьи от материальных затрат и получением в результате противоправных деяний имущественной выгоды.

Существенное значение для характеристики личности субъекта причинения имущественного ущерба без признаков хищения имеет должностное положение, а также род его занятий. На основании проведенного анализа уголовных дел мы пришли к выводу, что за последний год в Республике Беларусь в указанном плане ситуация стабильна. Здесь субъект преступления в равной степени наделен как частными, так и административными функциями (хозяйственной, предпринимательской).

Необходимо также отметить, что более 15 % лиц, причинивших имущественный ущерб, ранее были судимы, в том числе за имущественные преступления, из них за причинение имущественного ущерба без признаков хищения 2 %.

Все эти данные характеризуют в определенной степени личность субъекта причинения имущественного ущерба без признаков хищения и имеют важное значение для целей уголовной ответственности, индивидуализации наказания, а также для разработки мер по противодействию и предупреждению рассматриваемого вида преступления.

Обращаясь к анализу субъективной стороны причинения имущественного ущерба без признаков хищения отметим следующее. Совершению каждого преступления присуща субъективная сторона, поскольку она представляет собой психическое отношение лица к совершаемому им общественно-опасному деянию, общественно-опасным последствиям, характеризуется конкретной формой вины, а в некоторых ситуациях – мотивами и целью.

Вина в данном преступлении, как и в любом другом, является обязательным признаком. В диспозиции ст. 216 УК форма вины, с которой может быть совершено это преступление, не указывается. Вместе с тем причинение имущественного ущерба характеризуется лишь умышленной формой вины, о чем свидетельствуют способы его совершения, обман, злоупотребление доверием [1, с. 62] и модификация компьютерной информации.

Относительно вида умысла, с которым может быть причинен имущественный ущерб в результате указанного преступления, единой позиции в науке уголовного права нет. Большинство авторов признают возможность совершения исследуемого деяния лишь с прямым умыслом [2, с. 471; 3, с. 127]. Другие авторы обосновывают совершение исследуемого общественно-опасного деяния как с прямым, так и с косвенным умыслом [4, с. 134].

По нашему мнению, справедливой видится первая из перечисленных позиций. Прямой вид умысла характеризуется обязательными моментами, относящимися к интеллектуальной и волевой сфере психической деятельности субъекта преступления. Рассмотрим содержание указанных моментов.

Интеллектуальный момент прямого умысла при причинении имущественного ущерба выражается в осознании виновным характера и степени общественной опасности данного деяния; признаков объекта преступления, которому наносится вред; альтернативных способов, с помощью которых причиняется имущественный ущерб; конкретной формы, в которой совершается исследуемое преступление; понимании, что в совершенном деянии отсутствует хотя бы один из признаков хищения.

При этом интеллектуальный момент прямого умысла выражается в том, что виновный осознает, что сообщает ложные сведения или умалчивает о сведениях, которые он должен был сообщить, или использует отношения доверия, либо вносит изменения в компьютерную информацию, посредством которых незаконно использует имущество, иные объекты гражданских прав; уклоняется от передачи (уплаты) должного; незаконно обращает в свою собственность или собственность третьих лиц имущество, которое не поступило, но должно было поступить потерпевшему; либо возлагает бремя своих расходов на потерпевшего.

Интеллектуальному моменту прямого умысла причинения имущественного ущерба также характерно предвидение общественно опасных последствий. Указанный момент заключается в предвидении возможности (вероятности) либо неизбежности наступления имущественного ущерба определенного размера.

Характер предвидения проиллюстрируем на следующем примере. За причинение имущественного ущерба путем обмана без признаков хищения была осуждена Л., которая, являясь директором средней школы, в период с 01.10.2003 г. по 12.08.2009 г. фиктивно оформила несуществующее лицо В. в качестве уборщика служебных помещений. При этом В. реально свои функции не исполнял, среди уборщиков не значился, заработную плату не получал. За указанный период време-

ни управление образования района ежемесячно с заработной платы В. производило обязательные отчисления в фонд социальной защиты населения, которые составили 2 317 966 белорусских рублей. Тем самым Л. своими незаконными действиями причинила имущественный ущерб путем обмана при отсутствии признаков хищения управлению образования района в указанном размере.

Обвиняемая Л. в ходе судебного разбирательства пояснила, что была осведомлена об обязательных отчислениях с заработной платы В. в фонд социальной защиты населения, но полагала, что для управления образования ущерб будет незначительным [5].

Волевой момент прямого умысла выражается в желании виновного в результате своих противоправных деяний наступления общественно-опасных последствий в виде имущественного ущерба определенного размера, которые охватывались его предвидением.

Спорным остается вопрос совершения данного преступления с косвенным умыслом, волевой момент которого предполагает нежелание, но сознательное допущение либо безразличное отношение к общественно опасным последствиям этого преступления. Сложно представить, что лицо, совершая указанное преступление путем обмана, злоупотребления доверием либо модификации компьютерной информации, не желает причинить имущественный ущерб.

Обращая внимания на факультативные признаки субъективной стороны причинения имущественного ущерба, отметим, что мотивы и цель, с которыми оно может быть совершено, законодателем не названы. Это свидетельствует о том, что указанные признаки не являются обязательными для данного состава преступления.

Исследование субъективных признаков ст. 216 УК позволяет сделать следующие выводы:

1. Субъект причинения имущественного ущерба без признаков хищения – общий, им может быть только физическое лицо, которое осознавало фактический характер и общественную опасность своего действия (бездействия) и могло руководить ими, достигшее 16-летнего возраста для привлечения к уголовной ответственности.

Наиболее часто рассматриваемое преступление совершают мужчины в возрасте от 30 до 49 лет, состоящие в браке. Для Республики Беларусь характерно совершение этого преступления субъектом, который обладает как частными, так и административными функциями.

2. Совершение исследуемого преступления возможно лишь с умышленной формой вины. Способы – обман, злоупотребление доверием и модификация компьютерной информации свидетельствуют о том, что

причинение имущественного ущерба может быть совершено только с прямым умыслом.

3. Мотивы и цель причинения имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения законодателем не установлены и не влияют на его квалификацию. Сущность исследуемого преступления состоит в причинении имущественного ущерба потерпевшему такими общественно-опасными способами, как обман либо злоупотребление доверием, независимо от того, с какими мотивами и целью оно было совершено.

1. Панов, Н.И. Уголовная ответственность за причинение имущественного ущерба путем обмана и злоупотребления доверием / Н.И. Панов. – Харьков : Вища школа, 1977. – 127 с.

2. Грунтов, И.О. Комментарий к статье 216 УК / И.О. Грунтов // Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – Минск, 2010. – С. 470–472.

3. Ковальчук, А.В. Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения в уголовном праве России и Беларуси: сравнительное исследование : монография / А.В. Ковальчук. – М. : Юрлитинформ, 2015. – 256 с.

4. Гаухман, Л.Д. Ответственность за преступления против собственности / Л.Д. Гаухман, С.В. Максимов. – М. : Центр ЮрИнфоР, 1997. – 320 с.

5. Архив суда Заводского района г. Минска за 2010 г. – Дело № 1-52.

УДК 947.6

В.Н. Ковчик, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент *В.А. Данилов*

СТАНОВЛЕНИЕ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ В РОССИИ

Согласно высказыванию известного общественного деятеля Ф. Адлера «семья – это общество в миниатюре». Именно с раннего возраста люди заимствуют основные принципы и нормы, тем самым создавая фундамент нового поколения и нового облика общества. Однако в процессе формирования личности часто встречаются примеры девиантного вхождения в социум, выражающиеся в крайних случаях совершением преступлений различной степени тяжести. Дабы скорректировать возникающие трудности, связанные не только с возрастом, но и психоло-

гическими особенностями подростков, и была учреждена система ювенальной юстиции.

Под системой ювенальной юстиции в научных кругах России понимается теоретико-правовая конструкция, включающая комплекс механизмов, нацеленных на реализацию и обеспечение на основе установленных законом процедур прав, свобод и законных интересов несовершеннолетнего и реализующихся в рамках деятельности специализированных служб и учреждений ювенального профиля. В системе защиты прав несовершеннолетних ювенальной юстиции отведено центральное место [1, с. 2]. Согласно авторской позиции ювенальная юстиция является уникальным строго индивидуализированным набором различных методических приемов и методов, позволяющих государственным институтам обеспечить успешное вступление несовершеннолетних в общественную жизнь, поможет обрести объективные права и осознать значимость выполнения своих обязанностей.

Данная система прошла в своем развитии несколько этапов, отражающих характерные черты того или иного исторического периода.

Вышеуказанный институт возник в результате назревания проблемных аспектов в области необходимого воспитания подрастающего поколения, подтверждая тем самым один из законов диалектики о переходе количественных изменений в качественные, который актуален и сегодня, что позволяет исследовать научным путем причины его возникновения, особенности функционирования, а также значение на различных исторических этапах.

В рамках рассматриваемого вопроса уместно привести цитату из книги Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», где говорилось, что «кто не создает, должен разрушать. Это старо как мир. Психология малолетних преступников» [2, с. 56]. Именно поэтому данная тема не теряет своей актуальности на современном этапе, когда наблюдается выраженный кризис ценностных установок традиционного общества, выражающийся особенно остро в среде несовершеннолетних как наиболее неустойчивой категории. Данный факт определяет обязанность государства направить все имеющиеся ресурсы на цели регулирования воспитательных процессов несовершеннолетних.

Особенности организации исполнения наказаний в отношении несовершеннолетних выделены в уголовном законодательстве Российской Федерации, где данная категория граждан признана специальным субъектом преступления [3, с. 35]. По УК РФ все несовершеннолетние лица для отбывания наказания в виде лишения свободы направляются в особые воспитательные колонии, которые являются одной из разновидностей

исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы. Однако вышеуказанная категория лиц обладает рядом дифференцирующих качеств, которые напрямую связаны с психологическими особенностями малолетних преступников, незавершенным процессом их социализации, ведь все они в первую очередь являются детьми. Именно данный факт определяет необходимость особого порядка и направленности осуществления исполнения наказания для несовершеннолетних [4, с. 51].

Зарождение и становление ювенальной юстиции в национальной системе правосудия имеет богатую историю со множеством положительных примеров. Достаточно определенную картину в данном аспекте представляет Указ Екатерины II от 26 июня 1765 г., в соответствии с которым дети, не достигшие десятилетнего возраста, не подлежали уголовной ответственности, а лица в возрасте от 10 до 17 лет подвергались мерам государственного принуждения только за отдельные преступления. В Указе содержалась идея о необходимости милосердного и снисходительного отношения к малолетним правонарушителям, подтверждаемая доводом, что представители властных структур, как и несовершеннолетние преступники, также являются людьми. В это же время были созданы учреждения, где можно увидеть некоторые черты ювенальных судов, в частности Совестные Суды, учрежденные в 1775 г. также по приказу императрицы Екатерины II [5, с. 840]. Однако с практической стороны данный указ являлся больше декларативным, многие его положения в реальности игнорировались: после Севастопольского бунта 1830 г. было приказано, чтобы дети мужского пола старше 5 лет, участвовавшие в бунте, были отосланы в батальоны военных кантонистов.

Последующее развитие институт уголовной ответственности несовершеннолетних получил в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 г. Понятием «несовершеннолетний» определялась категория лиц в возрасте от 10 до 17 лет, совершивших умышленные преступления, иными словами «действовавшие с разумением». Уложение 1845 г. определило невменяемость до 7 лет. Дети от 7 до 10 лет не являлись подсудными, но подлежали отдаче родителям или родственникам для домашнего исправления, (однако данному пункту практически не придавалось значение) предусматривалось неприменение наказания к лицам от 10 до 14 лет, совершившим преступления без разумения (неумышленно), и применение наказания для вышеуказанной возрастной категории только в случае совершения преступления с разумением (с умыслом), уменьшение наказания на 1 или 2 степени ввиду вовлечения несовершеннолетнего в преступление другим несовершеннолетним, отсутствие высокой меры наказания за преступления,

совершенные в возрасте от 14 до 21 года (предусматривалось домашнее, исправительное наказание) и по неосторожности [6].

В середине XIX в. в условиях совершенствования и модернизации модели исполнения наказания возникла потребность создания правовой базы функционирования уголовно-исполнительной системы России. Это было вызвано необходимостью урегулирования способа содержания подростков-правонарушителей, так как они были вынуждены отбывать наказание вместе с совершеннолетними преступными элементами вследствие отсутствия специально предусмотренных условий для данной категории. В связи с этим было произведено усовершенствование системы уголовных наказаний и условий их реализации посредством реформ Александра II. Его Указом от 17 апреля 1863 г. «О некоторых изменениях в существующей ныне системе наказаний уголовных и исправительных» были отменены телесные наказания в отношении несовершеннолетних. Позднее был принят Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., утверждавший, что судебное разбирательство велось мировыми судьями за наименее тяжкие преступления, однако уже по прошествии 2 лет в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1866 г. восстанавливалось применение к несовершеннолетним смертной казни и ссылки на каторжные работы.

Следующим закономерным этапом был утвержденный 5 декабря 1866 г. императором Российской империи Закон «Об учреждении приютов и колоний для нравственного исправления несовершеннолетних преступников». Вышеуказанным законом предусматривалось создание системы учреждений для отбывания наказания в виде лишения свободы несовершеннолетними заключенными [6]. В Российской империи первый суд по делам несовершеннолетних был открыт в Санкт-Петербурге 22 января 1910 г. В его компетенцию были включены дела о беспризорных несовершеннолетних в возрасте до 17 лет, что значительно расширило сферу судопроизводства [7].

Поступательное развитие ювенальной юстиции в Российской империи было прервано Октябрьской революцией 1917 г., ознаменовавшей новую главу во взаимоотношениях несовершеннолетних правонарушителей и правоохранительных органов в стране. Особенностью данного периода являлось стремление изъять ребенка из семьи, что объяснялось господствовавшей в то время идеологией приоритета государственного воспитания. Часто опека имела место при живых родителях исходя из классовых соображений, если они являлись противниками идеологии социализма [8, с. 173]. Впрочем, сегодня подобные «большевистские» методы отторжения детей от семьи широко практикуются в ряде «циви-

лизованных» стран Европы (Швеция, Финляндия, Норвегия и др.) безо всякого влияния Советской России 1920-х гг.

Согласно Декрету Совета Народных Комиссаров Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» ювенальная юстиция прекращала свое существование, в результате чего упразднились суды и тюремное заключение для подростков. Все несовершеннолетние, содержащиеся в тюрьмах и арестных домах, были освобождены, начали проводиться мероприятия по коренной реорганизации имеющихся и созданию принципиально нового типа воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей [9].

Кроме того, законодательно исключалась уголовная ответственность несовершеннолетних до 17-летнего возраста. Все делопроизводство, касающееся преступлений несовершеннолетних, рассматривалось не в судах, а в комиссиях по делам несовершеннолетних, которые применяли различные меры наказания, но не связанные с лишением свободы. Однако имели место исключительные случаи, когда комиссии передавали дела в народные суды. Немаловажным является факт, что комиссии использовали данное право крайне редко.

В декабре 1918 г. был образован новый тип воспитательных учреждений, которые именовались реформаториями. Организаторы реформаториев ставили перед собой задачу: «Изъять из тюрьмы молодых людей в возрасте от 17 до 21 года и поместить последних в учебно-воспитательное заведение в целях обучения, воспитания и подготовки их к трудовой жизни путем юстиции» [9]. Однако вскоре общественные процессы вызвали необходимость возвращения к судебной организации правосудия. В феврале 1920 г. был разработан и внесен на рассмотрение правительства проект декрета «О суде над несовершеннолетними», согласно которому допускалась передача дел несовершеннолетних в возрасте с 14 до 18 лет в народный суд, если комиссия о несовершеннолетних установила невозможность применить к ним медико-педагогические меры [6].

В 1920-е гг. вновь произошла переориентация законодательства и практики в сторону репрессивных форм борьбы с преступностью не только несовершеннолетних граждан, но и остальных категорий преступников, в ущерб воспитательным мерам, в государстве на полвека настала эра острого дефицита гуманности [7].

В период Великой Отечественной войны Совет Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик 15 июня 1943 г. издал Постановление «Об усилении борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством», в котором был введен новый тип дет-

ских воспитательных учреждений – трудовые воспитательные колонии НКВД. Они занимали особое место в системе перевоспитания детей и подростков, тем самым покинув систему общих мест заключения, что позволило более грамотно и качественно организовать их работу. В 1956 г. были разработаны и приняты новые положения о детских трудовых колониях и детских воспитательных колониях с целью совершенствования их деятельности при использовании критического анализа их действия в предыдущие годы. Окончательное становление воспитательно-трудовых колоний происходит в 1970 г. посредством закрепления положений касательно данных учреждений в Исправительно-трудовом кодексе Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, который установил два их вида: воспитательно-трудовые колонии общего и усиленного режима [10, с. 358]. В воспитательные колонии усиленного режима направлялись исключительно осужденные мужского пола, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы [11].

На современном этапе правовой основой деятельности воспитательных колоний для несовершеннолетних является уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 28.11.2015, с изм. от 15.11.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016), которым посвящена гл. 17, отражающая особенности исполнения наказания в виде лишения свободы в воспитательных колониях [12, с. 213].

Правовое закрепление системы исполнения наказаний на современном этапе для несовершеннолетних исходит из принципов гуманного и психологически выдержанного отношения к правонарушителям, следуя принципам и нормам как национального законодательства, так и международных актов, ратифицированных Российской Федерацией.

Немаловажным является рассмотрение личностного вклада в формирование не только теоретической, но и практической базы воспитательных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, который внесли такие идеологи ювенальной юстиции, как Макаренко, Сухомлинский, Ушинский. Важно отметить, что, несмотря на определенные различия во взглядах и подходах, все они сходятся в одном: изменение хода мыслей невозможно посредством использования лишь карательных методов воздействия, должного результата можно добиться путем глубокого изучения психологических особенностей личности, привития ей стремления совершать действия во благо общества [13, с. 312]. Таким образом, законодателями была проделана колоссальная работа в отношении установления де-юре теоретической основы деятельности учреждений для исполнения наказания несовершеннолетних. Однако де-факто правотворчество в ряде случаев было слишком подчинено воззрениям

узкого круга влиятельных лиц, стремившихся отразить в данных актах собственные интересы, направленные на удержание власти, и при этом характеризовалось слабым уровнем проработки правовых положений.

С позиции автора данный институт играет огромную роль в системе перевоспитания несовершеннолетних граждан, которые избрали неверный путь и нуждаются в помощи со стороны государства, поэтому никогда не следуют «пытаться судить о книгах по обложкам», поскольку за громким словом «преступник» скрывается обычный человек, со своими чувствами, эмоциями и мыслями, ведь «каким бы страшным ни было зло в детской душе, надо видеть в этой изуродованной душе, прежде всего человека, который ждет, чтобы ему помогли – излечили от зла».

1. Хулхачиева, И.В. Становление институтов ювенальной юстиции в России и зарубежных странах: историко-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Хулхачиева ; Рос. Акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 2009. – 25 с.

2. Бредбери, Р. 451 градус по Фаренгейту / Р. Бредбери. – М., 1953. – 108 с.

3. Постатейный научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Общая часть / А.А. Арутюнов ; под общ. ред. С.И. Гирько ; Всерос. науч.-исслед. ин-т М-ва. внутр. дел Рос. Федерации. – М. : Дашков и К°, 2004. – 539 с.

4. Ситковская, О.Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / О.Д. Ситковская // Проблемы укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации. – М. : Зерцало, 1999. – 89 с.

5. Законодательство Екатерины II : в 2 т. / В.М. Клеандров [и др.]. – Т. 2. – М. : Юрид. лит., 2001. – 984 с.

6. История возникновения и становления ювенальной юстиции в России. Современные подходы к возрождению в России ювенальной юстиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studopedia.ru/9_195422_istoriya-vozniknoveniya-i-stanovleniya-yuvenalnoy-yustitsii-v-rossii-sovremennie-podhodi-k-vozhrozhdeniyu-v-rossii-yuvenalnoy-yustitsii.html. – Дата доступа: 06.02.2017.

7. Проблемы становления и развития ювенальной юстиции в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mirznanii.com/a/31828/problemy-stanovleniya-i-razvitiya-yuvenalnoy-yustitsii-v-rossii>. – Дата доступа: 08.02.2017.

8. Бондарева, О.В. Проблемы правовой ювенологии: [сборник] / О.В. Бондарева. – М. : Алигард, 2005. – 352 с.

9. Ювенальная юстиция в Российской Федерации: история, современность и перспективы развития [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://studme.org/51168/pravo/yuvenalnaya_yustitsiya_rossiyskoy_federatsii_istoriya_sovremenност_perspektivy_razvitiya. – Дата доступа: 12.02.2017.

10. Уголовно-исполнительное право России. Теория. Законодательство. Международные стандарты. Отечественная практика XX в. : учеб. для юрид.

вузов и фак. / М.Г. Детков [и др.] ; под ред. А.И. Зубкова. – М. : Инфра-М : Норма, 1997. – 599 с.

11. Ювенальная юстиция: что это такое? Ювенальная юстиция в РФ: состояние и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.syl.ru/article/298151/yuvenalnaya-yustitsiya-chto-eto-takoe-yuvenalnaya-yustitsiya-v-rf-sostoyanie-i-perspektivy>. – Дата доступа: 15.03.17.

12. Кудрявцева, А.В. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : (официальный текст на 1 января 2008 года): постатейный научно-практический комментарий / А.В. Кудрявцева ; под общ. ред. В.И. Селиверстова, А.С. Михлина. – М. : Ред. Рос. газ. : Б-чка Рос. газ., 2007. – 319 с.

13. Тетюев, С.В. Использование педагогических и психологических знаний в производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних / С.В. Тетюев ; под ред. А.В. Кудрявцевой. – М. : Юрлитинформ, 2009. – 332 с.

УДК 343.985

М.В. Колупанович, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Тукало*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЛИЧНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОПЕРАТИВНОГО СОТРУДНИКА

Эффективность любой деятельности во многом зависит от ее правильной организации и планирования. Не является исключением и деятельность сотрудника оперативного подразделения органа внутренних дел по раскрытию и пресечению преступлений. В зависимости от того, в какой мере сотрудником будет организована работа по личному планированию и распоряжению своим временем, настолько эффективно будет в целом организована деятельность по раскрытию и пресечению преступлений.

Ежегодно органами внутренних дел Республики Беларусь регистрируются тысячи преступлений. По данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь в 2016 г. в республике зарегистрировано 92 943 преступления [1]. Это значит, что сотрудникам необходимо выполнять большой объем работы и компетентно распределять свое время и имеющиеся в распоряжении силы и средства.

Особенность работы в оперативных подразделениях органов внутренних дел заключается в том, что это специфический труд, осуществляемый в правоохранительной сфере. Такой труд в основном носит творческий характер, и при этом связан с постоянными и значительными психологическими и эмоциональными нагрузками.

Результативность работы оперативных сотрудников во всех сферах деятельности, и особенно в сфере раскрытия и пресечения преступлений, существенно зависит от рационального использования рабочего времени, а также от применяемых систем и методов личного планирования. Неспособность сотрудника рационально организовать личное время, распределить его в зависимости от служебных и личных потребностей в течение дня, недели, месяца во многом приводит к продолжительности выполнения различных действий и накоплению невыполненных заданий.

Планирование, прежде всего, означает умение проанализировать сложившуюся обстановку и умение думать с опережением, а также позволяет определить перспективу развития и будущее состояние определенного объекта, обстановки. Оно является активным управленческим процессом оказания воздействия на системность деятельности, усиливает темпы развития организации, способствует изысканию дополнительных резервов, материальных и иных средств.

Т.В. Алесинская, Л.Н. Дейнека, А.Н. Проклин, Л.В. Фомина, А.В. Татарова отмечают, что «для того чтобы снизить риск принятия неправильного решения из-за ошибочной или недостоверной информации, руководство принимает обоснованные и систематизированные перспективные плановые решения. Планирование на ближнюю перспективу помогает создать единство общей цели внутри организации» [2, с. 44]. С ними солидарна Н.Ю. Круглова, утверждающая, что «с помощью планирования организация приспосабливает свои ресурсы к изменениям внутренних и внешних условий и ведет борьбу с неопределенностью будущего, которая постоянно усиливается вследствие осложнения социально-экономической жизни общества» [3, с. 27].

Проанализировав мнения указанных авторов, считаем, что научно обоснованное планирование деятельности правоохранительного ведомства, его подразделений и служб помогает успешно решать следующие задачи:

наиболее эффективно применять методы и средства, находящиеся в распоряжении служб;

во взаимодействии и комплексно использовать возможности всех служб органов внутренних дел;

обеспечивать целеустремленность и наступательность в работе;

не допускать отвлечения сил и средств на решение второстепенных задач;

исключать дублирование в деятельности служб и сотрудников;

организовывать четкий контроль за своевременным и качественным исполнением намеченных мероприятий.

В целом ряд авторов сходятся во мнении, что планирование, являясь активным управленческим процессом оказания воздействия на систему,

усиливает темпы развития организации, способствует вскрытию дополнительных резервов, материальных источников, требует применения передовых методов и форм воздействия на всю систему органов внутренних дел [4, с. 107; 5, с. 174; 6, с. 138].

Е.А. Киселев, Е.Ю. Казачек отмечают, что «личное планирование, то есть предварительное распределение намеченных для выполнения в определенное время работ, повышает эффективность деятельности следующим образом:

- дает возможность разработать стабильную структуру рабочего дня, недели и месяца сотрудника;

- позволяет держать в поле зрения все виды работ, подлежащие выполнению в определенный отрезок времени;

- обеспечивает ритмичность и организованность в работе;

- повышает целенаправленность и эффективность трудового процесса;

- повышает эффективность контроля вообще и самоконтроля исполнения в частности;

- обеспечивает уверенность в выполнении всего объема предстоящих работ [7, с. 150].

А.О. Овчинников обращает внимание на то, что «главным показателем плановости работы сотрудников является степень своевременного выполнения ими своих функциональных обязанностей. Рабочий личный план и служит, с одной стороны, результатом вдумчивого изучения и реализации конкретных функциональных обязанностей сотрудника, а с другой – средством, с помощью которого он всю свою деятельность в сфере управления делает обозримой и контролируемой» [8, с. 33].

Планируя личную деятельность, следует обязательно учитывать:

- собственные психофизиологические особенности;

- необходимость выделения времени для полноценного сна и отдыха;

- необходимость в постоянном повышении профессиональной подготовки и общего развития личности.

Научно доказано, что работоспособность человека в различные периоды рабочего дня, недели и месяца весьма неоднобразна. Если представить уровень работоспособности в виде функции времени (часов рабочего дня), то эта функция в начале рабочего цикла (дня, недели) будет иметь небольшое значение и постепенно возрастать, в конце – постепенно убывать и приближаться к минимуму [9].

Поэтому сохранить высокую работоспособность можно путем равномерного распределения различных дел в зависимости от сложности в плане их выполнения, будь он месячный, недельный или же касается лишь одного рабочего дня.

Планируя личную деятельность (особенно по раскрытию и пресечению преступлений), необходимо выделять достаточное время для сна и отдыха, поддержания необходимого состояния здоровья. Это важно для оперативных сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь, чья деятельность связана со значительными психо-эмоциональными нагрузками.

Отметим, что к составлению индивидуального плана необходимо подходить очень внимательно. Не стоит просто записывать, что надо сделать за неделю или за день. Нужно рассчитывать работу во времени, определяя продолжительность каждого дела (мероприятия), сроки его начала и окончания. При этом личное планирование должно сочетаться с определенными сроками при раскрытии и пресечении преступлений (например, сроки проведения оперативно-розыскного мероприятия), прямо или косвенно влияющими на личное время оперативного сотрудника. Также обязательно сопоставлять время, необходимое для работы, с фактическим временем, имеющимся у оперативного сотрудника в наличии. И что особенно важно, правильная организация личного времени требует учета и сопоставления всех дел (мероприятий).

Считаем, что личное планирование целесообразно осуществлять в следующей последовательности:

- учет и анализ затрат служебного времени;
- анализ содержания планируемых дел и времени, необходимого для их выполнения;
- сопоставление затрат времени на планируемые дела с личным бюджетом времени;
- составление плана.

Обратим внимание, что оперативно-розыскная деятельность является сложной и многогранной деятельностью. Оперативному сотруднику приходится выполнять большой перечень различных действий, проводить различные мероприятия и принимать решения в непростых условиях деятельности. Считаем нужным мысленную модель всего процесса раскрытия и документирования преступления олицетворять путем построения письменного (графического) плана. Вариант «все держу в голове», «все помню, что мне надо сделать» не оптимален и дает сбой даже у наиболее опытных оперативников, особенно при раскрытии много-эпизодных преступлений.

Нормативно утвержденной формы плана раскрытия преступления не предусмотрено. Определим план раскрытия преступления как письменный документ, в котором отражены версии, ход и результаты оперативно-розыскных и иных мероприятий, сведения о лицах, проходящих по делу оперативного учета, и вещественных доказательствах, что существенно

упрощает и ускоряет анализ оперативно-розыскной ситуации, доказательства, дальнейшее планирование и подготовку мероприятий.

Отметим, что план деятельности – это, прежде всего, рабочий документ. В него по мере поступления новой информации постоянно должны вноситься необходимые корректировки и дополнения. Относительно подробный план раскрытия преступления может быть составлен лишь после получения более конкретной информации, а также анализа оперативной обстановки. Кроме того, не следует забывать о необходимости планирования отдельных оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Прежде чем приступить к составлению плана, оперативному сотруднику необходимо изучить всю имеющуюся информацию о преступлении и следовать определенной структуре.

1. Определить предмет документирования. Конкретные направления деятельности по раскрытию преступлений. Отметим, что предмет документирования направлен на предмет доказывания по уголовному делу.

2. Проанализировать и сопоставить весь объем имеющейся на данный момент информации: первичные сведения; сведения, полученные в результате оперативно-розыскных мероприятий, и др. Результат этого этапа должен быть сформулирован в виде краткой оценки оперативно-розыскной ситуации на данный момент. В дальнейшем необходимо постоянно анализировать данную ситуацию и в зависимости от ее изменения вносить корректировки в план.

3. Выдвинуть возможные оперативно-розыскные версии и, проанализировав их, использовать полученные аналитические данные для планирования комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий по проверке выдвинутых версий.

4. Оценить практическую выполнимость, сроки, силы и средства для реализации намеченного плана. В первую очередь выполняются действия, результаты которых имеют значение для проверки нескольких версий, а также те, которые заведомо могут дать более существенные и надежные результаты. Также при определении очередности мероприятий необходимо учитывать тактическую целесообразность.

5. Составление подробного письменного плана раскрытия преступления, заключающегося в распределении намеченных для выполнения в определенное время мероприятий по делу оперативного учета.

Предлагается основную часть плана для удобства сформировать по разделам:

- 1) мероприятия по установлению обстоятельств события преступления и виновности лица, представляющего оперативный интерес;
- 2) мероприятия по сбору сведений о личности;
- 3) мероприятия по сбору сведений о потерпевшем, потерпевших;

4) работа с вещественными доказательствами, следами и иными материальными объектами;

5) мероприятия по установлению размера материального ущерба и его возмещению, розыску похищенного имущества и возможной конфискации имущества;

6) мероприятия по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, и их устранению.

На наш взгляд, приведенные рекомендации позволят оптимизировать личную работу оперативного сотрудника в целом и по конкретному делу оперативного учета в частности, что сократит временные затраты и повысит эффективность раскрытия и пресечения преступлений.

Итак, согласимся с мнением В.Э. Маркиной и Ю.Н. Сосновской, что эффективная роль планирования заключается в следующем:

планирование любой деятельности придает целенаправленный характер;

определяет и конкретизирует отдельные задачи на предстоящий период;

дает возможность сосредоточить основное внимание и усилия на наиболее важные текущие и перспективные проблемы, решение которых позволит обеспечить достижение поставленных задач;

способствует своевременности разрешения наиболее актуальных проблем, поскольку в планах четко определяется последовательность выполнения намеченных мероприятий и сроки их выполнения;

создает условия для более полного и в то же время оптимального использования сил и средств, а также для своевременного маневрирования ими;

обеспечивает достижение наилучших результатов деятельности;

позволяет снизить затраты труда и материальных ресурсов;

способствует рациональному использованию рабочего времени [5, с. 177].

Личное планирование, в свою очередь, способствует четкому и своевременному выполнению функциональных обязанностей, плановых заданий, различных поручений и указаний руководителей. Оно обеспечивает ритмичность трудового процесса, позволяет рационально распределять и использовать рабочее время, устранять неравномерные нагрузки, облегчает учет проделанной работы и анализ ее результатов.

Таким образом, личное планирование – это целое искусство. Мощная интеллектуальная и аналитическая деятельность со своими этапами и определенными требованиями является важнейшей составляющей деятельности оперативного сотрудника, позволяющей ему результативно решать стоящие перед ним задачи.

1. Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mvd.gov.by/main.aspx?guid=342713>. – Дата доступа: 20.06.2017.
2. Менеджмент / Т.В. Алесинская [и др.] ; под общ. ред. В.Е. Ланкина. – Таганрог : Изд-во ТРТУ, 2006. – 304 с.
3. Круглова, Н.Ю. Основы менеджмента : учеб. пособие / Н.Ю. Круглова. – М. : КноРус, 2009. – 635 с.
4. Михайлов, В.И. Основные принципы организации эффективного планирования в органах внутренних дел / В.И. Михайлов, В.А. Колесников // Право и образование. – 2016. – № 9. – С. 107–113.
5. Маркина, Э.В. Актуальные вопросы планирования в системе органов внутренних дел. Некоторые аспекты стратегического планирования в правоохранительных органах / Э.В. Маркина, Ю.Н. Сосновская // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2016. – № 2. – С. 174–178.
6. Балдин, И.В. Менеджмент : учеб. пособие / И.В. Балдин, Г.Е. Ясников. – Минск : БГЭУ, 2007. – 305 с.
7. Киселёв, Е.А. Личное планирование как средство повышения эффективности расследования преступлений / Е.А. Киселёв, Е.Ю. Казачек // Власть и упр. на востоке России. – 2014. – № 3. – С. 149–152.
8. Овчинников, А.О. Специальное и личное планирование в органах внутренних дел / А.О. Овчинников // Успехи соврем. науки и образования. – 2016. – № 11. – С. 31–33.
9. Управление производством [Электронный ресурс] // Энциклопедия производственного менеджера. – Минск, 2017. – Режим доступа: <http://www.up-pro.ru/encyclopedia/rabotosposobnost-cheloveka.html>. – Дата доступа: 20.06.2017.

УДК 343.985

П.А. Кононов, выпускник следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Р.В. Скачек

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Использование специального программного обеспечения позволяет быстро обнаружить различные типы повторяемой информации, изменяемой для установления всех обстоятельств совершенных преступлений против информационной безопасности. Например, программа Belkasoft Evidence Center осуществляет полный анализ жестких дисков

и образов, созданных с этих жестких дисков, вследствие чего позволяет обнаружить историю взаимодействия и связи программ, мгновенного обмена сообщениями, чатов социальных сетей и многопользовательских игр, историю интернет-браузеров, веб-почту, информацию пиринговых сетей и файлообменников.

Программное обеспечение Belkasoft Evidence Center создано специально для использования органами уголовного преследования, а это значит, что оно учитывает все требования, необходимые для проведения компьютерно-технической экспертизы, которые очень важны для получения доказательств органами уголовного преследования. К требованиям, которые предъявляются органами уголовного преследования к программному обеспечению, необходимому для получения информации (доказательств) из средств компьютерной техники, относятся следующие:

- результаты анализа должны быть повторимы;
- исследуемый носитель никогда не должен изменяться;
- программное обеспечение должно корректно работать с устройствами защиты от записи;
- никогда не должен требоваться выход в интернет;
- не нужно знание о паролях и логинах пользователя и т. п.

Программное обеспечение Belkasoft Evidence Center обладает наилучшим быстродействием среди аналогичных программ своей категории, так как анализирует данные со скоростью, с которой персональный компьютер зачитывает их с диска. Обыкновенный жесткий диск объемом 320GB подвергается анализу меньше чем за два часа.

Belkasoft Evidence Center имеет функцию карвинга данных. Вышеуказанная функция отвечает за поиск информации или доказательств, которые скрыты, удалены или преднамеренно повреждены злоумышленником. Если информация или доказательства находятся на жестком диске, в оперативной памяти компьютера или в файлах гибернации и подкачки, программное обеспечение Belkasoft Evidence Center извлекает данные, даже если они не обнаруживаются в файловой системе. Карвинг дает возможность извлечь данные, которые в большинстве случаев могут не сохраняться в файлах на жестком диске, к категории таких данных относятся чаты социальных сетей или письма, посланные с помощью веб-почты.

Belkasoft Evidence Center поддерживает широко распространенные стандарты, что позволяет сотрудникам органов уголовного преследования анализировать образы жестких дисков в форматах EnCase, AFF, DD и SMART, а также виртуальные машины, такие как VMWare и Virtual PC. Кроме того, программное обеспечение интегрировано с EnCase версии 7.

Информация или доказательства, полученные с использованием Belkasoft Evidence Center, могут быть представлены в суде в форме ав-

томатически сгенерированных отчетов. Программное обеспечение Belkasoft Evidence Center предоставляет настраиваемый гибкий механизм создания отчетов, генерируя ясные и лаконичные документы, содержащие результат поисков, сделанных в процессе исследований средств компьютерной техники.

EnCase Forensic – это локальное программное обеспечение, предназначенное для проведения исследования и поиска информации (доказательств), находящейся в средствах компьютерной техники. Рассматриваемое нами программное обеспечение EnCase версии 7 является мировым стандартом поиска цифровой информации или доказательств, хранящихся в средствах компьютерной техники [1, с. 27].

Вышеуказанная версия EnCase первоначально создавалась компанией Guidance Software для проведения судебно-криминалистической экспертизы и осуществления анализа цифровых доказательств, данное программное обеспечение на сегодняшний день сочетает в себе лучшие алгоритмы поиска доказательств и проведения осмотра средств компьютерной техники. EnCase Forensic позволяет представителям органов уголовного преследования получать цифровую информацию с помощью обширного спектра фильтров и модулей, обнаруживать потенциальные доказательства путем криминалистического анализа информации, хранящейся на жестком диске, и создавать полные отчеты о полученных результатах, сохраняя при этом надежность и целостность полученных доказательств. EnCase Forensic является не просто лидером рынка, а стандартом проведения компьютерно-технической экспертизы. Использование EnCase Forensic имеет следующие преимущества:

- дает возможность обнаруживать информацию (доказательства) при помощи широкого спектра поисковых механизмов;

- ускоряет проведение расследования при помощи автоматизации типовых задач;

- сохраняет информацию или доказательства в едином контейнере доказательной базы EnCase.

Представитель органа уголовного преследования может быть уверен в полученном результате при использовании специализированного программного обеспечения, изначально разработанного с соблюдением всех принципов криминалистического исследования информации и неизменности получаемых данных.

Belkasoft Evidence Center также помогает сотрудникам правоохранительных органов в поиске, анализе и сохранении цифровых доказательств, находящихся в историях коммуникации в программах мгновенного обмена сообщениями, интернет-браузеров, почтовых ящиков популярных клиентов электронной почты, социальных сетей, пиринговых программ, много-

пользовательских онлайн-игр, офисных документах, системных файлах, файлах реестра, цифровых изображениях и видео, резервных копиях мобильных устройств, а также зашифрованных файлах. Программное обеспечение Belkasoft Evidence Center имеет ряд значительных преимуществ, которые делают продукт безупречным для решения задач при противодействии преступлениям против информационной безопасности:

никогда не модифицирует данные жесткого диска или образа, которые подвергаются исследованию;

находит больше 700 типов артефактов, поддерживает все основные программы мгновенного обмена сообщениями, интернет-браузеры, почтовые клиенты, социальные сети, пиринговые программы и т. п.;

осуществляет поиск скрытых данных, исследует необычные места и «знает» файлы не очень хорошо известных форматов, чтобы найти еще больше информации (доказательств);

обладает исключительной быстротой, а именно анализирует информацию со скоростью передачи данных с жесткого диска;

просто в использовании и применим даже для расследования несложных киберпреступлений;

портативная редакция может быть запущена с флеш-накопителя, подключенного к любому компьютеру без необходимости инсталляции и конфигурации;

генерирует понятные и четкие отчеты, которые можно представить в суде;

технология карвинга данных позволяет найти улики, которые были удалены или же никогда не хранились на диске в виде файлов (с помощью анализа файлов подкачки и гибернации или же образов оперативной памяти);

многопользовательская редакция Enterprise позволяет осуществлять совместную работу над уголовным делом, включая распределение прав и централизованное хранение данных.

Эксперты-криминалисты всего мира, специалисты по безопасности из списка Fortune 500 и многочисленные частные эксперты используют продукты компании «Белкасофт». Российские заказчики включают такие организации, как ФСБ, ФСКН, МВД, Следственный Комитет, Министерство юстиции и т. д. Более двух тысяч государственных организаций из более чем 70 стран.

Belkasoft Evidence Center находит большое количество типов данных, извлекает чаты пользователей, историю работы с сайтами в интернете, активность по скачиванию файлов и т. д. Поддерживаемые типы программ включают:

все основные типы офисных документов (Microsoft Office, OpenOffice, PDF, RTF);

популярные почтовые клиенты;
социальные сети и облачные технологии;
все основные интернет-пейджеры (более 80 типов для Windows, Mac OS X и Linux);
все основные интернет-браузеры;
основные пиринговые (P2P) программы;
зашифрованные файлы более чем 220 типов;
популярные многопользовательские онлайн-игры;
цифровые изображения и видеофайлы анализируются на порнографию, поиск лица и встроенного текста (например, отсканированные документы);
резервные копии мобильных устройств (iPhone, iPad, Android, BlackBerry), для Android поддержан также анализ дампа, сделанный популярным инструментом UFED;
системные файлы, такие как файлы миниатюр, файлы переходов (jumplists), базы SQLite, системный журнал;
файлы реестров Windows.

Указанному выше программному обеспечению, используемому при расследовании преступлений против информационной безопасности, свойственны следующие функции.

1. Управление делами, т. е. извлеченные данные могут храниться в базе данных, разбитые по «делам».

2. Карвинг данных и анализ оперативной (RAM) памяти. Восстанавливает удаленные улики и доказательства, хранящиеся в образах памяти, файлах гибернации и подкачки.

3. Поддержка промышленных стандартов. Монтирует образы в форматах EnCase, AFF, SMART и DD images, включая диски с файловыми системами Windows, Mac OS X и Linux/Unix, а также файлы популярных виртуальных машин VMWare, Virtual PC, Virtual Box, XenServer. Интегрирован с EnCase v.7 и Passware Kit Forensic.

4. Поддержка больших объемов данных. Продукт может работать с десятками гигабайт данных, находящихся в одном файле.

5. Легкость взаимодействия. Должен позволять одновременную многопользовательскую работу со средством компьютерной техники.

6. Хранение результатов анализа. Проанализированные данные навсегда сохраняются в базе данных.

7. Список событий («таймлайн»). Все найденные события (письма, отправленные и полученные мгновенные сообщения, переписка в социальных сетях и т. п.) будут отображены в едином окне и отсортированы по времени. Мощная система фильтров позволяет провести углубленное исследование интересующих следователя видов деятельности.

8. Собственные алгоритмы работы с базами данных SQLite. Низкоуровневая поддержка SQLite позволяет восстанавливать поврежденные, фрагментированные и неполные базы данных. Базы в формате SQLite используются многими продуктами (в том числе Skype) для ведения журнала событий.

9. Поддержка списка удаленных записей «freelist», journal/WAL, unallocated. Позволяет восстанавливать записи, удаленные из баз SQLite.

10. Работа с фрагментированными слепами памяти. Windows записывает данные в оперативную память в виде множества отдельных фрагментов. Встретить крупный участок данных, который не был бы фрагментирован - большая редкость. Уникальный алгоритм «BelkaCarving» позволяет дефрагментировать содержимое слепков памяти и восстановить улики, которые в противном случае были бы утрачены.

11. Поддержка реестров Windows. Продукт автоматически обнаружит и проанализирует файлы реестров Windows.

Belkasoft RAM Capturer предназначено для помощи в проведении анализа оперативной памяти компьютера в режиме «офлайн». Программа предоставляет возможность снять образ памяти компьютера под управлением 32- и 64-разрядных версий Windows, сохранив его в файл для последующего анализа.

Многие программы, включая известные многопользовательские игры, системы безопасности, а также вредоносное программное обеспечение защищают свои процессы от исследования с помощью отладочных инструментов. В таких программах используются активные системы противодействия отладке, способные обнаружить и предотвратить попытку других программ считать данные из защищенных областей памяти. В лучшем случае попытка использования отладчика не удастся – вместо интересующей исследователя информации в защищенной области обнаруживаются нули или случайные данные. В худшем случае происходит зависание или перезагрузка компьютера, делающие дальнейшее исследование невозможным. Для предотвращения такого развития событий использование корректного инструментария является необходимым средством. Обойти активные виды защиты от отладки способны только инструменты, запущенные в привилегированном режиме ядра операционной системы.

В комплект Belkasoft RAM Capturer входят 32- и 64-разрядные версии драйверов, работающих в режиме ядра и позволяющих корректно обрабатывать области данных, принадлежащие защищенным процессам. Эксперты «Белкасофт» провели тестирование популярных продуктов для снятия образов памяти. Были опробованы программы AccessData FTK Imager 3.0.0.1443, PMDump 1.2 и собственный продукт компании – Belkasoft RAM Capturer. Для тестирования была выбрана защищенная

игра Karos. В процессе тестирования запускалась игра Karos, производилась переписка с использованием внутреннего чата игры. Затем с использованием одного из инструментов, не выходя из игры, производилась попытка снятия образа памяти. В результате тестирования обнаружилось, что AccessData FTK Imager 3.0.0.1443 вместо осмысленных данных выдал нули, а PMDump 1.2 не смог считать область памяти, занимаемую защищенным процессом. Belkasoft RAM Capturer оказался единственным инструментом, выдавшим корректный и точный образ данных защищенного процесса [2].

Таким образом, в современной правоприменительной практике противодействия преступлениям против информационной безопасности наибольшую эффективность показало использование следующих программных продуктов: Belkasoft Evidence Center, EnCase Forensic, Belkasoft RAM Capturer. Указанное программное обеспечение позволяет: обнаруживать информацию или доказательства при помощи широкого спектра поисковых механизмов; ускорять проведение расследования при помощи автоматизации типовых задач; сохранять информацию или доказательства в едином контейнере доказательной базы и др.

1. Гридюшко, П.В. Методика расследования уголовных дел о распространении порнографических материалов с использованием компьютерной техники в сети Интернет, локальных сетях : пособие / П.В. Гридюшко, И.Г. Мухин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – 41 с.

2. Belkasoft RAM Capturer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.belkasoft.com/ru/memory-dump/>. – Дата доступа: 20.04.2017.

УДК 343.4

Е.В. Костючук, факультет милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.И. Левишук

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ И ПРЕКУРСОРОВ

Человечество знакомо с наркотическими средствами и психотропными веществами уже несколько тысяч лет. Люди разных культур и с разными целями потребляли их: во время религиозных обрядов, для восстановления сил, для изменения сознания, для снятия боли и неприятных ощущений.

Около 2700 г. до н. э. в Китае уже использовали коноплю (в виде настоя, как чай). Люди каменного века знали опиум, гашиш и кокаин и использовали эти наркотики для изменения сознания (в ходе религиозных обрядов) и при подготовке к сражению. На стенах погребальных комплексов индейцев Центральной и Южной Америки есть изображения людей, жующих листья коки (один из способов приема кокаина). Однако факт использования наркотика в одной культуре не дает нам права предполагать, что и в других культурах в это же время люди знали этот наркотик и употребляли его. Как и в наше время, есть множество сходств и различий в способах применения наркотиков разными народами. На протяжении всей истории контакты между далекими культурами происходили благодаря торговле и войнам. Например, в результате крестовых походов и путешествий Марко Поло европейцы узнали опиум и гашиш, широко распространенные в то время на Востоке.

До начала XX в. практически не существовало ограничений на производство и потребление наркотиков. Неоднократно делались попытки сократить или вообще запретить использование отдельных видов наркотиков, но они были непродолжительными и, как правило, неудачными. Например, табак, кофе и чай были поначалу встречены Европой в штыки. Первый европеец, закуривший табак, – спутник Колумба Родриго де Херес.

Наркомания захватила черный рынок Америки еще в 20-х гг. XX в. Коснулась эта проблема и Европы в 50-е гг. XX в. Советское правительство боролось с наркоманией, но во времена перестройки от наркомании погибло много подростков, которые психологически значительно слабее взрослых и часто не в состоянии отказаться от возможности попробовать.

Европу «завоевывал» кокаин. К 1911 г. его употребление в Лондоне стало восприниматься как обыденное явление. В 1915 г. кокаиновая проблема заявила о себе в полном объеме. У определенных слоев общества кокаин стал одним из атрибутов повседневной жизни. К его действию активно прибегали проститутки и солдаты. Широкому распространению кокаина помешало начало Первой мировой войны. Военачальники, озабоченные тем, что кокаин подавляет волю, приняли все меры к его запрету. 11 мая 1916 г. было запрещено потребление кокаина и еще ряда наркотикосодержащих веществ солдатами британской армии [1].

Событие, которое послужило началом для долгих споров и точкой отсчета на пути легализации легких наркотиков в Нидерландах (марихуаны, гашиша, галлюциногенных грибов), случилось 12 мая 1928 г. Именно этой датой королева Вильгельмина подписала Опиумный закон (Opiumwet), согласно которому запрещалось производство, распростра-

нение, ввоз, вывоз и хранение буквально всех известных на тот момент сильных наркотических веществ. Исключением являлось использование наркотических средств в исследовательских или медицинских целях [2].

В начале первого тысячелетия до нашей эры рост популярности опиума в Древнем Риме был чрезвычайно высок. Это произошло за счет того, что медики использовали данный препарат для лечения больных.

Первый препарат на основе опиума был прописан больному Парацельсом в XV в. Изучая древние источники, можно увидеть, что везде описывались лишь положительные свойства опиума, поскольку в те времена медицина находилась не на должном уровне, что бы реально оценить опасность зависимости от препаратов такого рода.

Развитие торговых отношений между странами, а также завоевательные походы способствовали распространению наркотиков на новых территориях. Именно благодаря этим факторам в Европе узнали, что такое гашиш. Открытие Америки «подарило» европейскому миру много новых галлюциногенов, среди них самыми популярными были кока и табак.

На территории Республики Беларусь до распада СССР проблема наркотиков в целом находилась под контролем мощной государственной системы с огромным арсеналом средств воздействия, начиная с ограничения зарубежных контактов и заканчивая идеологическим процессом. Нелегально использовались маковая солома, конопля, ацетилованный опий, первитина. Синтетические наркотики отсутствовали в обороте.

В начале 20-х гг. XX в. в странах бывшего СССР сложилась тяжелая финансово-экономическая и политическая обстановка, что явилось стимулом для расширения наркорынка. Ухудшение уровня взаимодействия и активности правоохранительных органов стран СНГ привело к тому, что наркоситуация резко обострилась. Наблюдался рост употребления наркотических средств населения. Появились случаи изъятия опия, героина, кокаина, а также ЛСД.

Еще в 60-х гг. XX в. специалисты установили, что чрезмерное употребление галлюциногенных веществ вызывает психические расстройства, тяжелые патологические состояния. Физиологические свойства наркотиков, вызывающих сложный химический процесс, происходящий в человеческом организме, обладают притягательной силой и принуждают жертву обращаться к ним повторно.

Злоупотребление наркотиками и незаконная торговля ими в последнее время во многих, особенно развитых странах мира, приняли катастрофические размеры. Официальная пресса США, Германии, Франции, Англии, Швеции, России, а в последнее время и средства массовой ин-

формации Беларуси почти ежедневно вещают о смерти своих граждан в результате передозировки наркотиками. Наркомания как негативное пагубное явление стала распространяться в молодежной среде.

В 1990 г. создана Программа ООН по международному контролю за наркотиками, которая предусматривала концепцию государственной политики по контролю за наркотиками и первые государственные программы противодействия употреблению наркотиков и их незаконному обороту.

В 2001 г. произошло еще некоторое послабление законов в отношении кофешопов. Некоторые из них получили разрешение на торговлю алкоголем с той оговоркой, что его нельзя будет продавать одновременно с марихуаной. Однако количество кофешопов по стране не увеличилось, а, напротив, уменьшилось. Объяснением этому послужило утверждение новых правил по лицензированию кофешопов, согласно которым открытию нового кофешопа предшествовало закрытие аналогичного заведения в населенном пункте. Вторая причина заключалась в консервативных взглядах нового правительства на местах, в связи с чем некоторые владельцы кофешопов были вынуждены уйти с этого рынка [1].

Среди потребителей наркотиков в Беларуси насчитывается 1 014 человек – это лица, не достигшие 18 лет; 4 971 человек – лица в возрасте с 19 до 25 лет; 6 598 человек – лица старше 30 лет. При этом из общего количества 2 560 человек (24,5 %) составляют женщины, 394 человека (3,7 %) – ученики школ, 495 человек (4,7 %) – учащиеся ПТУ, 177 человек (1,7 %) – студенты техникумов, 179 человек (1,8 %) – обучающиеся учреждений высшего образования. 52,9 % наркоманов имеют среднее образование, 18,8 % – неполное среднее. 51,9 % лиц, употребляющих наркотики, имеют не снятую и не погашенную судимость [3].

Рассмотрим наркоситуацию в Республике Беларусь за 2016 г. В 2016 г. выявлено 7 748 преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, из них 77,9 % уголовно наказуемых деяний, связанных с незаконным без цели либо с целью сбыта изготовлением, переработкой, приобретением, хранением, перевозкой или пересылкой наркотиков. В рамках возбужденных уголовных дел из незаконного оборота изъято более 360 кг наркотических средств и свыше 109 кг психотропных веществ, более 2,8 т насвая. Сотрудниками подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности пресечено 36 каналов поставки и транзита наркотических средств и психотропных веществ. Установлена и пресечена деятельность 7 подпольных нарколабораторий, выявлено свыше 90 интернет-магазинов, созданных для реализации наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов. Ограничен доступ

к 18 сайтам, содержащим сообщения или материалы о наркотиках. Выявлено 25 помещений, специально приспособленных и оборудованных для выращивания наркосодержащих растений [4].

Проблема распространения наркомании занимает не последнее место и в числе причин смертности, низкой рождаемости и недопустимо низкой средней продолжительности жизни в стране. Ежегодно в Республике Беларусь с численностью 9 499 644 человека от передозировки наркотиков умирает до 100 человек. Основное количество смертельных случаев приходится на лиц в возрасте 25–34 лет [5].

По-прежнему имеет место тенденция омоложения лиц, допускающих немедицинское потребление наркотиков. Свидетельством тому является увеличение более чем в 1,2 раза количества выявленных правонарушений несовершеннолетних, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. «Модным» среди молодежи стало употребление спайса и насвая. Это связано с легкодоступностью данных препаратов. Такие сделки о реализации курительных смесей происходят посредством социальных сетей, а закладки спайса осуществляются в заранее оговоренных местах. По-прежнему психотропные вещества весьма распространены в молодежной среде. К таковым относятся амфетамины и галлюциногены, ЛСД (Lysergsäurediethylamid – диэтиламид d-лизергиновой кислоты – химформула: $C_{20}H_{25}N_3O$) и другие производные лизергиновой кислоты, не являющиеся, в отличие от других психотропных препаратов, медицинскими и представляющие опасность для человека и мирового сообщества в целом [6]. Сотрудниками подразделений криминальной милиции и милиции общественной безопасности проводятся рейдовые мероприятия в местах массового отдыха молодежи. При этом основные усилия концентрируются на отработке дискотек и ночных клубов.

Таким образом, в Республике Беларусь распространение наркотиков и их употребление является одной из острых медико-социальных проблем современного общества. На сегодняшний день наркомания представляет собой серьезную проблему для здоровья населения во многих странах, в том числе и в Республике Беларусь.

На протяжении последних 4 лет динамика увеличения количества больных наркоманией в Республике Беларусь составляет около 540 человек в год. По состоянию на 1 января текущего года на диспансерном и профилактическом учетах состоит около 11 тысяч больных наркоманией и почти 2 тысячи – токсикоманией.

Наша страна не только признала существование этой проблемы, но на протяжении последних десяти лет активно борется с ней. Противо-

действие незаконному обороту наркотиков и наркопреступности в целом определено Главой государства как одно из приоритетных направлений не только правоохранительной деятельности, но и национальной безопасности.

1. Исаев, И.Ю. Зов бездны. Мистические механизмы наркомании / И.Ю. Исаев. – М. : Экзотерика, 1991. – 23 с.

2. История легализации наркотиков в Нидерландах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.t0r4.eu/phpBB/viewtopic.php?t=42171>. – Дата доступа: 15.06.2017.

3. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by>. – Дата доступа: 15.06.2017.

4. Постатейный научно-практический комментарий к Кодексу РФ об административных правонарушениях (выпуск VII–VIII) / Р.Ч. Бондарчук [и др.] ; под общ. ред. Б.В. Россинского // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2017.

5. О неотложных мерах по противодействию незаконному обороту наркотиков [Электронный ресурс] : Декрет Президента Респ. Беларусь, 28 дек. 2014 г., № 6 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Диэтиламид лизергиновой кислоты (ЛСД) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lifebio.wiki/лсд>. – Дата доступа: 15.06.2017.

УДК 343.98.065

Е.Г. Кохнюк, курсант следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – *Е.В. Чистая*

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ЭКСПЕРТНО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На современном этапе развития общества одним из наиболее актуальных вопросов в работе экспертов-криминалистов является получение важной своевременной информации, способствующей расследованию и раскрытию правонарушений и преступлений. В работе эксперта-криминалиста современные технологии оказывают помощь в русле методов идентификации людей по биометрическим данным. В соответствии с Законом Республики Беларусь от 9 ноября 2009 г. № 59-З «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в создании государственных информационных систем паспортно-визовых документов нового поколения и дальнейшем их развитии и использовании в государствах –

участниках СНГ» биометрические данные – сведения, которые характеризуют физиологические особенности человека и на основе которых можно установить его личность (цифровая фотография, отпечатки пальцев, изображение радужной оболочки глаз и другие биометрические персональные данные), которые могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных в соответствии с законодательством государств – участников Соглашения.

Для качественной фиксации биометрических данных используются биометрические технологии. Наиболее значимыми работами в сфере использования биометрических технологий являются исследования А.А. Гинце [1], И.Ю. Харламовой [2], О.С. Ушмаева и А.В. Босова [3]. Однако изучение научных трудов по указанной проблематике говорит о ее недостаточной систематизированности как в науке, так и в практике, особенно при использовании биометрических параметров человека в решении различных правоохранительных задач. Последними значимыми работами в данной сфере были монографии В.Н. Чулахова [4] и С.А. Ялышева [5].

В связи с изложенным изучение проблем использования биометрических технологий в экспертно-криминалистической деятельности в настоящее время представляется актуальным направлением криминалистического знания. Вместе с тем нормативно-правовое регулирование использования биометрических технологий в рассматриваемой деятельности в настоящий момент требует существенного совершенствования.

Необходимо также отметить, что для устранения общественной опасности преступных проявлений необходимо создание базы данных биометрической информации, что придаст широкую социальную значимость данной информации и в международном плане. Тем не менее это требует проведения объемной работы в сфере стандартизации технических параметров инструментальной базы биометрической информации, в том числе и в отделах по борьбе с преступностью разных стран. В основе комплексного использования различных методик биометрической идентификации личности лежит разнообразие биометрических методов, а также разновариантность технического оснащения комплексов для получения данных. Стоит обратить внимание также на то, что преступный мир заинтересован в попытках модификации и фальсификации информации о личностных признаках для затруднения розыска и отождествления личности как преступного элемента. Распространенные в современном мире террористические атаки требуют от правоохранительных органов своевременного внедрения систем видеонаблюдения и биометрических систем контроля за местами скопле-

ния людей для предупреждения данных преступных посягательств и защиты граждан нашей страны.

К тому же национальное законодательство должно согласовываться с международными соглашениями, такими как Дополнительный протокол к Конвенции ЕТС № 181 «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных, о наблюдательных органах и трансграничной передаче информации» (Страсбург, 8 ноября 2001 г.), где определены положения по обеспечению защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайны.

В настоящее время наиболее часто используемыми биометрическими технологиями являются:

дактилоскопирование – получение отпечатков кожных узоров, обрабатываемых папиллярными линиями ногтевых фаланг и ладонных поверхностей рук, на материальных носителях;

исследование геометрии руки;

сканирование радужной оболочки глаза;

распознавание голоса человека;

распознавание геометрии лица человека.

Развиваются новые биометрические технологии, такие как:

идентификация человека по походке;

идентификация человека по сосудистому рисунку руки;

идентификация по сетчатке глаза;

идентификация по динамике работы на клавиатуре компьютера и т. д.

Особенно актуальным является внедрение биометрических технологий для защиты важной информации в современных системах обеспечения безопасности. Например, в Постановлении Правления национального банка Республики Беларусь 29 декабря 2015 г. № 779 «Об утверждении Концепции развития платежной системы Республики Беларусь на 2016–2020 годы» прямо указывается на необходимость внедрения идентификации (как цифровой, так и биометрической) для обеспечения безопасности в стратегии предоставления финансовых услуг, базирующейся на массовом распространении и использовании мобильных приложений и мобильных цифровых устройств для доступа пользователей к банковским операциям.

Для правоохранительных органов актуальной является технология идентификации человека в паспортно-визовых документах. Эти вопросы активно обсуждались в Соглашении о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека (вступило в силу для Республики Беларусь 4 сентября 2006 г.),

где указывалось на необходимость принятия мер к обеспечению эффективной защиты жертв торговли людьми, особенно женщин и детей, и их реабилитации. В связи с тем, что паспорта и документы в разных странах имеют различный вид, в ст. 4 данного документа особенно обращалось внимание на «обмен опытом внедрения информационных систем паспортно-визового контроля, включая использование биометрических данных». Обмен оперативной, криминалистической, статистической и иной информацией, в том числе сведениями о готовящихся и совершенных преступлениях, также было бы актуально с использованием не данных текстовой паспортной информации, которую можно изменить, модифицировать или подделать, а уникальных биометрических данных человека для планирования и осуществления скоординированных оперативно-розыскных и профилактических мероприятий, в частности для разработки и осуществлении согласованных мер предупреждения и пресечения использования сети Интернет в целях торговли людьми.

В ст. 4 Закона Республики Беларусь от 9 ноября 2009 г. № 59-З «О ратификации Соглашения о сотрудничестве в создании государственных информационных систем паспортно-визовых документов нового поколения и дальнейшем их развитии и использовании в государствах – участниках СНГ» говорится о необходимости соблюдать следующие условия при создании информационных систем для фиксации биометрических данных:

фиксирование биометрических данных граждан без унижения достоинства личности и причинения вреда здоровью;

исключение возможности незаконного воспроизведения биометрических данных граждан, содержащихся в паспортно-визовых документах нового поколения;

обеспечение конфиденциальности информации, содержащейся в государственной информационной системе, и ограничение этой информации только теми сведениями, которые необходимы для проверки подлинности паспортно-визовых документов нового поколения;

обеспечение доступа граждан к содержащейся в государственной информационной системе информации о них в соответствии с требованиями национального законодательства государств – участников Соглашения.

Таким образом, сложившаяся ситуация обуславливает потребность в комплексном исследовании вопросов внедрения новейших биометрических технологий в правоохранительную сферу и разработки технико-криминалистических рекомендаций по рациональному их использованию в практике раскрытия и расследования преступлений. Данная задача и являлась основным объектом и предметом исследования научной работы.

Объектом исследования явилась современная практика внедрения и использования биометрических параметров человека в ходе раскрытия,

расследования и предупреждения преступлений, в том числе возможности их применения в системе криминалистической регистрации.

Предмет исследования – тенденции научных разработок в области биометрических технологий и возможности их применения в криминалистике; закономерности использования биометрических данных человека в раскрытии и расследовании преступлений; организация комплексного технико-криминалистического обеспечения процесса внедрения биометрических технологий и методов в правоохранительную сферу.

В проведенной научной работе особенно важным было проанализировать теоретические положения правовых наук и практической деятельности экспертов-криминалистов с точки зрения применения биометрических технологий в правоохранительной деятельности. При анализе биометрических технологий использовались научно обоснованные методы и информационные технологии, позволяющие получить воспроизводимые результаты при доказательстве установленных предварительных положений.

Научную новизну проведенной научной работы составляют положения, касающиеся разработки криминалистических, технико-криминалистических, информационно-коммуникационных основ использования биометрических параметров человека в раскрытии и расследовании преступлений. Рассмотрены вопросы методологического, правового, организационного и методического характера, которые ранее в криминалистической литературе комплексно не рассматривались.

Таким образом, проведенным научным исследованием обоснована необходимость разработки национальной системы биометрических параметров человека в системе криминалистической регистрации, учитывающих компиляцию данных с подобными информационными банками данных государств – участников СНГ.

Представляется необходимым внести изменения и дополнения в нормативную правовую базу по проблемам создания системы криминалистической регистрации на основе биометрических параметров человека в целях обеспечения стандартизации биометрических данных при идентификации личности в случаях:

- осуществления рубежного контроля (идентификация и распознавание геометрии лица человека в автоматическом режиме при пересечении контрольных пунктов, таможни и сравнение полученных данных с паспортными данными);

- организации и осуществления контроля физического или логического доступа к объектам или информационным ресурсам;

- оперативного распознавания (идентификации), осуществляемого дистанционно и незаметно для идентифицируемого лица при проведении оперативно-розыскных мероприятий;

идентификации человека по биометрическим параметрам в системе криминалистической регистрации;

идентификации человека по биометрическим параметрам, осуществляемой в рамках судебной экспертизы.

Подводя итог, хотелось бы отметить усиление значимости информационных технологий в жизни граждан Республики Беларусь. Биометрические технологии в криминалистике играют важную роль в защите жизни людей. Разработка и совершенствование отечественных стандартов, нормативных правовых документов, в которых должны найти отражение вопросы безопасности и правового использования биометрических технологий в криминалистических исследованиях, послужит улучшению и совершенствованию общества на современном этапе развития Республики Беларусь.

1. Гинце, А.А. Биометрические технологии: мифы и реальность / А.А. Гинце // Защита информации. Инсайд. – 2005. – № 1. – С. 59–63.

2. Харламова, И.Ю. Использование биометрических образов человека как источника криминалистически значимой информации / И.Ю. Харламова // Человек как источник криминалистически значимой информации : материалы Всерос. межведомств. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под ред. А.М. Зинина, М.Н. Шухина. – Саратов, 2003. – Ч. 2. – С. 186–188.

3. Урмаев, О.С. Реализация концепции многофакторной биометрической идентификации в интегрированных аналитических системах / О.С. Урмаев, А.В. Босов // Бизнес и безопасность в России. – 2008. – № 49. – С. 104–105.

4. Чулахов, В.Н. Криминалистическое исследование навыков и привычек человека / В.Н. Чулахов. – М. : Юрлитинформ, 2004.

5. Ялышев, С.И. Криминалистическая регистрация: проблемы, тенденции, перспективы / С.И. Ялышев. – М. : Акад. упр. МВД России, 1998.

УДК 343.91

В.В. Кравец, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *В.С. Яловик*

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ПРЕСТУПЛЕНИЕ И АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Одним из направлений законодательного регулирования общественных отношений является уголовно-правовая сфера защиты интересов несовершеннолетних. Белорусское уголовное законодательство предусматривает ответственность лиц, достигших 18-летнего возраста, за во-

влечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 172 УК), а также за вовлечение его в антиобщественное поведение (ст. 173 УК).

Уголовное законодательство изначально не содержало норм, которые бы устанавливали ответственность совершеннолетних за вовлечение подростков в совершение преступлений и антиобщественное поведение.

Лишь в 1935 г. в УК БССР 1928 г. была включена ст. 232¹, которая впервые устанавливала ответственность за «подстрекательство или привлечение несовершеннолетних к участию в различных преступлениях, а также за понуждение несовершеннолетних к занятию спекуляцией, проституцией, нищенством и т. п.» [1, с. 159].

УК БССР 1960 г. в ст. 205 предусматривал ответственность за «вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность и за вовлечение его в антиобщественное поведение: в пьянство, в занятие попрошайничеством, проституцией, азартными играми, а также использование несовершеннолетних для целей паразитического существования». В дальнейшем в УК БССР 1960 г. была введена ст. 205², предусматривающая ответственность за «вовлечение несовершеннолетних в немедицинское потребление лекарственных и других средств, не являющихся наркотическими, влекущих одурманивание».

В УК Республики Беларусь 1999 г. интересующие нас нормы законодатель расположил в ст. 172 «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» и ст. 173 «Вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение». В последующем изменениям подверглась лишь ст. 173 УК: из диспозиции статьи исключили вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, связанных с изготовлением материалов или предметов порнографического характера, либо в проституцию, выделив их в отдельные составы преступлений.

Законодатель разместил ст. 172, 173 УК в разд. VII «Преступления против человека». Соответственно, родовым объектом преступлений исходя из названия раздела является человек. На наш взгляд, это предопределено тем, что общественная опасность данных преступлений обусловлена именно причинением вреда человеку – несовершеннолетнему, его нравственному и физическому развитию.

Видовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 172 и 173 УК, являются уклад семейных отношений и интересы несовершеннолетних.

Основным непосредственным объектом преступлений, предусмотренных ст. 172 и 173 УК, можно считать нормальное формирование и развитие несовершеннолетних. Исходя из этого и учитывая, что в случае вовлечения в потребление спиртных напитков, сильнодействующих и других одурманивающих веществ оказывается негативное влияние на

здоровье несовершеннолетних, следует говорить и о наличии дополнительного непосредственного объекта – здоровья несовершеннолетних.

Потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 172 и 173 УК, являются несовершеннолетние лица, не достигшие 18-летнего возраста.

Субъектом преступлений, предусмотренных ст. 172 и 173 УК, может быть физическое вменяемое лицо, достигшее 18-летнего возраста.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 173 УК, считают «спиртные напитки (спирт, водка, коньяк, вино и другие спиртосодержащие напитки), сильнодействующие вещества (чаще всего медицинские препараты) и одурманивающие вещества (смеси лосьона, паст, стиральных порошков и других веществ)» [2, с. 143].

Под спиртными напитками «подразумеваются не только винно-водочные изделия промышленного производства или домашней выработки, но и различные спиртосодержащие жидкости медицинского, бытового и технического назначения (включая лекарственные настойки, одеколон, иную спиртосодержащую парфюмерную продукцию, и др.)» [3, с. 136].

К сильнодействующим и одурманивающим веществам относят, как следует из постатейного комментария О.О. Топориковой к гл. 21 УК, «лекарственные и другие средства, не являющиеся наркотическими средствами и психотропными веществами или спиртными напитками... вызывающие токсическое опьянение» [4].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 172 УК, выражается в действиях взрослых, которые заключаются в вовлечении заведомо несовершеннолетнего в совершение преступления.

В диспозициях ст. 172 УК, как и ст. 173 УК, не раскрывается понятие «вовлечение», поэтому правоприменительная практика вынуждена руководствоваться его судебным и доктринальным толкованием, которое неоднозначно и непоследовательно.

Впервые понятие «вовлечение» было дано в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 12 сентября 1969 г. № 8 «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность». К нему относились: действия, направленные на подготовку несовершеннолетнего к участию в преступлении; подстрекательство несовершеннолетнего к совершению одного или нескольких конкретных преступлений; привлечение несовершеннолетнего к совершению преступления в качестве соисполнителя или пособника [5, с. 563].

В уголовном праве применительно к ст. 172 УК большинство ученых определяют «вовлечение» как действия взрослого лица, направленные на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить преступление.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемых преступлений является способ вовлечения.

В соответствии с п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь (далее – Пленум) от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» «в случае привлечения лица к ответственности по ст. 172, 173 УК в постановлении о привлечении его в качестве обвиняемого и в приговоре наряду с другими обстоятельствами совершения преступления следует указывать способ вовлечения несовершеннолетнего в преступление или антиобщественное поведение».

Перечень способов, которые выбирает виновный для возбуждения желания у другого лица совершить преступление, является открытым и может быть достаточно разнообразным. Еще представители дореволюционного уголовного права отмечали, что «ни одному, даже самому дальновидному законодателю не дано предугадать все формы нравственного влияния одного лица на другое» [6, с. 156].

С объективной стороны преступление, предусмотренное ст. 173 УК, выражается в вовлечении несовершеннолетнего в антиобщественные действия, которые указаны в ч. 1 ст. 173 УК: систематическое употребление спиртных напитков, систематическое немедицинское употребление сильнодействующих или других одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

Под антиобщественным поведением в широком смысле слова понимают «такое поведение, которое противоречит человеческой морали, общепринятым нормам нравственности и принципам гуманизма» [2, с. 142].

Однако антиобщественное поведение применительно к ст. 173 УК следует рассматривать только лишь как систематическое употребление спиртных напитков, сильнодействующих или других одурманивающих веществ, а также занятие бродяжничеством или попрошайничеством.

Способы вовлечения несовершеннолетнего в антиобщественное поведение в ч. 1 ст. 173 УК законодателем не называются, но могут быть такими же, как перечисленные в диспозиции сходно с ней по основным объективным и субъективным признакам ст. 172 УК и рассмотренные нами выше, в частности обещание, обман или иной способ.

При оценке указанных действий виновного по ст. 173 УК следует правильно понимать признак систематичности.

В уголовном законе (ч. 15 ст. 4 УК) под систематичностью понимается «признак, указывающий на совершение лицом более двух тождественных или однородных правонарушений», что не противоречит этимологии этого слова.

Как разъясняется в комментарии к Уголовному кодексу, «вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков либо сильнодействующих или других одурманивающих веществ предполагает воздействие на подростка с целью употребления им таких напитков или веществ более двух раз в течение относительно непродолжительного времени» [8, с. 453]. Таким образом, в ст. 173 УК систематическим следует считать, вовлечение несовершеннолетнего в употребление спиртных напитков, сильнодействующих или одурманивающих веществ более двух раз.

Под бродяжничеством понимается «скитание лица, не имеющего определенного места жительства (независимо от его наличия), работы или учебы, из одного населенного пункта в другой, либо в одном городе (районе) из одного места в другое в течение длительного времени при отсутствии социально-полезной деятельности».

Под попрошайничеством понимается проживание лица на нетрудовые доходы, добываемые путем систематического выпрашивания у посторонних лиц денег, продуктов питания, одежды или иных материальных ценностей.

На наш взгляд, для наступления ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение достаточно однократного совершения указанных в диспозиции действий, т. е. действия субъекта преступления могут носить и единичный (разовый) характер. Данная позиция согласуется с высказываемыми в литературе мнениями других авторов.

По конструкции объективной стороны состав преступления является формальным. При этом отметим, что в вопросе трактовки момента окончания вовлечения в антиобщественное поведение Пленум выбрал несколько иной подход, нежели в ст. 172 УК. Согласно п. 18 постановления Пленума, «преступление, предусмотренное ст. 173 УК, считается оконченным с момента совершения действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в антиобщественное поведение в указанных формах, независимо от того, совершил ли несовершеннолетний какое-либо из этих противоправных действий».

Представляется, что вопрос о моменте окончания преступлений, связанных с вовлечением как в антиобщественное поведение, так и в преступление, должен решаться единообразно, в том числе в силу их схожести по основным признакам. Так, преступления, предусмотренные ст. 172 и 173 УК, нами предлагается считать оконченными с момента совершения действий, направленных на вовлечение несовершеннолетнего в преступление или антиобщественное поведение в указанных

формах, независимо от того, совершил ли несовершеннолетний какое-либо из этих противоправных действий. Такое разъяснение может быть закреплено в постановлении Пленума.

Субъективная сторона данных составов преступлений предполагает прямой или косвенный умысел, направленный на возбуждение у несовершеннолетнего желания совершить преступление или иные антиобщественные действия.

В п. 16 постановления Пленума также указывается, что «ответственность взрослого за вовлечение несовершеннолетнего в преступление или иное антиобщественное поведение наступает при доказанности умышленной вины (прямого или косвенного умысла), то есть что он был достоверно осведомлен о несовершеннолетнем возрасте вовлекаемого лица».

Вместе с тем с учетом формальной конструкции составов преступлений и указания в них на признак заведомого знания о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего, следует вывод о том, что в ст. 172, 173 УК предусмотрена умышленная форма вины в виде прямого умысла.

Таким образом, наблюдается наличие коллизии норм – противоречия (несоответствия) разъяснения Пленума уголовному закону.

На наш взгляд, вина взрослого будет иметь место, если лицо признавало общественно опасный характер вовлечения заведомо несовершеннолетнего в данные преступления и желало совершить такие действия (прямой умысел).

Заведомость – признак, указывающий, что виновному в момент совершения общественно опасного деяния должно быть известно о том, что вовлекаемое лицо является несовершеннолетним.

Мотивы преступлений, предусмотренных ст. 172 и 173 УК, могут быть различными, но для квалификации они значения не имеют, хотя и должны учитываться согласно ст. 62 УК судом при определении наказания.

Таким образом, обращение к вопросам уголовной ответственности за рассматриваемые преступления свидетельствует о наличии проблемных вопросов, которые требуют своего дальнейшего изучения и разрешения.

1. Уголовное законодательство СССР и союзных республик (Основные законодательные акты) / под ред. Д.С. Карева. – М. : Госюриздат, 1957. – С. 127–162.

2. Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.] ; под ред. В.А. Кашевского ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2012. – 734 с.

3. Вопросы квалификации, регистрации и учета преступлений / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред. А.И. Лукашова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Акад. МВД, 2007. – 512 с.

4. Топорикова, О.О. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. Глава 21. Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних [Электронный ресурс] / О.О. Топорикова // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1973. – М., 1974. – 758 с.

6. Сперанский, К.К. Понятие вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность / К.К. Сперанский // Совет. юстиция. – 1989. – № 13. – С. 24–25.

7. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под. общ ред. А.В. Баркова. – Минск : Тесей, 2003. – 1200 с.

УДК 343.4

А.А. Куликович, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.И. Левицук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ОБОРОТА ОРУЖИЯ

Во все времена оружие являлось одним из опаснейших по степени своего действия средств разрешения социальных конфликтов во всех возможных формах их проявления, включая частное и глобальное противостояние людей. В любом государстве данное обстоятельство имеет свои исторические и социально-политические предпосылки [1]. В связи с этим оружие следует рассматривать в качестве источника повышенной опасности, а именно предмета материального мира, свойства которого могут быть особо опасны для окружающих. Поэтому его приобретение и использование для граждан связано с рядом ограничений и находится под контролем правоохранительных органов. Устанавливая правовой режим легального оборота оружия, государство в значительной мере защищает себя и общество от неконтролируемых разрушений изнутри. Контроль оборота оружия и боеприпасов к нему – залог эффективного предупреждения преступлений и правонарушений в данной сфере [1].

Развитие цивилизации не представляется возможным без оружия, которое сопровождает человечество в течение всей его истории и является материальным выражением части культуры человека. Оружью принадлежит значительная роль в эволюционном развитии людей. По данным науки, оружие появилось уже на ранней стадии развития человечества как средство охоты и защиты, было первым средством выживания и добычи пропитания.

Согласно Закону Республики Беларусь от 13 ноября 2001 г. № 61-З «Об оружии» оружие представляет собой устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, а также подачи сигналов пиротехническими составами [2]. Из данного определения можно сделать вывод о назначении оружия: поражение цели либо же подача сигналов пиротехническими средствами. Следовательно, к оружию не относятся предметы хозяйственно-бытового назначения или орудия ремесленного промысла (ножи, вилы, топоры, бритвы, стамески, напильники и т. д.), которые могут быть использованы при совершении противоправных деяний. Вместе с тем, если такие предметы используются либо специально приспособляются (путем обработки) для причинения телесных повреждений, то тогда они выступают в качестве орудия правонарушения.

Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон относят к оружию орудия, изготовленные человеком для борьбы со своими врагами, людьми или зверями [3].

К оружию не относятся изделия, сертифицированные в качестве предметов хозяйственно-бытового и производственного назначения, спортивные снаряды, конструктивно сходные с оружием.

В зависимости от своего прямого предназначения и основных характеристик оружие делится на боевое, служебное и гражданское [2]. К боевому оружию относится оружие, предназначенное для выполнения боевых и оперативно-служебных задач, не относящееся к служебному или гражданскому оружию. К служебному оружию относится оружие, предназначенное для использования работниками юридических лиц с особыми уставными задачами, которым разрешено ношение, хранение и применение указанного оружия, в целях самообороны или для исполнения возложенных на них законодательством Республики Беларусь обязанностей по защите жизни и здоровья граждан, собственности, по охране окружающей среды и природных ресурсов, ценных и опасных грузов, специальной корреспонденции, для выполнения возложенных на них государственно значимых задач, а в случаях, установленных законодательными актами Республики Беларусь, – должностными лицами государственных воинских формирований и военизированных организаций, таможенных органов Республики Беларусь, органов прокуратуры Республики Беларусь и Государственной инспекции охраны животного и растительного мира при Президенте Республики Беларусь [2]. К гражданскому оружию относится оружие, предназначенное для использования гражданами в целях самообороны, для занятий спортом и охоты.

Следует отметить, что к данным видам оружия для соответствия их статусу законных предъявляются определенные требования: служебное ору-

жие должно заряжаться стандартными боеприпасами, исключать ведение стрельбы очередями, отличаться от боевого по типоразмерам патронника, а также иметь емкость магазина (барабана) не более 10 патронов. Пули патронов к огнестрельному гладкоствольному и нарезному короткоствольному оружию не должны иметь сердечников из твердых материалов.

Для правильного понимания смысла выражения «оборот оружия» и для всесторонней оценки юридически значимых действий, входящих в содержание данного термина, в законодательстве Республики Беларусь содержится определение «оборот оружия». Так, согласно Закону «Об оружии» оборот оружия и боеприпасов – это производство, реализация (в том числе продажа), передача во владение, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, транспортировка, перевозка, пересылка, использование, изъятие, уничтожение, а также ввоз оружия, его составных частей и компонентов, боеприпасов к нему на территорию Республики Беларусь и вывоз за ее пределы.

Административно-правовое регулирование оборота оружия позволяет достигнуть правомерного поведения субъектов права при осуществлении ими своих прав и выполнении обязанностей в тех пределах, которые установлены административно-правовым режимом.

В юридической литературе правовые режимы рассматриваются в нескольких аспектах:

- как элемент юридического инструментария, соединяющий в единую конструкцию определенный комплекс правовых средств [3, с. 171];

- как составная часть системы права, которая наряду с предметом и методом правового регулирования отвечает за отграничение одной отрасли права от другой;

- как совокупность правовых и организационно-технических мер, используемых в сфере безопасности, представляющая собой юридико-организационный институт [4, с. 84];

- как результат регулятивного воздействия на общественные отношения системы юридических средств [5, с. 123].

Также правовой режим отождествляется с юридической формой социального режима [6, с. 35].

Н.И. Матузов и А.В. Малько под правовым режимом понимают порядок действия права, создающий конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права [7, с. 14]. Они также отмечают, что правовой режим, с одной стороны, объединяет разнообразный юридический инструментарий, заставляя его работать на единых правовых началах, а с другой – обеспечивает его дифференциацию, создавая различные условия реализации прав и обя-

занностей субъектов в зависимости от целей и задач, времени и места осуществления деятельности, обстановки, которая складывается под влиянием факторов внешней среды.

Правовой режим – это официально установленный особый порядок правового регулирования, отражающий совокупность юридических и организационных средств, используемых для закрепления социально-правового состояния объектов воздействия и направленный на обеспечение их устойчивого функционирования [8, с. 456].

Специфику регулирования отношений, возникающих по поводу оружия, определяет то обстоятельство, что оружие, являясь предметом, обладающим полезными качествами, отличается от остальных объектов тем, что изначально предназначено для поражения живой силы и при определенных условиях, может представлять угрозу безопасности и другим охраняемым интересам социума.

Основу юридического режима оборота оружия составляют определенные порядки правового регулирования, среди которых основными являются: разрешительный, регламентационный, разрешительный, запретительный, поощрительный. В режиме оборота конкретного вида оружия присутствуют, как правило, элементы всех вышеуказанных типов регулирования. При этом, поскольку режим оборота оружия устанавливается с целью нейтрализации опасных свойств оружия, обеспечения безопасности личности, общества, государства, степень его жесткости должна соответствовать степени опасности вида оружия, в отношении которого он устанавливается.

Преобладающими и наиболее эффективными в рассматриваемой сфере являются правовые режимы, основанные на разрешительном типе правового регулирования, к которому следует отнести лицензирование, режим разрешений, регистрацию, стандартизацию, сертификацию. При этом следует учитывать общую правовую направленность регулирования – ограничительную или стимулирующую. Если правовой режим обеспечивает безопасность, охрану, предотвращение противоправных действий, то в основе его юридического инструментария будут лежать правовые ограничения, запреты, меры пресечения, санкции. Если же правовой режим призван стимулировать развитие какой-либо деятельности, то используются правовые стимулы – дозволения, льготы, поощрения. Среди правовых средств, образующих правовой режим, отдельно следует выделить правовые принципы, а также положения, определяющие функционально-целевое предназначение режима [9, с. 27].

На современном этапе развития общества оборот оружия представляет собой реальную угрозу стабильности и спокойствию. В связи с этим, думается, важно определить строгие рамки действий с оружием.

Подводя итог, можно отметить, что научно-техническое развитие современного общества приводит к огромному разнообразию видов и групп оружия, что, в свою очередь, вызывает необходимость своевременного законодательного закрепления и постоянного (систематического) осуществления контроля за соблюдением физическими и юридическими лицами правил изготовления, приобретения, хранения, перевозки и иных действий с оружием.

Также можно сделать вывод об отсутствии единого законодательно закрепленного понятия административно-правового режима. Однако, учитывая мнения различных ученых, можно определить присущие административно-правовому режиму признаки:

1) правовое регулирование осуществляется в интересах носителя правового режима;

2) имеются специальные правила поведения, деятельности, жизнедеятельности, официально установленные и обеспеченные системой организационно-правовых мер;

3) в правовых актах закрепляется определенное правовое состояние объекта или процесса, отличное от иных участков правовой действительности;

4) специально установленные правила направлены на создание условий, препятствующих нарушению состояния носителя режима, поддержание заданных параметров его функционирования;

5) деятельность субъектов, реализующих режимные правила, основана на единых правовых принципах, единых правовых формах и осуществляется в точном соответствии с заранее установленным механизмом реализации прав и обязанностей.

1. Административное право [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://librisum.com/kikot/concrim35.htm>. – Дата доступа: 18.04.2017.

2. Энциклопедический словарь : [в 86 т.] / изд.: Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон ; под ред. К.К. Арсеньева, О.О. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. 22 (43). – С. 214–219.

3. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – Изд. 2-е. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.

4. Розанов, И.С. Административно-правовые режимы по законодательству Российской Федерации, их назначение и структура / И.С. Розаманов // Государство и право. – 1996. – № 9 – С. 84.

5. Морозова, Л.А. Конституционное регулирование в СССР / Л.А. Морозова. – М. : Юрид. лит., 1985. – 144 с.

6. Исаков, В.Б. Правовые режимы и их совершенствование / В.Б. Исаков. – Свердловск, 1982. – С. 34–39.

7. Матузов, Н.И. Правовые режимы: понятие и виды / Н.И. Матузов, А.В. Малько // Право и политика: современные проблемы соотношения и развития. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1996. – С. 14.

8. Бахрах, Д.Н. Административное право : учеб. для вузов / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2008. – 816 с.

9. Такешова, Л.А. Основные начала теории административно-правовых режимов / Л.А. Такешова // Вестн. КазНУ. – 2011. – № 5.

УДК 343.9

Е.Ю. Куцко, курсант следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Р.М. Ронот

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ УДАРНО-РАЗДРОБЛЯЮЩЕГО ДЕЙСТВИЯ

В соответствии с действующим законодательством правоохранительные органы Республики Беларусь имеют право применять различные специальные средства. При этом отдельные их группы с криминалистической точки зрения могут в полной мере обладать свойствами огнестрельного, газового или холодного оружия, что детерминирует особый режим их оборота и требует выработки однозначного подхода при разработке соответствующих критериев оценки. Наибольшую неоднозначность при квалификации противоправных деяний вызывают специальные средства ударно-раздробляющего действия, которые обладают всем необходимым комплексом признаков холодного оружия соответствующего вида и в отношении криминалистической оценки которых нет единого мнения среди ученых, что не может способствовать повышению эффективности судебно-экспертной деятельности, а также совершенствованию практики правоприменения.

При проведении экспертных исследований эксперты руководствуются соответствующими методиками: типовыми, видовыми, частными (конкретными). Однако применительно к холодному оружию ударно-раздробляющего действия конкретная экспертная методика в настоящее время отсутствует, что является одной из предпосылок существования обозначенной выше проблемы. Поэтому при экспертной оценке таких объектов вполне закономерно и обоснованно применяется наиболее «близкая» методика, которая с теоретической и практической стороны

соответствует всем задачам, поставленным перед экспертом. В данном случае речь может идти о Методике экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к клинковому холодному оружию. Рассмотрим подробнее положения данной методики и постараемся определить те ее положения, которые могут быть экстраполированы на процесс исследования ударно-раздробляющего холодного оружия.

Принадлежность к холодному оружию устанавливается по наличию у исследуемого объекта совокупности двух основных групп признаков:

группы признаков, определяющих предназначенность предмета для лишения жизни или нанесения телесных повреждений, опасных для жизни и здоровья человека; поражения и добывания зверя (в том числе морского зверя или крупной рыбы), а также для защиты при его нападении (далее – для поражения цели) с использованием мускульной силы человека;

группы признаков, определяющих пригодность данного предмета для поражения цели, что обеспечивается его устройством и свойствами [1].

Предназначенность исследуемого объекта для поражения цели устанавливается в результате определения:

сходства по внешнему строению (формы конструкции в целом и формы отдельных характерных конструктивных элементов) с известными аналогами – образцами определенных видов и типов оружия, для чего используются натурные образцы различных коллекций (например, музейных), а также соответствующие описания и изображения различных образцов, содержащиеся в официальной справочной литературе и специальных изданиях, посвященных холодному и метательному оружию, электронных классификаторах: справочниках, криминалистической и специальной литературе;

комплекса необходимых конструктивных элементов на конкретном объекте, который устанавливается при сопоставлении с комплексами конструктивных элементов известных видов и типов холодного оружия.

Предназначенность означает, что в любом предмете (объекте), который исследуется, заложен умысел изготовителя, содержание которого заключается в том, чтобы изделие максимально удовлетворяло целям причинения телесных повреждений, опасных для жизни и здоровья человека (животного). Поэтому первая группа признаков включает себя: сходство внешнего строения предмета с известными аналогами – образцами холодного оружия, комплекс необходимых конструктивных элементов, позволяющий отнести его к определенному виду и типу холодного оружия.

Вторая группа признаков устанавливается по достаточности технической обеспеченности конструкции исследуемого объекта в целом и его отдельных конструктивных элементов, а также его поражающих свойств. Достаточность технической обеспеченности конструкции и отдельных элементов объекта определяется в результате установления:

соответствия размерных и иных технических характеристик представленного образца требованиям соответствующих ГОСТ; ТУ; криминалистическим требованиям, утвержденным в соответствующем порядке, которые содержат определяющие технические характеристики отдельных типов холодного оружия и конструктивно сходных с таким оружием изделий; параметрам известных аналогов – образцов холодного оружия;

безопасности и удобства целевого использования объекта;

соответствия прочностных характеристик как конструкции в целом, так и отдельных деталей объекта (в том числе и материалов, из которых они изготовлены) требованиям СТБ, ГОСТ или другим нормативно установленным характеристикам, а также прочностным характеристикам аналогов – образцов данного типа холодного оружия.

Достаточность поражающих свойств исследуемого объекта определяется в результате установления возможности поражения цели, если имеется сходство его внешнего строения и соответствие его конструкции и технических характеристик техническим характеристикам конкретного типа холодного оружия промышленного изготовления.

Приведенные положения разработаны для криминалистического исследования клинкового холодного оружия, однако они в полной мере могут быть применимы при проведении экспертиз предметов ударно-раздробляющего действия с учетом специфики их конструкции и целевой предназначенности.

Так, специальные средства ударно-раздробляющего действия, такие как палки резиновые (ПР-73, ПР-90, ПУС-2, Аргумент-2, ПР-Тонфа, ПР-Таран, Аргумент-3 и др.), обладают всеми признаками, присущими холодному оружию соответствующего вида. Применительно к ПР, имеющимся на вооружении правоохранительных органов, следует отметить следующее.

Во-первых, они имеют сходство внешнего строения с такими исторически известными аналогами – образцами ударно-раздробляющего холодного оружия, как дубинка (дубина) и тонфа.

Во-вторых, согласно действующим ведомственным инструкциям, резиновая палка непосредственно предназначена для нанесения ударов и защиты от них, из чего следует, что ПР не имеют хозяйственно-бытового назначения [2, с. 30].

В-третьих, все разновидности ПР имеют необходимые для холодного оружия конструктивные элементы: ударный элемент («боевой ко-нец»), удобную жесткую рукоятку, которая, как правило, оборудована петлей (темляком) для обеспечения большего удобства удержания при использовании, а отдельные виды ПР обладают особой конструкцией, способствующей повышению эффективности их использования. Так, палка резиновая «Тонфа» (ПРТ) состоит из цилиндрического стержня с прикрепляемой к нему под прямым углом рукояткой, которая разделяет общую длину палки на две неравные части (примерно 1 : 2), т. е. ПРТ имеет короткую и длинную части, рукоять, головку рукояти, торец длинной и короткой части. Особенностью конструкции ПРТ является рукоять, позволяющая осуществлять палкой вращательные движения с большой скоростью и эффективно наносить удары, в том числе располагая длинную часть ПРТ вдоль предплечья, что значительно повышает силу и степень поражающего воздействия удара рукой. На ПР-73М на рукоятке имеется кольцевой выступ (мини-гарда) для улучшения контроля палки при нанесении удара, для защиты пальцев руки при ударе [2, с. 32].

Приведенные особенности ПР прямо и однозначно указывают на их предназначенность для поражения живой цели, в полной мере согласующейся с данным критерием применительно к холодному оружию.

Кроме того, ПР обладают более чем достаточной технической обеспеченностью конструкции, определяющей соответствующие поражающие свойства:

при изготовлении ПР используется литая резина, что придает всей конструкции такие свойства, как прочность, упругость и гибкость, которые сохраняются в интервале температур от +40 до -40 °С;

использование литой резины обусловлено стремлением не столько уменьшить поражающие свойства ПР, сколько расширить диапазон тяжести наносимых телесных повреждений. В официальных действующих ведомственных инструкциях прямо указано, что наличие резинового гибкого ударного элемента при замахе дает дополнительное ускорение концу палки в последней фазе удара, которое на порядок превосходит аналогичное действие при ударе обычной палкой и обеспечивает нанесение повреждений, опасных для жизни.

Указанные конструктивные особенности в полной мере обеспечивают ПР необходимые для ударно-раздробляющего холодного оружия поражающие свойства, что подтверждено практикой их применения, а также соответствующими судебно-медицинскими исследованиями.

У человека наиболее восприимчивыми к физическому поражению являются голова, шея, брюшная полость, нервные переплетения, конеч-

ности в области сочленений (запястье, колено, лодыжка, локоть, плечо, пальцы рук и ног, подъем ноги). При нанесении сильных ударов «гибкими и эластичными» ПР в те или иные области тела человека возможны следующие последствия:

переломы плечевой, лучевой и локтевой костей, челюсти, ребер, костей голени, костей таза, ключицы, переносицы, височной кости, костей кисти и пальцев;

перелом щитовидного хряща, разрыв гортани;

разрушение коленного сустава;

разрыв мочевого пузыря, почек, печени, селезенки, спинного мозга;

смерть (при ударе в солнечное нервное сплетение, сердечное нервное сплетение, межключичную впадину, верхнюю губу, переносицу, висок, ухо, затылок, заднюю поверхность шеи, межлопаточную область, подмышечную впадину, глаза) [2, с. 33; 3, с. 8].

При этом в соответствующих инструкциях по применению ПР не содержится прямых запретов на нанесение ударов в те или иные области тела человека, а указывается лишь на принцип пропорциональности их использования. Кроме того, в зависимости от складывающейся обстановки (например, групповое и (или) вооруженное нападение) сотрудник правоохранительных органов имеет полное право наносить удары в том числе по голове, шее, в живот и т. д. [2, с. 32].

Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что ПР обладают всей совокупностью групп признаков, определяющих предназначение предметов для нанесения телесных повреждений с использованием мускульной силы человека и группы признаков, определяющих пригодность данных предметов для поражения цели, что обеспечивается их устройством и свойствами, которые были заложены изготовителем.

Подводя итог сказанному, следует отметить, что ПР соответствуют всем критериям, присущим холодному оружию ударно-раздробляющего действия, а именно:

имеют сходство внешнего строения с такими исторически известными аналогами – образцами ударно-раздробляющего холодного оружия, как дубинка (дубина) и тонфа;

согласно действующим ведомственным инструкциям правоохранительных органов Республики Беларусь непосредственно предназначены для нанесения ударов и защиты от них;

имеют необходимые для холодного оружия конструктивные элементы: ударный элемент («боевой конец»), удобную жесткую рукоятку, которая, как правило, оборудована петлей (темляком) для обеспечения большего удобства удержания при использовании;

благодаря применению литой резины при изготовлении обладает такими свойствами, как прочность, упругость и гибкость.

Таким образом, ПР не только являются специальными средствами, но и относятся к категории холодного оружия ударно-раздробляющего действия, что должно соответствующим образом учитываться в процессе экспертной оценки признаков и свойств таких предметов, а также при квалификации противоправных деяний, совершенных с их использованием.

1. Методика экспертного решения вопроса о принадлежности предмета к клинковому холодному оружию : утв. Межведомств. науч.-метод. советом в обл. судеб. экспертизы при Межведомств. комис. по вопр. судеб.-эксперт. деятельности при Совете Безопасности Респ. Беларусь : 12.03.08. – Минск, 2008. – 30 с.

2. Методические рекомендации об основах применения и использования специальных средств сотрудниками органов внутренних дел и военнослужащими внутренних войск МВД Республики Беларусь / под общ. ред. Н.А. Мельченко. – Минск : МВД Респ. Беларусь, 2016. – 54 с.

3. Попенко, В.Н. Холодное оружие полиции. Тонфа / В.Н. Попенко. – М. : Богучар, 1994. – 112 с.

УДК 343.985

Е.В. Кучинский, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ БЭП ОВД
С ОПЕРАТИВНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ОФР
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ БОРЬБЫ
С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Экономическая преступность, иными словами, преступность экономической направленности, представляет собой совокупность противоправных, общественно опасных, корыстных, причиняющих существенный материальный ущерб посягательств на используемую для хозяйственной деятельности собственность, установленный порядок управления экономическими процессами, экономические права и интересы граждан, юридических лиц и государства со стороны лиц, выполняющих определенные функции в системе экономических отношений. Обострившаяся социально-экономическая обстановка, деградация общества, правовая безграмотность и неспособность многих людей привыкнуть к реалиям

новой жизни обуславливает непрекращающийся, идущий быстрыми темпами рост преступности в Республике Беларусь. Данный факт ставит перед правоохранительными органами сложный и на первый взгляд неразрешимый вопрос о поиске новых методов в борьбе с криминализацией общества. Одним из методов решения данных проблем стало взаимодействие правоохранительных органов [1, с. 461].

Объективная реальность угрозы каждого государства со стороны экономической преступности как организованной саморазвивающейся рефлексивной системы сегодня подтверждается зарубежной и отечественной теорией и практикой правоохранительной деятельности.

Успешное решение задач, возложенных законом на органы департамента финансовых расследований, невозможно без их делового сотрудничества в первую очередь с Министерством внутренних дел, а также Министерством по налогам и сборам, Комитетом государственной безопасности, Прокуратурой Республики Беларусь, их подразделениями на местах и другими государственными органами. Необходимость координации деятельности данных ведомств обусловлена наличием у них ряда общих задач по защите экономических интересов государства. Каждый из них в пределах своей компетенции соответствующими средствами и методами осуществляет сбор необходимой информации о криминогенной ситуации в экономике, анализирует ее, так или иначе реагирует на выявленные правонарушения.

Взаимодействие – одна из основных философских категорий, отражающая процессы воздействия различных объектов друг на друга, их штатную обусловленность и изменение состояния или взаимопереход, а также порождение одним объектом другого. В отличие от координации взаимодействие рассматривается как воздействие различных предметов, явлений действительности друг на друга, обуславливающее изменения в них, взаимная поддержка. Без взаимодействия отдельных элементов нет системы.

Организация взаимодействия правоохранительных органов представляет собой целенаправленную деятельность по согласованию предупредительной работы, а также по использованию подчиненных им сил и средств в целях выполнения поставленных задач обеспечения экономической безопасности государства. Оно осуществляется на внутриотраслевом (внутри каждой группы государственных органов) и межотраслевом (между субъектами, принадлежащими к разным группам) уровнях.

Потребность во взаимодействии между различными силами обеспечения безопасности Республики Беларусь в настоящее время обусловлена также тем обстоятельством, что экономическая безопасность

государства становится важнейшим условием, оказывающим непосредственное влияние на состояние национальной безопасности в целом. Не умаляя важности пресечения, раскрытия и расследования экономических преступлений в обеспечении экономической безопасности государства в целом, роли взаимодействия различных государственных органов по данному направлению, нельзя сводить эту деятельность преимущественно к борьбе с экономическими правонарушениями, на что указывает ряд авторов [1, с. 463].

Организация эффективного взаимодействия правоохранительных органов Республики Беларусь по обеспечению экономической безопасности государства определяется в первую очередь созданием благоприятных условий для результативной деятельности каждого из них. Для обеспечения эффективного взаимодействия необходимы наличие координирующего органа, отказ от дублирования функций разными правоохранительными органами, ориентация подготовки и переподготовки кадров, улучшение ресурсного обеспечения правоохранительных органов, повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных органов.

Взаимодействие органов внутренних дел с иными правоохранительными органами является не только их правом или необходимостью, но и обязанностью, которая закреплена в Законе Республики Беларусь от 7 июля 2007 г. № 263-З «Об органах внутренних дел Республики Беларусь».

Анализ нормативных документов, правоприменительной практики и научных источников позволяет сделать вывод, что основные усилия в вопросах взаимодействия между правоохранительными органами по обеспечению экономической безопасности государства должны быть сосредоточены на таких направлениях, как конкурентоспособность отечественной экономики, контроль над внешнеэкономическими операциями, финансово-кредитной и налоговой сферой, добывающими и перерабатывающими отраслями, агропромышленным комплексом, за обращением подакцизной продукции.

Ученые полагают, что формы взаимодействия органов внутренних дел и иных правоохранительных органов по вопросам обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь могут реализовываться:

через мониторинг современного состояния национальной экономики (в разрезе отраслей), факторов и условий, определяющих состояние экономической безопасности государства;

прогнозирование развития экономического потенциала государства в сторону его улучшения или ухудшения с учетом последних мировых и региональных тенденций;

совместное участие всех субъектов в разработке комплексных государственных целевых программ по стабилизации экономической ситуации;

изучение имеющихся ресурсных возможностей (политических, правовых, социальных, экономических, интеллектуальных и т. д.), необходимых для реализации комплексных государственных целевых программ по обеспечению экономической безопасности государства, выработки тактики и стратегии их использования;

совместную выработку согласованных действий по реализации конкретных стабилизационных мер, осуществляемых в рамках комплексных государственных программ;

подготовку и принятие совместных решений по внезапно возникающим проблемам, связанным с обеспечением экономической безопасности государства;

совместную практическую деятельность по оказанию помощи друг другу в выявлении, предупреждении, раскрытии, расследовании экономических преступлений и иных правонарушений;

совместное осуществление контроля, а также подведение промежуточных и конечных итогов по результатам реализации комплексных государственных целевых программ по обеспечению экономической безопасности Республики Беларусь в условиях единого экономического пространства [2, с. 124].

Одной из главных задач деятельности сотрудников органов внутренних дел является эффективное использование в процессе доказывания результатов оперативно-розыскной деятельности, а также недопущение фактов принятия данных указанной деятельности без должной проверки. Для реализации этой задачи необходимо обеспечить точное исполнение установленных законом и подзаконными нормативными правовыми актами правил оформления и предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности в отдел по борьбе с экономическими преступлениями, Департамент финансовых расследований Комитета государственного контроля, сотрудникам Следственного комитета и в суд, строго и требовательно проверять предоставляемую информацию с точки зрения законности ее получения и сформировать правовые положения, регламентирующие этот порядок; систематизировать критерии проверки, оценки и использования данных, полученных оперативным путем, в качестве не только ориентирующей, но и доказательственной информации; разработать правила и уточнить основания введения оперативно-розыскной информации в уголовный процесс в целях формирования на их основе доказательств.

Изучение практики совместной деятельности ОБЭП ОВД Республики Беларусь и подразделений Департамента финансовых расследова-

ний Комитета государственного контроля показывает, что результаты оперативно-розыскной деятельности представляются органу, ведущему уголовный процесс, на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования для их использования в процессе доказывания; интересы выявления и расследования преступлений, собирания всех необходимых для разрешения уголовного дела доказательств требуют получения и использования оперативных данных в качестве источников доказательств на более раннем этапе, т. е. в ходе производства по материалам. Однако порядок их предоставления и формы взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и Следственного комитета на современном этапе урегулированы недостаточно. Кроме того, процессуальные средства в большей мере, нежели оперативно розыскные мероприятия, позволяют проверить происхождение информации, законность ее получения. При возникновении необходимости предоставления сведений, полученных в процессе оперативно-розыскной деятельности, в суд действуют общие правила. При этом суд не только правомочен, но и обязан проверить относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства, сформированного на основе использования данных оперативно-розыскной деятельности, а также достаточность их совокупности для вынесения справедливого, законного и обоснованного решения и приговора. Вместе с тем не только в нормах уголовно-процессуального законодательства, но и в теоретических разработках и практических рекомендациях не определены и не систематизированы методы и приемы проверки и критерии оценки материалов оперативно-розыскной деятельности в качестве источника доказательств, а полученных фактических данных – как достоверных и достаточных. Например, согласно ч. 2 ст. 104 УПК Республики Беларусь в качестве формы проверки доказательств, в том числе материалов оперативно-розыскной деятельности, указан их анализ. Однако критерии анализа, его виды, направленность, приемы и средства осуществления для решения этой задачи не определены. В связи с этим должностное лицо органа дознания, следователь, прокурор или судья осуществляют оценку в соответствии со своими интеллектуальными способностями, возможностями логического и аналитического мышления, т. е. субъективно. Данный факт обуславливает необходимость поиска и формирования критериев, средств и приемов проверки и оценки материалов оперативно-розыскной деятельности в качестве источника доказательств, что свидетельствует об актуальности решения проблем формирования оперативно-розыскного обеспечения процесса расследования преступлений в сфере экономики. Хотя установление порядка предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности для использования в процессе доказывания

отнесено к компетенции ведомств, осуществляющих эту деятельность, правила реализации стоящих в этом плане задач должны быть известны и неукоснительно соблюдаемы должностными лицами, использующими указанные данные. Только при таких условиях они могут проконтролировать соблюдение установленного порядка как такового и его соответствие требованиям закона [3, с. 24].

Таким образом, преступную деятельность в сфере экономики можно рассматривать как целостное системное образование, объективно обусловленное общей задачей, объединяющей преступников в русло целенаправленной деятельности в своеобразное преступное сообщество, подчиняющее всех соучастников общей цели, объединяющее множество разновекторных преступных актов единым умыслом в рамках совместно реализуемой программы и выработки строго определенных правил и процедур. При этом деятельность на основе базовых хозяйственных норм рассматривается как необходимое условие существования, эффективного функционирования и результативности, доходности преступного объединения, позволяющее обезопасить весь период преступной деятельности и материализовать преступный замысел в единообразный непрерывный процесс извлечения преступной прибыли, осуществляемый в рамках легальной экономики, в целях получения планируемых доходов, скрываемых от государства, как правило, превышающих обычную прибыль, поступающую при воспроизводстве аналогичного хозяйственного цикла в нормальных производственных условиях. Попытки самостоятельно привлечь вышеуказанных лиц к ответственности и заставить правонарушителей возместить государству нанесенный ущерб иногда не приводят к успеху. Именно взаимодействие подразделений БЭП ОВД и оперативных подразделений ДФР часто дает необходимый результат и ведет к эффективному и быстрому решению задач по борьбе с экономической преступностью.

1. Басецкий, И.И. Опыт координации деятельности правоохранительных и иных государственных органов в противодействии коррупции / И.И. Басецкий, А.В. Башан // Коррупция: теория и практика противодействия / И.И. Басецкий, А.В. Башан. – Минск, 2005. – С. 461–513.

3. Вишневский, А.А. Комитет государственного контроля в механизме обеспечения экономической безопасности Республики Беларусь / А.А. Вишневский // Закон и право. – 2014. – № 4. – С. 124–126.

3. Мазурин, М.И. Отдельные вопросы взаимодействия органов финансовых расследований с другими государственными органами в борьбе с налоговыми преступлениями / М.И. Мазурин // Проблемы криминалистики : сб. науч. тр. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; под общ. ред. Г.Н. Мухина. – Минск, 2003. – С. 24–27.

И.О. Лозко, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

М.А. Кравцова

ПРОВЕРКА КАК ОСНОВНОЙ МЕТОД КОНТРОЛЯ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

Финансирование расходов, предусмотренных государственным и местными бюджетами, происходит в основном за счет налоговых поступлений от физических и юридических лиц. В соответствии с действующим налоговым законодательством плательщики обязаны совершать указанные платежи в установленных размерах и в определенные сроки. На налоговые поступления в структуре доходной части бюджета приходится, как правило, свыше 85 %, именно поэтому государство так ответственно относится к процессу налогового контроля [1, с. 128].

По времени проведения налоговый контроль подразделяется на предварительный, текущий и последующий. Выбор конкретного вида контроля зависит от уровня развития налоговой системы и общей организации контроля. В Республике Беларусь в настоящее время преобладает последующий контроль. Это обусловлено недостаточной информированностью налоговых органов, некоторой безразличностью налогоплательщиков и одновременно недостаточной работой с ними.

Согласно ст. 64 Налогового кодекса Республики Беларусь налоговый контроль понимается как система мер по контролю за исполнением налогового законодательства, осуществляемая должностными лицами налоговых органов в пределах их полномочий. Названная статья не приводит исчерпывающий перечень форм налогового контроля, но называет некоторые из них: учет плательщиков, проведение налоговых проверок, опрос плательщиков и других лиц, осмотр движимого и недвижимого имущества, помещений, территорий, где могут находиться объекты, подлежащие налогообложению или используемые для извлечения дохода.

Необходимость же налогового контроля объясняется частым уклонением плательщиков от налогообложения, по итогам которого государство недополучает значительные суммы налоговых платежей. Без эффективной работы правоохранительных органов в области контроля невозможно выполнение государством своих непосредственных функций.

Основной и наиболее эффективной формой налогового контроля является налоговая проверка, так как она основана на изучении объективных, фактических данных, которые не всегда предоставляются платель-

щиками в налоговые органы из-за нежелания уплачивать налоги и тем самым снижать свое финансовое благополучие. Главной же целью проверок помимо обнаружения нарушений налогового законодательства и возврата бюджету принадлежащих ему доходов является определение размера и характера ущерба, а также установление лиц, действиями (бездействием) которых этот ущерб был причинен. Ведь именно определение размера причиненного ущерба дает нам право полагать о совершении налогового правонарушения [2, с. 83–89].

Планы проведения проверок составляются с учетом величины денежных оборотов налогоплательщиков, информации о их финансовой дисциплинированности и других факторов. Чаще всего под налоговый контроль подпадают крупные государственные предприятия, где легче всего удастся доначислить значительные суммы налогов, штрафов, пеней. Крупные негосударственные фирмы, пользуясь услугами квалифицированных специалистов, находят цивилизованные пути оптимизации и перераспределения налоговых платежей. Мелкие частные предприятия чаще других нарушают налоговое законодательство, однако вскрытие нарушений требует большого промежутка времени и не дает существенных поступлений в бюджет из-за незначительности объемов денежных оборотов.

Рассмотрим одну из классификаций налоговых проверок. По месту проведения контрольных действий налоговые проверки подразделяются на камеральные и выездные.

Камеральная налоговая проверка проводится налоговым органом по месту своего нахождения на основе данных различных документов, связанных с исчислением и уплатой налогов, представленных налогоплательщиками или их представителями, а также на основании имеющихся у налогового органа документов и сведений.

Выездная налоговая проверка проводится по месту нахождения налогоплательщика путем изучения полноты и правильности отражения им в бухгалтерском учете операций, оказывающих прямое или косвенное влияние на размеры объектов налогообложения, с последующим сравнением выявленных в ходе проверки фактических размеров объектов налогообложения с отраженными налогоплательщиком в формах отчетности по налогам (бухгалтерских отчетах, балансах, декларациях), представленных налоговому органу за период, подвергшийся проверке (за исключением встречных выездных налоговых проверок в пределах одного населенного пункта). Выездные налоговые проверки, в свою очередь, делятся на плановые и внеплановые. Проверкам в плановом порядке подлежат проверяемые субъекты, включенные в координационный

план контрольной (надзорной) деятельности (далее – координационный план). Координационные планы по областям и г. Минску размещаются в сети Интернет на официальном сайте Комитета государственного контроля Республики Беларусь. Информация о проверках, размещенная на сайте КГК, обновляется еженедельно. В координационные планы могут вноситься изменения в части исключения проверок, изменения срока проведения проверок, подключения контролирующего (надзорного) органа в качестве соисполнителя к включенным в координационные планы проверкам, а также подключения к проверке иного структурного подразделения, территориального органа.

Внеплановой является проверка, не включенная в координационный план контрольной (надзорной) деятельности. Указ Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее – Указ) выделяет следующие виды внеплановых проверок:

встречная внеплановая проверка – проверка, проводимая для установления (подтверждения) достоверности совершения финансово-хозяйственных операций между проверяемым субъектом и его контрагентами или третьими лицами, имеющими отношение к проверяемым финансово-хозяйственным операциям;

контрольная внеплановая проверка – проверка, проводимая для контроля устранения проверяемым субъектом нарушений, выявленных в ходе предыдущей проверки;

дополнительная внеплановая проверка – проверка, проводимая для подтверждения обоснованности доводов, изложенных в возражениях по акту (справке) проверки либо в жалобе на решение контролирующего (надзорного) органа (должностного лица), требование (предписание) об устранении нарушений, изучения дополнительных вопросов по делам (материалам), поступившим в органы уголовного преследования, суды, кроме ранее согласованных проверяющим (руководителем проверки) и должностными лицами органов уголовного преследования по возбужденному уголовному делу, руководителями органов уголовного преследования, судов по находящимся в их производстве делам (материалам), либо по причине несоблюдения проверяющим (руководителем проверки) установленного порядка назначения и проведения проверок;

внеплановая тематическая оперативная проверка – проверка, вызванная необходимостью оперативного выявления и пресечения нарушений законодательства в момент их совершения на ограниченной территории либо в отношении торговых объектов, транспортных средств, иных мест осуществления деятельности.

Перечень должностных лиц, которым предоставлено право назначения внеплановых проверок, и оснований для их назначения ограничен. В п. 9 Указа № 510 разделены полномочия для назначения внеплановых проверок между должностными лицами контролирующими (надзорными) органов и должностными лицами их территориальных органов в зависимости от оснований необходимости проведения проверок.

Рейдовая проверка как разновидность проверок проводится налоговыми органами в местах деятельности налогоплательщиков, связанных с приемом наличных денежных средств от покупателей (клиентов), производством продукции, выполнением работ (оказанием услуг), хранением товарно-материальных ценностей, в других местах, связанных с извлечением доходов, в целях контроля за соблюдением ими законодательства о предпринимательстве и налогах, а также требований по ведению бухгалтерского учета и оформлению отдельных финансово-хозяйственных операций, установления фактов незарегистрированной предпринимательской деятельности либо деятельности, для занятия которой требуется специальное разрешение (лицензия), сбора оперативной информации, проверки заявлений и жалоб физических лиц и субъектов предпринимательской деятельности.

Необходимо отметить, что экономика государства не в состоянии нормально функционировать, если хозяйствующие субъекты не развиваются в легальных формах, а правительство государства не способно собирать налоги.

Комитет государственного контроля Республики Беларусь уже опубликовал координационные планы контрольной (надзорной) деятельности в областях и г. Минске на первое полугодие 2017 г.

Контролирующими (надзорными) органами запланировано проведение 23 497 проверок, которыми будет охвачено 15 911 субъектов хозяйствования – это менее 4 % общего количества состоящих на учете в налоговых органах. В сравнении с первым полугодием 2016 г. количество планируемых проверок сократилось на 23,5 %.

Большинство включенных в координационные планы проверок будут проведены налоговыми органами. 67,9 % отнесено к субъектам хозяйствования высокой группы риска (1 раз в год). Средняя и низкая группы риска установлены соответственно в отношении 18,7 и 9,8 % планируемых к проверке субъектов (1 раз в 3 года; 1 раз в 5 лет) [3].

Анализ эффективности деятельности налоговых органов показал, что в Республике Беларусь достаточно развит налоговый контроль и эффективность его постоянно повышается. Об этом свидетельствует то, что количество проводимых проверок неуклонно сокращается, а предъ-

явленные к взысканию по результатам проверок налоги и экономические санкции растут. Однако налоговая культура плательщиков все еще недостаточно высока, так как по итогам проверок выявлены нарушения у 75,1 % проверенных субъектов предпринимательской деятельности.

По результатам работы контрольных (надзорных) органов можно выделить следующие проблемы проведения и организации налогового контроля в Республике Беларусь:

- 1) несовершенство и сложность налогового законодательства;
- 2) непрофессионализм сотрудников (работников) контролирующих органов;
- 3) проблемы, возникающие при проверке малых предприятий;
- 4) контроль за применяемыми льготами у плательщиков.

Можно предложить следующие направления совершенствования налогового контроля в целях повышения его эффективности в Республике Беларусь:

- 1) продолжение работы по упрощению законодательства и его неизменности;
- 2) создание специализированных централизованных баз данных, в которых налоговые инспекторы быстро и без каких-либо трудностей могли бы получить полную и своевременную информацию по необходимым им вопросам в разрезе специфики отраслей;
- 3) проведение ежегодной аттестации работников налоговых служб всех уровней с привлечением в комиссии по аттестации независимых экспертов;
- 4) организация постоянно действующих курсов повышения квалификации работников налоговых органов;
- 5) совершенствование контрольных мероприятий, проводимых совместно с органами Департамента финансовых расследований, а также перепроверки предприятий, допустивших сокрытие налогов в крупных размерах в течение года с момента такого сокрытия;
- 6) повышение роли предварительного и текущего контроля, связанных с работой по разъяснению налогового законодательства;
- 7) создание в каждой инспекции структурного подразделения по контролю за применяемыми плательщиками льготами;
- 8) внедрение информационных баз о доходах плательщиков, о совершенных сделках не только на территории Республики Беларусь, но и за ее пределами.

Пути совершенствования налогового контроля в нашей республике на современном этапе заключаются не только в непосредственном повышении результативности форм и методов контрольных мероприятий,

но и в совершенствовании налоговой системы в целом. Кроме того, необходимо изменить сам подход к осуществлению налогового контроля: приоритетным направлением должен стать именно контроль за нелегальным теневым оборотом, а не выявление мелких нарушений, необходимых для выполнения так называемого «плана». Повышение качества и эффективности налогового контроля не подразумевает его усложнение.

Проведение контрольных мероприятий не должно отрицательно влиять на хозяйственную деятельность добросовестных налогоплательщиков. И в любом случае права плательщиков должны в полной мере соблюдаться [4].

Делая вывод, стоит заметить, что проведение различных видов проверок является самым действующим инструментарием налогового контроля, поскольку именно проверка помогает уполномоченным органам непосредственно контролировать и выявлять нарушения законодательства во всех сферах деятельности субъектов хозяйствования. Проведя некий анализ, мы попытались сформировать соотношение проводимых плановых проверок к выявленным в ходе их проведения нарушениям. Как показывает проведенный анализ, с уменьшением плановых проверок (их количество значительно падает из года в год) количество нарушений по отношению к числу проверок остается неизменным. Нужно ли нам уменьшать количество проводимых проверок (в том числе внеплановых)?

Как отмечалось ранее, проведение проверки оканчивается либо составлением акта (если выявлены нарушения), либо составлением справки (если нарушений не выявлено). Однако, как показывает практика, проверка очень редко заканчивается выдачей справки, которая подтверждает отсутствие нарушений законодательства в деятельности определенного субъекта хозяйствования. Возникает вопрос, а почему так происходит? Проверяемые субъекты часто говорят о предвзятости со стороны контролирующих органов при проверке их деятельности. Проверяющие же субъекты, в свою очередь, заявляют, что проверяемые субъекты не способны действовать в рамках законодательства и очень часто не готовятся к проверке. Несмотря на это нужно говорить о том, что составление справки, которая подтверждает отсутствие нарушений законодательства при проверке деятельности субъектов хозяйствования, должно быть желаемым результатом как для проверяемых, так и для проверяющих.

1. Александров, И.В. Налоговые преступления / И.В. Александров. – М., 2004. – 247 с.

2. Финансовое право : учеб. пособие / А.А. Вишневский [и др.]. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2005. – 168 с.

3. Координационные планы проверок [Электронный ресурс] // Комитет государственного контроля Республики Беларусь. – 2017. – Режим доступа: <http://www.kgk.gov.by/ru/coordination-plans-ru>. – Дата доступа: 11.06.2017.

4. Проверки плановые и внеплановые [Электронный ресурс] // Экон. газ. – 2016. – Режим доступа: <https://neg.by/novosti/otkrytj/proverki-planovye-i-vneplanovye>. – Дата доступа: 14.06.2017.

УДК 343.985

В.Г. Лукьян, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Механизм использования результатов ОРД при подготовке и проведении следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыском сопровождении уголовного дела в процессе предварительного расследования, а также в качестве источников доказательств по уголовному делу нуждается в дополнении и частичном изменении.

Защита личности, общества и государства от преступных проявлений без использования в работе оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел результатов ОРД весьма затруднительна, а в отдельных случаях и невозможна.

Несмотря на то, что результаты ОРД в большинстве случаев имеют существенное значение для установления обстоятельств совершенного деяния, нарушения при проведении ОРМ, допускаемые оперативными подразделениями органов внутренних дел, приводят к признанию судом доказательств, сформированных на их основе, недопустимыми. Все это предопределяет потребность выработки действенных механизмов использования результатов ОРД в противодействии криминалу.

Однако анализ научной литературы позволяет говорить о том, что использование результатов ОРД рассматривается лишь в ракурсе изучения отдельных аспектов уголовно-процессуального доказывания, в то время как комплексного исследования использования результатов ОРД в работе оперативных и следственных подразделений органов внутренних дел в Республике Беларусь не проводилось [1, с. 248].

Полученные в ходе работы результаты указывают на необходимость использования результатов ОРД при возбуждении уголовного дела и производстве расследования как важнейшего элемента тесного взаимо-

действия органов дознания и следственных подразделений и, как следствие, изменения организации работы оперативных подразделений.

По мнению В.Л. Ильина, результаты ОРД представляют собой информацию, собранную оперативными подразделениями в отношении проверяемых лиц и фактов [2]. Однако приведенное определение наряду с другими не может дать исчерпывающую характеристику результатов ОРД, так как в них отсутствует весьма важное указание на то, что различные сведения (информация) об обстоятельствах совершения преступления и лицах, причастных к нему, могут быть получены при осуществлении ОРД как гласно, так и негласно.

Результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело, а также использоваться в доказывании по уголовным делам.

Борьба с преступностью на сегодняшний день требует широкомасштабного использования методов ОРД. Данная деятельность тесно связана с уголовно-процессуальной и может рассматриваться как один из способов получения доказательств в уголовном процессе. Вместе с тем до сих пор отсутствует четкая и единая процедура правовой регламентации использования результатов ОРД в уголовном процессе. Этим в первую очередь объясняется наличие проблемы использования результатов ОРД в качестве источника доказательств. Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД) и УПК Республики Беларусь предусматривается принципиальная возможность использования материалов ОРД в доказывании по уголовным делам.

Законом об ОРД предусматривается две группы направлений использования материалов, которые получены в ходе проведения ОРМ. Первую группу образуют направления, не имеющие процессуальной значимости. Это может быть использование полученных данных в качестве ориентирующей информации в целях решения сугубо вспомогательных задач в соответствии с новым Законом об ОРД. Вторую группу составляет использование материалов ОРД в доказывании по уголовным делам [3, с. 41]. Чтобы стать доказательствами, материалам ОРД необходимо получить статус одного или нескольких указанных в ч. 2 ст. 88 УПК источников доказательств, которые должны быть введены в уголовный процесс в соответствии с нормами УПК, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Иными словами, материалы ОРД проходят путь легализации в уголовном процессе, так как источник и методы получения данных не могут быть разглашены.

Обязательным условием легализации материалов ОРД в уголовном процессе является приобретение этими материалами таких свойств, как относимость и допустимость. Относимость означает, что между сведениями, полученными оперативным путем, и конкретным преступлением должна быть связь, в результате которой данные, полученные при проведении ОРМ, указывают на факты, образующие предмет доказывания по уголовному делу. Допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном УПК порядке и из предусмотренных законом источников (п. 3 ст. 105 УПК). Обязательным условием допустимости доказательств, представленных участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты и обвинения, является их проверяемость [4, с. 223].

Результаты ОРД не отвечают правовому требованию допустимости. Они получаются из таких источников и теми способами, которые не предусмотрены уголовно-процессуальным законом, не соответствуют требованию, предъявляемому к форме доказательств. В УПК нет единообразия в наименовании результатов ОРД. И в одних случаях их называют «материалы», в других – «предметы и документы» [5, с. 88]. По ч. 2 ст. 88 действующего УПК к источникам доказательств относят протоколы ОРМ. В ст. 99 УПК содержится существенная оговорка о том, что источниками доказательств являются лишь протоколы ОРМ «контроль в сетях электросвязи», осуществляемых с использованием технических средств связи, и иных переговоров, составленные в установленном законе порядке и с приложением соответствующей записи прослушивания (предположительно можно включить такие ОРМ, как контроль в сетях электросвязи, слуховой контроль). Из этого следует, что протоколы иных ОРМ относят к разряду «материалов, полученных в ходе ОРД». В УПК проведено различие в процедуре включения результатов ОРД в уголовный процесс. И оно состоит в том, что «предметы и документы, изъятые в ходе ОРМ, приобщаются к делу путем вынесения следователем постановления. В свою очередь, «материалы», полученные в ходе ОРД, должны быть подтверждены следственными действиями, хотя в законодательстве не определено, какие документы должны оформляться в данном случае. В Законе об ОРД лишь сказано, что органы, осуществляющие ОРД, могут заводить дела оперативного учета, порядок ведения которых определяется ведомственными нормативными актами.

Результаты ОРД, представляемые в уголовный процесс, должны позволять сформировать на их основе доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым как к доказательствам в целом, так и к их соответствующим видам. В представляемых результатах ОРД должны содержаться сведения, име-

ющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. На сегодняшний день существует необходимость принятия нормативного акта, регулирующего в деталях различные аспекты проведения каждого ОРМ в аспекте перспективы использования его результатов в процессе доказывания по уголовному делу.

Результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения ОРМ по предупреждению, выявлению, пресечению преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывающихся от органов уголовного преследования и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших. Результаты ОРД целесообразно выравнять по своей юридической силе с другими источниками доказательств, предусмотренными в ст. 88 УПК.

На этапе представления инициатива в получении результатов ОРД может исходить от органов уголовного преследования, что согласуется с предписаниями ч. 2 ст. 103 УПК. Внешняя форма, процедура представления результатов ОРД и порядок их принятия не имеют регламентации в УПК и Законе об ОРД. Данные, полученные в ходе проведения ОРМ, могут быть закреплены либо содержаться в следующих материальных результатах ОРД: в оперативно-служебных документах (рапорт, справка, сводка, акт, отчет и т. п.), составленных лицами, осуществляющими данные мероприятия, а также объектах, приобщенных к данным письменным источникам; на технических средствах фиксации (в материалах фото-, кино-, видеосъемки, звукозаписи, на магнитных лентах и т. п.); в объяснениях лиц, участвовавших в ОРМ; в сообщениях конфиденциальных источников.

На втором этапе легализации результатов ОРД в уголовный процесс осуществляется деятельность по проверке представленных результатов. При этом речь идет не об осуществлении конкретных процессуальных действий, а о проверке их соответствия Закону об ОРД. При проверке законности осуществления ОРМ необходимо убедиться в том, что они осуществлены в соответствии с законодательством, регулирующим ОРД. Нарушение требований делает результаты ОРД ничтожными, а также препятствует использованию их в доказывании. Положительный результат указанной выше проверки (непроцессуальной по своему содержанию) позволяет принять решение о возможности использования результатов ОРД в уголовном процессе в качестве источника доказательств. В этом случае выносится постановление о приобщении результатов ОРД к уголовному делу. В дальнейшем результаты ОРД должны быть проверены следственным путем и закреплены процессуальными

средствами. Только тогда они становятся процессуальными доказательствами [6, с. 119]. Результаты ОРД, используемые в доказывании по уголовным делам, должны проходить путь легализации при непосредственном участии прокурора.

Анализ практической деятельности и ведомственных нормативных правовых актов позволяет сделать вывод, что предоставление результатов ОРД как стадия легализации должно включать в себя постановление руководителя органа, осуществляющего ОРД (в необходимых случаях постановление о рассекречивании отдельных документов), сопроводительные документы и фактическую передачу результатов. Копия постановления приобщается к материалам дела оперативного учета.

Наиболее актуальной проблемой использования ОРД при расследовании преступлений коррупционной направленности является законодательное определение процессуального статуса результатов ОРД. Непосредственно результаты ОРД законодатель определяет как сведения, полученные в соответствии с Законом об ОРД, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда.

Имеющиеся пробелы и коллизии отдельных норм породили массу различных мнений по данной проблематике. Вместе с тем, несмотря на научные разработки, до сих пор отсутствует четкая, единая правовая регламентация последовательности действий органов, осуществляющих ОРД, и органов, осуществляющих предварительное расследование, в связи с введением результатов ОРД в уголовный процесс.

В условиях дефицита доказательств часто встает вопрос о необходимости использования результатов ОРД в процессе доказывания. Рассекречиванию и направлению следователю подлежат материалы следующих ОРМ: наблюдение, с использованием технических средств (в виде электронных носителей аудио-, видео-, фотоинформации); контроль в сетях электросвязи (результаты этих мероприятий требуют легализации при расследовании коррупционных преступлений для фиксации факта незаконной передачи денежных средств).

В связи с этим успеху противодействия экономической преступности может способствовать использование ОРД при возбуждении уголовного дела и производстве расследования как важнейшего элемента тесного взаимодействия органов дознания и следственных подразделений.

1. Тукало, А.Н. Сущность результатов и материалов оперативно-розыскной деятельности / А.Н. Тукало, В.Ч. Родевич // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2014. – № 4. – С. 245–251.

2. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] / В.Л. Ильин [и др.]. – Режим доступа: http://www.seun.ru/content/learning/4/science/1/doc/Pravov_osnov_ORD.pdf. – Дата доступа: 17.03.2017.

3. Хлус, А.М. Прокурорский надзор за законностью легализации материалов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе / А.М. Хлус // Законность и правопорядок. – 2007. – № 4. – С. 40–44.

4. Танкевич, О.В. Отдельные вопросы деятельности оперативно-розыскных подразделений по взаимодействию со следствием при раскрытии и расследовании преступлений / О.В. Танкевич // Проблемы правоприменительной деятельности в Республике Беларусь : материалы респ. науч. конф., Гродно, 28–29 марта 2003 г. : в 2 ч. / Гродн. гос. ун-т им. Я. Купалы ; редкол.: Р.Н. Ключко (отв. ред.) [и др.]. – Гродно, 2003. – 223 с.

5. Бибило, В.Н. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу / В.Н. Бибило // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. – 2003. – № 3. – С. 87–92.

6. Хлус, А.М. Этапы легализации материалов оперативно-розыскной деятельности в процессе расследования уголовных дел / А.М. Хлус // Вес. Ин-та соврем. знаний. – 2002. – № 3–4. – 125 с.

УДК 343.98.06

С.А. Медведев, слушатель факультета заочного обучения
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Лепехин*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Развитие информационных технологий в современном мире привело к тому, что объемы информации, циркулирующей в сети, постоянно растут. Сведения о гражданах, событиях и обстоятельствах, представляющих интерес для осуществления ОРД, концентрируются в многочисленных ресурсах сети. В этих условиях знания особенностей проведения ОРМ открывают перед оперативными подразделениями новые возможности в противодействии преступности.

Необходимость осуществления ОРД в интернете обуславливается и существенным ростом числа преступлений, которые совершаются с использованием сетей (за последние 10 лет количество зарегистрированных преступлений выросло в 20,5 раз). Преступность в сети Интернет обретает все более опасные формы, получая при этом ярко выраженный межгосударственный характер. Международная преступная деятельность в сети Интернет более выгодна, чем другие способы незаконного

обогащения. Так, если за год при обычных грабежах из американских банков похищается около 800 млн дол., то в результате компьютерных преступлений с их счетов незаконно снимается 12 млрд дол. [2, с. 34].

В практике организации оперативной работы существует много проблем, которые возможно решать лишь с помощью информационных технологий.

В ОРД при расследовании киберпреступлений целесообразно применять криминологическое прогнозирование преступного поведения. Определенную информацию можно получить, проводя анализ сетевого трафика компьютерных сетей. Прогнозирование осуществляется на основании первичных материалов оперативного учета, так как его базы информации создаются на основе прогнозирования вероятности преступного поведения определенных контингентов. Именно их прошлое поведение (судимости, правонарушения, антиобщественные проступки, большие успехи в программировании), настоящее (криминальные связи, паразитизм, склонность к антиобщественным поступкам, склонность создавать программы-вандалы) дают основания предполагать противоправное поведение в будущем. Принимаются во внимание оценка общества, даваемая лицу, представляющему оперативный интерес, роль для него мнения преступной среды. Все это в целом и является методикой криминологического прогнозирования, которое влечется в ОРМ при реализации форм ОРД.

При расследовании преступлений, которые совершены с применением ПЭВМ, электронных систем или иной техники, оперативный сотрудник сталкивается с нетрадиционными следами преступления или вещественными доказательствами. Поэтому для компетентного применения таких данных, полученных в ходе ОРМ, базовой юридической подготовки может быть и недостаточно.

Для качественного осуществления ОРД оперативным сотрудникам необходимо хорошо знать психологию хакера, его возможную тактику проведения атак на информационные системы, уровень его познаний и возможность их пополнения.

Хотелось бы остановиться на одном любопытном факте, который необходимо учитывать при расследовании информационных преступлений. Хорошо известно, что многие «традиционные» правонарушения совершаются в состоянии опьянения (алкогольного или наркотического). Однако мало кому известно, что существует «информационная наркомания» (internet-addiction). В интернете практически открыто предлагают специальную музыку (psychedelic music), компьютерное программное обеспечение (psychedelic software), способные вызывать у человека состояние опьянения. И получается удивительная ситуация: если гражданин распространяет наркотик обычным способом, против

него возбуждается уголовное дело, а распространение «информационных» наркотиков посредством сети Интернет остается безнаказанным. Теоретически уголовное дело тоже может быть возбуждено, но большинство сотрудников правоохранительной системы даже не знают о возможностях деструктивной информации [4, л. 22].

По мнению профессора Питсбургского университета К. Янга, проблемы информационной наркомании в США достигли размеров эпидемии, причем число таких наркоманов продолжает расти. В международную классификацию психических расстройств внесено заболевание «кибернетическое расстройство».

С позиций ОРД сеть Интернет рассматривается и как технологическая информационная система, которая обеспечивает передачу, обработку и хранение информации и предоставляет оперативному сотруднику особый инструментальный информационный поиск (технологический подход), и как сложный социокультурный феномен, который образует особую среду реализации отдельных видов деятельности и проявления специфических общественных отношений (социологический подход). В зависимости от задач эффективными могут быть оба подхода. Например, особенности технологической среды сети Интернет оказывают влияние на способы совершения преступлений, на специфику следов преступной деятельности, на выбор технических средств, которые применяются в процессе раскрытия преступлений, на методы добывания оперативно-розыскной информации. В свою очередь, специфика нового вида социального пространства влияет на стратегию и тактику ОРД, создает особые условия для осуществления ОРМ.

Одно из важных направлений оперативного поиска в сетевом информационном пространстве – оперативно-розыскной мониторинг, представляющий собой комплексную систему ОРМ, которые обеспечивают контроль за состоянием криминальных процессов в сетевой социальной среде, основанную на применении средств и методов ОРД конкретно в сетевом информационном пространстве и направленную на сбор, обработку и анализ информации о явлениях криминального плана. Осуществление мониторинга может основываться на использовании в сетевом пространстве различных ОРМ (наведение справок, опрос, наблюдение) [3, с. 12].

Объектами сетевого ОРМ являются информационные ресурсы. Поиск по информационным ресурсам реализуется с использованием общедоступных поисковых систем (Google, Yandex, Rambler). В ходе него выявляются сайты, которые связаны с преступными группами, а также сетевые ресурсы, которые содержат запрещенную к распространению информацию. Такой поиск осложняется наличием закрытых зон, которые недоступны для обычных пользователей. Эти ресурсы не находятся поисковыми серверами,

доступ к ним возможен только для «своих» лиц. Для изучения их содержимого используются более сложные алгоритмы поиска, которые предусматривают «глубокий» анализ информационных ресурсов. По итогам поиска принимаются меры к блокированию сайтов и установлению личности их организаторов. Сведения о разрабатываемых лицах могут быть получены в открытом доступе и на их личных страницах в социальных сетях.

Повышение эффективности оперативно-розыскного мониторинга предполагает применение контент-анализа, представляющего собой аналитический метод исследования содержания документов с целью выявления и измерения характеристик социальных явлений, которые получили в них отражение. Основные объекты такого анализа – сетевые информационные ресурсы и тексты в местах сетевого общения криминальной направленности.

Более сложной формой добывания оперативно-розыскной информации в киберпространстве считается наблюдение за закрытыми для общего доступа местами общения криминальной направленности. Данное направление оперативно-розыскного мониторинга предполагает постоянное изучение сообщений, которые публикуются в чатах, конференциях, форумах, и обеспечивает возможность получать сведения о намерениях участников организованных преступных групп, узнавать детали замышляемых деяний, устанавливать их связи между собой, следить за их перемещениями, выявлять признанных лидеров, вести подбор лиц для привлечения к сотрудничеству. В подобных местах постоянно появляются индикаторы, которые сигнализируют о криминальной активности конкретных субъектов: объявления о поиске поставщиков средств достижения противоправных целей, сообщения о подборе соучастников противоправной деятельности и др.

Информационная и аналитическая поддержка оперативного сотрудника в служебной деятельности представляет собой чаши весов, на которых заложены две составляющие, требующие постоянного контроля. С одной стороны, это информация, которая заключается в изучении информационного спроса, поддержании на достаточном уровне информационных связей, систематизации, обработке, хранении и выдаче информации конечному потребителю в кратчайшие сроки. С другой стороны, это аналитика, которая подразумевает исследование криминогенных опасностей, выявление причин и условий этих опасностей, прогнозирование, изучение проблемных вопросов по борьбе с организованной преступностью [6, с. 52].

На сегодняшний день в ОВД МВД Республики Беларусь собран вполне значимый объем оперативных, розыскных и справочных данных, которые необходимы сотрудникам для проведения ОРМ. Оперативному

и аналитическому поиску интересующих данных сотрудниками ОВД сегодня могут помочь лишь современные и актуальные технологии. Увеличение эффективности работы оперативников по раскрытию и расследованию преступлений в сфере киберпространства на сегодняшний день невозможно без внедрения в их повседневную службу самых передовых информационных технологий.

1. Жбанков, В.А. Основные направления использования современных компьютерных технологий в криминалистике [Электронный ресурс] / В.А. Жбанков. – Режим доступа: <http://nenuda.ru/жбанков-в-а-основные-направления-использования-современных.html>. – Дата доступа: 19.06.2016.

2. Осипенко, А.Л. Сетевая компьютерная преступность: теория и практика / А.Л. Осипенко. – Омск : Изд-во Ом. акад. МВД России, 2009. – 480 с.

3. Ишин, А.М. Некоторые подходы к информационному обеспечению расследования преступлений / А.М. Ишин // Информатизация и информационная безопасность : материалы XVI Междунар. конф. – М., 2012.

4. Голубовский, В.Ю. Теория и практика информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности подразделений криминальной милиции : дис. ... д-ра юрид. наук / В.Ю. Голубовский. – СПб. : С.-Петербург. ун-т МВД РФ, 2001. – 374 л.

5. Жаров, А.С. Правовые аспекты информационной безопасности: новые подходы [Электронный ресурс] / А.С. Жаров // Нац. интересы. – 2005. – № 2. – Режим доступа: http://ni-journal.ru/archive/2005/n2_05/pravo2_05/jarov2_05. – Дата доступа: 19.06.2016.

6. Громов, Н.А. Оперативно-розыскная деятельность: совершенствование форм вхождения ее результатов в уголовный процесс : учеб.-практ. пособие / Н.А. Громов, А.Н. Гущин, Н.П. Царева. – М. : Изд. Шумилова И.И., 2003. – 117 с.

УДК 343.237

А.А. Михеенко, выпускник следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук

А.В. Ковальчук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Преступная деятельность может осуществляться как в одиночку, так и в соучастии. Институт соучастия в преступлении является одним из самых важных и сложных в теории уголовного права. От того, какую функцию выполняет конкретный соучастник преступления, зависят объем и пределы его ответственности.

Обращаясь к истории развития уголовного законодательства, следует отметить, что уже в древнейших памятниках права имеются некоторые указания на соучастие в преступлении. Так, согласно Русской Правде преступление в полном объеме вменялось каждому соучастнику, ответственность всех соучастников была одинакова независимо от характера и степени участия каждого в его совершении [1, с. 84].

Статуты Великого княжества Литовского описывали основные формы соучастия: простую, при которой все соучастники принимают участие в действиях, составляющих данное преступление; сложную – с выполнением соучастниками различных ролей; преступное сообщество – устойчивое объединение лиц для совместного совершения преступлений. В ряде статей Статута Великого княжества Литовского 1588 г. виды соучастников были достаточно четко определены. Как правило, одинаковую ответственность несли все участники преступления, которые были соисполнителями. При сложной форме соучастия закон выделял организатора преступления и «помощников», т. е. тех, кто содействовал совершению преступления своими указаниями, материальными средствами. Причем в законе была сделана оговорка, что «слуги панов своих за помочники розумены быти не могут». Подстрекатель психически больного человека рассматривался как исполнитель [2, с. 45].

В Соборном уложении 1649 г. соучастие рассматривалось как умышленное деяние. Соучастники подразделялись на главных и второстепенных, делалась попытка индивидуализировать ответственность. Впервые появилось понятие заговора [3, с. 82].

В Воинском уставе Петра I (1716 г.) были установлены правила равной ответственности соучастников. При этом из соучастия исключалась прикосновенность к преступлению [3, с. 84].

В середине XIX в. в научной юридической литературе наметились определенные очертания соучастия. Так, в частности, Н. Власьев указывал на то, что в понятие участия в преступлении входит в том числе и вспомоществование ему, участие в его произведении [4, с. 46]. Ф.Г. Бурчак отмечает, что в тот период ученые уже разъединяли соучастие и прикосновенность [5, с. 46].

Вместе с тем в дореволюционном уголовном законодательстве в целом отсутствовало понятия соучастия.

В конце XIX – начале XX в. наблюдается разделение мнений ученых по поводу природы соучастия. И с конца XIX в. в теории уголовного права уже можно выделить две устоявшиеся позиции относительно конструкции соучастия. Первая точка зрения исходит из признания акцессорного характера соучастия, вторая рассматривает соучастие как са-

мостоятельную форму преступной деятельности. Сторонниками акцессорной природы соучастия можно назвать И.Я. Хейфец и М.И. Ковалева [6, 7]. Соучастие зависит от главного действия, отмечал И.Я. Хейфец, между иными соучастниками и результатом стоит исполнитель со своим поведением; иные соучастники причинно не связаны с результатом и отвечают за чужое дело [6, с. 3–4]. Г.О. Колоколов придерживался иной точки зрения, считая, что соучастник отвечает за собственные действия, а не за совокупные, поскольку каждое действие, обусловившее наступивший результат, является самостоятельным основанием для вменения лицу всего результата [8, с. 48–49].

Советский период развития соучастия как института уголовного права характеризуется поиском законодательного определения соучастия, а с принятием такового – его детальным анализом. Так, УК БССР 1960 г. определил соучастие как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления.

Основные разногласия возникали главным образом в связи с местом, которое должен занимать прилагательное «умышленное» в определении. Многие ученые соглашались с данной законодателем дефиницией и считали вполне приемлемым нахождение его перед словом «совместное», поскольку это помогает распространить умышленность не только на само деяние, но и на совместность как таковую [9, с. 16]. Другие предлагали переместить данный термин и определять им лишь совершение преступления, в частности определять соучастие как совместное участие двух или более лиц в совершении одного и того же умышленного преступления [10, с. 98]. Тем самым исключались возможность соучастия в неосторожном преступлении и излишняя объективизация понятия совместности [10, с. 99]. В этой связи А.П. Козлов совершенно справедливо указывает, что, отделяя термин «умышленное» от совместности, сторонники приведенной точки зрения делали возможной неосторожную совместность, в частности, в умышленном преступлении и в то же время способствовали закреплению представления о совместности как сугубо объективной категории [11, с. 14].

Существовали и иные точки зрения. Например, А.А. Пионтковский термин «умышленное» в определении соучастия повторяет дважды, характеризуя им и совместность, и преступление: умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [1, с. 446]. Характерно, что в дальнейшем уголовное законодательство пошло именно по этому пути. В модельном Уголовном кодексе для стран СНГ соучастие определялось таким же образом [12]. Исходя из изложенного видно, что именно последнее приведенное определение становится господствующим.

В этой связи вполне закономерно, что в Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. было закреплено именно оно: «соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления» (ст. 16) [13]. Как видим, термин «умышленное» повторен в нем два раза: и применительно к совместному участию, и применительно к преступлению. Таким образом, законодателем реализована доктрина умышленного соучастия и тем самым пресечена возможность неосторожного соучастия. Согласно этому определению соучастие невозможно как при неосторожном участии в умышленном преступлении, при неосторожном участии в неосторожном преступлении, так и при умышленном участии в неосторожном преступлении.

Представляется, что данное в ст. 16 УК определение соучастия как умышленного совместного участия двух или более лиц в совершении умышленного преступления является наиболее оптимальным и точным.

Приведенное определение соучастия помогает установить его признаки. Традиционно в теории уголовного права признаки соучастия подразделяют на объективные и субъективные. К объективным признакам соучастия относятся: совместность участия лиц в совершении преступления и участие в совершении преступления двух или более лиц.

Попытки найти признак, который выражал бы объединяющий характер соучастия, имели место еще в середине XIX в. [14, с. 37; 15, с. 5; 8, с. 51]. С.В. Познышев предложил определение соучастия, в котором уже выделяется совместность как характеризующий объединенную деятельность соучастников признак [16, с. 113]. Позднее А.Н. Трайнин определял соучастие как «совместное участие нескольких лиц в совершении одного и того же преступления, участие, при котором каждое из действующих лиц должно быть причинно и виновно связано с преступным результатом» [17, с. 77].

Согласно общепринятой точке зрения совместность участия признается объективным признаком преступления [18, с. 28; 19, с. 62]. В то же время в теории уголовного права высказывается мнение об объективно-субъективном характере совместности. Так, например, Ф.Г. Бурчак полагал, что совместность соучастия не столько объективный, сколько субъективный момент, поскольку бывает такое стечение объективных обстоятельств, при котором становятся возможными как соучастие, так и деяние при его отсутствии [5, с. 39, 45]. Н.Г. Иванов характеризует совместность общностью усилий, вкладов в достижение единого результата, связью между взаимодействующими лицами, причинной связью между взаимодействием всех и результатом [19, с. 53], тем самым придавая ей некоторый субъективный характер. Сходную точку зрения вы-

сказывает А.В. Шеслер, выделяя совместность преступных действий и совместность умысла соучастников [20, с. 9, 12]. Вместе с тем представляется вполне оправданным выделение в самостоятельный только объективный признак – совместность участия, в то время как психическое отношение к совместности и субъективные связи при совместности – в качестве субъективных признаков.

Объективность совместности должна базироваться на каких-то объективных факторах, установление которых должно в конечном итоге способствовать определению совместности. Все существующие в теории уголовного права позиции по данному вопросу [18, с. 28; 19, с. 34; 5, с. 40; 20, с. 9], А.П. Козлов сводит к следующему: объективными основаниями совместности служат функциональная связь поведения всех соучастников, общий для всех участников результат и объективная связь между деянием каждого соучастника и преступным результатом [11, с. 34].

Таким образом, совместность участия включает в себя:

сами действия соучастников, их специфику и взаимосвязанность;

результат действия соучастников;

объективную связь между действиями соучастников и результатом.

Что же касается второго из объективных признаков – участия в совершении преступления двух или более лиц, то он не вызывает сколько-либо спорных вопросов. Это в принципе объяснимо тем фактом, что само соучастие как институт уголовного права и возникло в связи с совершением преступления несколькими лицами. Отсюда закономерно, что наличие нескольких лиц и выступает количественным признаком соучастия. В юридической литературе предпринимались попытки определить иной минимальный количественный состав соучастников (например, три человека). Представляется, что определенное законодателем минимальное участие в совершении преступления двух человек является оправданным, логичным и разумным.

Общепризнанным также является то, что соучастники – это только субъекты преступления. Данное положение также не вызывает сомнений. Именно поэтому и участием нескольких лиц в совершении преступления следует считать только виновную деятельность субъектов преступления.

Далее перейдем к рассмотрению субъективных признаков соучастия. Таковыми являются следующие:

соучастие – это умышленное участие лиц в совершении преступления;

соучастие – это участие лиц в совершении умышленного преступления.

Первый признак означает, что деяния, совершаемые соучастниками, характеризуются умышленной виной. Соучастия, совершенного по неосторожности, как уже отмечалось, быть не может.

Что касается вида умысла, возможного при соучастии, то здесь следует различать психическое отношение лица к самому участию в совершении преступления и отношение к совершаемому преступлению.

Психическое отношение лица к действиям, которые выражаются в соучастии как таковом, характеризуется только прямым умыслом, т. е. лицо осознает то, что оно принимает участие в совершении преступления, и желает совершения соответствующих действий или бездействия.

Между тем в юридической литературе допускается и соучастие с косвенным умыслом в тех случаях, когда лицо осознает общественно опасный характер содеянного, предвидит возможность наступления общего результата и сознательно его допускает. Однако не все соучастники могут иметь косвенный умысел, а только исполнители и пособники. Соответственно ни организаторы, ни подстрекатели не могут действовать с косвенным умыслом. При этом, например, П.Ф. Тельнов утверждает, что в 1,9 % случаев соучастие осуществляется с косвенным умыслом [18, с. 47]. Однако в теории уголовного права все же превалярующей является точка зрения, согласно которой соучастие с косвенным умыслом невозможно.

Второй субъективный признак соучастия заключается в том, что оно возможно в совершении только умышленного преступления. Данный признак закреплен в самом определении понятия соучастия, содержащемся в ч. 1 ст. 16 УК, и это означает, что соучастия в совершении неосторожных преступлений не может быть ни при каких обстоятельствах. При совместных действиях лиц, результатом которых явились последствия, наступившие по неосторожности, и само преступление признается неосторожным, ответственность каждого лица наступает самостоятельно в зависимости от интеллектуального и волевого моментов неосторожной вины. Это не относится к тем случаям, когда имеет место сложная вина и в целом преступление признается совершенным умышленно. Соучастие в таких преступлениях не исключается. Однако ответственность должна быть дифференцирована в зависимости от того, результатом каких действий или бездействия явились последствия, наступившие по неосторожности.

Анализ генезиса, понятия и признаков соучастия позволил прийти к следующим выводам.

1. История развития института соучастия в уголовном праве представляет собой эволюционное развитие, которое характеризуется постепенным введением новых норм, уточняющих понятие соучастия и его субъектов.

2. Установление ответственности за соучастие в преступлении с выделением отдельных видов соучастников социально обусловлено, что подтверждается стремлением законодателя в конкретные периоды раз-

вития государства дифференцировать уголовную ответственность за совершение преступления в соответствии с выполняемой ролью лица.

3. Сформулированное в ст. 16 УК определение соучастия, является наиболее оптимальным и точным, включающим в себя присущие именно ему обязательные объективные и субъективные признаки. Вместе с тем возможности указанного уголовно-правового института не исчерпаны, что подтверждается множеством теоретических и практических проблем.

1. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении / А.А. Пионтковский. – М. : Госюриздат, 1961. – 546 с.

2. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года : тэксты, даведнік, каментарыі / рэдкал.: У.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1989. – 576 с.

3. Исаев, И.А. История государства и права России : учебник / И.А. Исаев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 1996. – 544 с.

4. Власьев, Н.О. Вменении по началам теории и древнего русского права / Н.О. Власьев. – М. : Унив. тип., 1860. – 64 с.

5. Бурчак, Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф.Г. Бурчак. – Киев : Наук. думка, 1969. – 123 с.

6. Хейфец, И.Я. Подстрекательства к преступлению / И.Я. Хейфец. – М. : Правоведение, 1914. – 50 с.

7. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении / М.И. Ковалев. – Екатеринбург : Изд. УрГЮА, 1999. – 204 с.

8. Колоколов, Г.О. Соучастие в преступлении / Г.О. Колоколов. – М. : Тип. Правительствующего Сената, 1881. – 200 с.

9. Афиногенов, С.В. Соучастие в преступлении (понятие, виды и формы) : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.В. Афиногенов ; Моск. юрид. ин-т. – М., 1991. – 20 с.

10. Уголовный закон: опыт теоретического моделирования / отв. ред. В.Н. Кудрявцев, С.Г. Келина. – М. : Наука, 1987. – 277 с.

11. Козлов, А.П. Соучастие. Традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. – 362 с.

12. Модельный Уголовный Кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств : принят Постоян. комис. по правовым вопр., 17 февр. 1996 г. [Электронный ресурс] // Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. – Режим доступа: <http://www.iacis.ru/html/?id=22&pag=31&nid=1>. – Дата доступа: 10.05.2017.

13. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18.07.2017 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

14. Жиряев, А.О. О стечении нескольких преступников при одном и том же преступлении / А.О. Жиряев. – Дерпт, 1850. – 128 с.

15. Таганцев, Н.С. Курс русского уголовного права. Часть Общая / Н.С. Таганцев. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1874. – Кн. 1 : Учение о преступлении. – 292 с.
16. Познышев, С.В. Основные начала науки уголовного права / С.В. Познышев. – М. : А.А. Карцев, 1912. – 372 с.
17. Трайнин, А.Н. Учение о соучастии / А.Н. Трайнин. – М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. – 330 с.
18. Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – М. : Юрид. лит., 1974. – 136 с.
19. Иванов, Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве / Н.Г. Иванов. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1991. – 128 с.
20. Шеслер, А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью / А.В. Шеслер. – Красноярск : Сибир. юрид. ин-т МВД России, 1999. – 75 с.

УДК 343.985

В.И. Москалюк, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Д.Н. Лахтиков

ГЕНЕЗИС ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «КОНТРОЛЬ В СЕТЯХ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ»

Для теории оперативно-розыскной деятельности и правопримени- тельной практики оперативно-розыскное мероприятие «контроль в се- тях электросвязи» не ново, хотя и появилось на законодательном уровне лишь в конце 2015 г., в Законе «Об оперативно-розыскной деятельно- сти». Данный термин и до этого существовал в правоприменительной практике ОРД.

ОРД осуществляется посредством проведения ОРМ. Несмотря на значительное количество трудов в области теории ОРД, проблемы, свя- занные с ОРМ, недостаточно разработаны и освещены. Одной из таких проблем является история возникновения одного из широко распростра- ненных в практике термина ОРМ «контроль в сетях электросвязи».

История ОРМ «контроль в сетях электросвязи» началась несколько ве- ков назад. Первоначально оно представляло собой контроль речевой ин- формации непосредственным способом, т. е. путем использования слухо- вого аппарата человека. Недостатком такого метода являлось то, что он по- зволял улавливать речевые сигналы человека на небольшом расстоянии.

Важным этапом в развитии контроля и записи переговоров стала раз- работка устройств, позволяющих людям разговаривать друг с другом на расстоянии, что связано с появлением телефонной (проводной) связи.

«Проводная связь – электросвязь посредством электрических сигналов, распространяющихся по кабелям связи и проводам. Охватывает телефонную, телеграфную, факсимильную, видеотелефонную связь и передачу данных. Линии проводной связи используют также для передачи программ звукового и телевизионного вещания» [1].

Первый в мире телефон, предназначенный для передачи речи, изобрел А.Г. Белл. Он участвовал в конкурсе на решение проблемы уплотнения телеграфных цепей и открыл эффект телефонирования. А 14 февраля 1876 г. он подал заявку в патентное бюро на свое изобретение. Эта дата стала основной в истории электросвязи [2]. Изобретение А. Белла было весьма несовершенным и имело много недостатков. Многие изобретатели улучшали качества первого телефона, изменяя его структуру и составные части, с надеждой в будущем сделать более комфортным общение людей на расстоянии. Значительный вклад в развитие телефонной связи внес Т.А. Эдисон, в 1877–1978 гг. он придумал угольный микрофон, который существенно усилил громкость телефонной связи и использовался до 80-х гг. XX в. [3]. Посредством телефонной связи общались практически все люди, в том числе и преступники, что обусловило необходимость в контроле правоохранительными органами разговоров в установленных законодательством случаях.

Создание проводного телефона хоть и было прорывом в сфере передачи информации, но это изобретение было бесполезным на большом расстоянии. Для того чтобы можно было звонить в пределах города, необходима телефонная станция. Первая телефонная станция была построена в городе Нью-Хейвен (США) в 1978 г. Следующая телефонная станция появилась в 1879 г. в Париже, а в 1881 г. в Москве, Петербурге, Одессе, Берлине, Риге и Варшаве. Благодаря этим станциям первые проводные телефонные аппараты смогли соединиться с друг другом и выполнять свою основную функцию — передавать человеческую речь на довольно большие расстояния [4].

С развитием средств передачи речевой информации у правоохранительных органов возникла потребность в осуществлении контроля за ней, при этом длительный период времени результаты такого контроля фиксировались на бумажных носителях или в памяти людей, осуществлявших его, ввиду отсутствия технических средств записи. Например, в царской России к каждой телефонной станции был прикомандирован человек, в чьи обязанности входило время от времени поднимать телефонную трубку и слушать разговоры [5].

В ходе развития технологий были изобретены телефон, телеграф, фотокамера, радио. Чтобы справиться со стремительно нарастающим

потоком информации, государственные и коммерческие структуры были вынуждены постоянно пополнять свой информационный арсенал разнообразными техническими средствами и системами, предназначенными для приема, передачи, обработки и хранения информации, а самые прогрессивные освоили высокие технологии и сферу телекоммуникаций [6].

С разработкой технических средств аудиозаписи появилась возможность фиксировать на магнитных носителях и длительно хранить услышанную информацию в ее первоизданном виде с сохранением не только дословного содержания беседы, но и эмоционального фона. Именно с этого момента, конца 30-х – начала 40-х гг. прошлого столетия, алгоритм проведения ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» приобрел окончательную содержательную форму, не претерпевшую существенных изменений.

Правовое регулирование вопросов проведения ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» реализовывалось исключительно на базе ведомственных нормативных правовых актов, носивших закрытый характер. Лишь сотрудники оперативно-технических подразделений КГБ СССР (БССР), а позднее и МВД СССР (БССР) обладали правом проведения данного ОРМ. До 90-х гг. прошлого столетия прослушивание телефонных переговоров не было закреплено в нормах законодательных актов [7, с. 49].

Впервые на законодательном уровне прослушивание телефонных переговоров было закреплено после внесения Верховным Советом СССР 12 июня 1990 г. изменений и дополнения в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. 29, 35). После этого возможность прослушивания телефонных переговоров была закреплена в п. 3 ст. 14 Закона «Об органах государственной безопасности СССР» 1991 г.; ст. 16, 17 Закона БССР «О милиции» 1991 г.; ст. 5, 9 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» 1992 г., а также в ряде других нормативных правовых актов, изданных после 1992 г.: ст. 2, 11, 13 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» 1999 г., ст. 83¹ «Применение средств прослушивания и других технических средств» УПК Республики Беларусь (в 1997 г.); ст. 214 «Прослушивание и запись переговоров» УПК Республики Беларусь (в 1999 г.) и т. д.

Но именно с 1992 г., когда впервые в отечественной законодательной деятельности был принят Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», из ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» было выделено самостоятельное ОРМ «снятие информации с технических каналов связи», которое стало использоваться в практике и исследо-

ваться в теории ОРД. Причиной выделения нового ОРМ стало развитие средств связи, которые работали по другому принципу. До этого момента снятие информации с технических каналов связи было частным случаем осуществления ОРМ «прослушивание телефонных переговоров».

В ст. 2 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 1999 г. указывалось, что прослушивание телефонных переговоров – прослушивание и фиксация в виде звукозаписи на магнитных и других носителях акустической информации, передаваемой по электрическим сетям телефонной связи при ведении телефонных переговоров, для решения задач оперативно-розыскной деятельности; снятие информации с технических каналов связи – получение, преобразование и фиксация с помощью технических средств различных видов сигналов, передаваемых по любым техническим каналам связи, для решения задач оперативно-розыскной деятельности [8]. Вплоть до 2016 г. данные понятия не претерпевали существенных изменений. Предпосылки изменения законодательства, регулирующего ОРД, можно обнаружить в трудах В.М. Аتماжитова, В.Г. Боброва, В.В. Бачилы и ряда других ученых. В частности, В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров указывали, что прослушивание телефонных переговоров является разновидностью снятия информации с технических каналов связи и предлагали объединить эти оперативно-розыскные мероприятия в одно, назвав его «прослушивание телефонных переговоров, а также снятие информации с технических каналов связи» [9, с. 34]. В.В. Бачила в статье «Оперативно-розыскное мероприятие „снятие информации с технических каналов связи“: теория и практика» сделал заключение о необходимости исключения из ст. 2 Закона понятий оперативно-розыскных мероприятий «прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи» и введения понятия «контроль электросвязи» в следующей формулировке: «контроль электросвязи – получение, преобразование и фиксация с помощью технических средств информации из сетей электросвязи для решения задач оперативно-розыскной деятельности» [10, с. 64].

25 января 2016 г. вступил в силу новый Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором объединены ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи». Появилось такое ОРМ, как «контроль в сетях электросвязи».

Согласно ст. 31 нового Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» контроль в сетях электросвязи представляет собой получение, преобразование и фиксацию с помощью технических средств данных и сообщений, принимаемых, передаваемых, обрабатываемых, хранящихся в сетях электросвязи, прерывание соединений в сетях электросвязи с

одновременным установлением абонентских номеров и (или) уникальных кодов идентификации абонентов (пользователей услуг электросвязи) и (или) их местонахождения в целях получения сведений, необходимых для выполнения задач оперативно-розыскной деятельности [11].

Современный информационный поток предоставляет человеку безграничные возможности. Они очень часто используются криминальными структурами в своих преступных целях. Не бывает такого закона, такого обычая, который бы устраивал всех и сразу. ОРМ «контроль в сетях электросвязи» – это инструмент, с помощью которого защищаются права, интересы и жизнь людей, раскрываются преступления, доказываются виновность лиц, из совершивших. Для достижения этих целей ограничиваются в случаях, установленных законодательством, права и интересы одного или нескольких лиц – лиц, которые совершили преступление.

Значимость ОРМ «контроль в сетях электросвязи» в настоящее время весьма велика. Развитие технологий в сфере передачи информации является предпосылкой для его совершенствования и дальнейшего развития, а следовательно и изменения нормативно-правовой базы, служащей фундаментом для проведения этого мероприятия. ОРМ «контроль в сетях электросвязи» является одним из основных ОРМ в сфере борьбы с преступностью. Ведь XX в. является веком технического прогресса, который обуславливается высокой зависимостью людей от технологий, в том числе от технологий передачи информации.

1. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс] // Академик. – 2000. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/244502>. – Дата доступа: 15.06.2017.

2. История изобретения телефона [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ivanpobeda.ru/telephoe-history/>. – Дата доступа: 14.06.2017.

3. Томас Эдисон (биография, фото, изобретения) [Электронный ресурс] // Top-Antropos.com. – Режим доступа: <http://top-antropos.com/history/19-century/item/821-thomas-alva-ediso>. – Дата доступа: 15.06.2017.

4. Развитие телефона [Электронный ресурс] // В помощь радиолюбителю. – Режим доступа: <http://www.mic-ron.ru/telefoniya/1296-razvitie-telefona.html>. – Дата доступа: 13.06.2017.

5. Панченко, М. Уши Лубянки / М. Панченко, А. Колпакиди // Версия. – 2001. – 22–28 мая.

6. Специальное программное обеспечение по защите [Электронный ресурс] // Студопедия. – Режим доступа: http://studopedia.ru/3_135698_spetsialnoe-programmnoe-obespechenie-po-zashchite.html. – Дата доступа: 15.06.2017.

7. Бачила, В. Оперативно-розыскное мероприятие «прослушивание телефонных переговоров»: теория и практика / В. Бачила // Суд. вес. – 2008. – № 4. – С. 49–55.

8. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., №289-3 // СоюзПравоИнформ. – Режим доступа: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=1992. – Дата доступа: 12.06.2017.

9. Аتماжитов, В.М. Актуальные вопросы правового регулирования оперативно-розыскной деятельности / В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров // Проблемы формирования уголовно-розыскного права (Десять лет российскому оперативно-розыскному закону) : вневедомств. сб. науч. работ / под ред. А.Ю. Шимилова. – М., 2002. – Вып. 5.

10. Бачила, В. Оперативно-розыскное мероприятие «снятие информации с технических каналов связи»: теория и практика / В. Бачила // Суд. вес. – 2009. – № 3. – С. 61–66.

11. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. Цент правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.985

С.В. Петлицкий, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Тукало*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ

Построение в Республике Беларусь правового государства предполагает усиление гарантий прав, свобод и законных интересов граждан. В ст. 2 Конституции Республики Беларусь закреплено положение о том, что «человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства» [1]. Немаловажным в правовой защите лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее – конфидененты), является вопрос об освобождении их от уголовной ответственности в связи с выполнением специальных заданий органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Нередко оперативные подразделения с целью разоблачения преступной деятельности прибегают к проведению такого сложного в организационно-тактическом и правовом отношении оперативно-розыскного мероприятия, как оперативное внедрение, с привлечением конфиденентов. Пребывание конфиденентов среди участников преступления не исключает возникновения ситуации, когда преступники, оказывая воздействие на последних провоцируют их на вынужденное

совершение преступления. Таким образом, совершая вынужденные деяния, запрещенные уголовным законом, конфиденты подтверждают свои преступные возможности, а также их авторитет в криминальном мире, тем самым конспирируя свое сотрудничество с правоохранительными органами. В связи с этим конфиденты, являющиеся участниками оперативного внедрения и выполняющие специальное задание органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, могут быть необоснованно привлечены к уголовной ответственности. Принимая это во внимание, законодатель предусмотрел в уголовном законе ряд обстоятельств, исключающих преступность их деяния: если конфидент совершил преступление вынужденно и действовал по специальному заданию органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, его действия могут быть признаны правомерными и в последующем он может быть освобожден от уголовной ответственности.

На сегодняшний день данные обстоятельства находят свое законодательное отражение в гл. 6 Уголовного кодекса Республики Беларусь [2]. Следует отметить, что в уголовном законе 1960 г., принятом в советский период, не предусматривалось такой правовой нормы, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию [3]. Однако это не означало, что при проведении оперативными подразделениями сложных мероприятий по разоблачению преступной деятельности, прежде всего групп высокой степени криминальной организованности и сплоченности, не возникали ситуации, когда требовалась защита на уровне уголовного закона интересов лиц, вынужденно совершивших преступления при выполнении специальных заданий правоохранительных органов. Как отмечает П.В. Соловьев, «очевидно, что прежде всего по идеологическим соображениям длительный период социалистическое государство не считало целесообразным на законодательном уровне признавать публично факт использования негласной помощи граждан (а порой фактически и преступников) в борьбе с наиболее опасными преступными проявлениями, ограничиваясь регулированием этой сложной профессиональной деятельности на уровне ведомственных нормативных актов с грифами „секретно“ и „совершенно секретно“. Как следствие, отсутствие законодательной основы организации оперативно-розыскной деятельности в этом направлении практически исключало возможность обеспечения действенной официальной правовой защиты конфиденца в случае совершения им преступления в период его пребывания в преступной среде по специальному заданию» [4, с. 151].

Первым принципиально значимым шагом в этом направлении стало принятие в 1992 г. Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором законодатель закрепил положение, разрешающее должностным лицам специальных подразделений принимать личное участие в организации и проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также использовать в этих же целях помощь отдельных граждан, в том числе за денежное вознаграждение на негласной (конфиденциальной) основе [5]. Этим же законом в числе других видов было разрешено проведение оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение в организованные преступные группы». Однако такое правовое новшество в сфере борьбы государства с преступностью, как и другие законодательные нововведения того времени в нашей стране, ввиду его недостаточной проработанности и новизны требовало дальнейшего совершенствования его содержания реалиям практики применения. Такая ситуация была и с правовым регулированием оперативно-розыскной деятельности. Так, в 1999 г. был принят новый Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором впервые на законодательном уровне, но пока что вне рамок уголовного закона, было закреплено положение о том, что для защиты жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам личности или государства должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие на конфиденциальной основе, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга [6]. Принятие нового Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» явилось значительным шагом вперед, и тем не менее «законодатель проявил очевидную нерешительность в объективном определении правовых границ уголовно-правовой защиты причинителя вреда в условиях выполнения им специального задания, указав при этом, что причиненный вред должен быть менее значительным, чем предотвращенный» [4, с. 152]. Подобное условие соответствовало положению крайней необходимости в рамках ст. 14 Уголовного кодекса БССР 1960 г. [3].

Следовательно на первоначальных этапах формирования самостоятельного института правовой защиты конфиденентов, совершивших преступление в условиях вынужденного соучастия при выполнении специального задания, предполагалось, что подобные ситуации подлежали разрешению с применением не специальной нормы уголовного права,

а на основе ранее действовавших правовых норм уголовного права (ст. 14 Уголовного кодекса БССР – крайняя необходимость), включенных в систему норм уголовного права еще в 1958 г. Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [7].

Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» 1999 г. компетентным органам было предоставлено право на проведение специального мероприятия «оперативное внедрение», содержание которого законодатель определил как «проникновение в преступное формирование сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или лица, оказывающего ему содействие на конфиденциальной основе, для решения задач оперативно-розыскной деятельности» [6]. В данном случае речь идет о комплексном оперативно-розыском мероприятии, обеспечивающим внедрение представителей правоохранительных органов или конфиденентов в среду преступников с целью их разоблачения и пресечения готовящихся или совершаемых преступлений. Поэтому появление в современном Уголовном кодексе Республики Беларусь такой уголовно-правовой нормы, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию, явилось логическим продолжением процесса, направленного на достижение завершенности нормативного регулирования деятельности правоохранительных органов, в том числе и в области проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Существование подобной правовой нормы объективно необходимо. Поскольку реальность такова, что в борьбе с некоторыми видами преступлений, особенно в их организованных формах, внедрение в преступную среду оперативных сотрудников или конфиденентов, выступает неотъемлемым элементом такого противостояния. Совершенно очевидно и то, что в современных условиях такого рода внедрение объективно может сопровождаться не только информированием конфидентами соответствующих органов о преступной деятельности, но и в условиях вынужденности непосредственным участием в ней. Тем более не подлежит сомнению тот факт, что недопустимо бороться с преступлениями, не нарушая норм уголовного закона. С этой точки зрения ясно, что одной статьи Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», оговаривающей лишь возможность «допущения вынужденного причинения вреда правоохраняемым интересам», явно было бы недостаточно, поскольку в ней отсутствуют точные указания на субъектов причинения вреда, объем общественно опасных последствий, превышение которого выходит за пределы разумно обоснованной допустимости, на содержа-

ние ситуаций, при которых он оправдан, т. е. не обозначены признаки, относящиеся исключительно к сфере правового регулирования только в рамках уголовного законодательства. Мы солидарны с Н.А. Бабием, который, рассматривая особенности освобождения конфиденнта от уголовной ответственности в связи с его пребыванием среди соучастников преступления по специальному заданию, считает, что участие в преступлении будет признано вынужденным, если отказ от его совершения создает угрозу раскрытия внедренного лица и его безопасности либо может привести к невозможности разоблачения преступников, предотвращения или пресечения более тяжких преступлений [8]. Несомненно, конфиденнт, являясь вовлеченным в преступную деятельность, находится под воздействием участников преступного сообщества, поэтому в случае их указания или принуждения он вынужден совершить противоправное деяние, тем самым избежать расшифровки перед преступниками. Иначе говоря, конфиденнт, будучи внедренным в преступное сообщество, испытывает психическое или физическое воздействие со стороны участников преступной среды. Таким образом, конфиденнт вынужденно совершает преступление, находясь под психическим или физическим давлением со стороны остальных членов преступной группы, а не самостоятельно, поскольку в случае совершения преступления без соответствующего указания соучастников его действия влекут наступление уголовной ответственности.

Полагаем, что преступление признается совершенным вынужденно в случае, когда на конфиденнта оказывалось психическое или физическое воздействие со стороны лиц, находящихся в преступном сообществе, и совершение им преступления способствовало его дальнейшему пребыванию в преступной среде. При соблюдении всех положений, содержащихся в ст. 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь, законодатель исключает наступление уголовной ответственности конфиденнта в случае причинения им любого вреда, за исключением вреда, связанного с посягательством на жизнь или здоровье человека.

На основании вышеизложенного предлагаем дополнить ст. 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь ч. 3 следующего содержания: «Вред признается совершенным вынужденно в случае, когда на лицо, находящееся среди соучастников преступления по специальному заданию, оказывалось психическое или физическое воздействие со стороны иных соучастников с целью совершения им преступления и его совершение способствовало дальнейшему пребыванию лица в преступной группе, а также предупреждению или раскрытию более тяжкого преступления».

Положения ст. 38 Уголовного кодекса Республики Беларусь представляют собой логическую завершенность правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в части применения оперативного внедрения. Дополнение данной статьи правовой нормой, оговаривающей условия вынужденного причинения вреда правоохраняемым отношениям, позволит более правильно квалифицировать действия конфиденанта, пребывающего среди соучастников преступления по специальному заданию и совершившего противоправное деяние. Это, в свою очередь, исключит возможность необоснованного привлечения конфиденанта к уголовной ответственности, что, несомненно, положительным образом отразится на правовой защите в целом.

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6351>. – Дата доступа: 15.05.2017.

2. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 02 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. № 407-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. Уголовный кодекс БССР [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12781>. – Дата доступа: 15.05.2017.

4. Соловьев, П.В. Пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию как обстоятельство, исключающее преступность деяния: детерминанты появления / П.В. Соловьев // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. – 2010. – № 1. – С. 151 – 153.

5. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 12 нояб. 1992 г., № 1932-ХІІ // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

6. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 289-3 : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.07.2014 г. № 175-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [Электронный ресурс] : Закон СССР, 25 дек. 1958 г., № XXVI / Викитека. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/Закон_СССР_от_25.12.1958_об_утверждении_Основ_уголовного_законодательства_Союза_СССР_и_союзных_республик. – Дата доступа: 15.05.2017.

8. Бабий, Н.А. Комментарий к главе 6 «Обстоятельства, исключающие преступность деяния» Уголовного кодекса Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Н.А. Бабий // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

Д.Н. Подомацкий, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *Д.П. Семенюк*

ПОМЕЩЕНИЕ ГРАЖДАН, ПРОТИВОПРАВНО ПОТРЕБЛЯЮЩИХ НАРКОТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫЕ ПРОФИЛАКТОРИИ КАК МЕРА АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НАРКОМАНИИ

Одним из важных средств в системе мер, направленных на борьбу с наркоманией, является применение к лицам, больным наркоманией, уклоняющимся от лечения и нарушающих общественный порядок, принудительного лечения, направление их в лечебно-трудовые профилактории [1, с. 28].

ЛТП – организация, входящая в систему ОВД Республики Беларусь, создаваемая для принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации с обязательным привлечением к труду граждан, больных хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, и граждан, обязанных возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, в случае систематического нарушения этими гражданами трудовой дисциплины по причине употребления алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных, токсических или других одурманивающих веществ.

В соответствии с п. 93 Правил внутреннего распорядка лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел Республики Беларусь, утвержденных постановлением МВД Республики Беларусь от 9 октября 2007 г., проведение лечения лиц, содержащихся в ЛТП, от алкоголизма и наркомании осуществляется в порядке, установленном законодательством. Лечение больного алкоголизмом проводится на основе его добровольного согласия, что указано в Законе Республики Беларусь от 7 января 2012 г. №349-З «Об оказании психиатрической помощи». Решение о принудительном лечении от алкоголизма может принять только суд при применении принудительных мер безопасности и лечения по основаниям, предусмотренным уголовным кодексом [2].

Под медико-социальной реадaptацией понимается мера ограничительного характера, осуществляемая в соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях на-

правления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них», Правилами внутреннего распорядка лечебно-трудовых профилакториев Министерства внутренних дел Республики Беларусь и другими актами законодательства Республики Беларусь в отношении граждан, находящихся в ЛТП, направленная на преодоление ими алкогольной, наркотической или токсической зависимости, формирование у них готовности к адаптации в обществе. Принудительная изоляция – мера ограничительного характера, осуществляемая в отношении граждан, находящихся в ЛТП, в соответствии с Законом «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них», Правилами внутреннего распорядка лечебно-трудовых профилакториев и другими актами законодательства Республики Беларусь.

В настоящее время в Республике Беларусь функционирует девять ЛТП:

ЛТП №1 для мужчин в г. Светлогорске Гомельской области; старейший в Беларуси, создан в 1965 г. на базе колонии общего режима;

ЛТП № 2 для женщин в д. Староселье Горецкого района Могилевской области; создан в 2003 г. на месте мужской колонии;

ЛТП № 3 для женщин в д. Павловка Слуцкого района Минской области; перепрофилирован из мужского в 2009 г.;

ЛТП № 4 для мужчин в г. Витебске; образован в 2008 г.; имеется филиал (для содержания женщин), организованный в 2013 г. на месте ликвидированной воспитательной колонии № 1;

ЛТП № 5 для мужчин в Новогрудском районе Гродненской области; создан в 1982 г.;

ЛТП № 6 для мужчин в г. Дзержинске Минской области; образован в 2009 г.;

ЛТП № 7 для мужчин в г. Могилеве; создан в 2014 г. на основании Указа Президента Республики Беларусь от 28 мая 2014 г. № 242 «О совершенствовании деятельности уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел»;

ЛТП № 8 для мужчин в г. Новополоцке; создан в 2014 г. на основании Указа Президента Республики Беларусь от 28 мая 2014 г. № 242 «О совершенствовании деятельности уголовно-исполнительной системы Министерства внутренних дел»;

ЛТП № 9 для женщин в г. Витебске; создан в 2014 г. на основании Указа Президента Республики Беларусь от 28 мая 2014 г. № 242 [3, с. 46–47].

Срок, порядок продления и сокращения нахождения граждан в ЛТП, а также порядок исчисления данного срока определен ст. 8 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. №104-З. Гражданин может быть

направлен судом в лечебно-трудовой профилакторий на год. Нахождение гражданина в ЛТП может быть продлено по решению суда на срок до шести месяцев или сокращено по решению суда на срок до шести месяцев. Установленный решением суда срок нахождения гражданина в ЛТП исчисляется в месяцах со дня приема его в ЛТП. В срок нахождения гражданина в ЛТП не засчитывается время самовольного отсутствия в нем. К уважительным причинам отсутствия гражданина в ЛТП относится его нахождение в организациях здравоохранения, органах внутренних дел, в социальном отпуске с правом выезда за пределы территории данного учреждения [4].

Основные положения, связанные с установлением оснований для направления граждан в ЛТП для их принудительной изоляции и медико-социальной реадaptации с обязательным привлечением к труду, определены Законом Республики Беларусь «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условия нахождения в них» и постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 10 июля 2002 г. № 53 «О некоторых вопросах признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, порядке и условиях оказания медицинской помощи пациентам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией».

Сущность мер лечебно-трудового воздействия в ЛТП характеризуется установлением специального режима, обеспечивающего сочетание медикаментозного лечения с приобщением к активному производительному труду, организации общеобразовательного обучения и профессиональной подготовки [1, с. 28–29].

Направлению в ЛТП подлежат:

1) граждане, больные хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, которые в течение года три и более раза привлекались к административной ответственности за совершение административных правонарушений в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, были предупреждены о возможности направления в ЛТП и в течение года после данного предупреждения привлекались к административной ответственности за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ. Под гражданами, больными хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией следует понимать граждан Республики Беларусь, иностранных

граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь, которым по результатам медицинского освидетельствования установлены соответственно диагнозы хронический алкоголизм, наркомания или токсикомания;

2) граждане, обязанные возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, которые дважды в течение года нарушили трудовую дисциплину по причине употребления алкогольных напитков, потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, в связи с этим были предупреждены о возможности направления в ЛТП и в течение года после данного предупреждения нарушили трудовую дисциплину по причине употребления алкогольных напитков, потребления наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ [4].

Не подлежат направлению в ЛТП граждане, не достигшие 18 лет; достигшие общеустановленного пенсионного возраста; женщины, воспитывающие детей в возрасте до одного года; инвалиды I и II группы; граждане, у которых выявлены заболевания, препятствующие их нахождению в ЛТП.

К заболеваниям, препятствующим нахождению в ЛТП, относятся рак и другие злокачественные заболевания, шизофрения, шизотипические и бредовые расстройства, активный туберкулез легких и других органов и др. [5].

Следует отметить, что, как следует из данных положений, для направления в ЛТП недостаточно совершения правонарушения административного либо трудового характера. Важным аспектом является наличие предупреждения о возможности направления в ЛТП, и если после этого лицо в течение года вновь совершает аналогичное правонарушение, оно может быть отправлено в ЛТП. Полагаем, что данный аспект указывает на то, что государство стремится минимизировать направление лиц в ЛТП, надеясь на их гражданскую сознательность.

В случае если гражданин в течение года после получения указанного предупреждения совершает аналогичное правонарушение, в отношении его начинается подготовка материалов и подается в суд заявление о направлении в ЛТП. Данная процедура осуществляется следующим образом. Начальник территориального органа внутренних дел или его заместитель в течение 10 дней после получения информации о привлечении гражданина, который предупрежден о возможности направления его в ЛТП, к административной ответственности за совершение администра-

тивного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ в течение года после указанного предупреждения направляют этого гражданина на медицинское освидетельствование. Медицинское освидетельствование данных граждан проводится в соответствии с постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь «О некоторых вопросах признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, порядке и условиях оказания медицинской помощи пациентам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией». По результатам медицинского освидетельствования выносится заключение (акт), в котором содержится развернутый диагноз, вывод о нуждаемости освидетельствованного в принудительном лечении и отсутствии или наличии противопоказаний для нахождения в ЛТП, рекомендуемом сроке лечения.

Гражданин вправе обжаловать принятое в отношении его начальником ОВД или его заместителем постановление о направлении на медицинское освидетельствование вышестоящему начальнику ОВД или прокурору.

Начальник территориального органа внутренних дел или его заместитель в течение 10 дней после получения медицинского заключения, подтверждающего, что гражданин является больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, а также что у него отсутствует заболевание, препятствующее нахождению в ЛТП, подают в суд заявление о направлении этого гражданина в ЛТП.

Аналогичная процедура осуществляется и в отношении гражданина, который был предупрежден о возможности направления в ЛТП и в течение года после данного предупреждения нарушил трудовую дисциплину по причине употребления алкогольных напитков, наркотических средств. Различие заключается в том, что данные действия осуществляются в трехдневный срок.

Таким образом, помещение граждан, противоправно потребляющих наркотические средства, в ЛТП является мерой административно-правового противодействия наркомании, которая закономерно дополняет комплекс мер, способствующих правомерному поведению наркозависимых лиц. Важным условием реализации данной меры является взаимодействие органов внутренних дел и органов здравоохранения.

1. Кириченко Б.П. Административно-правовые меры борьбы с наркоманией : лекции / Б.П. Кириченко ; М-во внутр. дел РСФСР, Хабар. высш. шк. – Хабаровск : ХВШ МВД РСФСР, 1991. – 65 с.

2. Об оказании психиатрической помощи [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г. № 349-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 24.12.2015 // Консультант Плюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

3. О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2010 г. № 349-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.01.2017 // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

4. Постникова, А.А. Административная деятельность органов внутренних дел / А.А. Постникова, И.Л. Федчук. – Минск : Акад. МВД, 2016. – Ч. 2. – 238 с.

5. О некоторых вопросах признания лица больным хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, порядке и условиях оказания медицинской помощи пациентам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией [Электронный ресурс] : постановление М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 10 июля 2002 г. № 53 : в ред. постановления М-ва здравоохранения Респ. Беларусь от 18.12.2008 // Консультант Плюс. Беларусь. / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.985

А.Д. Резников, выпускник следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Р.В. Скачек

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О НАРУШЕНИЯХ ПРАВИЛ ОХРАНЫ ТРУДА

Планирование расследования по делам о преступных нарушениях правил охраны труда имеет особенности, обусловленные характером первичной информации, поступившей к следователю. В случаях когда поступившее сразу же после происшествия сообщение содержит факты, указывающие на наличие состава преступления, в качестве первоначальных следственных действий планируются осмотр места происшествия и трупа (при смертельном исходе), изъятие и осмотр документов, назначение судебно-технической экспертизы, освидетельствование и судебно-медицинская экспертиза пострадавшего, его допрос (при возможности), допросы очевидцев происшествия и иных свидетелей, а также лиц, ответственных за соблюдение правил техники безопасности. Если с момента происшествия до получения следователем информации

о нем проходит значительное время, то первоочередными задачами являются тщательное изучение поступивших материалов, ознакомление с характером деятельности предприятия, технологическими процессами и особенностями производства, изучение действующих правил охраны труда в конкретной отрасли и на данном предприятии.

Осмотр места происшествия по материалам и уголовным делам рассматриваемой категории должен проводиться безотлагательно после поступления заявления (сообщения) о преступном нарушении правил охраны труда. При этом следует отметить, что осмотр места происшествия, проведенный следователем, не может быть подменен и не должен подменяться осмотром места несчастного случая, проведенного участниками специального расследования [1, с. 18].

К участию в осмотре места происшествия рекомендуется привлекать в качестве специалистов:

государственного медицинского судебного эксперта (при наличии трупа на месте происшествия);

эксперта-криминалиста;

государственного инспектора труда (специалиста управления (отдела) по труду, занятости и социальной защите местного исполнительного и распорядительного органа);

узкий специалист в той или иной сфере, с которой связано происшествие (эксперт-взрывотехник, сотрудник МЧС, сотрудник санитарно-эпидемиологической службы и др.).

В качестве таких специалистов приглашаются лица, не заинтересованные в исходе расследования, работающие на других аналогичных предприятиях или в научно-исследовательских, проектных институтах и учреждениях высшего образования по профилю данного производства. В роли специалиста могут выступить также сотрудники соответствующих специализированных органов надзора, не участвовавшие в специальном расследовании и не обязанные контролировать безопасность труда на данном предприятии.

Основными формами использования помощи специалистов при осмотре места происшествия являются консультативная и научно-техническая. Первая включает получение справочных сведений относительно связанного с происшествием оборудования, технологии производства, специальных технических терминов, помогающих следователю определить направления, объекты и пределы осмотра, уяснить обстановку места происшествия. Вторая означает выполнение специалистами в пределах своей компетенции действий по обнаружению, фиксации и изъятию дока-

зательств, выявлению обстоятельств, имеющих значение для дела, в частности проверке работоспособности оборудования [2, с. 16].

По прибытии на место происшествия следователю требуется узнать от государственного инспектора труда и лиц, принимавших участие в специальном расследовании, а также у представителей администрации:

что им известно о происшествии и его последствиях;

приняты ли необходимые меры по оказанию помощи пострадавшему;

какие аварийные работы проведены и какие изменения в обстановку места происшествия внесены в результате этих работ, а также деятельность инспектора труда и иных лиц;

не создает ли аварийное состояние зданий, сооружений, оборудования угрозу жизни и здоровью участников осмотра (при наличии такой угрозы осмотр опасных участков откладывается до ее устранения).

Первоначальная обстановка места происшествия, подвергшаяся изменению, может быть установлена при получении объяснений у оставшихся в живых потерпевших; лиц, первыми прибывших на место происшествия; очевидцев случившегося; лиц, ответственных за безопасную эксплуатацию объекта, на котором произошло происшествие.

В ходе получения объяснений выясняются:

первоначальное расположение и состояние машин, механизмов, связанных с несчастным случаем;

положение и состояние потерпевшего, его одежды;

наличие и состояние средств индивидуальной защиты;

наличие и расположение на месте происшествия предметов, могущих иметь значение для расследования (инструменты, детали поврежденных механизмов, продукты взрыва и т. д.);

мнения опрашиваемых о непосредственных технических причинах происшествия и нарушениях правил охраны труда;

периодичность и правильность проведения инструктажей по технике безопасности и правилам охраны труда.

Обычно осмотру подвергаются следующие объекты:

территория цеха, участка, мастерской, где имело место происшествие;

оборудование, при эксплуатации которого произошел несчастный случай, и иное оборудование, технологически связанное с первым;

защитные устройства и ограждение этого оборудования;

использовавшиеся материалы, рабочие инструменты и индивидуальные средства защиты потерпевшего;

материальные последствия аварии;

труп пострадавшего.

При осмотре места происшествия (местность, помещение, жилище и иное законное владение) следовательно, на наш взгляд, требуется установить и отразить в протоколе осмотра следующее:

объективные признаки, позволяющие судить о виде и характере работ, при производстве которых произошел несчастный случай;

название, назначение, дислокация и состояние зданий, сооружений, территории, где произошел несчастный случай;

назначение и наименование оборудования, машин и механизмов, связанных с происшествием, их заводские и инвентарные номера, дата выпуска и предприятие-изготовитель;

производственное назначение оборудования;

расположение оборудования в обстановке места происшествия;

положение устройств управления оборудованием и их работоспособность, состояние и показания контрольно-измерительных приборов;

техническое состояние и работоспособность всех требуемых для данного оборудования защитных устройств (ограждение, защитная автоматика, блокировочная аппаратура и приспособления, сигнализаторы опасности и т. п.);

наличие либо отсутствие, характер и особенности механических повреждений, возникших на оборудовании, инструментах и иных предметах обстановки места происшествия в результате несчастного случая, а также следы, связанные с травмированием потерпевшего (кровь, обрывки одежды и т. д.);

состояние рабочего места потерпевшего, инструментов, приспособлений, средств индивидуальной защиты, их соответствие требованиям правил техники безопасности;

общее состояние места травмирования потерпевшего, его рабочего места и окружающей обстановки с учетом соответствия требованиям безопасности (освещенность, свободность или загроможденность рабочей площадки, наличие необходимых предупреждающих и запрещающих надписей и плакатов, наличие или отсутствие оголенных проводов электропроводки и т. д.).

В ходе осмотра места происшествия рекомендуется, исходя из складывающейся обстановки и обстоятельств, ставших известными следовательно на момент осмотра, расширять границы осмотра, что позволит более полно и детально установить обстоятельства происшедшего [1, с. 27].

С места происшествия для проведения экспертных исследований необходимо изымать орудия труда, использование которых повлекло причинение телесных повреждений, а также иного вреда. В случае невозможности изъятия такого предмета его следует тщательно опечатать.

Также следует изымать образцы древесной и металлической стружки, сажи, копоти, земли, песка, воды, иные образцы окружающей обстановки для проведения последующих экспертиз.

При осмотре трупа на месте происшествия целесообразно пользоваться методическими рекомендациями по осмотру места происшествия и трупа по фактам насильственной смерти граждан, разработанными Следственным комитетом. При этом в протоколе осмотра дополнительно необходимо четко фиксировать:

расположение трупа относительно окружающей обстановки, и в частности оборудования, непосредственно связанного с травмированием. Его определяют путем измерения расстояний от него до не менее двух неподвижных предметов, а также до оборудования, деталями которого нанесена травма;

описание одежды (наличие или отсутствие повреждений, различных загрязнений). Одежда осматривается как снаружи, так и со стороны подкладки. Проверяется наличие пуговиц, крючков, застежек, отмечается, застегнуты ли они. Обращается внимание на наличие или отсутствие спецодежды (средств индивидуальной защиты);

описание следов крови и иных следов биологического происхождения на трупе, предметах одежды, непосредственно возле трупа;

наличие либо отсутствие в сжатых кистях рук трупа посторонних предметов (обломки инструментов, детали и т. д.), следов загрязнений различными веществами (химические масла, краска, горючие жидкости и т. д.).

При осмотре трупа рекомендуется производить смывы с рук и изымать подногтевое содержимое [3, с. 147–148].

Из имеющихся телесных повреждений в первую очередь осматриваются те, которые не закрыты одеждой, после чего ее осторожно расстегают, приподнимают и осматривают повреждения, находящиеся под ней.

В отношении всех имеющихся телесных повреждений устанавливается их точная анатомическая локализация, размеры, конфигурация, взаиморасположение и соотношение с повреждениями на одежде, направление потоков крови из ран.

Оставшиеся в повреждениях орудия и предметы надлежит оставлять в ранах до экспертизы трупа. Только свободно лежащие в области повреждения инородные тела подлежат изъятию.

В ходе осмотра места происшествия необходимо широко использовать возможности судебной фотографии, видеозаписи и составлять план места происшествия.

Фиксация результатов осмотра осуществляется путем вычерчивания планов (схематических или масштабных): ориентирующих, узловых и

детальных. Обозначенные на планах результаты производственных измерений указываются в протоколе осмотра. При проведении осмотра по отдельным участкам наряду с планом каждого из них составляется общий план места происшествия с отражением границ участков и воспроизведением всех элементов частичных планов [4, с. 5].

Таким образом, тактические особенности проведения осмотра места происшествия по материалам и уголовным делам о нарушениях правил охраны труда: следующие:

обязательными участниками осмотра являются: медицинский судебный эксперт (при наличии трупа), эксперт-криминалист, государственный инспектор труда (специалиста управления (отдела) по труду, занятости и социальной защите местного исполнительного и распорядительного органа), узкий специалист в той или иной сфере, с которой связано происшествие (например, эксперт-взрывотехник, сотрудник МЧС, сотрудник санитарно-эпидемиологической службы и т. д.);

по прибытии на место происшествия следователю требуется узнать от государственного инспектора труда и лиц, принимавших участие в специальном расследовании, общую информацию о имевшем месте происшествия на производстве;

первоначальная обстановка места происшествия, подвергшаяся изменению, может быть установлена при получении объяснений у лиц, обладающих необходимой информацией;

осмотру подвергаются объекты, с которыми связано нарушение правил охраны труда;

при осмотре трупа на месте происшествия целесообразно пользоваться методическими рекомендациями по осмотру места происшествия и трупа по фактам насильственной смерти граждан.

1. Потапов, В.К. Расследование преступных нарушений правил охраны труда : практ. пособие / В.К. Потапов, В.В. Наумова. – Минск : ЦОТЖ, 2005. – 103 с.

2. Ермаков, И.Ю. Методика расследования преступных нарушений правил охраны труда и техники безопасности : автореф. дис. ... канд. экон. наук / И.Ю. Ермаков. – М., 2008. – 22 с.

3. Наумова, В.В. Осмотр трупа в процессе расследования преступных нарушений правил охраны труда / В.В. Наумова // Материалы ежегод. науч.- практ. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 21–22 апр. 2005 г. : в 5 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; под общ. ред. Н.П. Барановой. – Минск, 2005. – Ч. 5. – С. 146–150.

4. Потапова, Н.Л. Особенности осмотра места происшествия по делам о преступных нарушениях правил охраны труда на предприятиях / Н.Л. Потапова // Рос. следователь. – 2010. – № 2. – С. 4–6.

А.Г. Рыбаков, курсант следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – *П.А. Кайбелев*

БОРЬБА С ДЕТСКОЙ ПОРНОГРАФИЕЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Обширное внедрение в современной жизни компьютерных технологий и телекоммуникационных систем, создание на их основе глобальных компьютерных сетей, ставших обыденной частью социальных отношений во всех сферах жизнедеятельности, не только создали предпосылки, облегчающие совершение преступлений, но и позволили перенести часть преступных посягательств именно в киберпространство. Среди них значительное место занимает распространение порнографических изображений, в том числе несовершеннолетних. Детская порнография омолаживается и становится все более жесткой и изощренной. Нередки сцены сексуального характера и насилия с детьми вплоть до 3–5-летнего возраста, а в последнее время и с младенцами. Такая притягательность для распространителей детской порнографии объясняется, с одной стороны, ее сверхдоходностью (каждый детский порноресурс сети Интернет приносит около 30 тыс. долларов США в месяц), а с другой – практическим отсутствием законодательных основ борьбы с ней [1, с. 28].

С учетом масштабов глобальной сети Интернет становится все менее возможным, что создание и распространение детской порнографии будут ограничены территорией отдельной страны. В процессе проведения расследования правоохранительные органы различных стран должны будут сотрудничать между собой, причем как официально, используя такие рамки и структуры взаимной правовой помощи, как, например, Интерпол, так и неофициально, предоставляя потенциально полезную информацию непосредственно органам другой страны. В связи с правовой помощью при расследовании международной киберпреступности могут возникать дополнительные трудности. Если внутренним правом одной из сторон не предусмотрены конкретные полномочия на поиск доказательств в электронной среде, она не в состоянии правильно реагировать на такие виды преступлений [2, с. 251].

Актуальность рассматриваемой темы бесспорна еще и вследствие того, что общественная опасность таких преступлений или еще не до конца осознается общественностью, в том числе и юридической, или умышленно приуменьшается теми, кто заинтересован в получении сверхприбыли. Это обстоятельство красноречиво иллюстрирует ситуация с принятием поправок и дополнений в УК и законов о защите детей

от вредной информации, о регулировании оборота эротической и порнографической продукции и др.

Повышенная социальная опасность детской порнографии определяется: 1) тяжкими последствиями – причинением существенного физического и морального вреда жертвам преступления; 2) моральным вредом, причиняемым обществу в целом; 3) провокацией агрессии; 4) связью с другими преступлениями, сопутствующими распространению детской порнографии и сопряженными с ней, в том числе и тяжкими [3, с. 30].

В 1990 г. Республика Беларусь присоединилась к Конвенции ООН о правах ребенка, приняв на себя обязательство защищать детей от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения, в том числе и от использования в порнографии и порнографических материалах (ст. 34 Конвенции). Для обеспечения этого, в частности, законодательством Республики Беларусь с 2008 г. предусмотрена уголовная ответственность за преступления, связанные с изготовлением и распространением порнографических материалов или предметов порнографического характера с изображением несовершеннолетних (ст. 343¹ УК). При этом ч. 2 ст. 343¹ дополнена квалифицирующим признаком «с использованием глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи общего пользования либо выделенной сети электросвязи», определяющим повышенную степень общественной опасности распространения детской порнографии с использованием телекоммуникационных сетей [3, с. 31].

Анализ практики расследования преступлений, предусмотренных ст. 343¹ УК Республики Беларусь, свидетельствует о том, что большинство из них совершается с использованием сети Интернет (их удельный вес составляет 53,1 %). Это обуславливает необходимость глубокого научного осмысления правоприменительной практики, связанной с выявлением этих деяний и сбором доказательств, содержащих основания к возбуждению уголовного дела.

В связи с ростом числа таких преступлений повышается актуальность разработки методики их выявления, раскрытия и расследования. Здесь имеется множество сложных вопросов, связанных с выявлением ресурсов с детской порнографией, установлением их владельцев, сбором доказательственной базы и т. д. На данный момент правоохранительными органами уже накоплен определенный опыт в данной области, который требует научного осмысления.

Большое значение при расследовании преступлений, связанных с производством и оборотом детской порнографии, имеет идентификация личности детей, выступающих в роли «персонажей» в данной информационной продукции. Во-первых, она необходима для сбора доказательственной базы по расследуемому уголовному делу, включая получение свидетель-

ских показаний и вещественных доказательств. Во-вторых, она является одним из важных факторов планирования процесса расследования, выдвижения и проверки следственных версий. В-третьих, она требуется для организации установления местонахождения ребенка, подвергающегося сексуальной эксплуатации, с целью ее скорейшего прекращения.

Установление личности детей – жертв сексуальной эксплуатации при расследовании преступлений, связанных с производством и оборотом детской порнографии, может осуществляться различными способами в зависимости от особенностей конкретного дела. Здесь могут успешно применяться традиционные следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Однако в ряде случаев их может оказаться недостаточно для решения данной задачи, в связи с чем требуется задействование иных методов. Полагаем, что одним из них может выступать обращение правоохранительных органов к общественности через СМИ и интернет-ресурсы с просьбой сообщить любые известные сведения о личности и местонахождении таких детей. Очевидно, что решение об этом может применяться при учете всех обстоятельств следственной ситуации и прогнозов ее развития, а демонстрация изображения таких детей в масс-медиа не должна включать интимные части тела. Представляется, что требует проработки вопрос об использовании в данных целях возможностей социальных сетей, которые доказали свою способность быть эффективным средством коммуникации власти с общественностью.

В случае когда речь идет о расследовании фактов распространения детской порнографии в сети Интернет, большое значение приобретает международное сотрудничество правоохранительных органов. В данном контексте представляет интерес проект создания Международной базы данных изображений сексуальной эксплуатации детей (International Child Sexual Exploitation Image Database). Он реализуется под эгидой Интерпола и направлен на повышение количества идентифицированных и спасенных жертв сексуального насилия. Проект предусматривает прямой доступ к базе данных в режиме реального времени любого авторизованного пользователя из государства – члена Интерпола. Полагаем, что успешная реализация данного проекта способна вывести международное сотрудничество в расследовании преступлений, связанных с производством и оборотом детской порнографии, на новый качественный уровень [4, с. 53].

Стоит отметить, что в Республике Беларусь в настоящее время создана и активно действует система противодействия и выявления оборота детской порнографии. С помощью качественно проведенных оперативно-розыскных мероприятий быстро раскрываются, а в отдельных случаях и пресекаются преступления, связанные с детской порнографией. Если раньше этому препятствовало законодательство, то после вступления в силу

Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» от 15 июля 2015 г. нет никаких препятствий для массивного противодействия и сбора доказательственной базы по делам данной категории.

Для действенного предупреждения распространения детской порнографии и борьбы с ней необходим согласованный международный подход на различных уровнях. На национальном уровне для расследования киберпреступлений, к каковым относится распространение детской порнографии в глобальной сети Интернет, требуется хорошо подготовленный штат сотрудников, внесение изменений и дополнений в действующее национальное законодательство. На международном уровне для расследования этих преступлений необходимы оперативные действия, опирающиеся на координацию усилий национальных центров по предупреждению и расследованию транснациональных компьютерных преступлений и аналогичных международных центров в других странах.

Для урегулирования существующих проблем на национальном и межгосударственном уровнях возникла необходимость юридически определиться в наиболее важных правовых и процессуальных нормах поведения участников в борьбе с преступлениями, связанными с использованием сети Интернет [5, с. 112].

Хотя заинтересованные государства понимают опасность транснациональной киберпреступности, на межгосударственном уровне такой форме преступности не уделяется достаточное внимание. Причинами отсутствия внимания к киберпреступности могут быть сравнительно низкий уровень участия в международных электронных коммуникациях, недостаточный уровень опыта в правоохранительной области и заниженные оценки общественных издержек, которые, как ожидается, могут влечь за собой преступления, совершаемые в электронной среде. В рамках глобальной компьютерной сети Интернет уголовно-правовая политика отдельной страны оказывает прямое воздействие на международное сообщество. Преступники могут направлять свои действия в электронной среде через определенное государство, где такие деяния не криминализованы, и таким образом они могут находиться под защитой закона такой страны. Даже если в круг конкретных национальных интересов того или иного государства не входит криминализация определенных деяний, оно может рассмотреть вопрос о принятии таких мер, с тем, чтобы не превратиться в «правовую крышу» и не поставить себя в условия международной изоляции. Обеспечение международного сотрудничества правоохранительных и судебных органов различных государств невозможно без согласования материальных норм уголовного права в отношении киберпреступлений [5, с. 113].

Увеличить эффективность расследования распространения детской порнографии в электронной среде представляется возможным, признав

их преступлениями международного характера. До настоящего времени понятие преступлений международного характера остается темой теоретических дискуссий, начавшихся в начале 80-х гг. прошлого века с появлением террористических угроз. Пока дискуссия остается открытой, но тем не менее в результате нее сформировалось определенное мнение о содержании данного понятия.

1. Рохлин, В. Проблемы уголовного преследования за киберпреступления : Детская порнография в Интернете / В. Рохлин, С. Кушниренко // Законность. – 2007. – № 3. – С. 28–31.

2. Шахматов, А.В. Оперативно-розыскная информация как один из основных элементов оперативно-розыскной деятельности / А.В. Шахматов, П.Ф. Тепнев // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 9 дек. 2016 г.) / сост.: А.В. Тарасов, П.Ф. Тепнев. – СПб., 2016. – С. 250–254.

3. Боровик, П.Л. О проблеме противодействия детской порнографии в Интернете / П.Л. Боровик // Национальная безопасность: интересы личности, общества, государства : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, май 2011 г.). – Минск, 2011. – С. 30–33.

4. Смирнов, А.А. Об установлении личности детей при расследовании преступлений, связанных с производством и оборотом детской порнографии / А.А. Смирнов // Проблемы теории и практики предварительного расследования и использования специальных знаний в деятельности органов уголовного преследования Республики Беларусь : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 30 нояб. 2012 г.). – Минск, 2012. – С. 53–54.

5. Шаров, В.И. Интернет как источник оперативно-розыскной и процессуальной информации / В.И. Шаров // Вестн. Нижегородс. Акад. МВД России. – 2016. – № 3. – С. 111–114.

УДК 343.985

А.А. Самак, курсант факультета милиции
Научный руководитель – *С.А. Войтихович*

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Оперативно-розыскная деятельность представляет собой комплекс взаимосвязанных действий, ориентированных на решение конкретных задач. В ОРД оперативно-розыскные мероприятия представляют собой важнейший компонент, сущность которого состоит в собирании инфор-

мации об обстоятельствах подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений. На сегодняшний день существенное количество преступлений являются латентными и в связи с этим их выявление и раскрытие – сложная задача, требующая грамотного использования процессуальных и оперативно-розыскных средств. Это обстоятельство предопределяет необходимость эффективного регулирования данного вида правоохранительной деятельности для установления четких границ в работе сотрудников оперативных подразделений. Одним из наиболее эффективных способов выявления и пресечения противоправной деятельности лиц, совершающих скрытые преступления (коррупционные и иные преступления, изготовление, хранение либо сбыт поддельных денег или ценных бумаг, обращение драгоценных металлов и драгоценных камней) выступает оперативный эксперимент.

В зарубежной практике спецслужб оперативное мероприятие, подобное предложенному Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ под названием «оперативный эксперимент», использовалось с начала 80-х гг. XX в. В США, например, такое мероприятие называется «секретная операция». Законодательство Италии позволяет управлению по расследованию мафиозной преступности внедрять в мафиозные структуры своих сотрудников, которым дано право «стимулировать» деятельность по отмыванию денег и незаконному обороту наркотиков. Полиция Японии применяет «дознание с приманкой», похожее на оперативный эксперимент, суть которого состоит в том, что орган дознания или лицо по его поручению, выступая в качестве приманки, вызывает преступное деяние, ждет его осуществления и производит задержание.

Экономическая преступность любой страны негативно сказывается на ее экономическом росте и стабильности, поэтому каждое государство предпринимает меры, направленные на борьбу с ней. Положительный опыт раскрытия экономических преступлений с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов в зарубежных государствах представляет интерес для нашей страны. Использование правового регулирования оперативного эксперимента в странах СНГ позволяет совершенствовать национальную правовую систему в данном направлении.

Согласно Закону Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-3 «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативный эксперимент проводится по постановлению о проведении ОРМ с санкции прокурора или его заместителя. В постановлении о проведении оперативного эксперимента указывается, какие действия предполагается совершить по вовлечению гражданина, в отношении которого будет проводиться оперативный эксперимент, в созданную обстановку. Таким образом, оперативный эксперимент должен быть проведен по ранее запланированному

сценарию, а не являться импровизацией. Однако, несмотря на детальную регламентацию действий сотрудников органов внутренних дел, при проведении оперативного эксперимента допускаются отклонения от плана в соответствии со складывающейся ситуацией. Статья 34 Закона содержит детальную регламентацию оперативного эксперимента. В данной норме законодатель кроме общих условий, указанных в ст. 16 Закона, выделяет специальные, которые также являются обязательными.

Оперативный эксперимент, как правило, носит длительный характер, и в зависимости от ситуации время его проведения варьирует в пределах от шести месяцев до полутора лет (ч. 3 ст. 41, ч. 4 ст. 43 Закона). Время течения срока проведения мероприятия исчисляется в часах и сутках с момента (даты), указанного в мотивированном постановлении о проведении оперативного эксперимента. В отношении конкретного лица по одному и тому же преступлению разрешается проведение мероприятия, например, до шести месяцев, далее оно может продлеваться до года и еще до полутора лет соответствующими прокурорами. Нельзя прерывать проведение мероприятия в случае отсутствия результатов, изобличающих проверяемое лицо, путем вынесения постановления о его прекращении и затем после получения новой информации, свидетельствующей о причастности данного лица к противоправной деятельности, опять начинать осуществление оперативного эксперимента по указанной схеме. Такой подход вытекает из анализа Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», которым установлены сроки проведения конкретных мероприятий в определенных ситуациях.

О прекращении проведения оперативного эксперимента органом, осуществляющим ОРД, выносится постановление с указанием оснований для его прекращения.

О прекращении ОРМ, которые проводились с санкции прокурора или его заместителя, до истечения срока, указанного в санкции, в течение 48 часов орган, осуществляющий ОРД, письменно уведомляет прокурора или его заместителя.

В отношении конкретных лиц оперативный эксперимент проводится тогда, когда имеется информация об их причастности к преступной деятельности.

При этом выяснение у конкретного лица обстоятельств ранее совершенных им действий, как указано в ч. 5 ст. 34 Закона, не является оперативным экспериментом и осуществляется в рамках оперативного опроса.

Согласно Федеральному закону Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативный эксперимент проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД. Проведение оперативного эксперимента допускается только

в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Таким образом, во-первых, проведение оперативного эксперимента допускается для выявления не только тяжких или особо тяжких преступлений, но и преступлений средней тяжести. Во-вторых, в отличие от ОРМ, затрагивающих конституционные права граждан, для проведения которых необходима санкция суда, осуществление оперативного эксперимента российским законодательством разрешается на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД.

В законах об ОРД Молдовы, Украины в перечне ОРМ оперативный эксперимент отсутствует. В законах об ОРД Казахстана, Литвы, Эстонии оперативный эксперимент упоминается в качестве такого ОРМ, как применение модели, имитирующей преступную деятельность.

В Законе Латвии «Об оперативной деятельности» указывается, что оперативный эксперимент является действием должностных лиц субъектов оперативной деятельности, целью которого является создание определенных условий (ситуаций) для выявления интересующих лиц и дел либо определение в этих условиях действий тех лиц, по отношению к которым осуществляется оперативная разработка, или перемещение предметов и выяснение мотивации действий этих лиц. Целями оперативного эксперимента являются проверка возможности действия лиц и их целей; моделирование возможных действий лиц и проверка наличия предметов или их перемещения; создание для субъекта оперативной деятельности благоприятной ситуации для решения оперативных задач. При этом оперативный эксперимент, целью которого является фиксация действий лица, в отношении которого проводится оперативная разработка, в ситуации, вызывающей преступные или иные противоправные действия, производится только с санкции прокурора.

Согласно Закону Литвы «Об оперативно-розыскной деятельности» применение модели поведения, имитирующей преступную деятельность, санкционируется Генеральным прокурором или замещающим его лицом. Субъектом оперативной деятельности в мотивированном постановлении относительно получения санкции указывается фамилия служащего, подавшего заявление; фамилия лица, за которым будет установлена слежка (ими дается описание объекта); факты, обосновывающие требование о применении методов и средств проникающего характера; средство связи, к которому будет подключена специальная техника; подтверждение невозможности получения такой информации с помощью обычной техники расследования; предусматриваемая продолжительность применения методов и средств проникающего характе-

ра. Разработанная субъектом оперативной деятельности модель поведения, имитирующая преступную деятельность, санкционируется сроком на один год, по истечении которого он может быть продлен.

Законом Эстонии «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрены специальные и исключительные оперативно-розыскные действия. К исключительным действиям относится имитация преступлений в целях задержания преступника или выявления преступления. Основанием для его проведения является распоряжение руководителя оперативно-розыскного ведомства или уполномоченного им сотрудника только в случае, если необходимые для оперативно-розыскного производства данные не могут быть собраны путем иных оперативно-розыскных действий или установленных законами о производстве по уголовным делам процессуальных действий. Данное ОРМ не должно причинять вред жизни, здоровью и имуществу лица или окружающей среде. В случае необходимости пресечения или раскрытия преступления первой степени или умышленного преступления второй степени, за которое в качестве наказания предусмотрено тюремное заключение сроком до трех лет, мотивированное письменное ходатайство о даче разрешения на проведение указанного ОРМ подается председателю Таллиннского административного суда или назначенному им административному судье того же суда генеральным ректором Департамента полиции безопасности или генеральным директором полиции либо исполняющими их обязанности должностными лицами. Судья рассматривает поданное ходатайство незамедлительно и выдает письменное разрешение или отказывает в письменной форме в выдаче разрешения с указанием мотивов отказа. В безотлагательных случаях генеральный директор полиции безопасности или генеральный директор полиции либо исполняющее их обязанности должностное лицо может давать письменное распоряжение о проведении данного ОРМ без разрешения судьи. В данном случае указанные должностные лица незамедлительно направляют прокурору, осуществляющему надзор, письменное извещение об издании соответствующего распоряжения, сообщают об этом судье не позднее следующего рабочего дня и ходатайствуют перед судьей о признании оправданным данного ОРМ и в случае необходимости о выдаче разрешения на его продолжение. Если судья не признает его оправданным или не дает разрешения на его продолжение, они обязаны незамедлительно дать распоряжение о его прекращении.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что наиболее подробно проведение оперативного эксперимента или ОРМ, аналогичных ему, определено в законодательстве Беларуси, России и государств Балтии, где указаны понятие, цели и условия проведения оперативного эксперимента. При этом проблема категорий преступлений, по которым разрешено

проведение данного ОРМ, решается по-разному. Если в государствах Балтии этот аспект не учитывается в законах об ОРД, следовательно его проведение предусмотрено по всем преступлениям, то в Беларуси и России применение оперативного эксперимента ограничено менее тяжкими, тяжкими и особо тяжкими преступлениями. Второй проблемой является санкционирование данного ОРМ. Опыт Латвии и Литвы свидетельствует об обязательном санкционировании оперативного эксперимента прокурором перед его проведением, причем во всех случаях без исключения. В Эстонии разрешение суда на проведение данного ОРМ требуется лишь в случае его проведения для пресечения или раскрытия преступления, не представляющего большой общественной опасности. В России санкционирование оперативного эксперимента не требуется. В Беларуси для проведения оперативного эксперимента санкция обязательна.

Таким образом, эффективное выявление и расследование всех видов преступлений обеспечивается только совокупным использованием как процессуальных средств, которые остаются основными и составляют содержание предварительного расследования, так и негласных методов выявления и фиксации преступной деятельности. ОРД всегда являлась эффективным средством выявления и раскрытия преступлений, особенно латентных, тщательно замаскированных. Эффективность этой деятельности во многом определяется не только действиями оперативных сотрудников, но и состоянием нормативных правовых актов, ее регулирующих.

Стоит рассчитывать, что в перспективе белорусское законодательство возьмет на вооружение самые актуальные результаты исследований передовых ученых и, проецируя положительный опыт других стран, продолжит совершенствовать законодательство, регулирующее порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий.

УДК 343.4

Н.М. Самусев, выпускник следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *И.Л. Федчук*

ПРИНЦИПЫ ТАКТИКИ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Под принципами тактики охраны общественного порядка понимаются основополагающие руководящие начала и важнейшие правила, в соответствии с которыми осуществляется практическая деятельность в этой области. Они являются основой тактики, фундаментом ее теории

и практики. Знание принципов тактики, неизменное руководство ими в практической деятельности имеют неопределимое значение. Их применение в тактике охраны общественного порядка предохраняет от ошибок и направляет по верному пути.

В научной и учебной литературе отмечается, что тактические и организационные принципы в сфере охраны общественного порядка являются производными от социально-политических принципов [1, с. 9–10]. К ним относятся: равноправие граждан и их участие в управлении делами общества, демократизм, уважение личности, социальная справедливость, законность, гласность, постоянный учет общественного мнения. Эти принципы регулируют отношения в сфере охраны общественного порядка. Они закреплены Конституцией Республики Беларусь и другими законодательными и иными правовыми актами.

Анализ литературных источников, касающихся комплекса специальных принципов охраны общественного порядка, показал следующее.

Во-первых, существуют различные мнения относительно содержания комплекса специальных принципов охраны общественного порядка, используемых в органах внутренних дел.

Во-вторых, имеется ряд отличий и неточностей в их названиях. Некоторые из них не меняют сущности самих принципов. Поэтому здесь можно говорить лишь о целесообразности таких названий. Например, принцип «массирование сил и средств на решающих участках и в решающее время» более точно (по содержанию), на наш взгляд, отражен в названии «сосредоточение усилий, сил и средств на важнейших направлениях и в решающий момент». Есть и объединение различных принципов в одно название. Например, «непрерывность охраны общественного порядка» и «гибкость тактики охраны общественного порядка» объединены под названием «непрерывность и гибкость тактики охраны общественного порядка». Принцип «маневр силами и средствами» имеет формулировку «гибкость маневра силами и средствами с учетом изменения обстановки». Целесообразность такой формулировки вызывает сомнения, так как вся тактика должна быть гибкой.

В-третьих, в некоторых литературных источниках отсутствует один из древнейших принципов тактики, имеющий существенное значение и в современных условиях охраны общественного порядка, который носит название «внезапность действий». В криминалистической тактике ему уделяется значительное внимание [2, с. 15]. Его использование в сфере охраны общественного порядка имеет свои особенности и требует особого внимания, так как границы его применения в зависимости от конкретной ситуации подвижны и взаимосвязаны с вопросами административного

усмотрения, тем более что нарушение правовых границ при его использовании может являться причиной нарушения прав и свобод граждан.

Для эффективной охраны общественного порядка, особенно в случаях предупреждения и пресечения преступлений, данный принцип имеет первостепенное значение. Внезапность, имея чисто тактический характер, нередко оказывает большое психологическое воздействие на правонарушителей. Она может, например, сыграть решающую роль в быстрой ликвидации групповых или массовых нарушений общественного порядка.

Проведенный анализ дает возможность уточнить состав и наименование элементов комплекса специальных принципов тактики охраны общественного порядка. Их можно сформулировать как:

комплексное использование и тесное взаимодействие сил и средств; сосредоточение усилий, сил и средств на важнейших направлениях и в решающий момент;

маневр силами и средствами;

активность;

непрерывность охраны общественного порядка;

гибкость тактики охраны общественного порядка;

внезапность действий;

профилактическая направленность правоохранительной деятельности;

наличие резерва сил и средств.

Помимо перечисленных принципов можно назвать еще один – целесообразность, который, с одной стороны, как бы объединяет все вышеперечисленные начала, а с другой – основывается на них. Его сущность в тактике охраны общественного порядка заключается в выборе наиболее целесообразного варианта действий (деятельности), а также сил и средств, необходимых для его реализации в конкретной ситуации. Целесообразность, практическая обоснованность применения тех или иных сил и средств, тактических способов охраны общественного порядка должны быть обусловлены значением достижения возможного результата соотносительно с затратой необходимых сил, средств и времени.

Некоторые авторы включают в комплекс тактических принципов организационные принципы деятельности органов внутренних дел. К ним относятся: централизация и единство руководства (управления), правильное определение целей и задач подразделений, заблаговременная разработка планов действий органов внутренних дел в различных условиях оперативной обстановки, всестороннее обеспечение [3, с. 17]. В области специальной тактики органов внутренних дел к таким принципам относят единоначалие, планирование деятельности органов внутренних дел [4, с. 27].

Тесная взаимосвязь организации, управления и тактики в сфере охраны общественного порядка обуславливает необходимость использования определенного механизма, включающего в себя весь комплекс принципов деятельности органов внутренних дел, но применяемых не шаблонно, а в различном сочетании и последовательности с учетом конкретной оперативной обстановки.

Наличие широкого спектра различных сил и средств в сфере охраны общественного порядка, необходимость координации тактических действий предопределяют централизацию управления и единство руководства, которые можно отнести к важнейшим принципам тактики охраны общественного порядка.

Теорией и практикой охраны общественного порядка выработаны и другие организационно-тактические принципы. В числе их можно назвать планирование деятельности (действий). Не требует доказательств, что любые разумные действия, а тем более деятельность требуют определенного планирования.

В тактической деятельности органов внутренних дел планирование имеет свои особенности. В первую очередь это связано с невозможностью предусмотреть, а значит, и спланировать все возможные практические варианты тактических действий, которые в известной степени очерчены определенными (правовыми) рамками, но находятся в прямой зависимости от постоянно меняющейся оперативной обстановки. Поэтому планирование в тактике охраны общественного порядка в большей степени представляет собой выработку алгоритмов (планов) тактических действий для различных, но типичных условий оперативной обстановки, а также разработку планов проведения различных мероприятий предусматривающих варианты тактических действий по охране общественного порядка. Так, например, при проведении культурно-массовых мероприятий органами внутренних дел должны быть предусмотрены вопросы расстановки сил и средств, варианты возможных тактических действий в случае осложнения обстановки, возможность маневра, вопросы управления и т. д. Достоинство типовых планов в том, что они дают основное направление тактических действий в типичных ситуациях, но оставляют известную степень свободы в принятии и реализации детализированных тактических решений.

Немаловажное значение в тактике имеет принцип необходимого и всестороннего обеспечения субъектов, осуществляющих охрану общественного порядка. Оно включает в себя правовое, материально-техническое, оперативное обеспечение, отбор и специальную подготовку личного состава органов внутренних дел, других компетентных орга-

нов, а также обучение и воспитание граждан, участвующих в охране общественного порядка как самостоятельно, так и в составе общественных объединений.

К организационно-управленческим принципам, используемым в тактике охраны общественного порядка, на наш взгляд, следует отнести: централизацию управления и единство руководства (единоначалие), планирование тактической деятельности (действий), достаточное и всестороннее обеспечение (в том числе и правовое), делегирование полномочий и детализацию тактических решений.

Специальные и организационно-управленческие принципы тактики охраны общественного порядка составляют только часть более общей системы основополагающих начал. В любой сфере деятельности принципы связаны с сущностью, содержанием и целью этой деятельности. Как известно, цели и задачи деятельности, с одной стороны, определяют систему ее принципов, а с другой – сами соотносятся с принципами [5, с. 46]. Соответственно тактика, являясь составной частью той или иной деятельности, не только определяется, но и соотносится с принципами этой деятельности, а цели и задачи предметной деятельности определяют границы системы принципов тактики.

Тактика охраны общественного порядка, являясь одним из способов (средств) достижения цели в государственной системе обеспечения общественного порядка, объективно связана с целями и задачами государственной деятельности в рассматриваемой сфере. Ее принципы очерчены реально существующими социальными условиями жизнедеятельности общества.

Тактика охраны общественного порядка, соотносясь с государственной политикой, является одним из способов (средством) непосредственного «обеспечения надежной защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, интересов общества и государства» [6, с. 38], т. е. выступает средством защиты публичных интересов в сфере охраны общественного порядка. С другой стороны, она является средством воздействия на человека (людей), нарушающего этот интерес.

Тактика органов внутренних дел по охране общественного порядка и борьбе с правонарушениями должна быть правомерной, т. е. в полной мере соответствовать не только сущности действующих законодательных норм и подзаконных, но и общему духу законов. Правомерность является также особенностью криминалистической тактики, оперативно-розыскной тактики, а также тактики действий всех правоохранительных структур. В широком смысле она является атрибутом тактических действий всех компетентных органов (должностных лиц), а также общественных объединений и граждан, участвующих в охране общественного порядка.

Принцип законности выражается как в правоохранительном характере самой деятельности милиции, так и в том, что она осуществляется на основе строгого и неуклонного соблюдения законов и подзаконных актов [7, с. 279]. Сотрудники милиции, охраняя общественный порядок, права и свободы граждан, предупреждая, пресекая правонарушения и привлекая виновных за совершение противоправных действий к ответственности, последовательно укрепляют законность и правопорядок в нашей стране. Их деятельность, а также деятельность других субъектов, осуществляющих охрану общественного порядка, в том числе и тактическими способами, должна осуществляться в пределах компетенции данного государственного органа и строго в соответствии с законом и подзаконными актами.

Особо в тактике охраны общественного порядка следует выделить принцип недопустимости противопоставления законности и целесообразности. Это связано прежде всего с тем, что, во-первых, большинство тактических способов не закреплены нормами права, а во-вторых, тактика охраны общественного порядка как искусство не терпит шаблонности, ее элементы (виды, формы, методы, приемы) постоянно меняются ввиду изменения условий и обстоятельств охраны общественного порядка.

В специальной литературе сущность принципа недопустимости противопоставления законности и целесообразности трактуется неоднозначно. Например, отмечается, «что деятельность ППСМ должна отвечать требованиям закона. Недопустимы действия вопреки закону под предлогом их целесообразности, ибо других законов, кроме целесообразных, у нас быть не может. Сам закон есть высшая степень проявления целесообразности» [8, с. 21].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что к социально-правовым основам тактики охраны общественного порядка следует отнести: уважение личности, гуманизм и социальную справедливость, принцип публичного (государственного) интереса и соразмерности, законность (легальность), необходимость правового обоснования, недопустимость противопоставления законности и целесообразности, административное усмотрение при принятии тактических решений.

Таким образом, в условиях становления правовой государственности и утвердившейся современной концепции прав и свобод человека основой в практике применения тактических способов охраны общественного порядка являются конституционные нормы и социально-правовые принципы тактики охраны общественного порядка, которые определяют рамки (условия) всех остальных основополагающих начал и непосредственно самой тактической деятельности (действий) субъектов, осуществляющих охрану общественного порядка.

1. Колонтаевский, Ф.Е. Организационные и тактические основы охраны общественного порядка и безопасности органами внутренних дел : лекция / Ф.Е. Колонтаевский. – М. : Акад. МВД России, 1994. – 32 с.
2. Белкин, Р.С. Фактор внезапности, его учет и использование при расследовании преступлений : лекция / Р.С. Белкин. – М. : Акад. МВД России, 1995. – 34 с.
3. Ракушин, П.А. Тактические основы охраны общественного порядка органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / П.А. Ракушин. – М., 1982. – 24 с.
4. Бондаревский, И.И. Управление органами внутренних дел по обеспечению общественной безопасности в чрезвычайных обстоятельствах: теоретические, правовые и организационно-тактические основы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.13 / И.И. Бондаревский. – М., 2000. – 38 с.
5. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Общая : учебник / под ред. А.П. Коренева. – 3-е изд., доп. – М. : Моск. акад. МВД России : Центр юрид. лит. «Щит», 2001. – 309 с.
6. Управление деятельностью служб общественной безопасности : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю.Н. Ольховникова, Ф.Е. Колонтаевского. – М. : Прогресс, 2000. – Ч. 2. – 218 с.
7. Административная деятельность органов внутренних дел. Часть Особенная : учебник / под ред. А.П. Коренева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : МЮИ МВД России : Щит-М, 1999. – 362 с.
8. Тактика несения службы патрульно-постовыми нарядами милиции / А.З. Гливинский [и др.] ; под ред. Л.Л. Попова. – М. : Акад. МВД России, 1995. – 128 с. – (Библиотечка сотрудника патрульно-постовой службы милиции).

УДК 343.985

Н.М. Самусев, выпускник следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – *В.Н. Лепешко*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Незаконный оборот наркотиков и злоупотребление ими – это серьезная угроза национальной безопасности нашей страны. Наркомания как результат незаконного оборота наркотических средств разрушает социально-экономическое состояние страны, духовную жизнь общества, генофонд народа, приводит к увеличению числа преступлений, связанных с наркоманией и наркобизнесом.

Незаконный оборот наркотиков в Республике Беларусь с каждым годом приобретает все больший масштаб, видоизменяясь и приобретая новые формы. Все чаще для распространения наркотических средств,

психотропных и сильнодействующих веществ используется глобальная сеть Интернет; большую популярность приобретают специально создаваемые сайты, популярные в молодежной среде социальные сети.

Ученые и общественные деятели полагают, что в связи с колоссальной ролью сети Интернет в жизни современного общества – от социально-экономической вплоть до политической – информационная безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности [1].

Благодаря интернету мир связи и информационного обмена преобразился. Интернет стал важным средством сбора информации, поддержания связи с друзьями, деловыми партнерами и миром в целом, а также купли-продажи товаров. Его появление вызвало радикальные изменения в сфере связи и торговли. Интернет облегчил многим профессиональную деятельность и повседневную жизнь, позволяя просто и быстро производить ранее обременительные деловые операции, мгновенно, одновременно обмениваться информацией или получить доступ к требуемым услугам.

Вместе с тем преступники также пользуются интернетом и злоупотребляют его возможностями. Наиболее известные формы беспринципного и преступного его использования – распространение детской порнографии, пропаганда насилия и финансовое мошенничество, незаконный оборот наркотиков. Так, наркоторговцы используют интернет для создания и поддержания своих преступных сетей, торговли запрещенными психоактивными средствами или химическими веществами – прекурсорами, которые используются при изготовлении таких средств.

Доступность, простота в обращении, отсутствие надлежащего контроля со стороны правоохранительных органов обуславливают активное использование сети Интернет для распространения запрещенных веществ. Опасность данной ситуации в том, что пользователями глобальной информационной сети являются дети и подростки, которым навязывается информация о положительном действии наркотиков, появлении «легальных порошков», а также предоставляется возможность быстро и недорого приобрести психотропное или наркотическое средство.

В последнее десятилетие объем незаконной торговли наркотическими средствами и психотропными веществами через веб-сайты заметно вырос, интернет стал одним из главных источников наркотиков для лиц, злоупотребляющих ими. Многие психоактивные средства обладают аддиктивным потенциалом, некоторые из них являются сильнодействующими, что ведет к фатальным последствиям. Особенно тревожит то, что, имея возможность анонимно действовать в интернете, дети и подростки легко приобретают психоактивные средства.

Расследование распространения наркотиков через средства массовой информации специфично в связи с предметом, способом и личностью преступника: так, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, психотропных и сильнодействующих веществ, а также курительных смесей, в большинстве своем совершаются молодыми лицами. При задержании лиц соответствующей возрастной категории следователю рекомендуется предпринять все необходимые меры для обнаружения способов и путей приобретения наркотиков; учитывать, что незаконный оборот наркотиков в сети Интернет используется с помощью спутниковых сетей телекоммуникаций и связи, поэтому такого рода преступления совершаются на значительном расстоянии, охватывая различные страны. При этом расследование этих преступлений может занимать многие месяцы, что дает преступнику возможность предупредить принимаемые против него меры.

Эффективному раскрытию такого рода преступлений часто препятствуют как субъективные факторы (отсутствие у сотрудников правоохранительных органов специальных компьютерных знаний), так и объективные (инертность системы международной правовой помощи, несовершенство законодательства, различные подходы к оценке преступности, связанной с распространением тех ли иных веществ).

Объект расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, распространяемых посредством интернета, – информация, отражающая направленность умысла на распространение, приобретение или сбыт наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ, переписка приобретателя со сбытчиком, номера телефонов, паспортные и иные данные для совершения денежных переводов, иная информация [2, с. 31–32].

В белорусском законодательстве за провайдерами и владельцами серверов не закреплена обязанность сохранения электронной информации, характер, объем и срок ее хранения. Поэтому любое заинтересованное лицо путем удаленного доступа с любого персонального компьютера из любого места может удалить доказательственную информацию или иным образом воспрепятствовать ходу расследования уголовного дела. Исходя из вышеизложенного, считаю необходимым законодательно закрепить обязанность провайдеров и владельцев серверов обеспечить техническую возможность сохранения необходимой информации, а за следователем – возможность требовать на определенный срок, до получения судебного решения об изъятии указанной информации, сохранение всего необходимого объема информации, которая может быть и основой доказательств по делу, и носить оперативный характер.

По данным Международного комитета по контролю за распространением наркотиков, сформированного при Организации Объединенных Наций, существенный рост потребления наркотиков напрямую связан с использованием интернета в качестве специфического канала наркоторговли [3]. В сети распространяется информация о местах сбыта наркотических средств, представлены рекомендации по выращиванию конопли в закрытых помещениях, рекламируются услуги по доставке посевного материала. Незаконный оборот наркотиков в сети Интернет включает не только продажу запрещенных препаратов, но и во все больших масштабах незаконную торговлю лекарственными средствами, содержащими наркотические средства и психотропные вещества. Причины повышенного интереса наркопреступности к киберпространству вполне понятны: в этой среде есть особые условия не только для обеспечения конспиративной коммуникации поставщиков и потребителей наркотических средств, но и для систематического решения иных широкомасштабных криминальных задач, таких, например, как координация деятельности транснациональных преступных формирований и реализация эффективных схем отмывания денег.

Универсального метода решения проблемы наркомании в Республике Беларусь не существует, необходимо применить комплекс мер по минимизации этой социальной проблемы. К ним могут относиться следующие меры.

1. Жесткое государственное регулирование данной проблемы. В СССР существовало принудительное лечение наркоманов, и это было довольно эффективно.

2. Просветительская деятельность о вреде наркотиков. На телевидении не должно быть фильмов и передач, которые снисходительно отзываются о наркотиках и наркотической зависимости. Тем более не должно высказываться одобрение тем странам, которые легализовали употребление наркотиков. В семье должны объяснять ребенку, что наркомания – это серьезная проблема, которая может стать фатальной ошибкой в жизни. Каждому подростку необходимо уделять особое внимание и родителям, и учителям, потому что он начинает употреблять наркотики, думая, что никому не нужен.

3. Развитие социальной рекламы, которая сможет донести до общества, что наркомания – это действительно бич всего человечества, касающийся всех. Однако реклама должна мотивировать, а не пугать и вызывать отвращение.

Для повышения эффективности противодействия обороту наркотиков в сети Интернет, на наш взгляд, следует предпринять ряд следующих

щих организационных мер: 1) обеспечить правовую и материально-техническую базу для создания межведомственных рабочих групп, способных наладить продуктивное взаимодействие в ходе оперативно-розыскной деятельности в рассматриваемой сфере; 2) установить межгосударственное взаимодействие правоохранительных органов, в том числе при осуществлении оперативно-розыскного мониторинга киберпространства, направленного на выявление организованных преступных групп, распространяющих наркотические средства через сетевые инфокоммуникационные каналы; 3) организовать комплексные научные исследования, результатом которых должны стать обоснованные методические рекомендации по тактически грамотному осуществлению оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет, включая оперативное внедрение в рассматриваемые криминальные структуры специально подготовленных сотрудников органов внутренних дел. При этом должны обстоятельно исследоваться особенности правовой природы и средства достижения негласной оперативно-розыскной деятельности в сети Интернет [4]; организовать подготовку кадров, способных решать специфические задачи оперативно-розыскного противодействия организованным преступным группам, использующим инфокоммуникационные технологии, путем создания новых специальностей на основе особых учебных программ с привлечением к преподаванию квалифицированных специалистов; формировать в образовательных организациях специфическую материальную базу, включающую высокотехнологичное инфокоммуникационное оборудование, новейшие оперативно-технические средства и аппаратно-программные комплексы.

Разумеется, это далеко не полный перечень мер, повышающих эффективность оперативно-розыскного противодействия незаконному обороту наркотических средств, совершаемому с использованием телекоммуникационных устройств. Однако даже их реализация, по моему мнению, могла бы существенным образом повлиять на решение наркоситуации в нашей стране.

1. Чеботарева, А.А. Научные подходы к определению понятия «информационная безопасность» / А.А. Чеботарева // Информ. право. – 2011. – № 1. – С. 4.

2. Вехов, В.Б. Особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием средств электронно-вычислительной техники : учеб-метод. пособие / В.Б. Вехов. – Волгоград : Перемена, 1998. – 158 с.

3. Руководство для правительств по предупреждению незаконной торговли через Интернет веществами, находящимися под международным контролем [Электронный ресурс]. – Нью-Йорк : ООН, 2009. – Режим доступа: www.ifarp.ru/library/book415. – Дата доступа: 20.04.2017.

4. Павличенко, Н.В. Негласность в оперативно-розыскной деятельности / Н.В. Павличенко, А.С. Самodelкин // Вестн. Волгogr. акад. МВД России. – 2013. – № 3. – С. 88–93.

УДК 343.43

В.В. Сидорук, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Н.И. Ретнева*

ДОКТРИНАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

Любое научное исследование предполагает определение содержания и границ изучаемого явления, так как при нечеткой или неправильной трактовке невозможно разработать соответствующие меры по решению проблемы. Чтобы понять, каким образом предотвратить торговлю людьми и эксплуатацию человека, необходимо изначально определить, в чем суть данного явления.

Среди ученых продолжаются дискуссии по двум ключевым вопросам: во-первых, какое понятие следует использовать для обозначения данного явления, во-вторых, каково содержание этого понятия. Эти дискуссии продолжаются, несмотря на наличие многочисленных законодательно закрепленных трактовок как на международном, так и на национальном уровнях, что объясняется в первую очередь несовершенством этих трактовок.

Ряд исследователей, например А.Л. Репецкая и В.Б. Шакин, используют термин «криминальная эксплуатация». Так, В.Б. Шакин выделяет в криминальной эксплуатации две основные составляющие: легальное и нелегальное перемещение и эксплуатацию людей с помощью различных форм принуждения [1].

Однако данное определение не охватывает все действия, входящие в состав деятельности по торговле и эксплуатации людей, так как такие этапы, как вербовка, предоставление и получение человека, а также его укрывательство не учитываются вовсе. Кроме того, торговля и эксплуатация, предметом которых является человек, могут происходить и без перемещения жертвы. Далее, на наш взгляд, избранный авторами термин не отражает в полной мере содержание и суть преступных деяний, составляющих торговлю людьми, так как акцент делается только на этап эксплуатации, при этом игнорируются стадии вербовки и торговли людьми.

Многие авторы склонны сужать понятие торговли людьми до преступной деятельности, исключительной целью которой является сексуальная эксплуатация. Это объясняется тем, что большинство жертв торговли – женщины и молодые девушки, а самая распространенная форма их эксплуатации – сексуальная. Тем не менее представляется необоснованным игнорирование того, что не всегда люди покупаются и продаются с целью эксплуатации (например, дети могут покупаться с целью усыновления) и что эксплуатация может проявляться в различных формах: хозяйственные и строительные работы, производственная и сельскохозяйственная деятельность, оказание различных видов услуг.

Часть авторов нередко используют наряду с термином «торговля людьми» выражение «совершение иных сделок по отношению к человеку». Так, по мнению Е.В. Евстифеевой, «торговлю людьми можно определить как совокупность общественно опасных деяний, посягающих на личную свободу человека, выражающуюся в совершении сделок в отношении человека, обращении в рабство, принуждении к труду, сопряженные с применением физического или психического» насилия, обмана, шантажа, использованием материальной или иной зависимости потерпевшего и иными способами в целях использования этих лиц для корыстных или иных побуждений» [2, л. 95].

Это одна из самых удачных формулировок, существующих на сегодня, если говорить исключительно о торговле людьми в чистом виде без контекста вербовки и дальнейшей эксплуатации. Более того, цель торговли людьми здесь представлена настолько широко, что не будет вызывать проблем при определении преступности деяния. Примечательно, что российский законодатель в новой редакции ст. 127¹ (в редакции Закона от 25.11.2008 г.) использовал формулировку «купля продажа и иные сделки в отношении человека», которую предложила Е.В. Евстифеева.

Для обозначения всего комплекса преступлений, которые совершаются при торговле людьми, Ф.Н. Кадников использует понятия «преступления, связанные с торговлей людьми» и «криминальная деятельность, связанная с торговлей людьми». Под последней автор понимает сложное, многоаспектное социально-правовое явление, характеризующееся комплексом преступлений, в который входят: непосредственно торговля людьми, использование рабского труда, сексуальная эксплуатация, вовлечение и принуждение к проституции, принуждение к труду, похищение и незаконное удержание людей, деятельность по незаконному пересечению государственных границ, подделка документов и т. д. [3]. Предложенные автором понятия представляются весьма удачными, так как они позволяют учесть все и любые преступные деяния, имеющие место при торговле людьми и их эксплуатации. Однако в определенных

ситуациях это одновременно может быть и недостатком предложенных понятий и трактовок, так как они не совсем точны и не содержат конкретных характеристик преступлений, связанных с торговлей людьми и эксплуатацией человека.

Тем не менее большинство авторов сводят определение торговли людьми к перечислению его этапов и указанию в качестве цели подобной деятельности последующую эксплуатацию жертв. Например, известный исследователь М.Ю. Буряк определяет торговлю людьми как «вербовку, перевозку, передачу, получение или укрывательство лица, осуществляемые в целях его последующей эксплуатации» [4], акцентируя при этом, что понятия «торговля людьми» и «эксплуатация человека» представляют собой разные действия. В частности, М.Ю. Буряк определяет сексуальную эксплуатацию как действие, осуществляемое в целях удовлетворения физиологических или психологических потребностей, получения финансовой или иной выгоды от использования сексуальных свойств человека против его воли [4].

Еще одним примером подобных дефиниций, где акцент делается на перечислении этапов торговли людьми и указанием в качестве цели эксплуатацию человека, может служить определение, данное в Стандартных правозащитных принципах (СПП), принятых Всемирным Альянсом против торговли женщинами, Международной группой по правам человека, Фондом против торговли женщинами и другими НПО в 1999 г. Согласно СПП, торговля людьми – акты или попытки актов, содержащие вербовку, перевозку внутри страны или через границы, продажу, покупку, получение и укрывательство лица, включающее использование обмана и насилия (использование угрозы применения силы или злоупотребление властью) или долговое рабство с целью удержания лица, за плату или без таковой, в принудительном труде (домашнем, сексуальном или репродуктивном), или в условиях, подобных рабству [5].

Наконец, есть группа авторов, которая смешивает понятия торговли людьми и их эксплуатации со смежными действиями, такими как организация легальной или нелегальной миграции, работорговля, контрабанда людей, вовлечение в занятие проституцией, незаконное лишение свободы, похищение человека. Поэтому необходимо определить различия между торговлей людьми, их эксплуатацией и смежными понятиями.

Торговля людьми и работорговля. Ст. 7 Дополнительной конвенции ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7 сентября 1956 г. относит к работорговле любые действия:

1) связанные с захватом, приобретением какого-либо лица или распродажей им с целью обращения его в рабство;

- 2) связанные с приобретением раба с целью его продажи или обмена;
- 3) по продаже или обмену лица, приобретенного с целью продажи или обмена;
- 4) по торговле или перевозке рабов какими бы то ни было транспортными средствами [6].

Таким образом, под понятие «работоторговля» подпадают любые сделки, совершаемые в целях эксплуатации (обращение в рабство) или корысти (продажа или обмен). При этом четко различаются действия, связанные с обращением человека в рабство, которые совершаются в отношении свободного человека (не являющегося рабом), и действия, связанные с торговлей, которые совершаются в отношении как свободного человека, так и раба с целью продажи или обмена [6]. Иначе говоря, понятие работоторговли уже понятия торговли людьми, также эти явления отличаются по статусу жертв: пострадавшие от торговли людьми изначально являются свободными людьми, которые в большинстве случаев и не знают, что станут жертвами торговли, а предметом работоторговли являются как уже поработанные, так и свободные люди.

Эксплуатация и рабство. Слово «эксплуатация» в переводе с французского языка переводится как присвоение результатов чужого труда теми, кто владеет средствами производства. Эксплуатация человека представляет собой преступную деятельность, предполагающую осуществление в отношении человека таких правомочий, присущих праву собственности, как права владения, распоряжения и пользования. Как было описано выше, под рабством понимается состояние или положение человека, к которому применяются все атрибуты права собственности или некоторые из них. Исходя из этих двух определений рабство и эксплуатация человека могут быть одинаковыми или весьма близкими по содержанию понятиями. Белорусский законодатель в Уголовном кодексе определил эксплуатацию как незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по не зависящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством. То есть рабский труд является разновидностью эксплуатации. На наш взгляд, это определение весьма удачно, так как соответствует сути и объективно существующей ситуации, связанной с эксплуатацией людей.

Торговля людьми и миграционные процессы. Миграция может являться одним из этапов торговли людьми, в ходе которой будущих жертв перемещают из одной территории на другую. При этом миграция может быть как легальной, с использованием туристических или рабочих виз, так и нелегальной. Осознание сути миграционных процессов важно по-

тому, что именно миграция, в том числе трудовая, является основным мотивом людей, которые поддаются вербовке или сами обращаются к торговцам людьми. Результаты опроса жертв показали, что в рамках процесса торговли людьми в большинстве случаев миграция добровольна и легальна. Такие случаи, как похищение и насильственное перемещение человека из места его обитания, являются скорее исключением, чем распространенной практикой.

Несмотря на тесную связь между миграционными процессами и торговлей людьми, эти явления нельзя отождествлять, так как они отличаются по сути и целям. Нелегальная миграция посягает на интересы государства как суверенного субъекта, а торговля людьми – на конституционные права человека (такие как свобода личности, жизнь, здоровье, свобода выбора трудовой деятельности и т. д.). Кроме того, цель мигрантов, легальных и нелегальных, – смена места жительства или поиск работы, если речь идет о трудовой миграции. Цель торговцев людьми – извлечение выгоды как из самой сделки, так и из дальнейшей эксплуатации человека.

Торговля людьми и контрабанда людей. Под контрабандой людей понимается перевозка человека в другую страну нелегальным способом при его предварительном и, как правило, добровольном согласии. Контрабанда, как и миграционные процессы, может быть лишь этапом торговли людьми, при условии, что жертвы заранее знают, что их будут нелегально перемещать через государственную границу, и они согласны на это. При этом нужно учитывать, что цель контрабанды – это получение вознаграждения за услуги нелегального перевоза людей через государственную границу в другую страну, а цель торговли людьми, повторим, – извлечение выгоды как из самой сделки купли-продажи или обмена, так и из дальнейшей эксплуатации человека.

Торговля людьми, похищение человека, незаконное лишение свободы. Согласно ст. 182 УК Республики Беларусь похищение человека представляет собой тайное, открытое, путем обмана или злоупотребления доверием или соединенное с насилием или с угрозой его применения, или иными формами принуждения противоправное завладение лицом.

При разграничении составов преступлений, предусмотренных ст. 181 УК и ст. 182 УК, следует исходить из способа, с помощью которого произошли завладение лица и установление контроля за поведением потерпевшего. Если завладение основывалось на добровольном согласии, как правило, в результате вербовки, а затем имело место перемещение человека в иное место против его воли, а в некоторых случаях насильственное удержание его в определенном месте, то речь следует вести о конкуренции общей и специальной нормы. При этом статья, предусматривающая ответственность за похищение человека, является общей по отношению к

торговле людьми, поскольку включает в себя действия, совершенные не только с целью эксплуатации. В данном случае все действия, связанные с насильственным перемещением потерпевшего, охватываются ст. 181 УК и не требуют дополнительной квалификации по ст. 182 УК.

Однако если будет установлено, что завладение человеком было сопряжено с насилием или угрозой его применения, а равно с использованием иных форм принуждения, то для правильной квалификации необходимо установить направленность умысла виновного. Если похищение человека заведомо было совершено для передачи человека и его эксплуатации, то содеянное следует квалифицировать как похищение человека (ст. 182 УК) и приготовление к торговле людьми (ст. 13 и ст. 181 УК).

Если умысел лица, совершившего похищение потерпевшего, не был связан с передачей его с целью эксплуатации, а был обусловлен получением, например, денежного вознаграждения, но впоследствии принявшего решение о передаче человека для его эксплуатации, то имеет место совокупность преступлений (ст. 181 и ст. 182 УК).

Незаконное лишение свободы – ограничение личной свободы человека путем водворения его в какое-либо помещение, связывания или иного насильственного удержания при отсутствии признаков должностного или другого более тяжкого преступления (ст. 183 УК). Как и похищение человека, незаконное лишение свободы отличается от торговли людьми в первую очередь по субъективной стороне. По признаку объективной стороны незаконное лишение свободы нередко является одним из этапов торговли людьми, обычно называемое укрывательством, когда торговцы людьми в процессе перевозки или эксплуатации жертв не позволяют им перемещаться из одного места в другое, выбирать по своему усмотрению место проживания и нахождения, иметь контакты с родственниками и знакомыми и проч. В таких ситуациях, по нашему мнению, нет необходимости квалифицировать деяния преступников по совокупности ст. 181 и 183 УК. Что касается одновременного совершения таких преступлений, как торговля людьми и незаконное лишение свободы, то довольно сложно смоделировать такую ситуацию, поскольку незаконное лишение свободы не предусматривает перемещение человека из места его нахождения, а торговля людьми, наоборот, подразумевает такое перемещение. Однако теоретически совокупность данных преступлений возможна, если преступник сперва незаконно лишил человека свободы без цели его дальнейшей эксплуатации, а затем у него возник умысел на принуждение человека к работе или оказанию услуг (совокупность ст. 181 и 183 УК).

Кроме вышперечисленных уголовно-правовых отличий между торговлей людьми и похищением человека или незаконным лишением свободы, данные преступные деяния отличаются тем, что, в отличие от

похищения и незаконного лишения свободы, перемещение и удержание человека в ходе его перевозки, передачи, получения и укрывательства в рамках торговли людьми могут совершаться с согласия жертвы.

Торговля людьми, их эксплуатация и вовлечение в занятие проституцией. Ст. 171¹ УК Республики Беларусь предусматривает уголовную ответственность за вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией, в том числе с применением насилия или угрозы его применения. Торговля людьми и их эксплуатация могут включать в себя вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению занятия проституцией в случаях, когда женщины становятся объектом торговли или иных сделок в целях сексуальной эксплуатации. Иначе говоря, ст. 171¹ УК уже по своему содержанию, чем торговля людьми. Кроме того, с точки зрения уголовно-правовых характеристик, объектом преступления, предусмотренного ст. 171¹ УК, является общественная нравственность в области сексуальных отношений, а объективной стороной – вовлечение в занятие проституцией или принуждение к продолжению оказания сексуальных услуг. Объектом преступлений, предусмотренных ст. 181 и 181¹, являются общественные отношения по защите личной свободы человека, его чести и достоинства.

На основе проведенного анализа и изучения содержания торговли людьми можно сделать следующие выводы:

1) термин «торговля людьми» не должен охватывать содержание термина «эксплуатация человека» и наоборот, поскольку они представляют собой два разных по содержанию и смыслу деяния;

2) эксплуатация не является этапом торговли людьми, следовательно, называть весь процесс от вербовки до эксплуатации одним термином «торговля людьми» нецелесообразно;

3) понятие торговли людьми не должно содержать обязательного условия возмездности передачи человека, потому что в деятельности преступных групп, где, предположим, один человек занимается вербовкой, другой – транспортировкой жертвы и ее передачей, а третий впоследствии ее эксплуатирует, нет элементов купли-продажи, обмена или дарения, поскольку речь идет о слаженной деятельности, каждый из реализаторов которой выполняет свою роль.

Торговля людьми (включая такие ее этапы, как вербовка, перевозка, передача, укрывательство) могут существовать как отдельные самостоятельные криминальные деяния. В то же время в большинстве случаев это взаимосвязанные преступные деяния, так как:

1) вербовка осуществляется с целью торговли и/или эксплуатации людей, а торговля людьми и/или их эксплуатация чаще всего невозможны без процесса вербовки;

2) торговля людьми часто происходит с целью извлечения выгоды от использования жертв, то есть для эксплуатации;

3) для того чтобы получать выгоду от эксплуатации, безусловно, нужен объект эксплуатации – человек, которого преступники получают в распоряжение, как правило, путем вербовки и/или торговли (купли-продажи или осуществления в отношении лица других сделок).

1. Шакин, В.Б. Понятие криминальной эксплуатации людей : Криминальная эксплуатация в уголовном законодательстве России [Электронный ресурс] / В.Б. Шакин. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp>. – Дата доступа 15.06.2017.

2. Евстифеева, Е.В. Теоретические проблемы уголовно-правовой ответственности за торговлю людьми : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.В. Евстифеева. – Саратов, 2002. – 197 л.

3. Кадников, Ф.Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, связанных с торговлей людьми : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ф.Н. Кадников. – М., 2007. – 243 л.

4. Буряк, М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней. Криминологические и уголовно-правовые аспекты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Ю. Буряк. – М., 2005. – 246 л.

5. Журавлев, С.Ю. Торговля людьми: механизм преступной деятельности, методика расследования : науч.-практ. пособие / С.Ю. Журавлев, А.М. Пигаев. – М. : Юрлитинформ, 2006. – 216 с.

6. Дополнительная Конвенция ООН об упразднении рабства, работорговли, институтов и обычаев, сходных с рабством [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2017.

УДК 351.746

В.В. Судариков, курсант факультета милиции
Научный руководитель – *А.Л. Федорович*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ С ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОХРАНЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

Одной из важнейших функций правового государства является охрана общественного правопорядка. Необходимым условием его достижения является эффективная правоохранительная деятельность компетентных органов и организаций.

Одним из факторов повышения эффективности деятельности органов внутренних дел по предупреждению, пресечению и профилактики

правонарушений, раскрытию преступлений является активное привлечение граждан к охране общественного порядка.

Участие населения в общественных организациях правоохранительной направленности, характер его взаимодействия с ОВД по обеспечению правопорядка в обществе зависит от того, насколько граждане удовлетворены состоянием своей безопасности, работой ОВД, насколько высоки доверие органам охраны правопорядка и готовность оказывать им содействие.

Рассматривая современное состояние проблемы взаимодействия правоохранительных органов с институтами гражданского общества и населением, нельзя игнорировать отечественный исторический опыт подобного взаимодействия, что необходимо как для познания и практического использования укорененных традиций, наиболее эффективных форм этой деятельности, так и для понимания специфики взаимоотношений между населением и государством (в лице органов охраны правопорядка) в деле противодействия преступности. Более того, этот опыт сегодня с полным основанием может оцениваться как важнейшая предпосылка выстраивания новой практики сотрудничества с населением.

Идея привлечения населения к решению задач охраны правопорядка в нашей стране не является изобретением только советского периода, а восходит к временам царской России. Такая форма участия общественности в борьбе с преступностью и профилактике правонарушений, как добровольные народные дружины, возникла в Москве в 1881 г. В указанное время они не были массовым явлением и ставили перед собой цель поддержания правопорядка при проезде высочайших особ по улицам столицы во время коронаций и связанных с ними массовых мероприятий [1, с. 40]. Но уже к 1905 г. численность этой организации достигла 80 тысяч человек, что говорило о востребованности общественного формирования правоохранительной направленности.

История создания первых народных дружин восходит к началу XX в. В 1918–1922 гг. по инициативе самих граждан в крупных промышленных городах СССР начали создаваться группы оказания помощи милиции в охране общественного порядка, носившие в то время различные наименования, однако в 1991 г. после распада советского государства эти объединения были ликвидированы. В 2003 г. деятельность общественных формирований была возобновлена в Республике Беларусь. Сегодня на постоянной основе действует около трех тысяч добровольных дружин, в которых насчитывается свыше 30 тысяч граждан. Более половины общественных правоохранительных формирований участвуют в охране порядка в сельской местности [2]. Сегодня Молодежный отряд охраны правопорядка (далее – МООП) объединяет порядка 15 тысяч юношей и девушек. Создан и действует 691 МООП [3].

Организационно выделяют две группы общественных объединений и граждан, участвующих в правоохранительной деятельности:

группа, непосредственно предназначенная для выполнения правоохранительных функций в сфере охраны общественного порядка (добровольные дружины, внештатные сотрудники, МООП);

группа, включающая в себя трудовые коллективы предприятий, учреждений и организаций и создаваемые ими общественные органы (комиссии, советы, товарищеские суды и др.).

Особое место в правовой регламентации сферы охраны общественного порядка принадлежит законам, которые принимаются в установленном порядке и, имея юридическую силу, регулируют важнейшие общественные отношения в рассматриваемой области. К ним в первую очередь относятся:

Закон Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 214-3 «Об участии граждан в охране правопорядка», который закрепляет формы участия граждан в охране общественного порядка;

Закон Республики Беларусь от 17 июля 2007 г. № 263-3 «Об органах внутренних дел Республики Беларусь», в котором закреплено, что ОВД осуществляют свою деятельность во взаимодействии с другими государственными органами, общественными объединениями, иными организациями;

постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2003 № 1354 «О добровольной дружине», в котором установлен порядок создания и деятельности добровольных дружин в Республике Беларусь;

Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», который закрепляет возможность для граждан принимать участие в деятельности по профилактике правонарушений (субъект профилактики правонарушений).

В соответствии с поставленной целью рассмотрим Основной Закон Республики Беларусь – Конституцию. Она не содержит упоминания об охране общественного порядка, впрочем, как и об ОВД вообще. Но в ст. 36 указано, что каждый имеет право на свободу объединений. Развитие демократического государства немислимо без развития гражданского общества. Сегодня в Республики Беларусь зарегистрировано 15 политических партий, 37 профессиональных союзов, 2 655 общественных объединений.

В 2003 г. принят Закон «Об участии граждан в охране правопорядка»; он закрепляет правовую основу, принципы, направления и формы участия граждан в обеспечении правопорядка, порядок создания деятельности, гарантии правовой и социальной защиты и меры поощрения, контроль и надзор за участием граждан в охране правопорядка.

Любая деятельность не может осуществляться без законодательных начал. Согласно ст. 3 Закона от 26 июня 2003 г. № 214-З «Об участии граждан в охране правопорядка» основными принципами участия граждан и их объединений в охране правопорядка являются:

- добровольность;
- законность;
- гуманность и уважение прав человека;
- гласность;
- тесное взаимодействие с государственными органами, осуществляющими охрану правопорядка.

В ст. 6 указанного закона граждане могут реализовывать свое право на участие в охране правопорядка в следующих формах:

- индивидуальном участии;
- внештатном сотрудничестве с правоохранительными органами;
- участии в объединениях граждан, содействующих правоохранительным органам в охране правопорядка (МООП БРСМ);
- членстве в добровольных дружинах;
- участии в советах общественных пунктов охраны правопорядка.

Индивидуальное участие граждан в охране правопорядка может осуществляться в виде сообщения в правоохранительные органы о ставших известными фактах готовящихся, совершаемых или совершенных правонарушений; причинах и условиях, способствующих их совершению; об оказании содействия правоохранительным органам в работе по профилактике и пресечению правонарушений; пропаганде правовых знаний, способствующих предупреждению правонарушений.

Так, индивидуальное участие граждан в охране правопорядка в Германии, США может осуществляться в виде долгосрочного сотрудничества в рамках института добровольных помощников полиции, а также как одномоментная помощь, выражающаяся в сообщениях в соответствующие органы о противоправном поведении, замеченных подозрительных предметах и подозрительных лицах. Среди коллективных форм участия используются такие формы, как создание пунктов по обеспечению правопорядка и предупреждению преступности (Япония), формирование полицейского резерва (помощников) (США), организация патрулирования общественных мест, создание добровольных дружин и иных общественных формирований правоохранительной направленности (Беларусь, Великобритания, США, Эстония и др.)

В нашей стране старосты в деревнях – это реальные люди, которые и сейчас помогают односельчанам решать проблемы. Сотрудники ОВД,

а именно участковый инспектор милиции, активно взаимодействуют со старостами в сельских населенных пунктах. Как правило, староста оказывает содействие участковому инспектору милиции в:

в проведении профилактических, разъяснительных бесед среди населения (о недопущении самогонарения, выращивания наркосодержащих растений и др.);

обмене информации – например, о лицах занимающихся незаконным хранением алкогольных напитков, производством, переработкой и хранением этилового спирта, продажей алкогольных напитков собственного производства, изготавливающих или приобретающих крепкие алкогольные напитки (самогон), о семьях, в которых дети находятся в социально опасном положении, и др.;

размещении в установленных местах, распространении среди населения информационных материалов (листовок, памяток, буклетов, брошюр) по вопросам профилактики правонарушений, а также сведений об участковом инспекторе, обслуживающем административный участок, с указанием его контактных телефонов и телефонов ОВД.

Во всех территориальных организациях Общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи» созданы и функционируют МООП, членами которых являются активисты БРСМ.

Члены МООП участвуют в охране правопорядка совместно с сотрудниками правоохранительных органов, обеспечивают общественный порядок во время проведения общественно-массовых мероприятий. За время своего существования МООП зарекомендовали себя как надежные партнеры и незаменимые помощники сотрудникам ОВД.

Члены МООП оказывают содействие ОВД:

в профилактике противоправных проявлений в молодежной среде;

гражданско-патриотическом воспитании молодежи, реализации проектов правоохранительной и военно-патриотической направленности;

дежурстве на дискотеках;

проведении коллективных профилактических работ с трудными подростками;

охране общественного порядка и общественной безопасности на улицах и в других общественных местах с сотрудником ОВД.

Добровольная дружина представляет собой основанное на членстве объединение граждан Республики Беларусь, принимающее участие в охране правопорядка и осуществляющее свою деятельность под руководством уполномоченных должностных лиц органов местного управления или иных юридических лиц, его создавших [4].

При выполнении функций по участию в охране правопорядка член добровольной дружины обязан иметь при себе и предъявлять по требованию граждан удостоверение, отличительный нагрудный знак или нарукавную эмблему (повязку) с символикой добровольной дружины, образцы которых устанавливаются Советом Министров Республики Беларусь.

Одна из форм привлечения граждан к участию в охране общественного правопорядка – материальное и моральное стимулирование. Так, членам дружин за участие в охране правопорядка руководство предприятий всех форм собственности предоставляет дополнительные дни к основному отпуску, денежные выплаты. Кроме того, согласно закону члены дружин подлежат обязательному страхованию за счет средств соответствующих местных бюджетов.

Добровольные дружины оказывают содействие ОВД:
в обмене информацией о правонарушениях или преступлениях;
планировании и осуществлении профилактических мероприятий;
гражданско-патриотическом воспитании молодежи, реализации проектов правоохранительной и военно-патриотической направленности;
охране общественного порядка и общественной безопасности на улицах и в других общественных местах с сотрудником ОВД.

В качестве внештатных сотрудников на добровольных началах могут привлекаться граждане Республики Беларусь не моложе 18 лет, положительно характеризующиеся по месту службы, работы, учебы, имеющие, как правило, среднее или высшее образование, активно участвующие в общественной жизни, способные по своим деловым и моральным качествам успешно выполнять поставленные перед ними задачи. Внештатных сотрудников также подбирают из числа добровольных дружинников, пенсионеров, как правило, бывших работников правоохранительных органов, органов или подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов пограничной службы Республики Беларусь, военнослужащих.

Внештатными сотрудниками во взаимодействии с сотрудниками ОВД проводится работа по поддержанию общественного порядка на улицах и в других общественных местах с целью предупреждения и пресечения административных правонарушений, раскрытия преступлений.

За рубежом наблюдается две модели обеспечения внутренней безопасности: централизованная модель с доминирующей ролью министерства внутренних дел (Германия, Италия, Испания, Франция) и децентрализованная модель (Великобритания, США, Япония), предполагающая высокую роль муниципальных органов власти в управлении полицией. Ориентация полиции на тесное взаимодействие с населением хорошо видна в децентрализованной модели, особенно в англосаксонских странах [5].

В ряде зарубежных стран, таких как США, Канада, Япония, установлены партнерские взаимоотношения полиции и населения на уровне муниципалитета. Так, широкое признание получило в США движение «Триада», суть деятельности которого схематично можно представить так: общество – пожилые люди – правоохранительные органы. В стране действует мощная сеть представителей движения, которые оказывают пожилым людям квалифицированную помощь, защищают их от противоправных действий, дают им возможность почувствовать себя необходимыми и полезными обществу [6, с. 200].

Государство должно всемерно стимулировать и развивать гражданскую активность населения, основанную прежде всего на естественном стремлении людей объединяться в целях защиты себя, своих близких и своего имущества от преступных посягательств. Ярким примером является Республика Беларусь, где за активное участие в охране правопорядка граждане могут поощряться органами местного управления и самоуправления, иными юридическими лицами, правоохранительными органами. За особые заслуги при исполнении общественного долга и проявленные при этом мужество и героизм граждане могут награждаться государственными наградами в установленном порядке.

В США стимулирование активности граждан ведется на основе определенных программ: программ наблюдения жителей за домами соседей, сообщения в полицию о совершаемых преступлениях и т. д.; одной из форм их реализации является активное патрулирование, осуществляемое жителями района. Кроме того, существуют программы, поддерживающие объединения граждан правоохранительной направленности. К одной из таких программ относится формирование полицейского резерва (помощников), в состав которых включаются гражданские лица, выполняющие на добровольной безвозмездной основе обязанности по обеспечению правопорядка. Члены этих формирований носят полицейскую форму, наделяются практически такими же, как и полицейские-профессионалы, правами по пресечению правонарушений, несут дежурство, имеют при себе принадлежащее им на законных основаниях огнестрельное оружие. Обладая высоким авторитетом в глазах общества, эти объединения являются средством формирования широкого слоя законопослушных граждан и мощным фактором патриотического воспитания населения [7, с. 31].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что успешная служебная деятельность ОВД в значительной мере зависит от надлежащей организации взаимодействия с общественностью. Создание

общественных объединений правоохранительной направленности способствует объединению усилий, совместной с ОВД работе по предупреждению правонарушений, воспитанию у граждан сознательной дисциплины, строгого соблюдения законов.

В заключение хотелось бы обратить внимание на необходимость повышения качества информирования населения о возможности его привлечения к охране общественного порядка. ОВД должны шире использовать возможности средств массовой информации, в том числе социальные рекламы, телевидение, радиовещание, газеты и др.; ежемесячно проводить на телевидении программы по вопросам привлечения и участия общественных объединений правоохранительной направленности, в том числе и награждение лиц, активно участвующих в охране общественного порядка; еженедельно опубликовывать в газете «На страже» информацию о лицах, оказывающих содействие в поддержании общественного порядка; содействовать рекламе на телевидении о привлечении граждан к охране общественного порядка. Люди мало знают о сути работы общественных объединений правоохранительной направленности, существующих льготах и гарантиях.

1. Ястребова, А.И. Генезис и эволюция способов участия общественных организаций в охране общественного порядка. Историко-теоретический анализ / А.И. Ястребова // Закон и право. – 2010. – № 9. – С. 40.

2. Щекин, Н.С. Мыслить на столетие вперед [Электронный ресурс] / Н.С. Щекин // Беларусь сегодня. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/mysliti-na-stoletie-vpered.html>. – Дата доступа: 02.03.2017.

3. Белорусский Республиканский союз молодежи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brsm.by>. – Дата доступа: 20.05.2017.

4. Об участии граждан в охране правопорядка [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 26 июня 2003 г., № 214-3 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юрспектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

5. Ониани, М.Г. Участие гражданского населения в оценке и контроле за деятельностью органов внутренних дел / М.Г. Ониани // Актуальные проблемы права: материалы Междунар. науч. конф., Москва, 23 ноября 2011 г. – М., 2011. – С. 105–108.

6. Медведицкова, Л.В. Опыт эффективного взаимодействия населения и полиции в зарубежных странах в процессе профилактики и раскрытия преступлений / Л.В. Медведицкова, В.В. Зубенко // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 1. – С. 199–201.

7. Гайдов, В.Б. О проекте федерального закона «Об участии граждан в охране общественного порядка» / В.Б. Гайдов // Вестн. Ом. юрид. акад. – 2013. – № 2. – С. 27–33.

С.С. Сягло, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ В ПРОЦЕССЕ ВЫЯВЛЕНИЯ ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В ТАМОЖЕННЫХ ОРГАНАХ

Должностные преступления в таможенных органах, как и все внешнеэкономические преступления, характеризуются высочайшей степенью организованности. Громадные доходы, получаемые недобросовестными участниками ВЭД, занимающимися контрабандой, аферами, связанными с незаконным таможенным оформлением товаров, уклонением от уплаты таможенных платежей и т. п., позволяют организованной преступности выделять все более внушительные суммы на подкуп должностных лиц таможенных органов. Таким образом, коррупция как социальное явление, характеризующееся подкупом, продажностью государственных служащих, в сфере ВЭД характеризуется повышенной общественной опасностью, посягая не только на интересы государственной службы, но и на экономическую безопасность государства.

Это становится очевидным при анализе особенностей коррупции, специфики организованной преступности среди работников таможенных органов. Эти особенности имеют практическое значение по следующим обстоятельствам:

коррупция и взяточничество в таможенных органах относятся ко всем перечисленным ниже способам совершения преступлений и характеризуют их;

знание этих способов необходимо для разработки тактических операций и следственных версий для достижения задач расследования.

Изучение уголовных дел показало, что 73 % умышленных преступлений этой категории совершаются по мотиву получения взяток, 22 % – по мотивам иной корыстной заинтересованности и лишь 5 % – по мотивам иной личной заинтересованности.

При этом необходимо учитывать, что следственные органы и суд далеко не всегда – при наличии признаков умышленного должностного преступления – доказывают получение взяток должностными лицами. Часто в таких случаях следователи необоснованно переквалифицируют такие действия на должностную халатность либо направляют усилия на доказательство иной личной заинтересованности, то есть на такие об-

стоятельства, которые больше устраивают обвиняемых, всегда согласных, при прочих равных условиях, признать небрежность, легкомыслие, неосторожность, ложно понятые интересы службы, стремление помочь другу (коллеге) и тому подобные некорыстные мотивы, нежели получение взятки. Таким образом, следователи часто идут на поводу у обвиняемых (из-за некомпетентности, ложно понятых интересов «спасти дело», не продлевать сроки предварительного расследования и т. п.) [1].

Изучение массива уголовных дел дало возможность выделить следующие общие формы взяточничества, корыстных и иных личных мотивов в совершении преступлений этой категории:

совершение преступлений по мотивам простого (эпизодического) взяточничества, разовой помощи по знакомству, родственным и иным личным мотивам, из иной личной заинтересованности;

совершение преступлений на основе преступного слияния, коррумпированных связей должностных лиц таможенного органа с коммерческими и иными структурами – участниками ВЭД региона, на основе регулярного взяточничества за общее покровительство и попустительство по службе, взаимной помощи в удовлетворении иных личных корыстных интересов;

совершение преступлений на основе аналогичных коррупционных связей со специальными агентами таможенных органов – таможенными брокерами, перевозчиками, владельцами таможенных складов, свободных складов и др.;

совершение преступлений по мотивам, основанным на незаконном воздействии отдельных представителей местных органов власти, вышестоящих и других контролирующих органов, влиятельных кругов, крупных промышленных структур и учреждений региона, организованных преступных формирований;

совершение преступлений по мотивам преступного укрывательства, попустительства преступлениям со стороны вышестоящих должностных лиц в отношении нижестоящих, по мотивам ложно понятых интересов службы (сохранение репутации, ложно благополучной отчетности и т. п.).

Простое эпизодическое взяточничество наиболее характерно, как уже отмечалось, для среды специалистов и должностных лиц низшего руководящего состава таможенных органов. Субъектами преступления большинства анкетированных уголовных дел о взяточничестве, по которым вступили в силу приговоры суда, являются должностные лица этой категории. Это чаще всего инспекторы отделов, осуществляющих таможенное оформление и таможенный контроль.

Во многих изученных делах обвиняемым предъявлялось обвинение в получении взяток, включая совершение иных преступлений, совер-

шенных по мотиву их получения. В большинстве случаев получения взятки подсудимые были признаны судом виновными, что говорит о серьезных затруднениях следственных органов в собирании полноценных доказательств вины. Характерно, что по большинству уголовных дел следствие имело прямые и косвенные доказательства широкой практики взяточничества, со своими «традициями», типичными ставками за те или иные действия должностных лиц. В целом получение взяток этой категорией должностных лиц характеризуется небольшими размерами конкретных сумм, однако при наличии признаков регулярного, систематического их получения. Определяющим моментом для сумм взяток, как правило, является процент от суммы укрытых, «сэкономленных» в интересах заинтересованных лиц таможенных платежей либо иных необходимых расходов (плата за погрузку – выгрузку, хранение и т. п.). Таможенник, получая взятку, практически всегда знает, какую сумму он «экономит» заинтересованному лицу, и получает процент от этой суммы в зависимости от сложности процедуры, характера предмета перемещения, риска, которому он подвергает себя, и т. п. Но, как правило, сумма взятки не превышает 50 % «сэкономленных» платежей [2].

При этом исследование мест, где обычно передавалась взятка, показало, что они передаются непосредственно в таможенном органе, кабинете и т. д. или рядом с таможенной, на крыльце, рядом со зданием и т. п.; взятки передаются в местах, куда специально приезжают во избежание посторонних, в том числе и в местах проведения досмотра грузов; взятки передаются в автомашинах декларантов и таможенников и других местах.

Корыстная заинтересованность выражалась также, кроме прочих мотивов, в получении бесплатного угощения в ресторанах, предоставлении товаров по низким ценам, получении денег в долг на длительные сроки без процентов либо с последующим невозвращением долга и т. п.

Преступное слияние, коррумпированные связи должностных лиц таможенного органа с коммерческими и иными структурами – участниками ВЭД региона – одна из наиболее опасных форм коррупции не только в сфере таможенного дела, но и в целом в системе государственного управления. Из всего массива изученных уголовных дел подобные признаки зафиксированы только в 3 % выявленных преступлений. Судебная практика по делам такого рода крайне незначительна. Как правило, субъектами таких преступлений являются руководители среднего и высшего звена таможенных органов (начальники таможен и таможенных постов, их заместители и др.).

При этом должностные преступники образуют среди постоянных клиентов таможенного органа своего рода круг приближенных, поль-

зующийся особым доверием и откровенным попустительством со стороны работников таможни. Это может выражаться в следующем:

их операции по таможенному оформлению проводятся наиболее оперативно;

декларируется более низкая таможенная стоимость отдельных видов товаров, чем у конкурентов в том же регионе, при этом им не приходится тратить усилия на ее доказывание. В результате розничные цены на эти товары, как правило, более низкие, чем у тех же конкурентов, что ведет к вытеснению последних с рынка региона;

по их ходатайствам им наиболее часто предоставляются отсрочки оплаты таможенных платежей, разрешения на хранение товаров, не прошедших таможенного оформления, вне складов временного хранения;

реже и менее придирчиво проводятся проверки их финансово-хозяйственной деятельности;

чаще применяется освобождение от мер воздействия за таможенные правонарушения или назначаются более мягкие меры, чем предусмотрены ТК за соответствующие правонарушения;

иногда их экспортируемые товары выпускаются без досмотра или досматриваются в отдаленных местах и т. п.

В свою очередь, со стороны объекта попустительства, то есть «карманного» участника ВЭД, могут проявляться следующие виды «благодарности»:

товары данной фирмы или предприятия часто официально закупаются работниками таможенного органа по оптовой или еще более низкой цене, с рассрочкой оплаты;

в той или иной скрытой форме таможенный орган получает спонсорскую помощь, соответствующие работники таможенного органа получают кредиты, материальную помощь для покупки жилья и т. п.;

в такие фирмы часто устраивают на работу близких родственников, друзей таможенников, которые получают явно завышенную заработную плату при минимуме реальных обязанностей;

в свою очередь, люди, приближенные к руководителям фирм, устраиваются на работу в таможенный орган на «нужные» должности;

передача взяток носит регулярный характер и, как правило, не за конкретные действия, а в целом за общее покровительство либо попустительство по службе плюс определенный процент от суммы неуплаченных таможенных платежей по таможенному оформлению конкретной сделки;

взятничество и иные корыстные интересы иногда реализуются в завуалированных формах, например, путем оплаты обучения в вузе детей должностных лиц; обмена личных автомашин на более новые, до-

рогие, престижные марки, покупки фирмой или ее представителем конфискованной автомашины или иного товара в таможене по заниженной стоимости и затем перепродажи ее таможеннику или его родственнику по такой или еще более низкой цене и под. Распространена практика, когда работники приграничных таможен (впрочем, как и внутренних) таким образом обеспечивают себя всем необходимым в быту бесплатно, по крайне низким ценам или якобы в долг. При этом каждая из сторон понимает, что в зависимости от значимости допущенного таможенником попустительства долг этот может быть и не возвращен. Таким образом, осуществляются завуалированные формы взяточничества.

На подобной основе строятся и коррупционные связи со специальными агентами таможенных органов. Имея особую сферу деятельности и специальную компетенцию, эти лица часто становятся своеобразным придатком таможенного органа для решения личных проблем его должностных лиц. Создается своеобразная закрытая каста, где ведется отсев неудобных; туда трудно проникнуть посторонним таможенным брокерам и т. п. Каждый опытный клиент ВЭД региона знает, что с такими, к примеру, брокерами можно провести быстрее и безопаснее таможенное оформление, а также те или иные связанные с ним незаконные операции, включая контрабанду, уклонение от уплаты таможенных платежей и т. п., однако платить за это необходимо больше и часть оплаты – помимо бухгалтерии брокера. Таким образом, последние часто становятся своеобразными посредниками во взяточничестве между клиентами таможни и ее должностными лицами [3].

Крайне актуален вопрос влияния местных органов власти, вышестоящих и других контролирующих органов, влиятельных кругов, крупных промышленных структур и учреждений региона. Для наиболее безопасного и эффективного налаживания перечисленных коррупционных связей некоторые должностные лица таможенного органа часто пытаются заручиться поддержкой этих структур. Для этого имеются объективные предпосылки. Единственной легальной формой влияния местных органов власти на таможенный орган – согласование кандидатуры его начальника. В практике несогласие местных органов власти с конкретной кандидатурой является серьезным препятствием к назначению на должность. При прочих равных условиях это серьезный аргумент в вопросах взаимодействия местной власти с таможней. А поскольку первые в тех или иных формах осуществляют покровительство отдельным участникам ВЭД региона (основным товаропроизводителям и предприятиям – налогоплательщикам и др.), в таможенные органы часто поступают ходатайства о применении адресных индивидуальных льгот по кон-

кредитным поставкам, контрактам, лицам и т. п., то есть ходатайства, не подлежащие удовлетворению в соответствии с нормами таможенного законодательства [4].

Иногда такое воздействие осуществляется и в нелегальных формах, на основе местничества, покровительства, а иногда завуалированного участия должностных лиц местных органов власти в деятельности коммерческих структур, включая их внешнеэкономическую деятельность. Если руководство таможни идет на поводу у таких руководителей, образуются местные коррупционные связи на высшем уровне, преодолеть давление которых на следствие по конкретному делу – крайне сложная задача.

К подобным формам воздействия прибегают и заинтересованные руководители контролирующих органов, влиятельных кругов, крупных промышленных структур и учреждений региона.

Характерно, что источники наиболее достоверной и полной информации в этой сфере находятся в руках именно транспортных прокуроров, осуществляющих надзор за таможенными органами. Проводимые прокуратурой проверки позволяют получить полные и объективные данные о работе таможенных органов и их клиентов – участников ВЭД и в сочетании с оперативно-розыскными и следственными мероприятиями образуют наиболее эффективный механизм борьбы с коррупцией в таможенных органах.

Учитывая, что таможенные органы играют важную роль в пополнении государственного бюджета, а также обеспечении национальной безопасности, контролируя перемещаемые через границу товары и транспортные средства, проявление коррупции в таможенных органах может нанести серьезный ущерб экономической и политической стабильности в стране. Совершая коррупционное правонарушение, корруптёр (дающий взятку) и коррупционер (лицо, берущее взятку) не просто нарушают закон, но и подрывают авторитет органов государственной власти в глазах рядовых граждан. Видя, что наиболее эффективно «решает» вопросы тот, у кого больше денег и связей, люди теряют веру в действенность и эффективность государственных органов. Коррупционным проявлениям также способствуют пробельность и противоречивость законодательных актов, общая правовая неграмотность граждан. Очень часто коррупционеры используют недосказанность законодательства в корыстных целях. Не случайно стала все чаще подниматься тема проверки правовых актов на коррупциогенность, т. е. на возможность создания условий подкупа-продажности должностного лица.

1. Завидов, Б.А. Уголовно-правовой анализ получения взятки / Б.А. Завидов // Право и экономика. – 2002. – № 5. – С. 57–62.

2. Здравомыслов, Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация / Б.В. Здравомыслов. – М. : Юрид. литература, 1975. – 168 с.

3. Здравомыслов, Б.В. Квалификация взяточничества / Б.В. Здравомыслов. – М. : Моск. юрид. ин-т, 1991. – 90 с.

4. Иванов, И.Г. Групповая преступность: содержание и вопросы законодательного регулирования / И.Г. Иванов // Государство и право. – 1996. – № 9. – С. 67–76.

УДК 343.228

П.Д. Терешёнок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент *С.М. Свило*

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ

Мировая практика регулирования межличностных отношений посредством закона свидетельствует о том, что необходимая оборона является одним из важнейших институтов уголовного права, который призван обеспечивать нормальное функционирование общества. Данная точка зрения не является случайной и обоснована тем, что право обороны от посягательства, естественное по своей сути, уходит своими корнями в глубь истории общества. Так, со времен родового строя и внутри коллектива, и вне его имели место действия, представлявшие опасность для общества, с которыми обществу приходилось бороться: изначально к ним относились лишение жизни, нанесение тяжких телесных повреждений, похищение женщин, кровосмешение, нарушение границ племени. Однако, как справедливо отмечено, родовой строй не знал понятия «преступление» [1, с. 173]. В первобытном строе общественные отношения строились по принципу «око за око, зуб за зуб», поэтому каждый мог использовать неограниченное право в отношении охраны и защиты своих прав и говорить о праве на необходимую оборону в первобытном обществе не представляется возможным. Эту мысль подтверждает мнение А.А. Берлина: «...было бы напрасно искать здесь правовой институт необходимой обороны» [2, с. 14].

Одно из первых упоминаний о защите от нападения содержится в Законах Ману, управлявших жизнью древних индийцев. Так, они содержали нормы, устанавливающие право убийства при защите себя, брахмана, женщины или жертвенных даров. Анализ текстов данных законов показал, что лишение жизни другого человека считалось правомерным

лишь при соблюдении ряда условий: нападение преследовало преступную цель; имел место смертельный страх этого нападения; меры защиты применены только лишь в момент совершения этого нападения. Таким образом, это свидетельствовало о наличии в Законах Ману правового явления, именуемого необходимой обороной. Целесообразно отметить, что комментируемый памятник права допускал только защиту жизни.

Египетские законы устанавливали, что оборона является не только правом, но и обязанностью третьих лиц. Они предписывали карать смертной казнью того, кто видел убийство и не препятствовал ему, имея такую возможность; если же он не мог помочь, то обязан был донести о преступлении властям, а при неисполнении этой обязанности виновный должен был быть подвергнут телесному наказанию и трехдневному лишению пищи [3, с. 101].

Авторы XII таблиц детально регламентировали институт необходимой обороны. А.Ф. Кони отметил, что «творец и носитель права – римский претор – сознавал, что защита против несправедливых нападений в случае необходимости есть одно из естественных прав человека. Это отражение неправа не есть неправое, если только оно заключается в границах, вытекающих из индивидуальной природы человека, подвергшегося нападению» [4, с. 31]. Таким образом, в законодательстве Древнего Рима необходимая оборона признавалась естественным правом, присущим каждому человеку. При этом право определяло объем дозволенного поведения обороняющегося лица, а также временной предел обороны, который устанавливался наличием общественно опасного посягательства. Законы XII таблиц регламентировали, что если в ночное время совершается кража и хозяин похищенного убивает вора на месте, то убийство будет признано совершенным по закону. В указанном документе также фиксировалась интенсивность предела обороны, которая зависела от характера защищаемых благ: дозволялось причинение любого вреда лицу, посягающему на жизнь или собственность. Однако отдельные положения указывают на то, что охраняемые блага не были единственным признаком опасности и интенсивности посягательства: они также зависели от времени посягательства и наличия орудия, с помощью которого оно совершалось. Так, можно было убить вора, совершающего кражу ночью, и прямо запрещалось это делать в дневное время. Римские юристы определяли деяние как совершенное в состоянии необходимой обороны, если наличествовали два признака: несправедливость (противоправность) и неизбежность опасности [5, с. 247].

В средневековом законодательстве содержались самые разнообразные положения о необходимой обороне и праве на нее. Одни памятни-

ки права разрешали убийство при защите чести и имущества, другие устанавливали кару за убийство при защите своей жизни. Характерной особенностью феодального права явилось неравенство различных классов и сословий, что нашло отражение в нормах о необходимой обороне. Наиболее ярким примером вышеуказанного выступают законодательные памятники Германии. Вместе с тем немецкое право не отождествляло понятие «необходимая оборона» и термин «самозащита», как это делало римское право.

В Варшавских правдах необходимая оборона также была строго регламентирована и подвергнута ряду правовых сдержек, среди которых первоочередной считалась кровавая месть и т. д., хотя до X в. право на оборону выступало чаще всего как привилегия господствующего класса. Это мнение подтверждается нормами, которые предусматривали суровую ответственность для представителей низших сословий, если они пытались защищаться от преступного нападения со стороны лица высшего сословия.

На территории ряда славянских государств институт необходимой обороны впервые упоминался в Договоре Олега 911 г. (право на оборону личности и имущества). Однако сущность необходимой обороны была тесно переплетена с нормами, составляющими обычай кровной мести, что не позволяет в полной мере выделить в данном памятнике права необходимую оборону как самостоятельно существующий институт [3, с. 33]. Ввиду этого следует сделать вывод о том, что в вышеописанном памятнике права допускалось самоуправство, а возникшие конфликты решались физическим путем. Право причинения вреда преступнику, не вызванное стремлением предотвратить преступное посягательство, считалось преступлением.

Самостоятельным институтом необходимая оборона выступала в Русской правде. Отдельные нормы этого памятника права, с одной стороны, допускали убийство вора на месте преступления, даже не принимая во внимание его положение в обществе, а с другой – содержали оговорку: «...если вора держали до рассвета, то привести его на княжеский двор, на суд. Но если вора убьют, а люди видели его связанным, то надо платить за него» [3, с. 49, 62]. При этом ученые отмечают, что процесс обособления необходимой обороны как уголовно-правового института заканчивается только ко времени Соборного уложения [6, с. 67].

Комментируемые нормы, первоначально охранявшие исключительно отношения собственности, в последующем стали выделять жизнь собственника имущества в качестве объекта защиты (ст. 200, 201 Соборного Уложения 1649 г.). Одновременно с этим оборона, вне зависимости

от последствий, не влекла наказания для обороняющегося лица, если оно сразу заявило об этом в приказ либо окольным людям. При этом необходимая оборона не ставилась в рамки и не зависела от соразмерности и своевременности защиты от посягательства. Последнее обстоятельство дает основание полагать, что постепенно регламентация необходимой обороны фактически стала включать в себя элементы такого обстоятельства, исключающего преступность деяния, как причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление.

Указания на право необходимой обороны содержались в Судебнике Казимира 1468 г. и статутах Великого княжества Литовского. Например, Статут 1588 г. выделял положения, относящиеся к задержанию преступника, а также особенности доказывания своей правоты причинителем вреда (арт. 21 раздела XIV): лицо не подлежало ответственности за убийство преступника лишь при доказанном с его стороны преступлении; в то же время самочинная расправа наказывалась [7, с. 485].

Определенное влияние на развитие института необходимой обороны оказал Воинский Артикул 1715 г., который значительно ограничил реализацию права на оборону, приблизив ее применение к современному пониманию. Так, Артикул определял оборону как исключительное право защиты жизни (арт. 156), а также право убийства ночного вора, поскольку он «не для единой кражи, но чтобы и умертвить в дом ночью врывается» (арт. 185). В документе четко выделялось требование о соразмерности обороны посягательству: если нападающий не был вооружен, то обороняющийся имел право применить оружие только в том случае, если первый был сильнее его и «от него исходит смертельный страх» (арт. 157) или «когда крепко станет нападать и смертно бить» [8, с. 8]. Кроме этого, в арт. 157 оговаривались такие условия правомерности обороны, как ее своевременность и цель защиты, а не мести; была предусмотрена пониженная ответственность за превышение пределов необходимой обороны: «Ежели сыщется, что преступитель правил нужного оборонителя преступил, и не так прилежно смотрел, то он, понеже в начале достойные причины имел к нужному оборонению, не животом, но по рассуждению судейскому жестко, тюрьмою, штрафом денежным ли шпицрутеном имеет быть наказан ...» [9, с. 356–357].

Основная группа положений в Своде законов 1832 г. о необходимой обороне была сгруппирована в нескольких нормах (т. 6, 8, 9, 11, 14, 15), которые содержали описание ситуаций, когда общественно опасное деяние получало статус законного ввиду совершения его при необходимой обороне. Таким образом была предпринята попытка объединения норм Уложения 1649 г. и Воинского Артикула 1715 г., выражавшаяся в создании на их основе единого кодифицированного документа.

Со временем появляется необходимость общей правовой регламентации действий, связанных с причинением вреда правоохраняемым объектам. При этом Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. не внесло существенных изменений в содержание необходимой обороны.

Уголовное уложение 1903 г. рассматривало необходимую оборону как обстоятельство, исключающее не только наказуемость, но и преступность деяния. В ст. 46 Уложения были указаны блага, подлежащие защите (жизнь обороняющегося или иного лица, здоровье, свобода, целомудрие и т. д.), что позволяло применять данные нормы к необходимой обороне. Однако советское законодательство отошло от данной формулировки. В частности, ст. 15 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. допускала право на необходимую оборону лишь для защиты личности обороняющегося лица, а любые действия, совершенные при осуществлении права на необходимую оборону, признавались преступными, однако при определенных условиях не влекли наказания.

Первый УК РСФСР 1922 г. в ст. 19 существенно изменял понятие необходимой обороны, охватывая ею правомерную защиту от посягательства, направленного не только на личность, но и на права обороняющегося либо иных лиц [10]. Одновременно с этим в Особенной части закона было оговорено правило, согласно которому «насилие над личностью, если оно вызвано равным или более тяжким насилием, приравнивается к необходимой обороне» (ст. 158). И.Т. Голяков отмечает: «Если сравнивать УК РСФСР 1922 г. и Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., следует указать на объединение необходимой обороны и крайней необходимости в одну норму (ст. 9.2), при этом перечень объектов обороны расширен путем указания „советской власти и революционного порядка“» [11, с. 219]. При принятии УК БССР 1928 г. сохранилась пониженная ответственность лишь за превышение пределов необходимой обороны (ст. 216, 222 УК).

В советский период на территории Беларуси действовали правовые нормы общесоюзного характера, что явилось закономерной причиной отражения института необходимой обороны и в уголовно-правовых нормах. Так, в ст. 13 УК БССР 1960 г. был регламентирован институт необходимой обороны, а ст. 103 устанавливала ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны, ст. 109 – за причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения. В дальнейшем понимание данного института базировалось в основном на разъяснении Пленума Верховного Суда СССР, в котором впервые дано определение «мнимой» обороны (п. 13).

УК Республики Беларусь 1999 г. в ст. 34 устанавливает: «Не является преступлением действие, совершенное в состоянии необходимой

обороны, то есть при защите жизни, здоровья, прав обороняющегося или другого лица, интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны» [12]. Данное положение в равной мере распространяется на всех лиц, независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения, а также независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти. При этом уголовная ответственность наступает за превышение пределов необходимой обороны, которое выражается в убийстве (ст. 143 УК) или в умышленном причинении тяжкого телесного повреждения (ст. 152 УК).

Таким образом, исторический экскурс позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, вопросы необходимой обороны имеют длительную историю развития. Во-вторых, институт необходимой обороны всегда являлся обстоятельством, исключающим противоправность деяния; изменялись лишь рамки правомерности его применения. В-третьих, законодательство о необходимой обороне носило ярко выраженный характер защиты власти и близких к ней лиц. УК Республики Беларусь 1999 г. впервые в истории отечественного законодательства определил принципиально новую, более подробную систему обстоятельств, исключающих преступность деяния, и интегрировал их в единый институт. Полагаем, что такое решение свидетельствует об ориентации уголовной политики на большую индивидуализацию и дифференциацию в подходе к человеку, чьи права и свободы охраняются государством.

1. Шаргородский, М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества / М.Д. Шаргородский. – М. : Госюриздат, 1957. – 304 с.

2. Берлин, А.А. Право необходимой обороны / А.А. Берлин. – Ярославль : [б. и.], 1911. – 79 с.

3. Капинус, О.С. Современное уголовное право России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности : сб. ст. / О.С. Капинус. – М. : Буквоед, 2008. – 178 с.

4. Кони, А.Ф. О праве необходимой обороны / А.Ф. Кони. – М. : Остожье, 1866. – 112 с.

5. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1984–1994. – Т. 1 : Законодательство Древней Руси / отв. ред. В.Л. Янин. – 1984. – 432 с.

6. Фельдштейн, Г.С. О необходимой обороне и ее отношении к так называемому «правомерному самоуправству» / Г.С. Фельдштейн // Журн. М-ва юстиции. – 1899. – № 5. – С. 65–67.

7. Статут Вялікага княства Літўскага 1588 : Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларус. сав. энцыкл. ; рэдкал. : І.П. Шамякін [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.

8. Титов, Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России / Ю.П. Титов. – М. : Проспект, 2002. – 472 с.

9. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М. : Юрид. лит., 1986–1994. – Т. 4 : Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А.Г. Маньков. – 1986. – 512 с.

10. Уголовный кодекс РСФСР : введен в действие 1 июня 1922 г. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

11. Голяков, И.Т. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР : 1917–1952 гг. / И. Т. Голяков. – М. : Юрид. лит., 1953. – 397 с.

12. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275–3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 19.07.2016 г. // ЭТА-ЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 342.5

П.Д. Терешёнок, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – кандидат юридических наук

А.С. Кривонощенко

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ОРГАНА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Ст. 7 Конституции Республики Беларусь (далее – Конституции) закрепила, что обеспечение прав, свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью для общества и государства, а государственные органы и их должностные лица в целях закрепленного в Конституции принципа верховенства права действуют в ее пределах и принятых в соответствии с ней актов законодательства.

Согласно ст. 59 Конституции государственные органы, а также их должностные лица, которым доверено исполнение государственных функций, обязаны в пределах своей компетенции принимать все необходимые меры для осуществления и защиты прав и свобод личности. Представляется, что для реализации именно этих целей и был создан Следственный комитет Республики Беларусь (далее – Следственный комитет).

Опыт пяти лет его функционирования показал, что его создание было своевременным и востребованным действием. Однако на сегодняшний день место Следственного комитета в системе государственной

власти является не вполне определенным и в некоторой степени дискуссионным, в связи с чем возникает объективная необходимость анализа правовой регламентации его правового статуса. Этим и рядом иных обстоятельств обусловлена актуальность нашего исследования.

Анализ научной литературы показал, что в науке пока не выработан единый подход к пониманию таких правовых категорий, как «исполнительная власть», «орган исполнительной власти», «органы государственного управления». Учеными неоднозначно трактуется соотношение государственного управления и исполнительной власти. Так, Ю.М. Козлов, говоря о государственном управлении, понимает под ним вид государственной деятельности, в рамках которой исполнительная власть реализуется практически. Под этим же термином он понимает в широком смысле всю государственно-управленческую деятельность, но отмечает, что понятие «государственное управление» гораздо шире понятия «исполнительная власть», ввиду чего «все субъекты исполнительной власти одновременно являются звеньями системы государственного управления. Однако далеко не все такого рода звенья могут выступать как субъекты исполнительной власти в ее конституционном смысле» [1, с. 9–10]. Данная точка зрения представляется нам справедливой.

Однако С.А. Комаров придерживается противоположного мнения. Он не делает различий между государственным управлением и исполнительной властью вообще, как и между их органами, которые структурно входят в государственный аппарат и представляют собой исполнительно-распорядительные органы, «ведущие повседневную оперативную работу по государственному управлению общественными процессами в интересах всего общества или же его части». Особенность его подхода в том, что он выделяет не входящие в государственный аппарат государственные учреждения, основной задачей которых является реализация функций государства в отдельно взятых сферах, а также государственные предприятия, которые созданы для осуществления хозяйственной, социальной и других функций [2, с. 64–65].

В свою очередь Д.Н. Бахрах определяет исполнительную власть как публичную административную власть, а ее органы, управляющие действиями людей, называет администрацией. Однако органы государственного управления, равно как и само государственное управление, им не выделяются [3, с. 20–25].

Заслуживает внимания точка зрения А.Н. Крамника. Он определяет исполнительную власть в государстве как системное общественное явление, которое обладает возможностью принуждать, имеет направленность исполнительного характера и осуществляется органами исполни-

тельной власти (органами государственного управления). Под государственным управлением им понимается публичный, с оттенком политики государственно-властный вид деятельности, стоящий на одной линии с законодательной, судебной деятельностью, а также прокурорским надзором. Он указывает, что исполнительная власть – более широкое понятие, нежели государственное управление, но в связи с тем, что исполнительная власть реализуется путем действий, то подразумевается, что «эта деятельность носит исполнительный характер и является не чем иным, как государственным управлением» [4, с. 73]. Законодатель подобным образом не разграничивает категории «орган государственного управления» и «орган исполнительной власти». Это подтверждается положениями ст. 107 Конституции, в соответствии с которой среди задач правительства Республики Беларусь обозначено руководство системой подчиненных ему органов государственного управления и других органов исполнительной власти.

К примеру В.Н. Дубовицкий понимает под государственным управлением в широком смысле «самостоятельный вид организующей, исполнительно-распорядительной, подзаконной государственной деятельности, осуществляемой специальными органами государства, которые, как правило, представляют собой группу государственных органов, именуемых органами государственного управления по практической реализации задач и функций государства о процессе его повседневного и непосредственного руководства экономическим, социально-культурным, а также административно-политическим строительством» [5, с. 174]. Исследователь утверждает, что под государственное управление подпадают только органы исполнительной власти.

На основе изложенного логичным будет вывод о том, что исполнительная власть как политико-правовая категория подразумевает наличие органов исполнительной власти, подчиненных Совету Министров Республики Беларусь, реализующих свои функции посредством государственного управления как вида государственной деятельности. При этом органы исполнительной ветви власти являются частью органов государственного управления.

Итак, у Следственного комитета Республики Беларусь можно выделить ряд признаков, присущих органам государственного управления Республики Беларусь:

1) Следственный комитет является автономной частью государственного аппарата. Согласно Закону Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 404-З «О Следственном комитете Республики Беларусь» (далее – Закон «О Следственном комитете») Следственный комитет определяется

как единая и централизованная система государственных правоохранительных органов [6];

2) Следственный комитет представляет собой организованный коллектив государственных служащих, имеющих необходимые характеристики (состояние здоровья, образование, морально-волевые качества) (ст. 15 Закона «О Следственном комитете»);

3) Следственный комитет реализует правоохранительную функцию государства путем реализации задач, возложенных на него Законом «О Следственном комитете»;

4) Следственный комитет обладает индивидуальной компетенцией в области предварительного расследования (досудебного производства);

5) Следственный комитет уполномочен действовать от имени Республики Беларусь, однако обладает самостоятельностью, позволяющей действовать ему от собственного имени.

Таким образом, Следственный комитет Республики Беларусь определенно можно относить к органам государственного управления, однако данный орган не обладает признаками органов исполнительной власти, что позволяет трактовать его как орган с особым правовым статусом, в некоторой степени относящимся к аппарату Президента Республики Беларусь.

Следует также обратить внимание на некоторые проблемы правовой регламентации деятельности Следственного комитета.

Представляется, что все еще недостаточно четко закреплена обязательность исполнения законных требований следователей Следственного комитета Республики Беларусь, регламентированных ч. 1 ст. 19 Закона «О следственном комитете», а также ч. 5 ст. 27 УПК. В частности, в законодательстве отсутствует административная ответственность за невыполнение законных требований сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь, что может вести к неисполнению их решений. Это может выразиться, к примеру, в непредставлении или несвоевременном представлении по запросу Следственного комитета (в лице его компетентного должностного лица) сведений либо представлении их в неполном объеме или искаженном виде. В связи с этим, думается, что гл. 24 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях «Административные правонарушения против правосудия и деятельности органов уголовной и административной юрисдикции» следует дополнить нормой, устанавливающей ответственность за «невыполнение законных требований сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь, а также осуществление других действий, которые препятствуют выполнению возложенных на Следственный комитет задач». Внесение этого дополнения в КоАП благотворно отразится на реализации следователем своих должностных обязанностей и задач.

Также следует указать, что основополагающему принципу законности и требованию всестороннего, полного и объективного осуществления предварительного расследования не соответствует тот факт, что согласно ст. 199 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь орган уголовного преследования вправе выносить представление, хотя рационально было бы это закрепить не как право, а как обязанность ввиду того, что несвоевременное реагирование или полное игнорирование обнаруженных нарушений закона, а также ряда причин и условий, способствовавших совершению правонарушения, в обязательном порядке повлечет совершение тождественного правонарушения, которое было выявлено в ходе предварительного следствия.

Подобная ситуация наблюдается и с выделением материалов об административных правонарушениях, которые были выявлены в ходе расследования уголовного дела либо проверки заявления или сообщения о преступлении: в настоящий момент УПК не предусматривает данное указание для органа уголовного преследования. Мы убеждены, что требования п. 6¹ ст. 165 УПК относительно того, что материалы, не имеющие отношения к уголовному делу, подлежат выделению из уголовного дела. Такие материалы возвращаются органу или организации, которые их представили, однако сама норма нуждается в некотором уточнении. Она может быть ошибочно истолкована лицом, осуществляющим уголовное преследование, что может повлечь за собой сокрытие административного правонарушения, которое было выявлено по результатам расследования уголовного дела.

Таким образом, Следственный комитет Республики Беларусь является специфическим органом государственного управления, выполняющим правоохранительную функцию государства. Следственный комитет обладает признаками органа государственного управления, но в то же время не является органом исполнительной власти. Анализ его правового статуса позволяет утверждать, что комплекс норм права, регламентирующих деятельность Следственного комитета и его должностных лиц, в целом сформирован, однако нами выявлены некоторые проблемы правового регулирования его компетенции, решение которых будет способствовать обеспечению реализации задач и функций Следственного комитета в реализации правоохранительной деятельности.

1. Алехин, А.П. Административное право Российской Федерации / А.П. Алехин, А.А. Кармолицкий, Ю.М. Козлов. – М. : Зерцало – М, 2001. – 256 с.

2. Комаров, С.А. Общая теория государства и права : курс лекций / С.А. Комаров. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Манускрипт, 1996. – 316 с.

3. Бахрах, Д.Н. Административное право России : учебник / Д.Н. Бахрах. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Эксмо, 2006. – 528 с.

4. Крамник, А.Н. Курс административного права Республики Беларусь / А.Н. Крамник. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск : Тесей, 2006. – 616 с.

5. Дубовицкий, В.Н. Закон о системе органов исполнительной власти в Республике Беларусь: концепция, предмет правового регулирования и перспективы его принятия / В.Н. Дубовицкий // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. Центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь. – Минск : Бизнессофт, 2011. – Вып. 6. – С. 169–176.

6. О Следственном комитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г., № 403-З : с изм. и доп. от 19 июля 2016 г. № 408-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

7. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 10 янв. 2000 г., № 361-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 02.07.2009 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.

УДК 343.34

А.Ю. Теслёнок, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *Д.Л. Харевич*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Современное общество характеризуется динамичностью политических, социальных и экономических процессов, глобализацией экономики, что активизирует процессы перемещения больших масс населения. Таким образом, миграция превратилась в масштабное явление международной жизни, которое оказывает существенное влияние на мировые демографические процессы, социально-экономическое развитие практически всех государств.

Миграционные процессы с каждым годом все сильнее затрагивают как интересы государства, так и интересы отдельных групп населения, представляя реальные и потенциальные угрозы устойчивому социально-экономическому, политическому и демографическому развитию страны. Республика Беларусь все более вовлекается в международные миграционные процессы, эффективное управление которыми во многом связано с формированием и реализацией рациональной миграционной политики, одним из важнейших направлений которой является разработка соответствующих механизмов по обеспечению охраны общественных отношений в сфере миграции. Нерегулируемая миграция ведет к ухуд-

шению криминогенной обстановки в стране пребывания, вследствие чего возрастает значимость реализации эффективной государственной миграционной политики для обеспечения национальной безопасности.

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в приветственном слове участникам Международной конференции «Нелегальная миграция как угроза международной стабильности и безопасности государств», проходившей в Минске 27–28 ноября 2003 г., отметил, что проблемы незаконной миграции волнуют все мировое сообщество и оценил нелегальную миграцию как явление, представляющее угрозу в связи с распространением наркотиков, оружия, торговлей людьми [1, с. 3].

Глава государства также указал на то, что Беларусь является барьером на пути нелегальной миграции из азиатских и африканских стран в Европейский союз. Подписание международных нормативных правовых актов, регламентирующих обязанности стран по соблюдению прав различных категорий мигрантов, участие в международных и региональных организациях, целью которых является контроль и управление миграционными потоками, делают миграционную политику важным фактором внешнеполитической деятельности.

Ратификация Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху нашей страной является признанием транснационального, организованного характера незаконных миграционных процессов. В последующем в Уголовный кодекс Республики Беларусь вводится ст. 371¹, предусматривающая ответственность за организацию незаконной миграции иностранных граждан и лиц без гражданства. В юридической литературе справедливо отмечается, что незаконная миграция как сложное социальное явление, имеющее системный характер, включает в себя следующие элементы: незаконное пересечение Государственной границы; общеуголовную преступность мигрантов; организованную преступность мигрантов на национально-этнической почве; наркобизнес; торговлю людьми; терроризм. Более того, незаконная миграция как криминальный бизнес с целым рядом направлений и специализаций приносит его участникам теневые сверхдоходы [2, с. 5]. Данный вектор поддерживает и М.В. Лапатников, отмечая опасность незаконной миграции как общественного явления, которая заключается в том, что она выступает одной из основных причин преступлений разного характера (контрабанда наркотиков, торговля людьми и др.), что значительно влияет на политическую, социальную, экономическую, демографическую и иные сферы жизни государства [3, с. 102]. М.В. Костюк полагает, что лица, организующие незаконную миграцию, не только демонстрируют пренебрежение к правам и интересам лиц, не-

легально пребывающих на территории государства, но и детерминируют преступность в целом, прежде всего на этнической почве, что ведет к росту националистических настроений и экстремистских проявлений, возникновению межнациональных конфликтов [4, с. 131]. Приведенные точки зрения определяют незаконную миграцию как преступление, представляющее в той или иной степени общественную опасность. Однако какова именно степень общественной опасности этого преступления? Общественная опасность как антисоциальная сущность и свойство поступков определенного рода составляет основной критерий отнесения тех или иных деяний к категории преступлений. Общественная опасность как краеугольная социально-правовая категория выполняет в уголовном праве многофункциональную роль как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях.

Законодатель, исходя из степени строгости санкции, относит ч. 1 ст. 371¹ УК к менее тяжкому преступлению, а ч. 2 указанной статьи к категории тяжких преступлений. На наш взгляд, категория данного преступления, определенная законодателем, является объективной, однако представляется целесообразным рассмотреть комплекс факторов, которые будут влиять на характер и степень общественной опасности рассматриваемого деяния. К таким факторам относятся: значимость объекта посягательства, форма вины, мотивы и цели преступления, характер и объем причиненного вреда. Если значимость объекта преступного посягательства ст. 371¹ УК (порядок управления, обеспечивающий законность миграции в пределах Республики Беларусь) – это основной критерий определения общественной опасности, который обеспечивает нерушимость Государственной границы, поддерживая состояние защищенности от внешних угроз, то справедливо отнесение данного преступления к менее тяжкому (ч. 1 ст. 371¹) и тяжкому (ч. 2 ст. 371¹).

Есть ряд национальных интересов, имеющих первостепенное значение для любого государства, которые получили определение «жизненно важных интересов» как совокупности объективных потребностей, удовлетворение которых обеспечивает само существование и развитие страны как суверенного государства. К основным жизненно важным интересам относятся: 1) государственный суверенитет; 2) территориальная целостность; 3) существующая политическая и социально-экономическая система; 4) защищенность граждан от угроз различного характера; 5) обеспечение государственной и общественной безопасности. В данном контексте организация незаконной миграции несет особую опасность, поскольку может служить не только источником дешевой рабочей силы, но и нестабильности, экстремизма.

При рассмотрении объема причиненного вреда необходимо обратить внимание на то, что совершение данного преступления не только приводит к нарушению порядка управления, обеспечивающего законность миграции в пределах Республики Беларусь, но и является одной из основных причин иных преступлений. Итак, приведем перечень преступлений, которые каким-либо образом связаны с организацией незаконной миграции. К примеру, налаженные пути, по которым организаторы незаконной миграции осуществляют переправку мигрантов, могут использоваться при совершении торговли людьми, контрабанды наркотиков, или незаконная переправка может иметь целью совершение мигрантом преступления (заказное убийство). Таким образом, видится необходимым выделить основные группы преступлений, которые тем или иным образом связаны с организацией незаконной миграции. Первую группу преступлений будут составлять те из них, которые непосредственно связаны с незаконной миграцией: 1) незаконное пересечение Государственной границы Республики Беларусь (ст. 371¹ УК); 2) нарушение срока запрета въезда в Республику Беларусь (ст. 371² УК); 3) подделка, изготовление, использование либо сбыт поддельных документов (ст. 380 УК); 4) получение и дача взятки (ст. 430, 431 УК); 5) иные преступления.

Вторую группу рассматриваемых преступлений составляет общеуголовная преступность мигрантов: 1) совершение убийства (ст. 139 УК); 2) совершение акта терроризма (ст. 289 УК); 3) разбой и вымогательства (ст. 207, 208 УК); 4) незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ их прекурсоров и аналогов (ст. 328 УК); 5) иные преступления. Так, в 2016 г. зарегистрировано 2 038 преступлений, совершенных иностранцами, что составляет 2,1 % от общего количества преступлений, зарегистрированных в республике за указанный период (всего на территории Республики Беларусь в 2016 г. зарегистрировано 92 943 преступления) [5].

Третью группу преступлений составляет организованная преступность мигрантов на национально-этнической почве, включающая: 1) геноцид (ст. 127 УК); 2) разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни (ст. 130 УК); 3) иные преступления. Так, к примеру, в Германии на данный момент растет количество преступлений, совершаемых на почве нацизма и расизма. По словам полицейских и чиновников, большинство подобных преступлений совершается на территории Восточной Германии – более бедной части страны. В пресс-службе правительства ФРГ заявили, что одним из факторов роста преступности стал наплыв в страну мигрантов [6].

Четвертую группу составляют преступления, совершению которых способствуют налаженные пути незаконного перемещения мигрантов. К данной группе можно отнести: 1) контрабанду (ст. 228 УК); 2) торговлю людьми (ст. 181 УК) [7, с. 172]; 3) незаконное перемещение через Государственную границу Республики Беларусь наркотических средств, психотропных веществ либо их прекурсоров и аналогов (ст. 328¹ УК); 4) иные преступления.

В заключение необходимо отметить, что количественный состав преступлений в предложенных группах является открытым. Организация незаконной миграции может как способствовать, так и обуславливать совершение указанных преступлений. Исходя из того, что незаконное перемещение мигрантов может организовываться с целью совершения убийства, которое законодатель относит к категории особо тяжких преступлений, общественная опасность организации незаконной миграции будет являться большей, чем ее определил законодатель. Данные выводы могут иметь значение при определении степени актуальности и значения борьбы правоохранительных органов с указанным видом организованной преступности.

1. Лукашенко, А.Г. Приветственное слово участникам конференции «Нелегальная миграция как угроза международной стабильности и безопасности государств / А.Г. Лукашенко // Нелегальная миграция как угроза международной стабильности и безопасности государств : материалы Междунар. конф., Минск, 27–28 нояб. 2003 г. / Аналит. центр НАН Беларуси ; редкол.: А. М. Баньковский [и др.]. – Минск, 2004. – С. 2–4.

2. Кахбулаева, Э.Х. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации незаконной миграции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Э.Х. Кахбулаева ; Рост. юрид. ин-т МВД России. – Ростов н/Д, 2011. – 27 с.

3. Лапатников, М.В. Процессуальные и криминологические аспекты возбуждения и расследования уголовных дел об организации незаконной миграции / М. В. Лапатников // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2013. – № 24. – С. 102–108.

4. Костюк, В.Г. Уголовная политика по правовому регулированию и противодействию организации незаконной миграции / В.Г. Костюк // Пробелы в рос. законодательстве. – 2013. – № 2. – С. 131–135.

5. Регистрация и предварительное расследование преступлений за 12 месяцев 2015–2016 гг. / Информ. центр МВД Респ. Беларусь. – Минск : МВД Респ. Беларусь, 2017. – 16 с.

6. По следам мигрантов: в Германии выросло число преступлений на национальной почве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/391915-nacionalizm-prestupleniya-natsizm-germaniya-migranty>. – Дата доступа: 18.06.2017.

7. Харевич, Д.Л. Некоторые криминологические аспекты ограничения торговли людьми от организации незаконной миграции / Д.Л. Харевич // Актуальные вопросы уголовно-исполнительного права и криминологии : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 мая 2017 г. / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол.: В.А. Ананич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2017. – С. 171–174.

УДК 351.746

Я.С. Храпан, выпускник следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – *А.Л. Федорович*

О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПОРЯДКА НАПРАВЛЕНИЯ В ЛЕЧЕБНО-ТРУДОВЫЕ ПРОФИЛАКТОРИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ

Для сотрудников ОВД, противодействующих нарушениям антиалкогольного законодательства, являются весьма своевременными вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел по противодействию нарушениям антиалкогольного законодательства отдельными категориями лиц.

Принудительная изоляция – мера ограничительного характера, осуществляемая в отношении граждан, находящихся в ЛТП, в соответствии с Законом «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них», Правилами внутреннего распорядка лечебно-трудовых профилакториев и другими актами законодательства Республики Беларусь.

Категории лиц в рассматриваемой сфере правоотношений ввиду установленных законодательством ограничений не подлежат принудительной изоляции в лечебно-трудовые профилактории.

Так, согласно абз. 2 ст. 4 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» не подлежат направлению в лечебно-трудовые профилактории:

- граждане, не достигшие возраста восемнадцати лет;
- мужчины старше шестидесяти лет;
- женщины старше пятидесяти пяти лет;
- беременные женщины;
- женщины, воспитывающие детей в возрасте до одного года;
- инвалиды I и II группы;

граждане, у которых выявлены заболевания, препятствующие их нахождению в лечебно-трудовом профилактории.

Перечень заболеваний, препятствующих нахождению граждан в лечебно-трудовых профилакториях, утверждается Министерством здравоохранения Республики Беларусь.

Безусловно, если государство на законодательном уровне определило, что лица, обладающие вышеуказанными ограничениями, не могут быть направлены в лечебно-трудовые профилактории, органы внутренних дел и суды не имеют права изолировать их принудительно.

Тем не менее практика деятельности органов внутренних дел свидетельствует о том, что вышеуказанные категории граждан, обладая ограничениями, ввиду которых не подлежат принудительной изоляции в лечебно-трудовые профилактории, знают, что сотрудники органов внутренних дел фактически бессильны в борьбе против правонарушений совершаемых данными лицами, и пользуются этим, регулярно совершая правонарушения в состоянии алкогольного опьянения, злоупотребляя алкоголем, понимая, что не подлежат направлению в лечебно-трудовой профилакторий.

С позиции органов внутренних дел, противодействие вышеописанным нарушениям строится по следующей схеме:

1) лицо привлекается к административной ответственности за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения впервые (как мера реагирования следует подготовка дела об административном правонарушении и привлечение лица к ответственности);

2) лицо привлекается к административной ответственности за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения повторно в течение одного года с момента наложения административного взыскания за предшествующее правонарушение (как мера реагирования следует подготовка дела об административном правонарушении и привлечение лица к ответственности, а также вынесение лицу официального предупреждения);

3) лицо привлекается к административной ответственности за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения повторно в течение одного года с момента объявления ему официального предупреждения (как мера реагирования следует подготовка дела об административном правонарушении и привлечение лица к ответственности, а также постановка лица на профилактический учет в орган внутренних дел с последующим прохождением первоначально медицинского освидетельствования с целью определения у него зависимости от алкоголя, наркотического или ненаркотического вещества (хронический алкоголизм, наркомания, токсикомания), а также вредных последствий от употребления этих веществ);

4) лицо привлекается к административной ответственности за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения повторно в течение одного года с момента постановки его на профилактический учет в орган внутренних дел (как мера реагирования следует подготовка дела об административном правонарушении и привлечение лица к ответственности, а также последующее прохождение повторного медицинского освидетельствования с целью определения у него зависимости от алкоголя, наркотического или ненаркотического вещества (хронический алкоголизм, наркомания, токсикомания), а также вредных последствий от употребления этих веществ);

5) после прохождения вышеуказанного медицинского освидетельствования оформляется медицинское заключение о том, страдает ли лицо хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией. Если лицо признано таковым (т. е. отсутствуют ограничения для принудительной изоляции), орган внутренних дел в течение 10 суток с момента получения заключения готовит материалы в суд о принудительной изоляции лица в лечебно-трудовой профилакторий.

По-другому ставится вопрос в случае, когда у лица выявляются медицинские противопоказания¹, либо имеются ограничения², ввиду которых оно не может быть направлено в лечебно-трудовой профилакторий.

В случае повторного совершения административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения и при наличии в заключении ограничений или противопоказаний, органы внутренних дел принимают следующие меры:

продолжение осуществления в отношении лица профилактического учета;

подготовка дела об административном правонарушении и привлечение к ответственности лица;

вынесение официального предупреждения.

Как видно, в данной системе мер отсутствуют какие-либо правовые или организационные средства, направленные на принудительную изоляцию отдельных категорий лиц и их медико-социальную адаптацию.

Говоря о путях совершенствования правовой основы деятельности органов внутренних дел по противодействию нарушениям антиалкогольного законодательства отдельными категориями лиц, следует отметить, что для более эффективной деятельности органов внутренних дел в рассматриваемой сфере правоотношений целесообразным считается

---

¹ Примеч. Под медицинскими противопоказаниями понимаются заболевания, препятствующие их нахождению в лечебно-трудовом профилактории.

² Примеч. Под ограничениями понимаются: лицо не достигшее 18-летнего возраста; мужчины старше шестидесяти лет; женщины старше пятидесяти пяти лет; беременные женщины; женщины, воспитывающие детей в возрасте до одного года; инвалиды I и II группы.

внесение предложения по созданию организаций, в которые принудительно будут помещаться отдельные категории лиц¹.

Предложенная далее система организаций и порядок направления в них преследуют следующие цели:

1) создание действенных мер по противодействию нарушениям антиалкогольного законодательства отдельными категориями лиц;

2) оптимизация деятельности органов внутренних дел в отношении отдельных категорий лиц;

3) уменьшение функциональной нагрузки на должностных лиц органов внутренних дел²;

4) внесение изменений в действующее законодательство, касающееся принудительной изоляции граждан.

Система организаций будет включать в себя создание так называемых центров временной изоляции, которые будут находиться в ведении Министерства внутренних дел Республики Беларусь аналогично с лечебно-трудовыми профилакториями.

На основании ст. 1 Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 104-З «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» можно сформулировать понятие о центре временной изоляции.

Центр временной изоляции – организация, находящаяся в системе органов внутренних дел, создаваемая для принудительной изоляции, медико-социальной реадaptации и лечения граждан, имеющих медицинские противопоказания к нахождению в лечебно-трудовом профилактории либо ограничения, установленные возрастом или социальным положением лиц, злоупотребляющих алкогольными напитками, и (или) совершающие административные правонарушения в состоянии алкогольного опьянения, порядок и сроки нахождения в которой определяются судом исходя из материалов, представляемых органами внутренних дел.

Раскроем правовую основу деятельности данных учреждений и порядок направления в них отдельных категорий лиц.

На основании действующего законодательства для создания и правового регулирования деятельности центров временной изоляции счи-

---

¹ Примеч. Под отдельными категориями лиц понимаются: граждане, не достигшие возраста восемнадцати лет; мужчины старше шестидесяти лет; женщины старше пятидесяти пяти лет; беременные женщины; женщины, воспитывающие детей в возрасте до одного года; инвалиды I и II группы; граждане, у которых выявлены заболевания, препятствующие их нахождению в лечебно-трудовом профилактории, злоупотребляющие алкогольными напитками и (или) совершающие административные правонарушения в состоянии алкогольного опьянения.

² Примеч. Под должностными лицами органов внутренних дел в данном случае понимаются участковые инспектора милиции.

таем необходимым разработать и принять следующие нормативные правовые акты:

Базовый нормативный правовой акт – Закон «О порядке и условиях направления отдельных категорий лиц в центры временной изоляции». В данном законе целесообразно будет определить отдельные категории лиц; основания для их принудительной изоляции в центры временной изоляции; права и обязанности данных лиц; материальное обеспечение этих лиц во время их нахождения в центрах временной изоляции;

Ввести в гл. 30 Гражданско-процессуального кодекса Республики Беларусь параграф 13 «Особенности рассмотрения судами дел о принудительной изоляции отдельных категорий лиц в центры временной изоляции».

Рассмотрим перспективный порядок принудительной изоляции отдельных категорий лиц в центры временной изоляции. Первоначально система мер, направленных на противодействие нарушениям антиалкогольного законодательства отдельными категориями лиц, будет строиться на основании уже существующих мер индивидуальной профилактики правонарушений:

1) лицо привлекается к административной ответственности за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения впервые (мера реагирования – подготовка дела об административном правонарушении и привлечение лица к ответственности);

2) лицо привлекается к административной ответственности за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения повторно в течение одного года с момента наложения административного взыскания за предшествующее правонарушение (мера реагирования – подготовка дела об административном правонарушении и привлечение лица к ответственности, а также вынесение лицу официального предупреждения);

3) лицо привлекается к административной ответственности за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного опьянения повторно в течение одного года с момента объявления ему официального предупреждения (мера реагирования – подготовка дела об административном правонарушении и привлечение лица к ответственности, а также постановка лица на профилактический учет в орган внутренних дел с последующим прохождением первоначального медицинского освидетельствования с целью определения у него зависимости от алкоголя, наркотического или ненаркотического вещества (хронический алкоголизм, наркомания, токсикомания), а также вредных последствий от употребления этих веществ);

4) лицо привлекается к административной ответственности за совершение административного правонарушения в состоянии алкогольного

опьянения повторно в течение одного года с момента постановки его на профилактический учет в орган внутренних дел (мера реагирования – подготовка дела об административном правонарушении и привлечение лица к ответственности, а также последующее прохождение повторного медицинского освидетельствования с целью определения у него зависимости от алкоголя, наркотического или ненаркотического вещества (хронический алкоголизм, наркомания, токсикомания), а также вредных последствий от употребления этих веществ);

5) после прохождения вышеуказанного медицинского освидетельствования оформляется медицинское заключение о том, что лицо страдает хроническим алкоголизмом, но в нем также указывается, что у лица либо выявлены медицинские противопоказания для направления в лечебно-трудовой профилакторий, либо присутствуют ограничения, и ввиду этого направлению в лечебно-трудовой профилакторий лицо не подлежит.

После того как органом внутренних дел будет получено заключение медицинской комиссии, считаем необходимым следующий алгоритм действий.

Должностное лицо органа внутренних дел в течение 5 суток с момента поступления медицинского заключения в орган внутренних дел готовит заявление в суд о принудительной изоляции лица в центр временной изоляции. К заявлению целесообразно прилагать следующие документы:

- протокол об административном правонарушении;
- копии постановлений о наложении административного взыскания;
- медицинское заключение о невозможности направления лица в лечебно-трудовой профилакторий;
- характеристику лица по месту жительства (работы, учебы);
- справку о текущем состоянии его здоровья и имеющихся ограничениях.

В течение суток после подготовки материалов о принудительной изоляции должностное лицо органа внутренних дел передает его начальнику органа внутренних дел, который утверждает заявление и в течение суток направляет его в суд для рассмотрения и принятия решения по существу.

Суд, получив заявление и материалы о принудительной изоляции лица в центр временной изоляции, в течение трех суток изучает полученные документы. После изучения материалов судьей в трехдневный срок назначается проведение судебного заседания. Судебное заседание проводится по правилам общего судопроизводства. Окончательное решение принимается в форме решения суда первой инстанции о принудительной изоляции лица в центр временной изоляции. Копия данного решения в трехдневный срок направляется в орган внутренних дел, который инициировал принудительную изоляцию лица. Доставка прину-

дительно изолированного лица в центр временной изоляции осуществляется должностными лицами органов внутренних дел в течение пяти суток с момента получения органом внутренних дел копии решения суда о принудительной изоляции.

Порядок направления в ЛТП отдельных категорий лиц, несомненно, требует совершенствования, так как существующие пробелы в законодательстве, регулирующем общественные отношения в рассматриваемой сфере, не позволяют сотрудникам ОВД направлять в вышеуказанные учреждения отдельные категории лиц. Автором предложен перспективный, по его мнению, порядок направления в ЛТП отдельных категорий лиц.

УДК 343.4

О.П. Циунель, факультет милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

О.И. Левшук

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В Республике Беларусь насчитывается более 3 млн зарегистрированных транспортных средств. По сравнению с 2006 г. их число значительно увеличилось. Так, грузовых автомобилей в 2016 г. насчитывалось 138 388 (в 2006 г. – 80 175), легковых автомобилей – 2 951,4 тыс. шт. (в 2006 г. – 1,930,6 тыс. шт.), автобусов – 10 947 (в 2006 г. – 13 464) [1].

Основную группу риска смерти, получения травмы и инвалидности в результате ДТП составляют дети и молодежь.

Главой государства была поставлена задача Совету Министров совместно с Государственным секретариатом Совета Безопасности разработать Концепцию обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь. Разработанная концепция была утверждена постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 14 июня 2006 г. № 757. Позже в нее были внесены изменения, направленные на повышение эффективности данной деятельности.

В рамках программы реализации данной Концепции были разработаны региональные программы повышения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь и комплексы мероприятий по их реализации, результаты которых явились основой для разработки республиканской программы повышения безопасности дорожного движения на период с 2011 по 2015 г., Государственной программы по развитию и содержанию автомобильных дорог в Республике Беларусь на 2015–2019 годы.

За последние 10 лет в ДТП, зарегистрированных на территории Республики Беларусь, погибли 11 874 человека, 64 643 человека получили травмы. В данных происшествиях в среднем ежесуточно погибает 3 человека и не менее 17 человек травмируется. ДТП наносят значительный экономический ущерб, составляющий около 8 000 млрд р. в год.

Прогнозируется, что к 2030 г. дорожно-транспортные травмы со смертельным исходом могут занять пятое место среди наиболее распространенных причин смерти в мире. В связи с этим 2011–2020 гг. провозглашены ООН Десятилетием действий по обеспечению безопасности дорожного движения с целью стабилизации и последующего сокращения уровня смертности в результате ДТП [2].

Указом Президента Республики Беларусь от 28 ноября 2005 г. «О мерах по повышению безопасности дорожного движения» утверждена новая редакция Правил дорожного движения. Этот документ ужесточил требования к организациям, осуществляющим подготовку водителей, в соответствии с ним были введены ограничения на использование транспортных средств с тонированными стеклами (по установленным правилам пропускная способность света должна быть не менее 70 %). Поставлена задача обеспечить организацию массового производства световозвращающих элементов, предназначенных для обозначения пешеходов при их движении по проезжей части дороги в темное время суток. МВД и Минтрансу Республики Беларусь предписано осуществлять постоянный контроль за обеспечением безопасности дорожного движения при проектировании, строительстве, реконструкции, ремонте и содержании дорог, дорожных сооружений, железнодорожных переездов и технических средств организации дорожного движения, определении требований к конструкции и техническому состоянию транспортных средств, участвующих в дорожном движении.

В соответствии с Указом в учебные программы учреждений образования было включено изучение Правил дорожного движения в объеме требований, предъявляемых к пешеходам, пассажирам, водителям велосипедов, мопедов, гужевых транспортных средств.

Одним из основных шагов по приведению законодательства в сфере дорожного движения в соответствие с требованиями Директивы № 1 Главы государства стала разработка новой редакции Закона «О дорожном движении». В ней более конкретно определено, кто является участником дорожного движения, а также изложены общие права и обязанности участников.

Расширены права участников дорожного движения, в частности право на получение от государственных органов достоверной информации

об условиях дорожного движения, о причинах изменения направления, введения временного запрещения или временного ограничения движения по дорогам, о качестве продукции, работ и услуг, связанных с обеспечением безопасности дорожного движения.

К числу обязанностей участников дорожного движения отнесены: обязанность действовать добросовестно, корректно, быть внимательными и взаимно вежливыми. Также уточнена обязанность по принятию мер по недопущению загрязнения дорог и окружающей среды (например, предписано выбрасывать мусор и иные предметы в специально отведенных местах). Введена обязанность участников движения не повреждать дороги и технические средства организации дорожного движения.

Отдельная статья специально посвящена водительскому удостоверению. Установлен общий срок действия выдаваемого в республике водительского удостоверения – 10 лет. Водительское удостоверение, выданное до вступления в силу рассматриваемого закона, сохраняет свое действие в течение срока, на который оно было выдано. Установлен срок действия водительских удостоверений, выданных иными государствами, в том числе международного образца, – три месяца с даты въезда в нашу страну. Кроме того, уточнен перечень государственных органов и лиц, осуществляющих государственное регулирование и управление в области дорожного движения. Более четко определены полномочия Главы государства в области дорожного движения. Так, Президент определяет государственную политику в области дорожного движения, утверждает Правила дорожного движения, осуществляет иные полномочия, возложенные на него Конституцией Республики Беларусь, Законом «О дорожном движении» и иными законодательными актами.

На Правительство возложены полномочия по обеспечению проведения государственной политики в области дорожного движения в виде утверждения по согласованию с Президентом Концепции обеспечения безопасности дорожного движения; установления порядка государственной регистрации и государственного учета транспортных средств, самоходных машин; определения порядка проведения государственного технического осмотра транспортных средств и их допуска к участию в дорожном движении; осуществления порядка исчисления водительского стажа, принудительной эвакуации транспортных средств; установления размера платы за обучение управлению механическим транспортным средством и ряд иных функций.

Кроме полномочий МВД и Минтранса также детально регламентированы полномочия ГАИ, Минсельхозпрода, МЧС, Министерства образо-

вания Республики Беларусь. На местные исполнительные и распорядительные органы возложены полномочия по выявлению в пределах своей компетенции причин и условий, способствующих нарушению Правил дорожного движения, совершению ДТП; по принятию своевременных мер по их устранению, а также принятию мер по обеспечению водителей специально оборудованными местами для стоянки (хранения) транспортных средств. В связи с этим в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 октября 2011 г. № 1449 «Об утверждении Типового положения о комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения при областных, Минском городском, районных, городских исполнительных комитетах и местных администрациях районов в городах» при исполнительно-распорядительных органах местного назначения образованы комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения.

В Законе «О дорожном движении» также введена норма, согласно которой юридические лица и индивидуальные предприниматели, эксплуатирующие транспортные средства, самоходные машины, обязаны проводить анализ причин и условий, способствующих нарушению Правил дорожного движения и совершению ДТП с участием принадлежащих им транспортных средств, самоходных машин; разрабатывать и осуществлять мероприятия, направленные на уменьшение вредного воздействия принадлежащих им транспортных средств, самоходных машин на окружающую среду и сохранность дорог. На них также возложена обязанность обеспечивать повышение квалификации своих водителей.

Для координации работы органов государственной власти в области безопасности дорожного движения в апреле 2007 г. создана Постоянная комиссия по обеспечению безопасности дорожного движения при Совете Министров Республики Беларусь. В ее задачи входит осуществление информационно-аналитической деятельности по вопросам, относящимся к сфере безопасности дорожного движения, и подготовка предложений по вопросам повышения безопасности дорожного движения в рамках совершенствования системы экономических, социальных, организационных, научно-технических, правовых и иных мер, направленных на предупреждение гибели и травмирования людей в ДТП.

Основной акцент в зарубежном законодательстве о безопасности дорожного движения делается на юридической ответственности нарушителей. Административные правонарушения в области безопасности дорожного движения имеют весьма широкое распространение, что, несомненно, позволяет сделать вывод об их общественной вредности.

Большое количество совершаемых административных правонарушений в области безопасности дорожного движения свидетельствует о значительной административно-правовой деликтности данных правонарушений, под которой понимается совокупность всех совершаемых в стране, регионе, населенном пункте деяний, признаваемых действующим законодательством административными правонарушениями.

В гл. 18 Особенной части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях указаны виды административных правонарушений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. В частности, предусмотрена административная ответственность за умышленное блокирование транспортных коммуникаций (статья 18.1); нарушение правил безопасности движения или эксплуатации железнодорожного, воздушного или водного транспорта (ст. 18.2); нарушение правил, обеспечивающих безопасность движения на железнодорожном или городском электрическом транспорте (ст. 18.3); нарушение правил пользования средствами железнодорожного транспорта (ст. 18.4); нарушение правил безопасности полетов (ст. 18.5) и др.

В последние годы во многих странах наблюдается тенденция все большего признания значимости осуществляемого специальными органами охраны правопорядка надзора за соблюдением правил дорожного движения. Значительное внимание уделяется в странах Европейского союза и вопросам технической организации движения.

Таким образом, подводя итоги, следует сказать о том, что обеспечение безопасности дорожного движения входит в компетенцию многих государственных органов. Административно-правовые нормы, регламентирующие вопросы обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь, в контексте законодательства ряда зарубежных стран сегодня требуют совершенствования с целью повышения уровня защищенности жизни и здоровья участников дорожного движения.

1. Наличие транспортных средств в личной собственности граждан (по данным Министерства внутренних дел Республики Беларусь) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/transport/godovye-dannye_12/nalichie-transportnyh-sredstv-v-lichnoi-sobstvennosti-grazhdan-po-dannym-ministerstva-vnutrennih-del-respubliki-belarus/. – Дата доступа: 20.04.2017.

2. Зиновенко, В.В. Административно-правовое регулирование обеспечения безопасности дорожного движения в Республике Беларусь : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / В.В. Зиновенко ; Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь. – Минск, 2016. – 26 с.

И.В. Цыганович, выпускник факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.И. Бородич*

СУЩНОСТЬ И ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ХРАНЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Договор хранения – пример традиционной для континентального права обязательственной конструкции. Основные положения договора хранения, известного также как поклада, проистекают из римского частного права; эти положения основаны и на достижениях российской законодательной и научной мысли XVIII–XIX вв. Единая классическая конструкция договора хранения с развитием экономического оборота разделилась на собственно хранение и профессиональное хранение (осуществляемое хранителем в качестве профессиональной деятельности). К последнему виду хранения относится и хранение, осуществляемое в предпринимательской сфере. Гражданско-правовое регулирование профессионального хранения имеет ряд отмеченных ниже существенных особенностей.

Действия сторон договора хранения образуют правовую (юридическую) связь. В некоторых случаях для возникновения обязательства хранения одного юридического факта бывает недостаточно, и тогда возникает необходимость в наличии юридического состава, т. е. совокупности юридических фактов. Как верно отмечает О.А. Красавчиков, эти отдельные факты только входя в юридический состав «находят там свое призвание в качестве юридических». Отсутствие любого из элементов этой совокупности «приводит к омертвлению не только юридического состава в целом, но и отдельных его частей по отношению к данному составу». Как известно, обязательства хранения могут возникать и из договоров, где хранение выступает в качестве второстепенной функции, а содержанием будет являться оказание какой-либо иной услуги (например, гостиничные услуги, пользование бассейном и иное). Какая-либо специальная направленность по сохранности имущества здесь отсутствует, не требуется особого согласия стороны по принятию обязанности по хранению имущества. Для возникновения такого рода обязательств является достаточным заключение соответствующего договора о предоставлении услуг [1, с. 22].

По юридической природе классический договор хранения является реальным (хранитель не вправе требовать передачи вещи на хранение), по общему правилу безвозмездным, односторонним.

Договор профессионального хранения может быть консенсуальным (поклажедатель под страхом ответственности за убытки обязан передать вещь на хранение в предусмотренный договором срок), реальным, возмездным, двусторонним.

Договор хранения может быть заключен как на определенный срок, так и без указания срока. Если срок хранения договором не предусмотрен, хранитель обязан хранить вещь до востребования ее поклажедателем.

Правоотношение хранения относится к категории обязательств по оказанию услуг и представляет собой совокупность необходимых последовательных действий: 1) передача объекта хранения в чужое владение с целью сохранения его полезных свойств в течение определенного срока; 2) действия хранителя по обеспечению сохранности объекта и (или) его полезных свойств; 3) возвращение объекта хранения поклажедателю по истечении установленного срока или по требованию.

Отношения по поводу хранения вещей регулировались нормами русского дореволюционного права (поклажа) в традициях континентальной системы права уже с учетом коммерциализации данного вида услуг [2, с. 320].

Говоря о юридическом содержании договора хранения, необходимо отметить, что большинство ученых различают в обязательстве хранения три основных элемента. Это объект, субъект и содержание. Под содержанием они понимают совокупность прав и обязанностей субъектов. Но существует и противоположная точка зрения. Например, С.Н. Ландкоф вообще не относит содержание к элементам обязательства и даже отрицает существование самого понятия «содержание обязательств», ссылаясь на то, что закон не упоминает о содержании обязательств. О.С. Иоффе пишет о юридическом содержании обязательства, под которым понимает права и обязанности его субъектов, и о материальном содержании как имущественном отношении.

Нельзя оставить без внимания такие элементы договора хранения, как срок, цена и форма договора хранения. Срок в договоре хранения – это определенный период времени. Срок хранения обуславливается самим договором. Если срок в договоре не указывается, а также если его трудно определить из условий договора, то на хранителя возлагается обязанность хранить вещь до ее востребования поклажедателем, вследствие чего срок хранения может быть определен моментом востребования. В этом случае хранитель вправе по истечении обычного при данных обстоятельствах срока хранения вещи потребовать от поклажедателя взять обратно вещь, предоставив ему для этого разумный срок.

Что касается определения цены договора, то такой элемент договора хранения имеет место быть только в возмездных договорах хранения. Стоимость услуг хранителя определяется на основе тарифов и ставок либо по соглашению сторон договора хранения [1, с. 5].

Перейдем к правовой регламентации в международном частном праве.

Необходимо обратить внимание на Конвенцию ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. Так, в ст. 1 гл. 1 (Сфера применения) ч. I (Сфера применения и общие положения) указано, что:

1. Настоящая Конвенция применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах:

а) когда эти государства являются Договаривающимися государствами; или

б) когда согласно нормам международного частного права применимо право Договаривающегося государства.

2. То обстоятельство, что коммерческие предприятия сторон находятся в разных государствах, не принимается во внимание, если это не вытекает ни из договора, ни из имевших место до или в момент его заключения деловых отношений или обмена информацией между сторонами.

3. Ни национальная принадлежность сторон, ни их гражданский или торговый статус, ни гражданский или торговый характер договора не принимаются во внимание при определении применимости настоящей Конвенции.

В Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. отметим ряд общих положений. Так в ст. 1 (Сфера применения настоящей конвенции) закреплено, что Конвенция применяется к договорам между государствами, а ст. 42 (Действительность и сохранение договоров в силе) определяет, что:

1. Действительность договора или согласия государства на обязательность для него договора может оспариваться только на основе применения настоящей Конвенции.

2. Прекращение договора, его денонсация или выход из него участника могут иметь место только в результате применения положений самого договора или настоящей Конвенции. Это же правило применяется к приостановлению действия договора.

Согласно ст. 43 (Обязательства, имеющие силу на основании международного права, независимо от договора) недействительность, прекращение или денонсация договора, выход из него одного из участников или приостановление его действия, если они являются результатом применения настоящей Конвенции или положений самого договора, ни в

коей мере не затрагивают обязанность государства выполнять любое записанное в договоре обязательство, которое имеет силу для него в соответствии с международным правом, независимо от договора.

Согласно гл. 2 (Временное хранение товаров) Специального приложения А Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур 1973 г. определяет принципы, документы и иные положения о временном хранении:

1. Стандарт. Временное хранение товаров регулируется положениями настоящей Главы и, насколько это применимо, положениями Генерального приложения.

2. Стандарт. Таможенная служба разрешает создание складов временного хранения во всех случаях, когда она считает это необходимым для удовлетворения потребностей торговли.

3. Рекомендация по практическому применению. Временное хранение должно разрешаться в отношении всех товаров независимо от количества, страны происхождения или страны, из которой они прибыли. Однако товары, которые представляют опасность, которые предположительно могут повредить другие товары или для которых требуются специальные сооружения, должны быть допущены только на склады временного хранения, специально оборудованные и установленные компетентными органами для их приемки.

4. Стандарт. Единственным документом, который требуется для помещения товаров на временное хранение, является документ, содержащий описание товаров при их предъявлении таможенной службе.

5. Рекомендация по практическому применению. Таможенная служба должна принимать грузовую декларацию или другой коммерческий документ в качестве единственного документа, требуемого для помещения товаров на временное хранение, при условии, что все товары, упомянутые в этой грузовой декларации или в другом коммерческом документе, помещаются на склад временного хранения.

В ст. 167 (Общие положения о временном хранении товаров) Договора о Таможенном кодексе таможенного союза 2009 г. дается понятие временного хранения товаров – хранение иностранных товаров под таможенным контролем в местах временного хранения до их выпуска таможенным органом в соответствии с заявленной таможенной процедурой либо до совершения иных действий, предусмотренных таможенным законодательством таможенного союза, без уплаты таможенных пошлин, налогов.

Следует отметить, что Экономическим судом СНГ было дано толкование термина «межгосударственные экономические связи», под которым следует понимать экономические связи именно между субъектами

хозяйствования разных государств независимо от того, какие правовые формы опосредуют эти связи – свободно заключаемый субъектами хозяйствования договор поставки или договор поставки, заключаемый на основе межгосударственных экономических соглашений (договор, заключаемый для обеспечения государственных нужд). Таким образом, сфера действия Соглашения не ограничивается только договорами поставки товаров для государственных нужд, а распространяется и на свободно заключаемые договоры [3, с. 435].

Важно отметить и нормы стран – участниц СНГ. Так, Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. в ст. 1 (Предоставление правовой защиты) определила, что граждане каждой из Договаривающихся Сторон, а также лица, проживающие на ее территории, пользуются на территориях всех других Договаривающихся Сторон в отношении своих личных и имущественных прав такой же правовой защитой, как и собственные граждане данной Договаривающейся Стороны. В ст. 39 (Форма сделки) сказано, что форма сделки определяется по законодательству места ее совершения. Форма сделки по поводу недвижимого имущества и прав на него определяется по законодательству Договаривающейся Стороны, на территории которой находится такое имущество.

Таким образом, сущность и правовая регламентация обязательств хранения в международном частном праве представлена рядом международных актов: Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г., Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г., Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур 1973 г., Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. и др.

Правоотношение хранения относится к категории обязательств по оказанию услуг и представляет собой совокупность необходимых последовательных действий. В обязательстве хранения различают три основных элемента: объект, субъект и содержание.

1. Боуш, К.С. Договор хранения с участием органов внутренних дел в гражданском праве России : монография / К.С. Боуш. – Тюмень : Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2015. – 100 с.

2. Гражданское право : учебник / С.С. Алексеев [и др.] ; под общ. ред. С.С. Алексеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект ; Екатеринбург : Ин-т част. права, 2009. – 528 с.

3. Международное частное право : учебник / Н.В. Власов [и др.] ; отв. ред. Н.И. Марышева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Контракт : Волтерс Клувер, 2010. – 928 с.

М.Н. Чепелевич, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук,
доцент *А.Н. Толочко*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КРИМИНАЛЬНОМУ БАНКРОТСТВУ

Тема криминального банкротства является не только интересной с точки зрения ее изучения, но и актуальной, поскольку исследования криминального банкротства имеют не только научное, но и практическое значение.

Сложность борьбы с данным видом преступлений обусловлена тем, что криминальное банкротство носит довольно скрытый характер, скрываясь под видом гражданских правоотношений, и первоначальным этапом является раскрытие преступления, а потом уже расследование.

Для понимания общественной опасности криминального банкротства недостаточно сослаться на объект этого преступления, который определяется, по сути, формально: родовый объект – тем, в какую главу УК помещено данное преступление, а непосредственный – редакцией текста состава преступления.

При рассмотрении банкротства выделяют две основных его разновидности: обычное, наступающее в результате влияния не зависящих от воли и действий людей факторов или вследствие недостаточного эффективного ведения деятельности, и криминальное – ложное и преднамеренное банкротство.

Хотя криминальное банкротство обычно рассматривается как обман кредиторов либо присвоение имущества организации (ее собственников), оно часто является результатом недопонимания самими собственниками бизнеса или менеджерами своих обязанностей, ответственности и последствий предпринимаемых ими действий (бездействия).

Криминальное банкротство – термин разговорный, он означает три состава противоправных деяний: ложное банкротство, сокрытие банкротства, преднамеренное банкротство.

К наказуемым деяниям, часто выявляемым в процедурах банкротства, относится также препятствование возмещению убытков кредитора.

УК Республики Беларусь содержит статьи, квалифицирующие указанные составы правонарушений, и устанавливает наказание за их совершение. Так, например, за преднамеренное банкротство (ст. 240 УК) уголовный закон предусматривает наказание от штрафа до лишения свободы на срок до пяти лет.

Отметим, что непосредственно по квалифицирующим признакам криминального банкротства уголовные дела по ст. 238–241 УК в Беларуси возбуждаются достаточно редко. На сленге следователей эти статьи являются «нерабочими». Поэтому часто уголовные дела возбуждаются по «рабочей» ст. 242 «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» УК. Видимо, потому что доказывание по ней простое и очевидное.

Ложная экономическая несостоятельность (банкротство) (ЭНБ) (ст. 238 УК) предполагает подачу ИП или должностным лицом юридического лица (ЮЛ) в экономический суд заявления должника о своей ЭНБ, иных документов, содержащих заведомо недостоверные сведения о неплатежеспособности должника, имеющей или приобретающей устойчивый характер, в целях признания этого должника ЭНБ.

Исходя из этого недостоверность представленных (заявленных) сведений может выражаться:

- в фальсификации финансовой отчетности о результатах финансово-хозяйственной деятельности (ФХД) с отражением в ней завышенной кредиторской задолженности;

- фальсификации документов о кредиторской задолженности субъекта хозяйствования (СХ) (в сторону ее завышения);

- утаивании должником реальной дебиторской задолженности, позволяющей произвести расчеты с кредиторами;

- сокрытии имущества или информации об имуществе СХ.

Сокрытие ЭНБ (ст. 239) – это умышленное искажение информации о том, что фактически СХ является экономически несостоятельным (банкротом).

Умышленное искажение информации выражается путем:

- представления сведений, не соответствующих действительности, – может выражаться в устном или письменном представлении сведений о якобы благополучном финансовом состоянии (ФС) неплатежеспособного СХ лицом, имеющим право в соответствии со ст. 8 Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» на подачу в экономический суд заявления о ЭНБ должника;

- подделки документов – может выражаться во внесении в подлинный документ изменений и дополнений, свидетельствующих о якобы благополучном ФС неплатежеспособного СХ, либо в полном изготовлении фальшивого документа с таким же содержанием;

- искажения бухгалтерской отчетности – совершается путем внесения в документы бухгалтерской отчетности сведений, не соответствующих действительности, скрывающих подлинное ФС неплатежеспособного СХ;

иным способом – следует понимать какие угодно действия, направленные на утаивание неплатежеспособности СХ: например, путем уничтожения бухгалтерских документов.

Преднамеренная ЭНБ (ст. 240) является следствием различных умышленных противоправных действий (бездействия) собственника имущества, учредителей (участников) должника, ИП или иных лиц, в том числе руководителя должника, имеющих право давать обязательные для должника указания либо имеющих возможность иным образом определять его действия.

К указанным умышленным действиям можно отнести самые разные действия и бездействия:

заключение сделки на заведомо невыгодных условиях (по завышенной цене, с предоплатой всей суммы и т. п.);

преднамеренный отказ от заключения выгодной сделки; досрочное погашение кредиторской и иной задолженности; предоставление кредитов или имущества в аренду лицам, которые заведомо не собираются их возвращать;

получение кредитов без намерения использовать их по целевому назначению;

присоединение других организаций, имеющих значительную кредиторскую задолженность;

бесплатная передача имущества в распоряжение других лиц;

непринятие мер по защите экономических интересов при совершении сделок;

принятие на себя чужих долгов, выдача гарантий, финансовое участие в сомнительных предприятиях;

использование средств организации не в ее интересах (неправомерное расходование средств организации);

продажа производимых или закупаемых для перепродажи товаров по ценам, не предусматривающим не только получение прибыли, но и покрытие затрат на их производство и реализации (т. е. по ценам ниже себестоимости);

закупка материально-технических ресурсов по завышенным ценам (в сравнении с ценами производителей или поставщиков аналогичной продукции);

отчуждение основных средств и нематериальных активов по ценам ниже остаточной стоимости без проведения их рыночной оценки, передача имущества в безвозмездное пользование или собственность, списание имущества, якобы потерявшего свои качества;

закупка сырья, оборудования и другого имущества, заведомо ненужного для данного СХ либо которое он не в состоянии оплатить, сокрытие отдельных сделок, связанных с образованием дебиторской задолженности;

занижение или завышение цены (тарифа) на поставляемые (приобретаемые) товары (работы, услуги) по сравнению со сложившейся рыночной конъюнктурой;

заведомо невыгодные для должника сроки и (или) способы оплаты реализованного (приобретенного) имущества;

любые формы отчуждения (обременения обязательствами) имущества должника, если они не сопровождаются эквивалентным сокращением задолженности;

предоставление имущества должника в пользование иным лицам безвозмездно или с заниженным размером вознаграждения по сравнению со сложившейся рыночной конъюнктурой;

списание имущества должника с нарушением установленного законодательством порядка его списания;

установление заработной платы и иных связанных с исполнением трудовых обязанностей выплат в размере, не обоснованном результатами деятельности, и (или) с нарушением требований законодательства;

незаконные расходы денежных средств СХ на цели, не связанные с его экономической деятельностью;

действия по повреждению или уничтожению имущества СХ, приведшие к срыву графиков производства и отгрузок продукции;

совершение преступления путем бездействия [1].

В результате проделанной работы можно сформулировать следующие выводы и предложения:

1. Умышленные создание или увеличение неплатежеспособности ИП или ЮЛ, совершенные этим ИП или должностным лицом, учредителем (участником) либо собственником имущества этого ЮЛ в личных интересах или в интересах иных лиц и повлекшие причинение ущерба в крупном размере, преднамеренное банкротство (ст. 240 УК Республики Беларусь) реализуются по типовой схеме, включающей следующие этапы: а) разделение единой имущественной структуры по мелким предприятиям; б) непринятие мер к совершению юридически значимых действий по распределению долговых обязательств материнской компании между учреждаемыми юридическими лицами; в) формирование уставного капитала вновь учреждаемых юридических лиц таким образом, чтобы 50,1 % акций принадлежали другим предприятиям; г) утаивание, фальсификация и уничтожение документов в период, предшествующий передаче дел внешнему или конкурсному управляющему; д) безвозмездная передача за взятки или продажа по заниженным ценам имущества физическим и юридическим лицам, зарегистрированным в разных областях, что существенно затрудняет поиск имущества; е) пе-

редача имущества в экономически нецелесообразную (неэффективную) аренду; ж) списание денежных средств и имущественных ценностей в предвидении банкротства на приобретение ценных бумаг, не имеющих признанной рыночной котировки.

2. Все многообразие тактических ситуаций, в которых может оказаться субъект расследования на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела, можно разделить на следующие:

ситуация 1: установлен факт получения отсрочки по кредитам и подлежащим к уплате платежам, в том числе за счет не соответствующего действительности заявления кредиторов о своей несостоятельности;

ситуация 2: установлен факт заведомо ложного сообщения руководителем предприятия о своей несостоятельности;

ситуация 3: установлен факт или несколько фактов заключения сделок, участия в реализации проектов, которые повлекли за собой возникновение или увеличение состояния неплатежеспособности предприятия, организации;

ситуация 4: установлен факт физического сокрытия имущества должником;

ситуация 5: установлен факт сокрытия должником сведений об имеющемся у него имуществе.

3. Вся система версий может быть представлена в виде нескольких блоков, касающихся разных этапов расследования криминальных банкротств. Версии по отношению к установлению несостоятельности разделяются на четыре группы:

версии о готовящихся преступлениях;

версии о совершении преступных действий до признания предприятия несостоятельным;

версии о совершении преступных действий после установления экономическим судом несостоятельности предприятия;

версии о преступных действиях в период конкурсного производства.

Отдельную группу составляют версии о целях и мотивах совершения действий криминального характера, о соучастниках должника (работниках предприятия, кредиторах, родственниках и иных лицах), а также о смежных составах преступлений – присвоении или растрате, мошенничестве, подделке документов, халатности.

4. В зависимости от фактических обстоятельств дела и на основании вышеуказанных типовых версий субъект расследования выдвигает предположения: а) о круге заинтересованных лиц, которые получили финансовую выгоду в результате признания предприятия банкротом или в результате нарушения очередности взыскания; б) о месте нахождения

денежных средств и имущества должника, выведенных руководителем предприятия-банкрота из-под контроля кредиторов и экономического суда (в том числе о месте нахождения банковских счетов, документов, подтверждающих право на имущество, документов, содержащих сведения об изготовителе имущества, его заводских номерах); в) о конкретных действиях должника и связанных с ним лиц, составляющих процедурное содержание механизма криминального банкротства или неправомερных действий при банкротстве; г) о круге личностных, документальных и вещественных свидетельств, которые подтверждают криминальное банкротство.

5. Особенности планирования зависят также от этапов расследования. Планирование на первоначальном этапе расследования по данной категории уголовных дел должно обеспечивать:

а) обнаружение, фиксацию и сохранение вещественных источников доказательственной информации, а также документов, которые могут быть уничтожены заинтересованными лицами;

б) выявление и своевременный допрос свидетелей, которые могут быть заинтересованы в даче правдивых показаний. К ним относятся:

незаинтересованные в банкротстве предприятия кредиторы;

лица, проводившие проверку;

активисты трудового коллектива предприятия-банкрота;

уволенные с предприятия материально ответственные лица;

члены аукционных и конкурсных комиссий, уличенные в незначительных, но документально зафиксированных нарушениях процедуры аукциона или конкурса;

лица, на которых оказано незаконное воздействие с целью добиться от них отказа от участия в аукционе или конкурсе;

в) розыск лица, завладевшего имуществом или денежными средствами предприятия-банкрота;

г) проведение специальных экспертных исследований, помогающих проверить соответствие экономических расчетов фактическому положению дел, соответствие данных бухгалтерских документов фактическому состоянию основных средств предприятия;

д) проверку подозреваемых лиц и объектов по оперативно-справочным и криминалистическим учетам, а также иным базам данных.

6. Методика расследования данной категории уголовных дел ориентирована на обнаружение имущества должника и получение доказательств причастности обвиняемого к созданию или увеличению неплатежеспособности, к сокрытию или отчуждению имущественного комплекса в предвидении банкротства или после его установления.

Прослушивание телефонных переговоров позволяет получить доказательства: а) договоренностей об отчуждении или передаче по заниженным ценам в аренду имущества предприятия-банкрота; б) коммерческого подкупа руководителя организации-банкрота в целях склонения его к предпочтению отдельных кредиторов; в) материальной заинтересованности руководителя должника в заключении экономически нецелесообразных сделок; г) осведомленности кредитора об отданном ему должником предпочтении перед другими кредиторами.

Прослушивание телефонных переговоров позволяет обнаружить информацию о месте нахождения отчужденного имущества банкрота. Следует учитывать степень заинтересованности фигурантов в отчуждении имущества должника, а также реальную перспективу признания судом отдельных сделок недействительными.

1. Арутюнян, К.С. Криминальное банкротство: цели и особенности совершения [Электронный ресурс] / К.С. Арутюнян // Юрид. работа в кредит. орг. – 2010. – № 2. – Режим доступа: http://www.reglament.net/bank/legal/2010_2/get_article.htm?id=754. – Дата доступа: 13.04.2017.

2. Шестакова, А. Криминальное банкротство [Электронный ресурс] / А. Шестакова, А. Каширин // ЭЖ-Юрист. – 2008. – № 33. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/bux/42385>. – Дата доступа: 13.04.2017.

УДК 343.985

И.С. Чижиков, курсант факультета милиции

Научный руководитель – кандидат юридических наук

И.В. Пашута

ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ И СЛЕДСТВЕННЫМ КОМИТЕТОМ

Успешное расследование преступлений по горячим следам обеспечивается тщательно продуманной организацией деятельности правоохранительных органов на этом этапе и прежде всего незамедлительным использованием возможностей дежурной части, Следственного комитета и оперативных подразделений, участковых инспекторов, сотрудников ДПС, департамента охраны, органов внутренних дел на транспорте и некоторых других подразделений.

Раскрытие и расследование преступлений по горячим следам обычно начинается с момента прибытия на место происшествия следственно-оперативной группы и проведения осмотра этого места. Можно

выделить три основных аспекта обеспечения высоких результатов деятельности такой группы: быстрота прибытия группы на место происшествия; надлежащий состав группы; обеспеченность группы технико-криминалистическими средствами, оружием, средствами индивидуальной защиты, средствами транспорта и связи.

Чем быстрее следователь прибывает на место происшествия, тем больше имеется возможностей для обнаружения важных вещественных доказательств и раскрытия преступления по горячим следам. Практика показывает, что если следственно-оперативная группа прибывает на место происшествия в течение трех минут после его совершения, розыск по горячим следам преступников в большинстве случаев завершается положительно (до 80 %), а если в течение пяти минут – результативность его уже снижается до 50 %. Также доказано, что в крупном областном центре наиболее ценными для раскрытия преступления являются первые три часа после его совершения [1, с. 28].

В органах внутренних дел наиболее распространенными на практике являются следующие организационные формы работы по обеспечению быстрого прибытия следственно-оперативной группы на место происшествия и ее надлежащего состава:

создание постоянных (штатных) дежурных следственно-оперативных групп в УВД;

организация дежурств по графику сотрудников следственных подразделений, уголовного розыска и сотрудников ГКСЭ;

организация сменной работы следователей, оперативных сотрудников и сотрудников ГКСЭ.

В состав следственно-оперативной группы, выезжающей на место происшествия, должны входить следователь, оперативный сотрудник уголовного розыска, эксперт-криминалист и кинолог со служебно-розыскной собакой. Специфика происшествий определенного вида вызывает и необходимость в дополнении состава группы. Так, обнаружение трупа или его частей влечет обязательность включения в следственно-оперативную группу судмедэксперта. Пожар требует наличия в группе специалиста в области пожарного дела. Члены группы, выезжающей на место происшествия по горячим следам, должны не только обладать профессиональными знаниями на высоком уровне, но и иметь хорошую физическую подготовку, быть готовыми к преодолению возможного сопротивления со стороны преследуемого преступника.

Руководство работой следственно-оперативной группы на месте происшествия по горячим следам возлагается на следователя, а организация взаимодействия сил, принимающих участие в розыске и задержании преступника, – на руководителя органа внутренних дел, который в

соответствии с ведомственными нормативными актами обязан выезжать на места совершения тяжких преступлений и лично организовать работу по их раскрытию. Следственно-оперативная группа является важной формой организации взаимодействия следственных подразделений с дежурной частью органа внутренних дел, оперативными подразделениями и экспертно-криминалистической службой [2, с. 6].

Одним из важных условий эффективности расследования преступлений по горячим следам, как было отмечено выше, являются обеспеченность следственно-оперативной группы надлежащими средствами криминалистической техники и правильное применение этих средств с самого начала расследования. Характер этих средств зависит от вида преступления, признаки которого усматриваются в исходной информации о происшествии. Комплекс технико-криминалистических и иных средств должен обеспечить как решение задач по осмотру места происшествия, так и проведение предварительных исследований на этом месте.

Повсеместное внедрение предварительных (оперативных) исследований следов непосредственно на месте происшествия является в настоящее время важной задачей следственных аппаратов и экспертно-криминалистической службы. Не повреждая следы, с помощью специальных познаний необходимо извлекать из них возможно большую информацию для раскрытия преступлений по горячим следам. Эта информация хотя и является первичной, ориентировочной и по сравнению с содержащейся в последующем заключении эксперта – приблизительно и далеко не полной, может иметь большую тактическую ценность.

Предварительные исследования следов преступления на месте происшествия являются частью общего изучения материальной обстановки места происшествия. Путем производства исследований и экспертиз решаются задачи получения исходной информации о преступнике в контексте происшедшего события, механизме преступления, а также обобщенных данных о причастности к преступлению лица, обладающего определенными признаками и свойствами; осуществляются проверка и уточнение полученных данных о личности преступника, закрепление в форме, доступной для восприятия любым лицом, информации о признаках и свойствах лица, совершившего преступление (подготовка ориентировок, изготовление субъективных портретов и т. п.); выявляются другие преступления, совершенные лицом, обладающим аналогичным комплексом признаков и свойств.

В настоящее время разработаны и внедряются в практику в первую очередь методики исследования на местах происшествий наиболее распространенных следов: следов пальцев рук, обуви, орудий взлома, транспортных средств. Эти объекты составляют сейчас 70 % всех обнаруживаемых при осмотрах следов вещественных доказательств. Анализ

практики показывает, что предварительными исследованиями довольно часто ориентировочно решают вопросы о времени и причинах смерти; возрасте убитого; тяжести причиненного вреда здоровью; калибре и модели огнестрельного оружия; характере орудия, которым были причинены телесные повреждения или осуществлен взлом преграды. Перечень этих вопросов может быть значительно расширен, поскольку их характер во многом определяется способом преступных действий и иными обстоятельствами совершения преступления.

Приведем в качестве примера случай из практики. Неизвестный преступник ночью проник в офис одной из фирм и, сорвав навесные петли дверцы сейфа, похитил деньги. На окрашенной поверхности сейфа обнаружили следы перчаток, которые были откопированы на дактилопленку. Предварительно исследовав по указанию следователя эти следы, специалист-криминалист предположительно определил, что перчатки вора изготовлены из кожи тонкой выделки. Используя эти и другие сведения, оперативные сотрудники значительно сузили круг лиц, подлежащих проверке, и через два дня выявили гражданина X, имевшего такие перчатки. После того, как перчатки изъяли, была назначена трасологическая экспертиза; эксперт дал заключение, что следы на сейфе оставлены перчатками X.

Большую перспективу в расследовании преступлений по горячим следам имеет использование передвижных (выездных) криминалистических лабораторий, а также специализированных следственных и экспертных чемоданов, разработанных применительно к определенным видам следов, типичных для преступлений, чаще всего расследуемых именно по горячим следам (убийства, поджоги, дорожно-транспортные преступления, разбойные нападения, кражи и т. п.).

Все большую роль в расследовании должны в наше время играть экспрессные технико-криминалистические средства и методы получения и фиксации доказательственной информации. К числу таких применяемых экспресс-методов относятся прежде всего методы быстрой обработки экспонированных фотоматериалов, стереофотограмметрическая съемка, видеозапись, некоторые химические методы обнаружения и фиксации следов, а также отдельные средства и методы исследования вещественных доказательств на месте происшествия. В процессуальном аспекте, как справедливо отмечает В.П. Лавров, экспрессные методы позволяют сразу же удостоверить определенные результаты, полученные в ходе применения научно-технических средств, для повышения их достоверности и доказательственного значения. В этом смысле важны две стороны использования экспрессных методов, подчеркнутые В.П. Лавровым:

- 1) соотношение быстроты метода с продолжительностью следственного действия, в ходе которого он применялся (чтобы полученный ре-

зультат мог быть сразу же процессуально удостоверен участниками следственного действия);

2) возможность немедленного использования полученного результата, что особенно важно для расследования по горячим следам.

Важным элементом криминалистического (и одновременно управленческого) обеспечения расследования по горячим следам является информационное обеспечение следственно-оперативной группы. Группа должна иметь необходимые технические средства приема и передачи информации для связи со стационарными информационными центрами (телефон, радио и т. п.), а также «носимые» хранилища информации (криминалистические справочники, определители, альбомы, атласы и т. п.) для выделения значимых объектов из окружающей среды, их определения, получения на месте преступления представления об их свойствах, признаках, источниках происхождения. Наличие указанных технических средств позволяет непосредственно с места происшествия осуществлять проверку следов и иных объектов по криминалистическим учетам, в частности коллекциям следов пальцев рук и следов орудий взлома, изъятых с мест нераскрытых преступлений, и т. п. [2, с. 8].

Следующим важным элементом обеспечения расследования по горячим следам является типовое программирование неотложных следственных действий, организационных и оперативно-розыскных мероприятий как одна из форм планирования расследования. Планирование (и как мыслительный, творческий процесс, и как форма научно обоснованной организации раскрытия и расследования преступлений, и как определение наиболее оптимального, эффективного пути к установлению истины на первоначальном и последующем этапах расследования) достаточно подробно освещено в юридической литературе. В условиях дефицита времени при работе по горячим следам большое значение приобретает максимальная четкость организации действий каждого из членов следственно-оперативной группы на месте происшествия, правильное распределение обязанностей между членами группы. Наличие и изучение типовых исходных следственных ситуаций вызвало к жизни важную тенденцию в науке и практике – стремление запрограммировать неотложные действия дежурного по органу внутренних дел и членов следственно-оперативной группы при получении ими сообщения о происшествии. Но типовые программы действий не должны рассматриваться как готовые рецепты. Применяя их, необходимо учитывать и индивидуальные, ситуационные особенности конкретного происшествия.

Одним из решающих элементов обеспечения эффективной работы по горячим следам является организация взаимодействия следователя, оперативных сотрудников и всех иных сотрудников, которые могут спо-

собствовать раскрытию преступления. Рассмотрим пример. Два молодых человека – парень и девушка – совершили разбойное нападение на почтовое отделение в сельской местности В. области. Парень, угрожая пистолетом, связал двух женщин-служащих и забрал деньги из сейфа. Затем он тщательно натер чесноком пол. Преступники скрылись в лесном массиве. Уже в процессе осмотра места происшествия была применена служебно-розыскная собака. На поиск преступников с воздуха был направлен вертолет. В процессе преследования преступников поисковая группа с собакой обнаружила в лесном массиве одежду (преступники переоделись). В женской одежде было обнаружено письмо, адресованное одному из жителей г. Калининграда, подписанное «Олеся». С помощью средств связи эта информация была немедленно передана в дежурную часть УВД. К моменту возвращения членов следственно-оперативной группы с места происшествия дежурным через УВД Калининградской области с использованием адреса на письме были уже установлены родственники Олеси Ц. в Калининграде и в В. области. По месту проживания родственников Олеси в В. области тут же выехала оперативная группа, обнаружившая и задержавшая преступников, уже купивших билеты для выезда за пределы области. Так правильно организованное взаимодействие сотрудников различных служб, даже двух различных областных УВД, позволило не только быстро установить виновных в дерзком преступлении, но и пресечь их попытку скрыться от следствия, уклониться от ответственности.

Первыми, как правило, призваны реагировать на сообщение о преступлении сотрудники дежурных частей органов внутренних дел, поэтому срок ограничен еще более жестко и включен в рамки дежурных суток. На основе оценки поступившей первичной информации о преступлении, при наличии признаков, характерных для ситуации, в которой возможно раскрытие преступления по горячим следам, дежурным (или по его докладу одним из руководителей органа внутренних дел) принимается решение: о направлении на место происшествия ближайших нарядов полиции; о вызове на место происшествия участкового уполномоченного полиции; о преследовании, поиске по горячим следам скрывшегося преступника; о направлении на место происшествия следственно-оперативной группы; об ориентировании на поиск преступника других нарядов милиции и соседних органов внутренних дел, а также органов внутренних дел на транспорте; об организации заградительных мероприятий. Весьма эффективным может быть поиск по горячим следам (или преследование преступника) сотрудниками милиции совместно с потерпевшим или очевидцем.

В расследовании по горячим следам с большим успехом используется помощь общественности: для обнаружения и даже задержания пре-

ступника, розыска похищенных вещей, выявления свидетелей (а подчас и потерпевших), оказания содействия при производстве отдельных следственных действий, установления причин и условий, способствовавших совершению преступления, и т. д. В этих целях соответствующая информация и обращение к населению с просьбой помочь расследованию может публиковаться в местных СМИ.

Иногда необходимый результат дает расклейка объявлений в микрорайоне происшествия, в частности по делам об автодорожных преступлениях.

Обратимся к зарубежному опыту. Исторически сложившиеся в ряде стран формы борьбы с преступностью, в основе которых лежит раскрытие преступлений по горячим следам, обусловили высокое развитие средств оперативной техники и разработку практических вопросов тактики отдельных следственных и оперативных действий [2, с. 13].

Созданы и внедрены в практику оперативных групп комплекты научно-технических средств, разнообразные поисковые приборы, средства фиксации следов и обстановки места преступления, экспресс-методы исследования вещественных доказательств, технические средства задержания и т. д.

1. Осмотр места происшествия / под ред. И.М. Лузгина. – М. : Юрид. лит., 1992. – 86 с.

2. Лавров, В.П. Расследование преступлений по горячим следам / В.П. Лавров. – М., 1989. – 87 с.

УДК 343.985

Н.В. Шаилов, выпускник следственно-экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат юридических наук
И.Г. Мухин

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ УМЫСЛА НА РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Наблюдаемая в последнее время общемировая тенденция развития проблемы распространения порнографии не обошла стороной и Беларусь. При этом мы все же можем констатировать, что проблемы распространения порнографии в сети Интернет не стали в нашей стране масштабным явлением. В то же время способы распространения порнографической

продукции постоянно совершенствуются, что требует адекватной реакции со стороны криминалистики. Целью настоящей работы является выработка предложений по совершенствованию тактики проведения отдельных следственных действий, производство которых необходимо, по нашему мнению, в отдельных ситуациях при расследовании уголовных дел, возбужденных по ч. 2 ст. 343, 343¹ УК Республики Беларусь.

Рассмотрим варианты развития ситуации, складывающейся в процессе производства по уголовному делу о распространении порнографии, где известно лицо, совершившее преступление, при этом:

1) лицо, совершившее преступление, полностью признает свою вину, дает правдивые показания, сотрудничает со следствием, добровольно выдает технические средства, посредством которых осуществлялось распространение и (или) изготовление порнографии;

2) лицо, совершившее преступление, признает свою вину, но не сотрудничает со следствием, не выдает добровольно технические средства, посредством которых осуществлялось распространение и (или) изготовление порнографии;

3) лицо, совершившее преступление, отказывается сотрудничать со следствием, полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению.

Если в ходе предварительного следствия складывается первая ситуация, то, как правило, необходимо произвести осмотр изъятых научно-технических средств (НТС) с участием специалиста либо назначить компьютерно-техническую экспертизу, поставив на разрешение эксперту вопросы, направленные на обнаружение порнографических материалов как в памяти исследуемого устройства, так и истории интернет-браузера.

Если в ходе предварительного следствия складывается вторая ситуация, то необходимо произвести комплекс обысков, а также ОРМ, направленные на установление устройств, посредством которых осуществлялся выход в интернет в интересующие даты. После обнаружения данных устройств необходимо произвести их изъятие, осмотр, либо направить их на экспертизу.

Если в ходе предварительного следствия складывается третья ситуация, то необходимо произвести изъятие всей компьютерной техники, а также иных носителей информации (флэш-карт, оптических дисков, HDD-, SSD-дисков, фото- и видеоаппаратуры, а также иной техники, в память которой возможно внести информацию, представляющую интерес для предварительного следствия). В случае, если распространение порнографии происходит через социальные сети, то необходимо оперативно произвести осмотр страниц социальных сетей, а также комплекс ОРМ, направленных на установление страниц социальных сетей, через

которые лицо осуществляло распространение порнографии. В случае, если на момент осмотра страницы социальной сети обнаружить порнографические материалы не удалось, то необходимо сделать запрос администрации соответствующего ресурса с целью получения сведений о полной истории переписки, фото- или видеоальбоме, а также об IP-адресах устройств, а при возможности и IMEI-кодов устройств, с помощью которых осуществлялся выход в интернет.

Также в случае, если лицо, подозреваемое в совершении преступления, сообщает, что страницу социальной сети, через которую осуществлялось распространение порнографии, взломали и доступ к ней осуществлял кто-то другой либо его страницу не взламывали, а доступ мог осуществить посторонний, так как подозреваемый «потерял телефон», «забыл выключить служебный компьютер» и т. д. Для опровержения данных показаний, по нашему мнению, необходимо произвести полный осмотр социальной сети, отыскать переписку, которая осуществлялась в интересующий момент времени, и в ходе допроса получить сведения о содержании данной переписки. По возможности необходимо допросить лиц, с которыми осуществлялась переписка, задав им вопросы, мог ли посторонний человек знать сведения о тех или иных событиях, о которых шла речь в переписке.

Также в целях доказывания вины подозреваемого необходимо, по нашему мнению, производить допрос подозреваемого и обвиняемого с использованием видеозаписи, причем видеозапись необходимо производить так, чтобы в кадре находился как допрашиваемый, так и следователь, а также иные участники допроса. Такие допросы необходимо проводить для того, чтобы лицо, обвиняемое в совершении преступления, в ходе судебного заседания не отказалось от показаний, которые оно давало в ходе предварительного следствия, а также не заявило суду о том, что следователь в ходе производства по уголовному делу оказывал на него давление.

Нередки случаи, когда подозреваемый в совершении преступления в ходе допроса показывает, что он «случайно» добавил материалы порнографического характера на страницу социальной сети. Для того чтобы опровергнуть такие показания, по нашему мнению, возможно проведение следственного эксперимента, перед которым у подозреваемого необходимо узнать, какое именно действие он хотел выполнить на странице социальной сети. После этого в ходе указанного следственного действия необходимо подтвердить или опровергнуть возможность случайного размещения указанной информации.

Также следует отметить, что доказать умышленность размещения порнографической информации можно посредством осмотра кэша интернет-браузера с целью отыскания сведений о просмотре тех или

иных файлов порнографического характера. Если установлено, что данные видеофайлы регулярно просматривались, а также имеются интернет-ссылки на исследуемый файл, размещенный в сети, это значит, что лицо сознательно разместило для общего доступа файл с информацией порнографического характера. При проведении осмотра необходимо использовать тот же интернет-браузер или приложение, которое использовал подозреваемый или обвиняемый. При этом запрещается использование технических средств, которые были изъяты у подозреваемого или обвиняемого, поскольку это может повлечь утерю или изменение информации, находящейся на данном устройстве.

Основное программное средство для создания образов машинных носителей информации – Encase. Для создания протокола осмотра как итогового документа обычно используются встроенные возможности Microsoft Windows и средства Microsoft Office. Для поиска информации – встроенные возможности Microsoft Windows. Для создания копий изображений на мониторе – встроенные возможности Microsoft Windows либо программа SnagIt (Гридюшко, П.В. Методика расследования уголовных дел о распространении порнографических материалов с использованием компьютерной техники в сети Интернет, локальных сетях : пособие / П.В. Гридюшко, И.Г. Мухин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – С. 27).

Перед началом осмотра исследуемые машинные носители информации должны быть подключены к служебному компьютеру следователя.

Главным требованием является обеспечение сохранности и неизменности информации, хранящейся на машинном носителе информации. Сохранность и неизменность информации обеспечиваются программными либо аппаратными средствами, на которых остановимся далее.

Устройство «внешний HDD» синхронизируется с компьютером при помощи входящего в комплект поставки USB-кабеля. Устройство Flash USB Drive не требует дополнительных средств для синхронизации с компьютером, поскольку само обладает интерфейсом USB. Для синхронизации с компьютером карты памяти Flash-memory необходимо специальное устройство чтения Card Reader. Для чтения FD (флоппи-дисков) компьютер должен быть оборудован устройством FDD (Floppy Disk Drive, флоппи-дисковод), для чтения оптических (лазерных) дисков – устройством чтения (записи) компакт-дисков (CD/DVD/BD-приводом). Для синхронизации с компьютером «карманных компьютеров» (КПК), мобильных телефонов, смартфонов, электронных книг, MP3-плееров, цифровых фото- и видеокамер, GPS-навигаторов, игровых приставок и т. п. используются входящие в комплект поставки дата-кабели или USB-кабели с соответствующим программным обеспечением (драйве-

рами) – их изъятие необходимо обеспечить при производстве обыска (осмотра) (Гридюшко, П.В. Методика расследования уголовных дел о распространении порнографических материалов с использованием компьютерной техники в сети Интернет, локальных сетях : пособие / П.В. Гридюшко, И.Г. Мухин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – С. 27).

Исследование компьютерной информации производится путем отражения в протоколе осмотра всего содержимого машинного носителя информации в основном путем создания скриншотов (снимков экрана) с изображениями дерева каталогов и их содержания. Далее с помощью различных программных средств производится исследование файлов, которые могут нести следы преступной деятельности. Это могут быть программные средства, как встроенные в используемую следователем операционную систему, так и специально предназначенные для криминалистического исследования компьютерной информации (например, сотрудники экспертно-криминалистических подразделений используют программный комплекс Encase). В случае обнаружения искомых файлов их содержимое приводится в протоколе (опять же путем создания скриншотов) и выводится на печать (либо в случае обнаружения изображений, видеороликов и т. п. файлы копируются на отдельный машинный носитель информации). Распечатки файлов, как и машинные носители информации с их копиями, хранятся вместе с протоколом осмотра в качестве приложений (Гридюшко, П.В. Методика расследования уголовных дел о распространении порнографических материалов с использованием компьютерной техники в сети Интернет, локальных сетях : пособие / П.В. Гридюшко, И.Г. Мухин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – С. 28).

Все следы, обнаруженные следователем при производстве осмотра, должны сопоставляться с иными доказательствами, собранными по уголовному делу (например, с результатами снятия информации с технических каналов связи, осмотров удаленных ресурсов, осмотров иных СКТ и машинных носителей информации, а также иных ОРМ и следственных действий), что прямо предусмотрено ч. 2 ст. 103 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (Гридюшко, П.В. Методика расследования уголовных дел о распространении порнографических материалов с использованием компьютерной техники в сети Интернет, локальных сетях : пособие / П.В. Гридюшко, И.Г. Мухин ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Акад. МВД, 2014. – С. 28). Выводы следователя могут быть изложены в справке о результатах предварительного расследования по уголовному делу, иных документах (рапортах, справках).

Таким образом, к основным уголовно-процессуальным средствам доказывания умысла подозреваемого (обвиняемого) на распространение порнографических материалов в сети Интернет относятся: производство осмотров средств компьютерной техники и машинных носителей информации, изъятых у последнего; допрос подозреваемого (обвиняемого); производство следственного эксперимента по результатам допроса, а также анализ полученных в ходе производства указанных выше следственных действий доказательств.

УДК 343.985

А.Г. Школьник, курсант факультета милиции
Научный руководитель – кандидат юридических наук
Д.Н. Лахтиков

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЛИЧНОСТИ ВЗЯТКОДАТЕЛЯ И ВЗЯТКОПОЛУЧАТЕЛЯ

В современных демократических государствах сложилась определенная система мер по борьбе с взяточничеством, основанная на признании права гражданина на четкое исполнение государственным служащим своих обязанностей. В связи с тем, что борьба со взяточничеством из года в год на постсоветском пространстве становится все актуальней, на наш взгляд, необходимо изучить и проанализировать личность преступников, участвующих в данном общественно опасном деянии.

Изучение личности преступника относится к числу наиболее сложных проблем в криминологии. Нельзя признать организацию борьбы с преступностью успешной без глубокого исследования личности преступника как носителя причин их совершения. Личность преступника является основным и важнейшим звеном всего механизма преступного поведения.

Следует отметить, что личность преступника исследуется как криминологами, так и криминалистами. Определенные авторы выделяют личность преступника в качестве элемента криминалистической характеристики преступления, под которой понимается устойчивая и криминалистически значимая совокупность психологических и физических свойств и качеств, мотивационных установок, эмоциональной и рациональной сферы человеческого сознания, отразившихся в следах преступления в процессе его подготовки, совершения и сокрытия следов, а также его постпреступное поведение [1, с. 263]. Действенным подходом в изучении и анализе личности преступника является комплексный подход к данной

проблеме, что означает рассмотрение термина «личность преступника» как в криминологическом, так и в криминалистическом аспекте.

Сотрудники оперативных подразделений ОВД, осуществляющие борьбу со взяточничеством, уделяют внимание свойствам и качествам личности преступника. Знания о них могут быть использованы как в целях успешного выявления, разоблачения преступников, так и при осуществлении индивидуальной профилактической работы среди определенной категории граждан.

Содержание характеристики личности взяточника составляет совокупность признаков, имеющих огромное значение для предупреждения, пресечения, выявления и раскрытия, а также для профилактики преступлений, их можно структурировать в три группы: социально-демографическую, уголовно-правовую, нравственно-психологическую.

Из числа социально-демографических признаков личности преступника определенное значение в оперативно-розыскной практике имеют пол, возраст, образование, семейное, должностное и социальное положение, материальная обеспеченность, проживание в городе или сельской местности.

В качестве наиболее значимых уголовно-правовых признаков личности преступника, совершающего взяточничество, выступают: устойчивость преступной деятельности, а также ее форма. К устойчивости относятся такие аспекты, как количество совершенных преступлений и судимость за них, длительность преступной деятельности, а к форме преступной деятельности относится единоличное или групповое совершение преступления.

Из числа нравственно-психологических признаков личности преступника наиболее существенными для выявления и раскрытия взяточничества являются: мотив и цель преступного поведения, нравственные свойства и психологические особенности личности преступника (типологические особенности личности преступника).

Выясняются обстоятельства, свидетельствующие о характере взаимоотношений взяткодателя и взяткополучателя, которые могут быть положены в основу построения версий о возможном оговоре должностного лица, об ошибке заявителя относительно намерений и др.

В криминологической литературе взяткодателей, исходя из ведущего мотива их преступной деятельности, относят к группе корыстных преступников. Так, М.Г. Миненок считает, что «взяточники относятся к группе „монокорыстных“ преступников, у которых однородная, „чистая“ корысть не связана с агрессивностью, насилием и реализуется „тихим“ способом» [2, с. 101].

Однако существуют и иные точки зрения. По мнению Р.А. Гребенюка, при всем разнообразии форм и методов преступной деятельности

взяточников, ее неоднородности и различиях в психологических характеристиках личности преступников-взятодателей все они так или иначе вполне укладываются в две достаточно далеко отстоящие друг от друга типологические группы, что не исключает и существования «промежуточных» типов личности.

Так, Р.А. Гребенюк делит всех взятодателей на два типа. Первый тип личности – последовательно-корыстный. Для людей этого типа характерна активная и продолжительная преступная деятельность, которая наложила крайне негативный отпечаток на весь нравственно-психологический облик взяточника, где доминируют стяжательство и развращенность, сочетаемые с изоциренными и циничными формами социально однородных преступных нарушений закона [3, л. 134].

Чаще всего к этой группе относятся опытные и последовательные в своих действиях лица, которые не останавливаются ни перед какими преградами для достижения желаемого результата. Их отношение к содеянному хотя и имеет те или иные психологические оттенки, однако связано главным образом с поисками самооправдания и нравственного обоснования своих действий. Эти люди считают, что дача взятки – это всего лишь средство достижения цели.

Ко второй группе относятся взятодатели противоречиво-корыстного типа. Эти люди, как правило, имеют немало положительных черт, в них нет ярко выраженной отрицательной, откровенно корыстной доминанты преступного поведения. Противоречивость их характеристики проявляется в противопоставлении позитивным целям избранных преступных средств. К числу этих лиц относятся не только так называемые хозяйственные преступники, которые в интересах производства выбирают путь прямого и порой заведомо для них преступного нарушения закона, но и пассивные взяточники, которые не в силах отказаться от соблазна [4, с. 357].

Психологические особенности личности этого типа взяточников формируют и их субъективное отношение к содеянному. Если для первого из этих подтипов интересы производства создают психологическое обоснование безгрешности, нежелание осознать подлинно преступный характер сделки (взятка им рассматривается как наиболее простое средство достижения «производственных» целей), то второму не хватает нравственных сил и воли отказаться от того, чтобы решить вопрос в свою пользу. Эти люди, как правило, утешают себя тем, что об их поступке никто не узнает.

Данная типология преступников может использоваться при определении вида и размера уголовного наказания. Так, по отношению к противоречиво-корыстному типу оптимальной мерой наказания может стать штраф или наказание в виде условного срока лишения свободы. В случае дачи взятки лицом, принадлежащим к последовательно-корыстному типу, наказание может быть более строгим.

Личность и характер поведения взяткодателя – важные факторы, которые учитывает более опытный взяткополучатель. В преступной сделке «партнеров» объединяют не только деньги и обоюдные корыстные интересы, но и часто взаимное доверие друг к другу, уверенность в надежности. Откровенная нацеленность на результат у взяткодателя может вызвать определенные опасения его ненадежности у взяткополучателя. В таком случае действия взяткодателя останутся в рамках покушения на дачу взятки.

Взяткополучателями чаще всего оказываются должностные лица, как уже было отмечено, занимающие ответственное служебное положение с большими властными полномочиями. Часто они бывают связаны по роду своей деятельности с представителями коммерческих структур. Как правило, это люди с высшим образованием и высоким уровнем профессионального опыта и знаний, нередко пользующиеся уважением и авторитетом. Ими могут быть государственные служащие, должностные лица государственных, а также коммерческих и некоммерческих общественных организаций, учреждений и предприятий, например президенты фондов, генеральные директора товариществ и др. Довольно часто в настоящее время взяткополучателями становятся должностные лица организации – потенциального заказчика. Подобного рода взятка (бизнес-взятка) распространена в основном в сферах с высокой конкуренцией: компьютерный и рекламный бизнес; торговля оргтехникoй, мебелью, канцелярскими товарами; ремонт помещений и др. Становясь взяткополучателями, перечисленные категории служащих используют свое должностное положение, знания психологии общения, умение наладить психологический контакт с взяткодателем или иными лицами в своих интересах.

В личности взяточников (главным образом взяткополучателей) чаще всего преобладают элементы корысти, стяжательства, неразборчивости в средствах повышения материального положения, желания быстрой и легкой наживы, безответственности и правового нигилизма. В настоящее время происходит все большее преступное сближение лиц, располагающих крупными денежными средствами, часто добытыми мошенническим и иным криминальным и связанным с преступным миром путем, и должностных лиц, наделенных соответствующими властными функциями. Для такого рода преступлений самостоятельным элементом их криминалистической характеристики может быть устойчивая и достаточно организованная группа взяточников, действующая в течение длительного времени. В этих случаях важное криминалистическое значение имеют данные о численности и связях группы, характере преступного сговора между ее участниками, распределении ролей с учетом властных полномочий каждого, мерах по нейтрализации контролирующих и надзирающих органов и т. д.

В то же время нельзя отрицать наличие субъектов, которые участвуют в коррупционных преступлениях, испытывая борьбу мотивов, а иногда и вопреки собственным убеждениям. К последним могут быть отнесены лица, вовлеченные в коррупционную деятельность путем шантажа, угроз или создания препятствий для достижения цели. Не секрет, что в ряде случаев чиновники для получения незаконного вознаграждения создают искусственные трудности для удовлетворения желаний просителей, осуществления ими своих законных прав. Это может заключаться в ссылках на недостаточность оснований для решения вопроса в пользу заявителя, несоответствие представленных документов предъявляемым требованиям, в создании другим образом впечатления, что возникшие проблемы не могут быть решены иначе как с помощью подкупа, выполнения иных незаконных действий в интересах чиновников. Нельзя не отметить, что субъекты коррупционных деяний из числа должностных лиц отмечаются достаточно высоким образовательным уровнем, обладают познаниями, позволяющими им скрывать истинный характер своей деятельности нередко в течение продолжительного времени.

Таким образом, чем выше степень образованности человека, тем выше вероятность совершения им взяточничества. Установлено, что наиболее активна во взяточполучении группа, имеющая высшее и неоконченное высшее образование. Это можно объяснить образовательным цензом для занятия должностей в государственных органах власти и управления. На втором месте по криминальной активности находится группа со средним специальным образованием. На третьем – группа с общим средним образованием. На последнем месте – группа с неполным средним образованием либо вообще без такового. Это объясняется не какой-то особенной ее моральной устойчивостью, а отсутствием возможности принять взятку ввиду отсутствия необходимого образовательного уровня для занятия государственной должности и приобретения властных полномочий. Поэтому под данную категорию уровня образования подпадают скорее взяткодатели.

Практика выявления противоправных деяний в рассматриваемой сфере свидетельствует о том, что многие экономические преступления совершаются высокообразованными и компетентными преступниками, сочетающими экономические, юридические, технические знания в целях как получения незаконного дохода или иных противоправных преференций, так и уклонения от ответственности. Как отмечает С.В. Ананич, несмотря на то, что рост образовательного уровня специалистов, государственных служащих должен выступать антикриминогенным фактором, удельный вес лиц с высшим и средним специальным образованием в числе участников экономических преступлений возрос и составляет около 60–65 %.

Одной из причин роста криминальной активности служащих в сфере экономики является их недостаточная правовая и криминологическая подготовка в образовательных учреждениях. Следовательно, при обучении специалистов для ключевых сфер жизни общества, включая управленческую и техническую, целесообразно преподавание дисциплин, обеспечивающих общую правовую подготовку, в том числе и криминологию.

Многие из коррупционеров весьма наблюдательны, знают психологию, что позволяет им вовлекать в коррупционную деятельность различных людей. Перечисленные качества, а также изобретательность, проявляемая при выборе способов совершения преступлений, позволяют прийти к выводу, что субъекты коррупции нередко характеризуются способностями быстрой оценки сложившейся ситуации, принятия решений в соответствии с условиями реальной обстановки и другими свойствами развитого логического мышления. Кроме того, следует отметить, что субъекты коррупционных преступлений из числа сотрудников юридических учреждений, кроме всего прочего, обладают специальными знаниями о приемах и методах доказывания, понимают значимость отдельных фактов для установления действительных обстоятельств, характера и участников исследуемого события, способов оказания противодействия предварительному расследованию и правосудию [5, с. 340].

Выявление личностных особенностей преступников, механизмов, обуславливающих их преступное поведение, и обеспечение предупредительного воздействия в период их формирования, воздействия, пресекающего реализацию, устраняющего дальнейшее их существование, рассматривается в настоящее время многими учеными как один из перспективных подходов к практике борьбы с преступностью. Поэтому изучение личности должностных лиц, совершивших преступления, необходимо не только для того, чтобы пополнить криминологические знания о них, но и вооружить правоохранительные органы этими знаниями, на основе которых должны осуществляться предупредительные мероприятия в целях недопущения совершения таких преступлений.

1. Хамицева, Д.В. Криминалистическая характеристика взяточников / Д.В. Хамицева // Молодой ученый. – 2014. – № 1. – С. 263–265.

2. Миненок, М.Г. Корысть: криминологические и уголовно-правовые проблемы / М.Г. Миненок, Д.М. Миненок. – СПб., 2001 – 204 с.

3. Гребенюк, Р.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика взяточничества : дис ... канд. юрид. наук / Р.А. Гребенюк. – Ставрополь, 2004. – 265 с.

4. Криминология : учеб. для вузов / В.Д. Малков [и др.] ; под ред. В.Д. Малкова. – М. : Юстицинформ, 2006. – 528 с.

5. Криминология : учебник / А.И. Долгова [и др.] ; под общ. ред. А.И. Долговой. – М. : Норма, 2008. – 912 с.

И.М. Якуш, курсант следственно экспертного факультета
Научный руководитель – кандидат философских наук,
доцент *А.А. Козел*

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Сознание является одним из основных понятий, характеризующих основной компонент человеческой психики. Функционирование сознания дает человеку возможность вырабатывать знания о связях и закономерностях объективного мира, ставить цели, определяющие его деятельность, регулировать и контролировать эмоциональные, рациональные и мотивационно-поведенческие отношения с действительностью, определять ценностные ориентиры своего бытия и творчески преобразовывать условия своего существования.

На основе анализа позиций различных ученых А.Г. Спиркин рассматривает сознание как свойственную только человеку и связанную с определенными функциями мозга форму обобщенного, оценочного и целенаправленного психического отражения и конструктивно-творческого преобразования действительности, влекущую за собой регулирование человеком своего поведения и его самоконтроль [1, с. 83]. В трактовках сознания, предлагаемых на современном этапе, указывается, что это высшая, свойственная лишь человеку форма отражения объективной действительности, способ его отношения к миру и самому себе, опосредованный различными формами общественно-исторической деятельности людей.

Переходя к правосознанию, стоит отметить, что оно выступает элементом единой системы общественного сознания, представляет собой феномен, который, с одной стороны, подчинен общим для всех форм общественного сознания закономерностям формирования и функционирования, с другой – имеет специфику, позволяющую рассматривать его как относительно самостоятельное образование, выполняющее только ему присущие функции.

Правовые ценности формируются в единстве с моралью. Правосознание основывается на главенствующей в обществе морали, которая и определяет его содержание. Нравственное сознание может способствовать развитию одних правовых явлений и препятствовать формированию других. Очевидно, что сама категория правомерного включает в себя понятия добра и справедливости. Вместе с тем сфера нравственного сознания может охватывать и те порочащие человека поступки, которые не вызывают соответствующих юридических санкций и ограничений. Таким образом, нравственное сознание не всегда совпадает по предмету отражения с правовым. Кроме того, некоторые отношения

вообще не отражаются в праве, но достаточно подробно рассматриваются моралью. Правовые нормы диктуют обязательность правомерного поведения независимо от желаний субъекта, в то время как моральные требования в большинстве случаев учитывают внутренние мотивы поведения. Несоблюдение моральных правил не влечет никаких правовых последствий, в то время как невыполнение правовых требований чревато применением принудительной силы государства.

Политическое сознание содержит представления и идеи, которые связаны с реализацией властных отношений в обществе. Господствующие политические идеи нередко находят свое отражение в правовых требованиях. Таким образом, правовое сознание тесно взаимосвязано с политическим и моральным. Моральные требования как нормы более общего характера дают широкий простор для выбора варианта поведения. То должное поведение в правовой форме фиксируется, как правило, с большей определенностью и категоричностью и обеспечивается при необходимости принудительной силой государства.

На правосознание определенным образом воздействует и такой вид социального отражения, как философское сознание. Всякая правовая теория всегда исходит из тех или иных общих методологических установок, мировоззренческих принципов, которые предоставляет в ее распоряжение философское сознание.

Нужно отметить, что правосознание не просто отражает поведение людей, а вырабатывает определенные общеобязательные масштабы поведения, очерчивает рамки этого поведения, обосновывает необходимость установления определенного круга юридических прав и обязанностей участников общественных отношений.

В настоящее время в понятие «правосознание» в юридической литературе вкладывается различный смысл. Учеными выработано достаточно много понятий, но многие из них носят односторонний характер, затрагивают лишь часть проблемы. Одни ученые понимают под правосознанием отражение потребности в правовом регулировании определенных общественных отношений, установлении правового режима в обществе. Так, Г.С. Остроумов считает, что «правосознание – это представления, понятия, идеи, выражающие потребности в опосредовании поведения людей государственно-правовой волей» [2, с. 34]. Известный теоретик права Е.А. Лукашова понимает под правовым сознанием «форму общественного сознания, выступающую как система взглядов, убеждений, оценок, представлений, настроений, чувств данного класса либо общества, определяемую материальными условиями их жизни, направленную на установление правового режима в обществе, отвечающего интересам и целям этого класса либо общества» [3, с. 17]. Другие ученые определя-

ют правовое сознание как отражение субъектами действующего права и правовых явлений (причем разные авторы делают акцент либо на рациональных и эмоциональных компонентах правового сознания, либо на его социально-практической стороне). В.А. Бурмистров определяет правосознание как «выражение отношения личности и общества к праву, законности, социальной справедливости и прогрессу в целом» [4, с. 21].

Некоторые авторы при определении правосознания акцентируют внимание на его практической, регулирующей функции. Например, И.Е. Фарбер считает, что «правосознание есть форма общественного сознания, представляющая собой совокупность правовых взглядов и чувств, обладающих нормативным характером и включающих в себя как знания правовых явлений, так и их оценку с точки зрения классово-справедливости, а также новые требования, отражающие экономические и политические потребности и интересы общественного развития» [5, с. 204–205]. Во многих определениях наблюдается тенденция к сочетанию названных подходов, т. е. наряду с характеристикой правового сознания как отражения действующего права в его понятие включается и правотворческий элемент.

А.В. Грошев предложил определение, в котором рассматривается правосознание как «способ: а) осознания с точки зрения общественных потребностей, интересов (классовых и общественных) необходимости в правовой регламентации определенных общественных отношений, установлении правового режима в обществе; б) отражения общественных отношений, урегулированных нормами права и нуждающихся в правовом регулировании, а также юридических норм, правоотношений и других правовых явлений, связанных с действием права и составляющих правовую надстройку общества; в) регулирования поведения людей – участников общественных отношений, выступающего, с одной стороны, источником права, а с другой – средством психологического воздействия на сознание граждан» [6, с. 11–12]. Можно рассматривать определение правосознания как социологической категории. Правовое сознание представляет собой взгляды, идеи, мысли, представления, убеждения, ценностные ориентации людей, которые выражают знание, понимание и классовое осознание необходимости установления и функционирования определенного правопорядка в обществе, действующего права, отношение к его требованиям, проявляющееся в форме активных социально значимых действий в сфере общественных отношений, как урегулированных нормами права, так и требующих такого регулирования.

Обратим также внимание на тот факт, что во всех приведенных выше определениях отсутствует такой важный компонент правосознания, как правовая самооценка, т. е. умение критически оценивать свое поведение с точки зрения его соответствия нормам и принципам права, особенно

в момент формирования и выбора вариантов поведения в той или иной жизненной ситуации. Самооценка может завершаться формированием чувства удовлетворения собственным поведением, когда оно соответствует правовым требованиям, или же, наоборот, отрицательным отношением к собственным деяниям, пониманием того, что были нарушены права и законные интересы других лиц, а значит, и правопорядок в обществе. Именно правовое сознание аккумулирует в себе все психические процессы, свойства и состояния, которые проявляются в конкретном поведении как результат сформировавшихся правовых установок и ценностно-правовых ориентаций личности.

С учетом всех вышеизложенных мнений и представлений о правосознании можно охарактеризовать правосознание как социокультурно обусловленную форму активного психического отражения личностью, социальной группой, обществом в целом правовой жизни общества в ее эволюции, определяющую рациональное, эмоциональное и мотивационно-деятельностное отношение субъектов к правовым явлениям.

Подводя итог, можем сказать, что в юридической литературе отсутствует единый подход к понятию «правовое сознание», которое необходимо для уяснения природы правового сознания, его сущности, социальной роли и назначения в правовом регулировании общественных отношений; являясь одной из форм общественного сознания, правосознание обладает специфическим предметом правового регулирования, выражается через особые правовые категории. Важным компонентом правового сознания является правовая самооценка; правовое сознание тесно взаимодействует с иными формами общественного сознания (философским, политическим, моральным, эстетическим и т. д.).

1. Спиркин, А.Г. Сознание и самосознание : учеб.-метод. пособие / А.Г. Спиркин. – М. : Политиздат, 1972. – 303 с.

2. Остроумов, Г.С. Правовое сознание действительности / Г.С. Остроумов. – М. : Наука, 1969. – 174 с.

3. Лукашѐва, Е.А. Правосознание и законность в социалистическом обществе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Е.А. Лукашѐва ; АН СССР, Ин-т государства и права. – М., 1973. – 29 с.

4. Бурмистров, В.А. Правовая культура и перестройка. / В.А. Бурмистров. – Киев : Знание, 1989. – 48 с.

5. Фарбер, И.Е. Правосознание как форма общественного сознания / И.Е. Фарбер. – М. : Юрид. лит., 1963. – 206 с.

6. Грошев, А.В. Уголовный закон и правосознание (теоретические проблемы уголовно-правового регулирования) / А.В. Грошев. – Екатеринбург : ЕВШ МВД РФ, 1994. – 240 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Бильдис Я.Т.</i> Становление и развитие условий отбывания наказания в Российской империи	3
<i>Божко П.А.</i> Реализация принципов оперативно-розыскной деятельности в работе подразделений по борьбе с экономическими преступлениями	6
<i>Бокшиц А.М.</i> Субъективные обязательства, ответственность за разглашение и посягательство на коммерческую тайну	11
<i>Вислобов Е.Д.</i> Основные виды и формы взаимодействия правоохранительных органов в сфере обеспечения экономической безопасности в Республике Беларусь	17
<i>Воинов Д.О.</i> Анализ объективных и субъективных признаков преступления, предусмотренного ст. 328 Уголовного кодекса Республики Беларусь	22
<i>Войтюль С.В.</i> Гражданско-правовая защита объектов авторского права и смежных прав в сети Интернет	28
<i>Воловик С.А.</i> Место и правовое закрепление органов внутренних дел в системе обеспечения экономической безопасности в государствах – членах договора Единого экономического пространства	34
<i>Герасименко Р.В.</i> Династическая борьба в ВКЛ в конце XIV ст. и ее влияние на внешнеполитическое положение страны	41
<i>Глухов Д.Н.</i> Исходные оперативно-розыскные ситуации при изготовлении, хранении, сбыте поддельных денег или ценных бумаг. Выдвижение версий и особенности планирования начального этапа расследования	47
<i>Голуб И.Т.</i> Вопросы ответственности за мошенничество в сфере хозяйственной (предпринимательской) деятельности	53
<i>Грузинский Д.В.</i> Особенности службы в органах внутренних дел Республики Беларусь как вида государственной службы	58
<i>Данилов Н.В.</i> Научные подходы к сущности и понятию гражданского иска в уголовном процессе	64
<i>Демидович А.Н.</i> Особенности возбуждения уголовных дел о фальшивомонетничестве	69
<i>Дроздов Д.А.</i> Некоторые аспекты проведения оперативно-розыскного мероприятия «оперативное внедрение»	75
<i>Жихарев Ю.П.</i> Органы внутренних дел в механизме реализации функций государства	81
<i>Игнатович С.Н.</i> Законность в государственном управлении правоохранительными органами	87
<i>Касперович Н.С.</i> Законность и правопорядок в современном обществе: соотношение и проблемы укрепления	93
<i>Климович Е.А.</i> Индивидуальная оперативно-розыскная профилактика, осуществляемая оперативными подразделениями органов внутренних дел Республики Беларусь	98
<i>Ковальчук М.В.</i> Правовые основы защиты беженцев и лиц, ищущих убежище в Европейском союзе	104

<i>Ковальчук М.В.</i> Субъективные признаки причинения имущественного ущерба без признаков хищения (ст. 216 Уголовного кодекса Республики Беларусь)	109
<i>Ковчик В.Н.</i> Становление ювенальной юстиции в России	114
<i>Колупанович М.В.</i> Некоторые аспекты личного планирования деятельности оперативного сотрудника	121
<i>Косонов П.А.</i> Использование возможностей программного обеспечения при расследовании преступлений против информационной безопасности	127
<i>Костючук Е.В.</i> Ретроспективный анализ оборота наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов и прекурсоров	133
<i>Кохнюк Е.Г.</i> Актуальные вопросы использования биометрических технологий в экспертно-криминалистической деятельности	138
<i>Кравец В.В.</i> Вовлечение несовершеннолетних в преступление и антиобщественное поведение: вопросы уголовной ответственности	143
<i>Куликович А.А.</i> Некоторые вопросы определения административно-правового режима оборота оружия	149
<i>Куцко Е.Ю.</i> Криминалистические критерии оценки специальных средств ударно-раздробляющего действия	154
<i>Кучинский Е.В.</i> Взаимодействие подразделений БЭП ОВД с оперативными подразделениями ОФР Республики Беларусь при решении задач борьбы с экономической преступностью	159
<i>Лозко И.О.</i> Проверка как основной метод контроля в сфере налогообложения	165
<i>Лукьян В.Г.</i> Проблемы использования материалов оперативно-розыскной деятельности	171
<i>Медведев С.А.</i> Оперативно-розыскная деятельность в информационном пространстве: перспективные направления	176
<i>Михеенко А.А.</i> Теоретические основы института соучастия в преступлении	180
<i>Москалюк В.И.</i> Генезис оперативно-розыскного мероприятия «контроль в сетях электросвязи»	187
<i>Петлицкий С.В.</i> Совершенствование правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям на конфиденциальной основе	192
<i>Подомацкий Д.Н.</i> Помещение граждан, противоправно потребляющих наркотические средства, в лечебно-трудовые профилактории как мера административно-правового противодействия наркомании	198
<i>Резников А.Д.</i> Тактические особенности проведения осмотра места происшествия по уголовным делам о нарушениях правил охраны труда	203
<i>Рыбаков А.Г.</i> Борьба с детской порнографией в сети Интернет	209
<i>Самак А.А.</i> Правовое регулирование оперативного эксперимента в Республике Беларусь и зарубежных странах: сравнительный анализ	213
<i>Самусев Н.М.</i> Принципы тактики охраны общественного порядка	218

<i>Самусев Н.М.</i> Противодействие незаконному обороту наркотиков в сети Интернет	224
<i>Сидорук В.В.</i> Доктринальное толкование определения понятия торговли людьми	229
<i>Судариков В.В.</i> Взаимодействие общественных организаций с органами внутренних дел в охране общественного порядка	236
<i>Сягло С.С.</i> Ситуации, возникающие в процессе выявления взяточничества в таможенных органах	244
<i>Терешёнок П.Д.</i> Генезис института необходимой обороны	250
<i>Терешёнок П.Д.</i> Некоторые вопросы правового статуса Следственного комитета Республики Беларусь как органа государственного управления	256
<i>Теслёнок А.Ю.</i> Общественная опасность преступлений в сфере организации незаконной миграции	261
<i>Храпан Я.С.</i> О совершенствовании порядка направления в лечебно-трудовые профилактории отдельных категорий лиц	266
<i>Циунель О.П.</i> Правовое регулирование безопасности дорожного движения	272
<i>Цыганович И.В.</i> Сущность и правовая регламентация обязательства хранения в международном частном праве	277
<i>Чепелевич М.Н.</i> Оперативно-розыскное противодействие криминальному банкротству	282
<i>Чижигов И.С.</i> Организация расследования преступлений по горячим следам органами внутренних дел и Следственным комитетом	288
<i>Шашков Н.В.</i> Уголовно-процессуальные средства доказывания умысла на распространение порнографических материалов в сети Интернет	294
<i>Школьник А.Г.</i> Теоретические аспекты и актуальные вопросы характеристики личности взяточдателя и взякополучателя	299
<i>Якуш И.М.</i> Правосознание как форма общественного сознания	305

Научное издание

**СБОРНИК СТАТЕЙ
ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА НАУЧНЫХ РАБОТ,
ВЫПОЛНЕННЫХ ОБУЧАЮЩИМИСЯ
АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В 2017 ГОДУ**

Подписано в печать 12.10.2017. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 18,14. Уч.-изд. л. 18,68.
Тираж 30 экз. Заказ 303.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск.